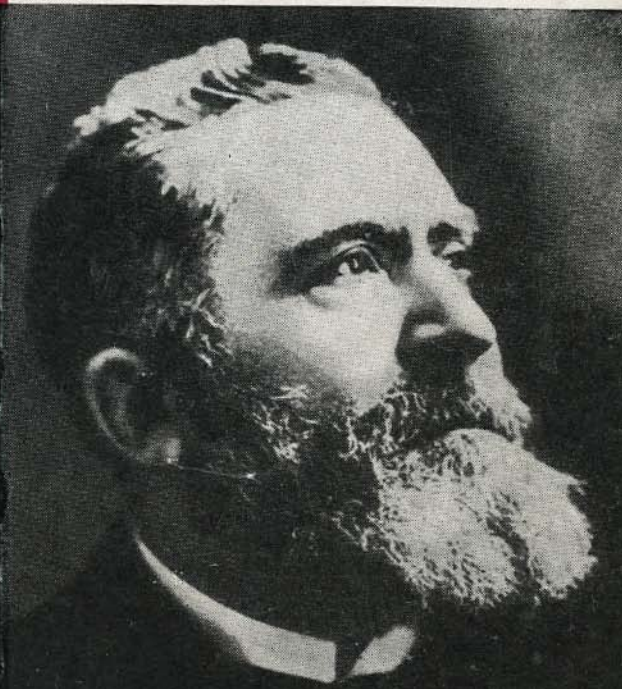

ЖАН ЖОРЕС

Николай
Молчанов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
И. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 15

(472)

Николай Молчанов

ЖАН ЖОРЕС

Издание 2-е, дополненное

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986

РОДИНА, СЕМЬЯ

Некоторые французские биографы уверяют, что ключ к пониманию личности Жореса в том, что он уроженец Южной Франции, выходец из старинного Лангедока, страны солнца, винограда и свободолюбия. Хотя это, по-видимому, преувеличение, родина с ее особенностями и традициями неизбежно оставляет на человеке неизгладимую печать своего влияния.

Когда говорят, что Франция не страна, а цветущий сад, то речь идет прежде всего о Лангедоке.

Это средиземноморская Франция, берега ее, низменные в Лангедоке и гористые в Провансе, омываются теплым южным морем. В Лангедоке солнечных дней в году больше, чем где-либо во Франции. Летом здесь жарко, как в Северной Африке. И только зимой холодные северные ветры, особенно свирепая трамонтана, да сильные осенние ливни омрачают настроение его жителей. Разумеется, если не говорить о других заботах, которых всегда было достаточно у населения этого благословенного края. Как раз в годы юности Жореса бедствие обрушилось на основной источник существования его земляков-крестьян: на виноградники. Эпидемия филлоксеры уничтожала их почти целиком и разоряла мелких виноградарей. Да и в обычное время крестьянин мог рассчитывать на относительно благополучие, только если он не обременен большой семьей. Поэтому так сокращалось население. Все труднее становилось и тем, кто кормился за счет полукустарной текстильной промышленности Лангедока, обрабатывавшей шерсть, овчины и шелк. Нечего и говорить о горняках, на долю которых почти не доставалось горячего средиземноморского солнца, поскольку они проводили большую часть суток в сырых угольных шахтах. Возмущение и отчаяние шахтеров прорывалось в забастовках, вспыхивавших здесь время от времени.

И все же, хотя жизнь была трудна и под солнцем

юга, жители южной Франции заметно отличались от соотечественников-северян. Крестьянин северной Франции замкнут, молчалив, он как бы весь ушел в землю. Крестьянин Лангедока, напротив, сохраняет жизнерадостность, острый ум, любовь к веселой шутке. Он экспансивен и склонен к некоторой театральности в выражении своих настроений.

Стендаль как-то заметил, что, кого интересует подлинно французский ум — Франция Монтеня, — тому надо отправиться на юг страны. Он уверял, что в Лангедоке люди отличаются умом, деликатностью, склонностью к романтике и приключениям.

Что касается приключений, то на долю Лангедока их выпало достаточно за много веков драматической истории древней южной провинции. Еще до того, как ее завоевали римляне, здесь обосновываются финикийцы и греки. Через юг Франции античная культура проникла на варварский север. Естественно, что особенно глубокие корни она пустила в Лангедоке. Южнофранцузская, или провансальская, народность стояла во главе культурного развития Европы. Она первая во Франции выработала литературный язык: лангедок (*langue d'oc*). Здесь возникла поэзия, ставшая образцом для всех европейских народов, особенно романских. Даже в эпоху глубочайшего средневековья местная культура сохраняла блеск античности. Правда, в XV веке юг был окончательно покорен французами севера, против которых южане отчаянно боролись несколько веков. Провансальский язык низводится до степени местных диалектов, одним из которых, кстати, владел наш Жорес. Как бы то ни было, вклад Лангедока в развитие национальной культуры Франции огромен. В области культуры южане взяли реванш за поражение в борьбе с севером.

Истоки демократических, свободолюбивых традиций жителей Лангедока и Прованса, традиций, которые проявляются вплоть до наших дней на каждых всеобщих выборах, лежат в глубине веков. Феодалный строй в Лангедоке никогда не был столь прочен, как в северных провинциях Франции. Многие мелкие собственники сохраняли свою независимость, большая часть крестьян пользовалась личной свободой. Города управляются самостоятельно, их зависимость от сеньоров сильно ограничена, они сами вершат судебную власть. Многих феодалных привилегий и пошлин здесь не существовало.

Городские коммуны не задумываясь пускают в ход оружие в борьбе против феодалов.

Церковь на юге также располагала весьма ограниченной властью. Реформация достигает в Лангедоке исключительного размаха. Среди населения очень много протестантов. Еще раньше здесь возникает так называемая тулузская ересь, или альбигойство, — крупнейшее проявление широкого движения против власти церкви. Нигде во Франции борьба против католицизма не достигала такого размаха, как в Лангедоке. На протяжении всего XVI века не утихают религиозные войны. Лангедок — родина знаменитых борцов за свободу мысли Каласа и Ванини.

Во всех крупнейших событиях истории Франции на первых ролях очень часто фигурируют выходцы с юга. Юг выдвинул множество прославленных деятелей политики, культуры, науки. Среди них Мюрат, Мирабо, Гамбетта, Монтень, Гизо, Лафайет, Лаперуз, Конт, Ривароль, Энгр, Бланки и другие. Наполеон, родившийся на Корсике, тоже южанин. Что касается времени Жореса, то и тогда многие крупнейшие политики Третьей республики — уроженцы юга.

Ясно, что все это не было просто случайностью. Личность и судьба Жореса связаны в какой-то мере с традициями и особенностями средиземноморской Франции вообще и Лангедока в частности. Во всяком случае, его вполне можно назвать достойным сыном этой изумительной области Франции, жители которой так любят красноречие, логику, ясность, музыку гармонически звучащих фраз; отличаются таким здравым смыслом и добрым правом, природным энтузиазмом и любовью к свободе, склонностью к поэзии и романтике.

Разумеется, можно лишь догадываться о том, как родина Жореса влияла на формирование его духовного облика. Но сам факт такого влияния отрицать, конечно, невозможно. Разве случайны такие черты Жореса, как способность к поэтическому восприятию жизни, склонность к романтизму, его любовь к литературе, к античной классике и страстное стремление к высоким духовным идеалам? Как много в этом тех замечательных и самобытных элементов французской культуры, родина которых Лангедок! Жорес горячо любил родные места до конца своей жизни. Он восхищался родной природой юга, хорошо знал его культуру и историю. С подъемом

и гордостью он говорил в парламенте спустя много лет о «XII и XIII столетиях, когда наша неустрашимая и пылкая южная Франция подвинулась против деспотизма церкви».

Но обратимся, однако, к конкретным фактам жизни Жореса. Он родился в маленьком городе Кастр, в департаменте Тарн. В книге записей о крещении церковного прихода Сен-Жан-де-Вильжуду этого города имеются такие строчки:

«В году тысяча восемьсот пятьдесят девятом 6 сентября был крещен в этом приходе Огюст-Мари-Жозеф-Жан, родившийся 3-го числа этого месяца, сын Жан-Анри-Жюль Жореса и его супруги Мари-Аделаиды Барбаза, состоящих в браке, проживающих на улице Реклюзан...»

Рождение первого ребенка после шести лет брака, событие радостное само по себе, помогло ослаблению неприязни, которую испытывала семья Аделаиды Барбаза к ее замужеству. Ведь Аделаиде с большим трудом удалось получить согласие родителей на брак с Жюлем Жоресом. Они мечтали о более уважаемом, а главное, о более состоятельном зяте. Прадед Жана Жореса по материнской линии, поселившийся в Кастре в 1758 году, преуспевал в торговле шерстяными тканями, его сын уже владел фабрикой, изготовлявшей отличное сукно. Словом, в масштабах Кастра это было весьма солидное буржуазное семейство. Среди родственников Жана по материнской линии выделялся Жозеф Сальвейр, дед его матери. Он был одно время мэром Кастра, а потом профессором философии местного коллежа. Он имел репутацию просвещенного человека в вольтерьянском духе, и говорили, что Аделаида в некоторой степени унаследовала от него это качество.

Но родители матери Жана были не совсем справедливы в своем отрицательном отношении к зятю. Конечно, их красивая, рыжеволосая, веселая дочь могла найти мужа побогаче. Но они забывали, что Аделаида вышла замуж, когда ей уже исполнилось тридцать лет. Для их засидевшейся в девушках дочери Жюль Жорес, имевший репутацию серьезного и честного человека, общительного, приятного и славившегося в округе незаурядной физической силой, был удачной партией. А главное — Аделаида любила его.

Кроме того, семейство Жоресов отнюдь не уступало

роду Барбаза в происхождении и родственных связях. Первый из Жоресов, оставивший следы, обосновался неподалеку от Кастра еще в середине XVII века и занялся ремеслом, связанным с обработкой шерсти и ее продажей. Его потомки промышляли тем же, отходя все больше от крестьянства и вступая в круг буржуазии. Среди родственников Жана по отцу было немало таких, какими не могли бы похвастаться и более богатые Барбаза. Здесь есть крупный фабрикант, епископ, адвокат. Два двоюродных брата его отца стали адмиралами. Один из них, Бенжемен-Констан Жорес, был послом в Санкт-Петербурге и Мадриде и умер морским министром.

Словом, у родителей Аделаиды Барбаза не было особых оснований кичиться перед зятем происхождением и знатностью своего рода. В одном они имели превосходство: у них водились деньги, и немалые. А Жюль Жорес оказался незадачливым мелким коммерсантом. Он закупал товары на ярмарке в Бокере, потом продавал их в Кастре и его окрестностях, поставляя гравий для постройки дорог. Но эти торговые операции приносили мало дохода. К тому же и его богатырское здоровье стало сдавать. Через два года после женитьбы, в 1854 году, Жюль Жорес приобрел ферму Федиаль с шестью гектарами земли в четырех километрах от Кастра. На покупку земли и постройку маленького четырехкомнатного дома и амбара пошло приданое Аделаиды; родители дали за ней 12 тысяч франков. Молодые супруги вскоре переехали в Федиаль, хотя и сохранили за собой квартиру в Кастре.

Детство Жана прошло на ферме Федиаль, среди полей, холмов, виноградников солнечного Лангедока. Семья Жореса, несмотря на ее явно буржуазное происхождение, вела жизнь, мало отличавшуюся от образа жизни крестьян среднего достатка. А это значит, что Жюль Жорес, его супруга, старший сын Жан и его брат Луи, родившийся годом позже, жили на грани бедности. Может быть, им и удавалось бы как-нибудь сводить концы с концами, если бы не болезнь главы семейства. Судьба все больше отворачивалась от Жюля Жореса, человека очень непрактичного с точки зрения его богатых родственников. Он совсем не походил на главу семьи с твердой рукой. Но Жан и Луи любили своего доброго отца, хотя он и не пользовался у них особым авторитетом. Видимо, от отца Жан унаследовал черты, которые иногда сказывались в нем и много позже: нерешительность и колеба-

ния в сложных обстоятельствах, стремление получить одобрение своих поступков, уныние при неудачах. Так же как и замечавшийся уже в детстве нервный тик в одном глазу и периодические головные боли.

Но это отнюдь не значит, что речь идет о какой-то болезненной натуре. Нет, Жан был здоровым мальчиком, здоровым физически и морально. Внешне он ничем не отличался от крестьянских детей. Коренастый и розовощекий, Жан получил в детстве прозвище Толстяк. А на долю его брата выпала кличка Рыжий. Младший брат отличался беззаботностью. Жанно, как его звали тогда, а также и позже, был серьезнее, глубже, сложнее. Хотя и по-разному, но оба брата росли жизнерадостными, добрыми и трудолюбивыми. В этом последнем качестве Жанно, впрочем, явно превосходил младшего брата.

Душевым здоровьем и цельностью натуры, добродушием и мягкостью — всеми этими драгоценными свойствами, которые Жорес сохранил до конца жизни, он был обязан своей матери. Она достойна той постоянно нежной любви, которую Жан испытывал к ней на протяжении всей своей жизни. Это она была душой и подлинной главой семьи. Аделаида создавала атмосферу согласия, дружбы, взаимной заботы, которые объединяли всех четверых: мать, отца и двух сыновей. Ее самоотверженная преданность материнскому долгу, интересам семьи сама по себе служила сильным средством морального воспитания сыновей. Она не жалела времени и сил, чтобы они были сыты и одеты. А это было нелегким делом в тех стесненных обстоятельствах, в которых оказалась семья из-за болезни отца. Она без конца штопала и перешивала курточки своих мальчиков. Она отдавала им все и никогда не жаловалась на судьбу. Ее жалкие драгоценности были проданы, зато сыновья находили в своих карманах мелкие монеты. Но важнее всего была для них беспредельная доброта, жизнерадостность, передававшиеся детям и формировавшие их души.

Врожденная мягкая терпимость пронизывала ее отношение к жизни. Аделаида была католичкой, она добросовестно соблюдала обряды, но никогда не проявляла религиозного ханжества, фанатизма, нетерпимости. Мать Жореса — образец тех французских матерей, о которых он говорил позднее, что с религией их связывают лишь традиции и отсутствие какого-либо иного мировоззрения. Ведь религия освящала крупные события их жизни: за-

мужество, рождение детей, смерть. «И они не считали себя вправе, — писал Жорес спустя много лет, — прервать в отношении детей ту традицию, с которой они не порывали сами. Пусть дети воспитываются свободно, вместе с другими детьми, принадлежащими к любой религии или не принадлежащими ни к какой, пусть их воспитывают учителя, которые научат их размышлять и мыслить, которые не скрывают от них творений человеческого духа, завоеваний и гипотез науки! Жизнь и свобода, эти великие воспитательницы, будут иметь в конце концов последнее слово».

Так и случилось с Жаном, еще в юности ушедшим от церкви, чему мать нисколько не противилась. Словом, над сознанием юного Жореса не тяготел духовный гнет, хотя его семья и не отличалась свободомыслием. Политические симпатии родственников Жана не оказали на него какого-либо серьезного влияния. Его не увлекли ни монархические взгляды отца, который был орлеанистом, ни легитимистские симпатии его дяди адмирала Шарля Жореса, ни умеренно-либеральные воззрения другого дяди, адмирала Бенжамена Жореса, ни крайне националистические склонности брата матери Луи Барбаза. И если верно то, что в семье Жана ничто не могло расположить его к социализму или даже к левому республиканизму, то не менее верно также и отсутствие сильного противоположного воздействия. Влияние матери, породившее в нем ощущение духовной свободы, было здесь, пожалуй, важнее всего.

Но Жанно рос, и его любознательный взор устремлялся все дальше, далеко за пределы семьи и фермы Федиаль. Он видит вокруг живописные ландшафты родного департамента Тарн, расположенного в плодородном бассейне Гаронны. В детстве романтический склад характера Жореса проявился в страстной любви к природе. Он с восхищением замирал и вслушивался в журчание ручья, в стрекот кузнечика, в светлый металлический звон колокольчика лошади. Во время бесконечных прогулок по окрестностям отцовской фермы Жанно часто останавливал младшего брата и радостно звал его любоваться красками пейзажа, где, как на палитре художника, смешивались красный цвет черепичных крыш крестьянских домов, пышная зелень деревьев, покрывавших склоны холмов, желтизна созревшей пшеницы и бездонная голубизна южного неба. Жан с восторгом открывал в при-

роде новые линии и краски, улавливал новые звуки деревенской жизни...

С любопытством он провожает взором фигуры людей. Чаще всего это крестьяне, копошащиеся у своих виноградников. Вот он видит старуху, согнувшуюся под тяжестью вязанки с хворостом, или встречается глазами через окно крестьянского дома со взглядом бедной пряжи, поднявшей на минуту голову при звуке его шагов; вот он кланяется старику, греющемуся на пороге под лучами солнца. Он жадно наблюдает тяжелую, но трогательную жизнь своих земляков. Надо отдать должное: с раннего детства Жорес не испытывает никакого отчуждения от них или превосходства над крестьянами. Он близок к земле так же, как и они. Он испытывает такие же чувства, желания, он думает, как они; он крестьянин, и он рад этому.

Любимым занятием Жанно были полевые работы. Он трудился наравне с детьми крестьян. Он помогает косить пшеницу, вяжет ее в снопы, нагружает повозку. Его кожа обожжена солнцем, как у любого крестьянского мальчишки. В детстве Жорес приобрел и сохранил на всю жизнь благоговейное уважение к труду земледельца, глубокую любовь к земле. Впоследствии он станет нередко повторять: «Я упрям, как мужик...» Да, по правде говоря, в нем всегда будет ощущаться просвещенный крестьянин. А не помогут ли нам в дальнейшем эти случайные, быть может, черты детства понять некоторые стороны характера или поступки Жореса?

...Приходит осень, и семья переселяется в Кастр. Вместе с Кармо и Альби это один из крупнейших городов департамента. Ведь в каждом из них до 20 тысяч жителей! После ярких красок деревни, с ее сочной, здоровой, хотя и тяжелой жизнью, Кастр выглядит серо, тускло. Старый камень узких улиц вызывает тоску по свободному простору полей и холмов. Жанно видит здесь другие картины. Перед ним снова простая жизнь, но уже без солнца и воздуха летнего Лангедока, без крупниц сельской патриархальной радости, без надежд на удачный урожай, без неожиданных даров природы. Наш малыш разглядывает другой мир: мелкие служащие, клерки нотариуса, чиновники. Рано утром по мостовой поспешно идут к заводу рабочие. Многие из них в старой рваной одежде, около их жилищ копошатся грязные, худые и бледные дети, а под порталом церкви Сен-

Сесиль дорогу загораживают протянутые руки нищих.

Как раз в пору безмятежного детства в его родные края вторгается наглая, жадная, шумная, все хватающая сила — капитал. И раньше в Тарне было множество кустарных мастерских, в которых шерсть и шелк превращались в ткани. Но эти карликовые заведения не меняли крестьянского облика края. Их труженики не порывали с землей. Теперь же Тарн вовлекается в иную преобразующую стихию, охватившую Францию, где вырастают заводы, протягиваются все новые шпальды железных дорог и воздвигаются новые крепости и замки финансовых феодалов — всеильные банки. В Кастре открываются их филиалы. Предприимчивый делец получает здесь кредит, землевладелец закладывает землю. Бешеное вращение капиталистической карусели начинает увлекать патриархальный Лангедок. Как оживляются жадные к деньгам люди! И даже периодические кризисы, внезапно останавливающие производство и торговлю, не могут сдержать еще сравнительно молодого, энергичного капиталистического великана.

Крупный капитал утверждается в Тарне в несколько архаичном облике старого дворянского рода Солажей. Они принадлежали к тем модернизированным дворянам, которые благополучно пережили революцию и, отбросив аристократическое презрение к буржуазным идеалам, связали свою судьбу с угольными копями, с железодельными и стекольными заводами. Кармо — их домен, а массы разорившихся крестьян Лангедока, ищущих кусок хлеба, — их нищие, но многочисленные вассалы-рабы. Предприятия барона Солажа меняют облик края. И кто мог себе представить, что толстощекий коренастый мальчуган в короткой курточке станет опасным политическим соперником могущественных баронов, а их рабочие — его избирателями, друзьями, нашедшими в нем своего вождя и свою надежду? Во всяком случае, пока ничто не свидетельствует о том, что уже зарождается какая-то близость Жореса к рабочим или вражда к хозяевам копей и цехов.

Первым крупным событием истории Франции, вызвавшим отклик в сердце юного Жореса, была франко-прусская война. Теперь братья часто бегали к дяде Луи Барбаза, участнику Крымской войны. Он рассказывал племянникам о сражениях и героях, о славе Франции.

Но увя, на этот раз вопреки его националистическому оптимизму на Францию обрушилось поражение. Позднее Жорес вспоминал, что ребенком в 12 лет он чувствовал боль в сердце из-за того, что не мог ничего сделать для родины. Он еще не знал тогда, что другой его дядя, Бенжамен Жорес, прославил семью, сражаясь против бошей в армии Луары, где он командовал двадцать первым полком. Жан возненавидел предателя Базена и наивно восхищался пламенными речами Гамбетты, призывавшего к битве за Францию.

Позорное поражение империи Луи Бонапарта вызвало повсюду во Франции, особенно в южных департаментах, в том числе и в Тарне, подъем республиканских чувств. Крестьяне и рабочие говорили здесь, что священники, дворяне и богачи сговорились с пруссаками. Неизвестно, произвели ли на мальчика впечатление Парижская коммуна или события, более близкие к Тарну, в Марселе и Тулузе, где также была провозглашена коммуна. В отличие от многих своих будущих товарищей-социалистов Жорес не связан непосредственно с героической эпопеей парижских рабочих.

ШКОЛА

— Как быстро растут дети! — удивляются соседи, встречая малышей Жана и Луи с книжками. Для них настала пора ученья. В хорошую погоду их видят за уроками в беседке из виноградных лоз или на корыте для водопоя скота у старого колодца. Зимой братья устраиваются у очага там же, где их мать лущит кукурузу. С того дня, как Жанно начал по слогам разбирать первые слова, учеба — его стихия. Куртка у него всегда запачкана чернилами, пальцы и даже нос тоже. Луи значительно прохладнее относится к занятиям. Поэтому он и выглядит рядом со старшим братом таким чистеньким.

Часто случается так, что главное влияние на человека оказывает не школа, а семья, друзья, случай. О Жоресе этого сказать нельзя. Учеба, которой он отдавался до конца, занимает огромное, пожалуй, решающее место в формировании его духовного облика.

Каждый день, кроме праздников и воскресений, братья идут за четыре километра в Кастр, в школу. Далеко не все их сверстники имеют счастье учиться. Обра-

зование во Франции отнюдь не было тогда всеобщим и тем более бесплатным. Впрочем, Жанно тоже не принадлежал к тем детям, у которых родители настолько богаты, что могли определять их в первоклассные коллежи. Семья Жореса на свои жалкие крохи сумела устроить братьев лишь в самое убогое и бедное учебное заведение Кастра, в крохотный частный пансион аббата Ренэ Сежаля. Этот типичный провинциальный священник учил детей латыни. Его педагогические методы, так же как и знания, отличались поистине евангельской нищетой. Сестра аббата — Клодина, учившая французскому языку, тоже была не из тех педагогов, которые способны вызвать любовь к учению. Надо было обладать неутолимой духовной жаждой, чтобы усваивать бесхитростную науку пансиона Сежаля, так же как надо было иметь всеокрушающий аппетит сельского мальчишки, чтобы глотать блюда, приготовленные Лизоттой, еще одной сестрой аббата, выполнявшей роль кухарки.

Жанно сразу и без особого труда занял место первого ученика. Даже сомнительные педагогические приемы аббата не смогли оттолкнуть его от ученья. Впрочем, строгий и суровый Ренэ Сежаль кое в чем разбирался. Нельзя не отдать должное его прозорливости. Это он первый обнаружил поразительные способности Жана и предсказал, что мальчик наверняка осуществит свою заветную мечту и станет почтмейстером.

Но за учебу в убогом пансионе Сежаля надо было платить деньги, которые Аделаида добывала лишь ценой больших усилий. Откуда же ей было взять гораздо более крупную сумму, чтобы оплатить учебу братьев в коллеже? Помог счастливый случай. Протекция адмирала Жореса обеспечила одну стипендию. Ее разделили на двух братьев. А часть оплаты великодушно взял на себя дед, бездетный холостяк Луи Барбаза. И вот в 1869 году Жан и Луи, одетые в одинаковую форму, обшитую красным кантом, впервые отправились в коллеж города Кастра. Здание коллежа стояло около старой башни монастыря кордельеров, в котором некогда трудился над своим бессмертным произведением Франсуа Рабле и где некоторое время жил Мольер.

Все семь лет учебы в коллеже Жан был первым учеником и каждый год получал высшие награды по латинскому, греческому, французскому, немецкому языкам, по истории, географии, естественным наукам, по риторике,

философии и, разумеется, религии. Учителя Жаана единодушно считали, что за всю свою историю коллеж не имел столь способного ученика. Помощник директора Огюст Дельпеш часто обсуждал с ним на переменах вопросы истории и литературы. Жители Кастра нередко наблюдали, как учитель философии Бринон прогуливается с учеником Жааном Жоресом, подолгу беседуя с ним о великих мировых проблемах. Преподаватель истории Имар уговаривал своего самого талантливого ученика заниматься изучением и описанием прошлого Лангедока.

Учителя восхищались Жааном, обнаруживая у него глубокий ум, зрелость суждений, легкость изложения и поразительные знания. К тому же мальчик отличался скромностью и простотой.

Он явно тяготел к гуманитарным наукам, но учитель математики Дор открыл в нем замечательную способность к логическому мышлению, а физик уверял, что Жорес мог бы сделать большую научную карьеру в области физики.

Школьная жизнь шла спокойно, повинаясь размеренному ритму давно заведенного порядка. Но однажды произошло событие, историческое для коллежа. Для Жореса оно закончилось триумфом, как бы предвосхитившим судьбу будущего великого оратора.

В этот день супрефект Тарна, дом которого стоял рядом с коллежем, испытывал истинную радость. Наконец-то он отомстит этому шумному заведению, обитатели которого вечно докучали ему, забрасывая свой мяч в его сад. Он мог заранее предупредить директора, что новый префект департамента решил посетить главное учебное заведение Кастра. Но чиновник злорадно сказал об этом лишь за час до визита, повергнув в панику всех педагогов. Каким образом сохранить репутацию коллежа в глазах представителя высшей власти, если для подготовки достойной встречи оставалось так мало времени?

Только преподаватель риторики Жерма сохранил полное присутствие духа. Он сразу вспомнил о недавнем успехе своего самого способного ученика, вызвавшего аплодисменты класса «Речью Верцингеторига, обращенной к Цезарю». Вообще-то великий вождь древних галлов не произнесил никакой речи, когда он вынужден был сдать римскому полководцу. Он лишь подъехал на коне к возвышению, на котором сидел Цезарь, сорвал с себя роскошные доспехи и смиренно сел у ног победителя, по-

ка не был заключен под стражу. Но почему не приукрасить историю, особенно с учебной целью и ради воспитания патриотических чувств учеников? Жорес блестяще справился со своей задачей и сразу приобрел репутацию самого красноречивого ученика. Поэтому его немедленно вызвали и, посадив в кабинет директора, велели приготовить приветственную речь.

Когда господин префект в мундире, расшитом серебром от каблучков до треуголки, быстро и торжественно вступил в школу, его встретили 150 учеников и десятка два дрожащих преподавателей. Объявили, что приветствие префекту прочитает ученик класса риторики Жаан Жорес. Из рядов вышел и неуклюжей крестьянской походкой направился к высокому гостю светло-рыжий коренастый мальчуган с листками бумаги в руке. Но, о ужас! Неужели у него нет штанов приличнее? А туфли! Они были перевязаны веревочками. Удивленный чиновник внимательно его рассматривал и, улыбаясь, приготовился слушать.

Маленький оратор заговорил. Его голос сначала звучал глухо и робко. Но, сказав несколько фраз, он воодушевился, глаза загорелись, и речь — уверенная, стройная, умная — полилась свободно. Конечно, не обошлось без привычных латинизмов. Но в целом это было так ярко и оригинально, что слушатели перестали замечать невзрачный вид ученика, а сам он так и не взглянул ни разу в свой текст...

— Поздравляю вас, профессор, с прекрасной речью, — сказал довольный префект, пожимая руку месье Жерма.

— Речь не моя, — отвечал преподаватель риторики. — Ее составил сам молодой Жорес.

Когда префект узнал, что он к тому же родственник адмирала и сенатора Жореса, то его удовольствие стало еще более полным. При случае будет приятный повод завести беседу с сенатором от своего департамента. Префект приказал директору удвоить обычный отдых учеников. Красноречие сверстника принесло им два дня свободы вместо одного. Теперь уже далеко за стенами школы часто говорили, что у этого мальчишки с фермы Федаль язык действительно здорово подвешен.

Жаан — признанная гордость коллежа. Его рвение порой даже вызывает раздражение некоторых преподавателей; он задает слишком много вопросов, и ему не раз приходилось выслушивать замечания:

— Придерживайтесь программы!

Жан и его младший брат Луи монополизировали все награды, раздававшиеся в конце учебного года. Правда, Луи не отличался такой страстью в учебе, как Жан. Но старший одновременно со своей программой проходил программу Рыжего. Он читал ему целые курсы лекций. Луи не любил истории и литературы, но Жан преодолевал эту неприязнь и тянул за собой брата. Зато благодаря этому он изучал математику, которой не было в классе риторики. Ведь Луи готовил себя к морской службе. Карьера двух адмиралов из семьи Жореса была заманчивым примером. Привлекала и перспектива близкой и реальной материальной обеспеченности. Что касается Жана, то он не думал об этом; его «практичность» не шла дальше неутолимой жажды знаний. Но это была та самая непрактичность, которая создает людей выдающихся.

Наибольшей удачей, которая выпала на долю Жореса в коллеже Кастра, была, однако, не многочисленная коллекция наград за успехи. Такой удачей оказался счастливый случай, открывший Жану дорогу к университетскому образованию. Однажды директор церемонно ввел в класс маленького сухого старичка с птичьей шеей, говорившего тонким голоском. Это был Феликс Дельтур, инспектор министерства просвещения, автор известных трудов по греческой и римской литературе, обладатель премии академии за сочинение о Расине. Он любил посещать провинциальные коллежи и лично экзаменовать учеников. Он искал таланты, как охотник преследует дичь, чтобы обогатить ими университет. Дельтур и на этот раз с интересом вглядывался в лица учеников. Вдруг из латинской книги, которую он взял со стола преподавателя, выпал лист бумаги. Инспектор стал его читать и, прочитав до конца, быстро спросил преподавателя:

— Кто писал этот текст?

— Ученик Жорес, который находится здесь, — ответил Жерма, узнав автора по почерку.

Жорес, повинувшись знаку преподавателя, испуганно встал и подошел к столу. Он ожидал замечания за неаккуратность. Но инспектор улыбался, перечитывая текст еще раз, и, протягивая его владельцу, заметил:

— У вас, мой друг, наверное, есть планы на будущее, поскольку вы так хорошо пишете на языке Цицерона?

— Когда я получу степень бакалавра, — бормотал

Жан, — я буду сдавать экзамен, чтобы занять должность на почте в Гарне.

— Вот как! — изумился инспектор. — Нет, это расточительство... Но мы еще поговорим о вашем будущем. Идите на место.

В кабинете директора Дельтур, собрав преподавателей, расспрашивал их о Жоресе, внимательно просматривал его тетради, а потом велел позвать этого лучшего, по общему мнению, ученика. Он два часа беседовал с ним.

— Все говорит о вашем предназначении, — закончил беседу инспектор. — Поэтому после коллежа вы поедете в Париж и потом поступите в Высшую нормальную школу.

— Но у моих родителей нет денег.

— Я помогу вам получить стипендию. Вашей матери будет гораздо приятнее видеть вас не почтовым чиновником, а профессором университета.

Отослав затем Жана собирать книги и тетради, Дельтур сказал директору коллежа:

— Я никогда не встречал ребенка, обладающего таким сочетанием интеллектуальных способностей. Я займусь им... Меня особенно трогает его образцовая набожность.

О ирония судьбы! Старый Дельтур был поражен набожностью Жореса! Мог ли он думать, что доживет до того дня, когда Жорес поразит его своей революционностью и беспощадной борьбой против всего, что было так близко сердцу этого старого консерватора? Крайний клерикал и монархист, мечтавший о реставрации на троне Франции принца Орлеанского дома, оказался благодетелем и воспитателем будущего великого социалиста. Поистине это тот случай, когда нельзя не вспомнить старого изречения о том, что ни одно благодеяние не остается безнаказанным! Но до этого пока далеко, и еще не один год Жан будет радовать своего покровителя блистательными успехами в учебе.

...Старик не на шутку увлекся Жаном и не поленился в тот же день отправиться с ним на ферму Феваль, чтобы познакомиться с его родителями. Аделаида без всякого удивления выслушала похвалы Жану из уст генерального инспектора. Нет такой матери, которую требовалось бы долго убеждать поверить в исключительные качества ее сына. Тем более что она уже не раз и рань-

ше наслаждалась восторгами знакомых и соседей по поводу успехов Жанно. Отец высказал лишь тревогу, что Париж опасный город для юноши. Но Дельтур быстро успокоил его: он возьмет на себя ответственность за Жанна, свободное время мальчик будет проводить в его доме. Фециаль и ее обитатели понравились Дельтуру. Его не могла не расположить и другая деталь: он понял, что Жюль Жорес тоже орлеанист; над его постелью висел портрет Генриха V, тогдашней надежды монархистов.

Жан проводил Дельтура обратно в Кастр и, не чуя под собой ног, возвратился домой. Впечатлений за день было так много, а будущее — Париж, Нормальная школа — туманно представлялось ему в сияющем ореоле славы ее многочисленных знаменитых учеников.

ПАРИЖ

Нет лучшего повода для радостного веселья, чем неудача или проступок наиболее преуспевающего в науках ученика. Весь класс и на этот раз потешался от души, когда Жанно, толстяк из Лангедока, опять заснул на уроке. Это был Жорес, который сразу же вышел на первое место среди 72 учеников в парижском лицее Святой Варвары. Тот самый, кого беспрестанно ставили в пример и кем открыто восхищались самые придирчивые преподаватели.

Его покровитель Феликс Дельтур мог быть довольным. Из лицея ему писали: «Мы не можем нахвалиться нашим новым учеником с момента его поступления в Сент-Барб. Он показал себя очень серьезным юношей, прекрасно выполняющим все свои обязанности. У него очень развитое перо в латинском и французском. Мы связываем с ним большие надежды...»

Учеба в лицее Сент-Барб, находившемся на холме Святой Женевиевы, покровительницы Парижа, нравилась Жану. Дельтур приложил немало хлопот, чтобы устроить его в одно из самых привилегированных учебных заведений Франции. В лицее работали лучшие преподаватели, а ученики были призваны пополнить духовную элиту нации. Среди десятка молодых людей, которые, как и Жан, готовились к поступлению в Высшую нормальную школу, он провел два года. Профессора лицея видели в них будущих ученых и государственных деятелей и

требовали от своих учеников значительно больших способностей и прилежания, чем обычно. Здесь были юноши с различными вкусами и стремлениями. Одни предпочитали изучать литературу, другие — историю или философию. Жану нравилось общение со сверстниками. Они обогащали друг друга энтузиазмом, идеями, знаниями и впечатлениями от прочитанных книг; в 17 лет ученику лицея считалось неприличным не иметь своей «системы» взглядов. В классах лицея шла довольно активная духовная жизнь, насколько это возможно в заведении монастырского типа, где ученики, нагруженные занятиями, были почти изолированы от окружавшего их шумного и блестящего города.

Но Жану не хватало привычного простора полей и южного солнца, теплого средиземноморского воздуха. Поэтому он и засыпал иногда над старыми книжками. Товарищей, особенно детей богатых родителей, а таких было в лицее много, забавляла и его внешность. Пиджаки всегда потрепаны, брюки гармошкой, ботинки стоптаны, а галстук помят. Ни к чему не был он так равнодушен, как к элегантности.

Замешательство профессоров и смех сверстников вызывали и его необычные манеры. Он мог прервать лектора неожиданным вопросом или внезапным смехом. Это был типичный южанин без намека на парижский доск, с замашками неотесанного крестьянина, с его естественностью и простотой. Но все это сочеталось с такой обескураживающей добротой и мягкостью характера, что нельзя было не любить его. Жан снискал дружбу и уважение не только товарищей, но и требовательных преподавателей.

Жизнь взаперти за стенами лицея с его мелочной, педантичной дисциплиной и скукой размеренного порядка все же иногда угнетала его. Своему соседу Жюльену, жившему около фермы Фециаль, он писал, что в Сент-Барб ему хорошо, «но материнский дом ничто не может заменить, даже огромный Париж».

Да и видел ли он Париж? Денег едва хватало на омнибус, с императора которого он мог любоваться роскошью столицы. Порой он долго рассматривал привлекательную книгу, журнал с заманчивым оглавлением, но, увыв, в кармане не всегда было даже несколько мелких монет. Театры Парижа ему недоступны. Он лишь мог, замешавшись в толпу, слушать музыку, доносившуюся

из зала оперы. Правда, иногда благосклонность знаменитостей выручала лицеистов. Жорес и его товарищи смогли присутствовать на представлении «Эрнани», ибо сам великий Гюго прислал им билеты. Зато литературой и философией он мог наслаждаться сколько угодно благодаря щедрости еще молодой республики. Библиотеки — рай для Жореса — бесплатны.

По воскресеньям он отправлялся к своему покровителю Феликсу Дельтуру. Жан радовал его своими успехами, и старик с удовольствием слушал его рассуждения о литературе, о книгах. Здесь наш герой был на высоте. Но сколько огорчения он доставлял мадам Дельтуру своими крестьянскими манерами за столом! Вместо того чтобы разрезать дичь или мясо, он брал большой кусок целиком, не прибегая к помощи вилки. Молодые зубы с успехом заменяли нож, а здоровый аппетит не оставлял времени для соблюдения этикета. «Неужели таким же образом он держит себя и за столом адмирала Жореса?» — думала скандализованная хозяйка. По простодушию Жан не замечал производимого им эффекта, а может быть, просто не придавал этому никакого значения.

Поглощение духовной пищи занимало его время и внимание. При этом он отнюдь не был заядлым зубрилой, единственная цель которого — заслужить хорошую оценку учителя. Последнее его интересовало далеко не так сильно, как сам процесс приобретения знаний. Это было для него жгучей потребностью и наслаждением. Обычные, школьные методы чужды Жану; он учился по своему, самостоятельно, оригинально и, несомненно, значительно более эффективно. Он выходил далеко за пределы программ, не удовлетворяясь маленькими порциями знаний, умеренными педагогами. Он не просто накапливал знания, а думал и размышлял. Жан много и быстро писал. Вместе с возмужанием и наступлением зрелости менялся его почерк; сначала мелкий, почти женский, он становился постепенно крупным, размашистым. Так пишут люди, перо которых вынуждено непрерывно гнаться за стремительным движением мысли.

Правда, изнурительное поглощение греческих и латинских текстов, непрерывное чтение все новых и новых книг не могло не отразиться на здоровье Жана, который был тогда розовощеким и таким здоровым на вид. В школьные годы он впервые начал страдать от частых головных болей, которые будут мучить его всю жизнь.

Молодой Жорес приобретал так называемое классическое образование, при котором основным учебным материалом служат история Древней Греции и Рима, искусство и философия античности. Уже в то время подобная система обучения стала предметом ожесточенной критики. Почти вся большая литература прошлого века наполнена проклятиями классическому образованию. Много верных мыслей высказано о бесплодности зазубривания греческих и латинских текстов, о вреде засорения юных голов мертвыми языками. Действительно, обращение к античной культуре, вызванное Возрождением, в XIX веке уже не было столь благотворно, как в те времена, когда идеи Цицерона и Платона, красоты Гомера и звучные строфы Вергилия служили орудием борьбы против средневековой схоластики.

Но в XIX веке латынь и греческий превратились в преграду на пути молодых умов к пониманию своего времени, препятствием в оценке действительности. Вряд ли тогда (да и позже, пожалуй) Жорес понимал классовую причину упорной приверженности французской буржуазии к греко-латинской культуре. В греческом и римском индивидуализме буржуазия нашла выгодное оправдание своего формального демократизма и приоритета частных интересов.

Но в античной культуре есть и другой аспект, выражаемый духом ясности, чувством меры, гармонией, абстрактными идеалами индивидуальной свободы и беспристрастного правосудия, который с юношеских лет навсегда стал очень близким Жоресу. Он справедливо считал, что античность, этот великолепный апофеоз радостного детства человечества, этот гимн разуму, человеку, красоте, имеет непреходящую ценность. Античная культура учит не только правильно и хорошо говорить, но и думать по естественным законам логики и здравого смысла. Жорес с наслаждением утолял свою духовную жажду из золотой чаши античности. Ее особенность в том, что лишь несколько поспешных глотков, поверхностное знание античной культуры может дать не больше чем сомнительную возможность при случае щегольнуть цветистым изречением, оставив ум нетронутым. Но глубокое изучение духовного наследия Греции и Рима облагораживает и развивает его.

Беспредельная вера Жореса в силу человеческого разума начала, возможно, зарождаться под влиянием Ари-

стотеля. Перикл, считавший бесполезными тех людей, которые стояли в стороне от общественных забот, дал ему первоначальный толчок для размышлений о сущности демократии. В философских сочинениях Жореса отчетливо слышен отзвук стихийного материализма античных философов. Он находил у героев Плутарха примеры стойкости характера и воли. Трагедии Еврипида учили его критическому сомнению и самостоятельности мышления, что всегда было особенно близко Жоресу.

Анатоль Франс рассказывал, что, когда он последний раз посетил скромную квартиру Жореса за несколько недель до его убийства, он застал социалистического лидера, который вел тогда страстную кампанию против войны, за чтением Еврипида...

Разумеется, воспитание в лицее Святой Варвары было религиозным. Как же молодой Жорес, уже впитавший рационализм античной философии и французских мыслителей, мог сочетать это с католицизмом? Ведь при первом знакомстве он порадовал Дельтура своей «образцовой» набожностью. Но теперь она подверглась суровому испытанию и не выдержала критики все более мужавшего ума Жореса. Хотя Жан не воспитывался в духе религиозного фанатизма, он был, конечно, в детстве, как считалось, хорошим католиком. Первая духовная революция далась ему не так просто.

Конечно, это был не только внутренний процесс духовного роста молодого Жореса. К 1876 году он уже прочитал «Происхождение христианства» Эрнеста Ренана, который в это время своими сочинениями вызывал панику среди клерикалов. Несмотря на свойственный ему дилетантизм, на его реакционные политические взгляды, этот эрудит и ученый нанес сильный удар по учению о божественной природе Христа, показав земное происхождение господствующей догмы. В общественной жизни Франции борьба против клерикализма приобрела тогда огромное значение. Видимо, она оказала влияние и на Жореса.

В его памяти навсегда осталась одна ночь, когда, лежа с открытыми глазами на своей кровати в темном дортуаре лицей, он смотрел через окно на звездное небо и мучительно размышлял о тайне мироздания. Этот эпизод позже он опишет в своей докторской диссертации. В отличие от большинства людей, для которых отношение к религии — дело традиции, обычая, жизненного

удобства, для Жореса отказ от церкви был вопросом серьезным. Он не мог, подобно большинству, не думать о коренных проблемах бытия. Внутренняя моральная честность и цельность натуры не давали ему возможности оставаться в кругу лишь практических повседневных забот. Для него чрезвычайно важен вопрос о духовных основаниях его жизни.

Насколько легко современному молодому человеку, естественный материализм которого гармонично перерастает по мере приобретения основ научных знаний в органически ясное понимание сущности бытия, настолько же трудно было Жану, прошедшему длительную и систематическую школу религиозного воспитания, совершить скачок в царство духовной свободы. Он сделал его, и это был акт настоящего мужества.

Католическая идеология с ее проповедью самоуничтожения, смирения, подчинения и отказа от права думать самостоятельно о коренных вопросах жизни весьма удобна для слабых духом, ибо она снимает ответственность, дает готовые рецепты, избавляет от мучительных сомнений. Жану предстояло отбросить все это и опираться впредь только на свой разум. Первое чувство, которое он испытал, — страх перед тяжелым бременем свободы духа, когда надо либо все решать самому, либо отдаться во власть моральной анархии, когда скепсис перерастает в изощренный эгоизм. И только сильные и цельные характеры находят точку опоры в себе и в своих идеалах. Для Жана они сводятся теперь к стремлению жить для блага всех, ибо он решительно отказался, как об этом писал несколько лет спустя, жить только для себя. Конечно, основы его нового духовного облика были еще довольно неопределенны. Но Рубикон, за которым осталась страна успокоительного и рабского религиозного сознания, был уже позади. Отныне перед ним суровая и требовательная область интеллектуальной самостоятельности.

Первый, кому Жан поведал о том, что утратил католическую веру, был его друг и товарищ по лицейу Бодрийяр, который в будущем (еще одна шутка судьбы) станет епископом. Но как ему отныне вести себя с ревностным католиком Дельтуром, человеком, бескорыстно сделавшим для него так много? Вот первая трудность его нового положения. Поразмыслив, Жан ничего не сказал своему доброму покровителю. Мало того, он продолжал сопровождать старика к мессе. Что же это, страх, лице-

мерие, практические соображения? Обстоятельства всей его дальнейшей жизни тысячами фактов свидетельствуют, что Жорес никогда не знал страха, что лицемерие было полной противоположностью его натуры, что прагматизм он понимал только в качестве линии поведения, полностью соответствующей его идеалам и взглядам. Он мог заблуждаться, но обманывать — никогда!

Однако Жорес был убежден в принципиальной целесообразности компромисса, считая его наиболее безболезненным способом выхода из сложной, противоречивой ситуации. В компромиссе он видел наилучшую возможность достичь цели таким образом, чтобы как можно меньше задеть противоположные интересы других. Терпимость — одна из важнейших черт характера Жореса с дней юности. «Его симпатия к людям была настолько всеобщей, — писал о Жоресе Ромен Роллан, — что он не мог быть ни нигилистом, ни фанатиком. Любой акт нетерпимости отталкивал его».

Благодаря этому дружба Жореса с Дельтуром выдержала все испытания. Консервативный католик и антиклерикальный социалист, несмотря на полное отсутствие какой-либо политической общности, надолго сохраняют самые теплые взаимные чувства.

Между тем приближалось время, когда Жорес должен был закончить учебу в Сент-Барб. Однажды Дельтур предложил Жану подумать об участии в общем конкурсе выпускников средних школ Парижа и Версаля 1887 года на лучшее выступление. Возник вопрос о теме. Жана давно привлекала фигура Жака Амио, того, кому Монтень отдавал пальму первенства среди всех французских писателей XVI века. Амио прославился прекрасными переводами античных классиков, особенно Плутарха, на французский язык. История сохранила память о том, что король Франциск I приказал выдать ему денежное вознаграждение. Но что явилось поводом для щедрости короля? Жорес сделал благодетелем талантливого, но жившего в крайней бедности переводчика, епископа Пьера де Кастеля, занимавшего при дворе должность личного чтеца короля. Его письмо к Франциску I с просьбой о помощи Жаку Амио и стало темой сочинения, темой, очень близкой и понятной Жоресу. Ему нетрудно было воссоздать прошение о помощи способному бедняку. Ведь сам он учился лишь благодаря стипендии, которую выхлопотал для него Феликс Дельтур. Жорес очень вы-

соко оценивал роль античной классики для культурного развития и воспитания гражданских чувств французов. Поэтому он сумел убедительно доказать, что субсидия переводчику принесет пользу стране. Жорес заявлял от имени де Кастеля, что сочинения Плутарха «научат французов, как можно соединять мужество с осторожностью, щедрость с бережливостью, свободу с порядком». Импровизация отражала две главные идеи, которые, по-видимому, характерны для 18-летнего Жореса: горячее сочувствие к бедности и преклонение перед классическими добродетелями античности.

Речь удалась блестяще, и Жорес получил на общем конкурсе первую премию, увенчав этой победой свою учебу в Сент-Барб. Если в первое время профессора лица говорили, что Жорес «прекрасный ученик», то теперь о нем отзывались: «Ум тонкий и высокий».

Ну а как обстояло дело с политикой? Ведь наш герой рос и развивался в столице самой политической страны мира, где, не затихая, кипела бурная общественная жизнь. Тем более что в годы возмужания Жореса Франция переживала один из критических периодов своей истории, когда решался вопрос о том, будет ли страна, где за восемьдесят лет свергли четыре монархии, республикой или в ней опять воцарится божьей милостью король или император. После того как Парижская коммуна была потоплена в крови, начинается смутное время, когда на французский трон претендовало сразу три монархии: Бурбонов, Орлеанов, Бонапартов. Только в 1875 году наконец принимается решение об установлении республиканского строя (большинством в один голос!). Но и после страна еще несколько раз была на грани монархической реставрации. С 1873 по 1879 год Францией правил в качестве президента республики ярый монархист Мак-Магон, этот, по словам Энгельса, «величайший осел Франции». Франция потешалась над глупостью маршала, олицетворявшего все самое косное, реакционное и нелепое в истории страны. Когда Мак-Магону, показывая паровую машину, сообщили, что она имеет мощность в двести лошадиных сил, он потребовал проводить его на конюшню, чтобы самому убедиться в этом.

Только после выборов 1876 года, когда республиканцы победили и потребовали от Мак-Магона подчиниться или удалиться, он вынужден был подать в отставку. Но хотя буржуазия теперь в большинстве стала республи-

канской, ее прогрессивная роль после Коммуны была уже делом прошлого. Даже сравнительно левые буржуазные лидеры вроде Гамбетты превращались в политиканов, умело эксплуатирующих республиканские чувства. На арену политической жизни Третьей республики, родившейся в 1875 году, выступал рабочий класс, хотя он еще и не оправился от трагического поражения 1871 года. Монархисты разных направлений, буржуазные республиканцы всех оттенков, возникающие новые социалистические течения, сталкиваясь и вступая друг с другом в ожесточенные схватки, превращают политическую жизнь Франции в сложный и пестрый калейдоскоп. Но, как это ни странно, в юношеские годы Жорес ничем не проявлял интереса к общественной жизни, хотя, несомненно, он уже тогда явно симпатизировал республике. Человек, рожденный для политики, не обнаруживал своих политических склонностей. Да и были ли они? Некоторые эпизоды этих дней жизни молодого Жореса заслуживают внимания большего, чем это покажется на первый взгляд...

Успех на общем конкурсе открыл перед Жаном путь в Высшую нормальную школу. Но впереди еще целое лето домашней жизни, столь заманчивой для Жана. Собрав свои пожитки, он устремляется в Кастр. Вот и родная ферма Федиаль, где ничего не изменилось, те же знакомые холмы, красные черепичные крыши и обычный для южной Франции запах чеснока. Вот и любимая мать, Меротта, как ласково и шутливо звали ее сыновья. Приехал и младший брат Луи, тоже не без успехов: он принят в военно-морскую школу.

Наступает большой день для всей семьи. В честь успехов Жана коллеж Кастра устраивает торжественный обед. Знакомый двор, гладко утоптаный поколениями ученических ног, несколько старых платанов, а сразу за стеной древняя башня монастыря кордельеров. Сегодня двор празднично украшен, развеваются флаги. Все это в честь одаренного питомца, добившегося успеха в самом Париже.

Аделаида выступает в сопровождении обоих своих сыновей. Отец — Жюль Жорес уже настолько болен, что его пришлось привезти в тележке. Представлено и семейство Барбаза во главе с дядей Луи. Приехал сам адмирал Жорес. Обед удался на славу. Лауреат ест за шестерых, и даже адмирал милостиво чокается с ним.

Супрефект произносит пышную патриотическую речь. При этом вполне в духе времени, избегая слова «республика», он заканчивает возгласом:

— Да здравствует Франция!

И вдруг сквозь гром аплодисментов звонко раздается молодой голос:

— Да здравствует республика!

Нет, это не Жан, а его младший брат Луи разразился лозунгом, который явно не по праву значительной и притом наиболее солидной части публики. Большинство преподавателей старого коллежа бледнеет от страха. Бонапартистский полковник сердито указывает молодому моряку на неуместность его крика и напоминает, что ему предстоит вступить в «великую немую», где не место республиканским увлечениям.

— Но разве у нас теперь не республика? — растерянно спрашивает Луи.

— Может быть, и так, — отвечает полковник. — Но не следует радостно кричать об этом по каждому поводу.

Отец Луи, старый орлеанист, недовольный выходкой младшего сына, хранит неодобрительное молчание. Молчит и Жан. Молчит, ибо считает политику поводом для раздоров. Что же, эта сторона жизни не волнует и не задевает его? Он равнодушен к политике? Оказывается, дело обстоит иначе.

После обеда к Жану подходит Жюльен, сосед и друг дома, которому он из Парижа писал письма. Жюльен старше Жана, но он испытывает дружеские чувства к молодому Жоресу. Сейчас он и здравляет его с успехом. Жан благодарит, спрашивает о маленьком сыне соседа и вдруг задумчиво произносит:

— Да, у него еще нет никаких забот, кроме одной — научиться ходить. Ему не надо заниматься политикой, и он еще может быть счастливым...

Это было сказано так, будто Жан завидовал малышу. А ведь сам он не только не участвовал в политической жизни, но и вообще пока не имел никаких определенных политических симпатий, если не считать довольно туманных республиканско-демократических убеждений. Почему же политика, эта еще далекая, во многом непонятная и таинственная область, так тревожила его? По-видимому, он уже понял, что осуществление идеалов демократии общественной справедливости и моральной чистоты

невозможно вне сферы политики. Однако то, что он уже знал о ней, ставило в тупик его неискушенный ум. Хорошо усвоенные Жоресом идеи античной гражданственности, республиканизма, который был для него синонимом стремления к общему благу, оказались настолько далеки от низменной прозы «высокой» политики Третьей республики, что он пребывал в состоянии печальной растерянности, ибо пока совершенно не видел пути к соединению своих идеалов с действительностью. Можно ли проложить мост через эту пропасть? А что, если идеалы годятся только для школьной аудитории, если в жизни господствуют иные законы? Но какие? Молодой Жорес не мог ответить на эти вопросы. Но он не мог и беспечно отбросить их. Это были довольно обычные для юноши сомнения и поиски истины. Но необычен был их итог.

Жорес не мог успокоить свою душу путем принятия прописных истин буржуазной морали и политики, что было уделом подавляющего большинства его сверстников из той же социальной среды. «Ум светлый и высокий» тревожно искал и спрашивал. Таким было начало пути, который в конце концов привел его к социализму.

Но летом 1878 года Жан мог позволить себе не думать о политике. Он наслаждается заслуженным отдыхом в родных местах и предвкушает счастье предстоящей учебы в знаменитой Нормальной школе, готовясь к отъезду в Париж. Столица в эти месяцы излучает особенно яркий свет. В мае открылась Всемирная выставка. Толпы, прибывшие из разных стран, устремляются к Марсову полю, где галерея машин поражает могуществом техники. Выставочные витрины демонстрируют шедевры, созданные в разных уголках мира, которые свидетельствуют о новых успехах цивилизации. Париж впервые освещен электричеством. Чудесные свечи русского изобретателя Яблочкова озаряют площади Оперы, Согласия, Звезды, магазин «Лувр», кафе и концертные залы. Свет стал модой. Мужчины носили трости с маленькими фонариками, дамы прикрепляли их к зонтикам.

Огромный и пестрый фейерверк свидетельствовал как будто о новом чуде возрождении Франции, которая еще семь лет назад, побежденная, израненная и разоренная, находилась в таком плачевном положении. Раньше срока Франция вынудила Германию пяти миллиардную контрибуцию и, казалось, нисколько не обеднела от этого. Правда, французская промышленность переживала

застой и кризис. То здесь, то там вспыхивали забастовки, и рабочие весьма бестактно все чаще вепоминали славные дни Коммуны. На дипломатическом горизонте из-за Балкан надвигались грозные тучи войны. Но зато персидский шах был в Париже. Это один из заманчивых аттракционов Всемирной выставки. Буржуазный Париж веселился, беззаботно играя роль столицы мира.

ЭКОЛЬ НОРМАЛЬ

Флобер заметил как-то, что установленные во Франции три формы воспитания — религиозное обучение, армия и Нормальная школа — оставляют в характере человека неизгладимый след. Опыт Жореса подтверждает правильность этого замечания, хотя влияние на него Нормальной школы носит столь же противоречивый характер, как и сама эта школа. Она была основана в годы Великой французской революции, и в решении Конвента говорилось, что школа призвана вести революционное обучение искусству преподавания под руководством самых лучших профессоров. Тогда список этих профессоров украшали знаменитые имена Лагранжа, Ланласа, Монжа, Бертолле, Вольера и Лагарпа. Впрочем, и во времена Жореса в Эколь Нормаль привлекались лучшие силы. Но характер школы, ее направление, цели обучения изменились не меньше, чем сама Франция. Собственно, обстановка в школе менялась в соответствии с ходом политической истории страны. В день, когда Жан, пройдя мимо величественного Пантеона и повернув на улицу Ульм, с волнением переступил порог Эколь Нормаль, на ее фронтоне красовалась надпись, призывавшая идти к культуре и совершенствованию «под руководством бога». «Революционное обучение» осталось в прошлом.

Девятнадцатилетний Жан, как и прежде, совсем не элегантный, вошел в старое здание, где воспитывались наиболее одаренные представители «лучших» семей из всей Франции. На фоне множества щегольски одетых юных снобов наш герой выглядел провинциалом, даже просто крестьянином с юга, провинциалом с ног до головы. Но не в голове! Это он вскоре и доказал, когда ему пришлось пройти обычную процедуру «цуканья» или «бизютажа», которой подвергаются новички в учебных заведениях Франции до сих пор. Ему повезло, ибо его

не заставили, к примеру, купаться в фонтанах Люксембургского сада или прыгать со второго этажа. Испытание, выпавшее на его долю, как нельзя более удачно подходило к его способностям.

...Толпа студентов внезапно окружила «гнуфа» (на студенческом жаргоне — новичка) и, радостно предвкушая удовольствие от занятой потехи, втащила его на круглую печь в форме приземистой колонны. Жан имел растерянный, нелепый вид на высоком пьедестале, окруженном хохочущими студентами.

— О чем ты думаешь на этом троне?

— Ах, ты не умеешь думать?

— Говори, или никогда не уйдешь оттуда!

Говорить? Смутить этим Жана было невозможно. И он заговорил так, что смех и крики быстро прекратились и целых двадцать минут изумленные шалопаи внимательно слушали великолепную импровизацию. Со своей трибуны Жан слезал под гром аплодисментов. Он не только выдержал испытание, но сразу завоевал популярность.

Однако выдающиеся способности и знания никогда не были лучшим способом приобретения симпатий юных сверстников. Первый ученик всегда вызывает неприязнь. Но простота, мягкость, терпимость и обезоруживающая доброта Жана привлекли новых друзей. Эти черты его характера теперь определились окончательно.

Близким другом становится Шарль Соломон, оказавшийся «котурном» Жана. Двум студентам отводилась для самостоятельных занятий ниша напротив окна, так называемый турн. Работающих вместе называли котурнами. Здесь, у решетчатого окна, за которым виднелся тенистый сад соседнего монастыря, они, отрываясь порой от книг, вели долгие разговоры. Друзьями они остались и после окончания школы. Эта дружба возникла не столько из общих научных интересов, сколько из простой взаимной симпатии и соседства в турне. Жан был откровенен с Шарлем, и сохранившиеся письма раскрывают мысли и настроения молодого Жореса.

Среди его друзей уже знакомый нам по Сент-Барб Бодрийяр, будущий епископ. Жан часто помогал ему в греческом, чем, наверное, способствовал блестящей духовной карьере своего сверстника. Годом позже Жана в Эколь Нормаль поступил Эмиль Дюркгейм, будущее светило французской буржуазной социологии. Они подру-

жились, и общение с Дюркгеймом оказалось одним из поводов для появления у Жана интереса к социальным проблемам.

Дружеские отношения связывали его и с другими студентами. Собственно, все хорошо относились к Жану; врагов у него пока не было. Однако напелся соперник. Им оказался единственный из студентов, который мог соперничать с Жаном способностями и знаниями, и всего один из 25 студентов, занимавшихся гуманитарными науками. Это был Анри Бергсон, впоследствии знаменитый философ, чья эклектичная, но искусная философская казуистика стала ярчайшим выражением французской буржуазной мысли XX века.

Этот молодой еврей, сын композитора из Польши и интеллигентной англичанки, был, что называется, хорошо воспитан, держался надменно и отчужденно. Его выдающиеся способности никто не ставил под сомнение. Еще до поступления в Эколь Нормаль он напечатал в солидном научном журнале решение сложной математической задачи.

Однажды профессору истории Дюжардену пришла в голову мысль свести двух соперников в своеобразном поединке. Он предложил им воспроизвести процесс по делу римского губернатора одной из галльских провинций, обвиненного во взяточничестве. По преданию, его защищал Цицерон и добился оправдания. Роль защитника поручили Бергсону, а обвинителя — Жоресу. Вокруг диспута закипели страсти. Студенты раскололись на две фракции: бергсонистов и жоресистов. В конце концов большинство склонилось к мнению, что пылкое, искреннее красноречие Жореса сокрушило холодную логику Бергсона.

Чудесная сила слова, поразительная память приносили Жану заслуженные триумфы. Как-то в течение трех часов он анализировал «Критику чистого разума» Канта, вызвав восторг профессора и аудиторий. Особых успехов он достиг в греческой литературе. Жан не только свободно читал по-гречески, но и мог импровизировать греческие поэмы так, как будто он лишь повторял наизусть выученное ранее.

Отличное знание греческого помогало поддерживать его скудный бюджет. Он подрабатывал на карманные расходы, давая уроки своим менее способным, но зато более богатым товарищам.

Жизнь в мире книг, спокойная и размеренная, совершенно удовлетворяла Жана. Ему правилось неделями не выходить из школы, передвигаясь в домашних туфлях от дортуара до библиотеки, главного предмета вожделений Жана. Лучшим местом для созерцательного размышления считалась крыша, где у водосточных труб Жан проводил свои самые философские часы.

Жоресу нравилась система обучения, принятая тогда в Эколь Нормаль. Студентам предоставлялась большая самостоятельность. Месяцами им не давали никаких заданий. Они могли проявлять свою любознательность. Профессор должен был лишь возбудить интерес, вызвать увлечение наукой. Если профессора талантливы, а ученики способны — это самая эффективная методика.

Конечно, образование, даваемое в Эколь Нормаль, как не без основания говорили ее критики, было всего лишь замаскированным продолжением коллежа. Здесь царил тот же культ античности и пренебрежение реальными проблемами жизни. Но для Жореса это было по меньшей мере безвредно. Такое образование опасно для интеллектуально робких, несамостоятельных натур. Неутомимая жажда знания влекла Жана за пределы официальных программ. Его поразительное трудолюбие породило привычку к систематическому чтению, которое стало основой приобретаемого им образования. Отвергая метод академической кормежки маленькими порциями, он проглатывал несчетное количество книг. Особенно много значили тогда для его образования французские философы XVIII века. У него оказался верный инстинкт и умение находить добротную духовную пищу.

Жан долго и серьезно думал над выбором своей научной специализации. Сначала его привлекала филология. Отличное знание античной литературы, особенно греческой трагедии, интерес к французским классикам, любовь к Виктору Гюго, казалось, должны были предопределить выбор. И хотя увлечение литературой отвечало глубоко поэтической натуре Жана, что чувствуется на протяжении всей его жизни, он не избрал филологию главным предметом своих занятий.

Его гораздо больше занимала история, наука, связывающая настоящее с прошлым, объясняющая смысл жизни и борьбы тех, кто подготовил действительность. Здесь сказались обаяние одного из преподавателей Эколь Нормаль, профессора Фюстеля де Куланжа, крупного ис-

торика того времени. Неискушенный студент не видел глубоко антидемократической сущности работ де Куланжа, а его шовинистическую тенденцию принимал за благородный патриотизм. Он наивно верил декларациям де Куланжа о свободе духа и научного исследования, прикрывавших реакционную сущность творчества талантливого историка. Впрочем, влияние де Куланжа на Жореса было чисто внешним и непродолжительным.

По-настоящему большое влияние в эти годы оказал на Жореса великий французский историк Жюль Мишле, умерший за четыре года до поступления Жана в Эколь Нормаль. Позднее Жорес напишет, что его понимание истории основано на материалистическом учении Маркса и на романтическом идеализме Мишле. Знаменитый историк рассматривал свою науку как процесс воссоздания истины. История представляла для него непрерывное восхождение к свободе, а ее движущей силой он считал народ. «Так называемые боги, гиганты, титаны (почти всегда — карлики), — писал Мишле, — кажутся большими потому, что они обманным путем взбираются на покорные плечи доброго гиганта — Народа». Хотя Мишле в самом конце своей жизни обрел веру в коммунистический идеал, который сравнивал с ярким светом в темной ночи, его основные труды выражают мелкобуржуазно-идеалистические взгляды. Более того, Мишле утверждал, что если частная собственность и будет когда-нибудь уничтожена, то во Франции, конечно, в последнюю очередь. И тем не менее совершенно очевидно, что именно его поэтический талант помог утверждению в сознании Жореса идеи исторического прогресса, веры в идеалы справедливости и демократии и беспредельной любви к родине.

Необычайная широта духовных интересов молодого Жореса затрудняла выбор специализации. Только история или, тем более, одна литература не удовлетворяла его. Хотя именно история будет наиболее сильной стороной в научной деятельности Жореса, он предпочел философию, где его достижения значительно скромнее, если не сказать больше.

Он переживал сложный процесс формирования мировоззрения. Отказ от религии поставил перед ним вопросы о сущности бытия, судьбы человечества, зла и добра в истории совершенно по-новому. Отвергнув их теологическое объяснение, он напряженно искал ответы на все

эти вопросы. Попытки найти их составляли его внутреннюю духовную жизнь в Эколь Нормаль. Он избрал философию, которая, как он надеялся, поможет ему разрешить мучившие его сомнения.

Трехлетняя учеба в Эколь Нормаль прерывалась длинными летними каникулами, когда он отправлялся к полям и холмам Тарна и проводил лето на ферме Федиаль. Блеск Парижа не ослабил его любви к родным местам. Он отдыхает, любясь столь милыми его сердцу картинами южной природы во время длинных прогулок. Он следит за полевыми работами, а то и сам трудится, навивно завидуя здоровой жизни крестьян. Иногда ему приходится пасти корову или съездить на ярмарку в Кастр, чтобы продать урожай овса. Он вместе с семьей, окруженный ровной, неназойливой любовью родных. Порой он отправляется к соседу Жюльену, чтобы побеседовать с ним или сыграть партию в бильярд. Жан спит около амбара, наполненного душистым сеном, и монотонная несня сверчков быстро убаюкивает его. Он встает в семь утра, и продолжительная прогулка окончательно разгоняет сон. Устроившись с книгой за столом в тени акаций, он наслаждается покоем.

— Нет ничего более полезного для ума и характера, чем жизнь в деревне, — говорил он одному из своих друзей.

Ему было приятно ощущать себя почти наедине с природой, беззаботно мечтать, отрешившись от мелких забот и волнений. Эта любовь к тишине, удовольствие от чувства отрешенности, казалось, свидетельствуют, что Жорес создан для спокойной жизни ученого, защищенного научными занятиями от суеты и тревог кипучей жизни, или даже, может быть, для монотонного существования сельского мелкого собственника...

Но снова Париж, Латинский квартал, улица Ульм, привычный турн, книги, друзья. Как ни поглощали Жана занятия и неустанное чтение книг, Париж оставался Парижем, который совсем не подходящее место для отшельнической жизни даже за стенами Эколь Нормаль. Бурная, стремительная жизнь Франции втягивала в свой водоворот и ее молодых обитателей.

В стране окончательно утверждалось безраздельное господство буржуазии. Она сбрасывала остатки клерикально-монархических пут, которые стали мешать всевластию капитала. В экономической жизни начинают

царствовать крупные банки. Хотя промышленность во Франции развивалась медленнее, чем в других крупных странах, бурно росла, особенно в годы учебы Жореса в Эколь Нормаль, тяжелая индустрия, лихорадочно строились железные дороги. Сен-Готардский туннель сблизил Францию и Италию. Начали строить Панамский канал для соединения двух океанов. Звук человеческого голоса получил чудесную власть преодолевать огромные расстояния — появился телефон. Победное шествие техники поражало умы.

Новой, капиталистической Франции, естественно, нужен был более модернизированный политический режим. Влияние монархистов и церкви становилось слишком уж архаичным, обременительным и даже опасным, поскольку оно в такой форме отнюдь не способствовало укреплению авторитета буржуазной республики среди столь широкой во Франции массы мелкой буржуазии, не говоря уже о рабочих. И вот через девяносто лет после Великой революции буржуазия наконец непосредственно берет власть в свои руки. Остатки старой Франции бешено и слепо сопротивляются, и их отчаянные конвульсии наполняют вторую половину восьмидесятых годов. Уход Мак-Магона и избрание президентом Жюль Гриви символизировали победу буржуазных республиканцев. Собственно, фигура нового президента сама по себе была характерным символом. Типичный мелкий буржуа, он шокировал иностранных дипломатов, когда на официальных приемах глубокомысленно ковырял в носу. О его скупости и расчетливости ходили анекдоты.

Республика утвердилась, а некогда воинственные республиканцы вроде Леона Гамбетты стали умеренными, а точнее, консервативными. Жюль Ферри, один из таких республиканцев, провозгласил в качестве руководящего принципа республики «дух меры и практического благоразумия». Однако это еще не могло поколебать пылкого республиканизма французской молодежи. Напротив, именно тогда Жорес усвоил непоколебимое уважение к республике, которое он сохранит до конца своих дней, правда, сочетая его впоследствии с идеологией социализма. Дело в том, что в эти годы интенсивного духовного формирования Жореса проводятся реформы, во многом завершившие дело Великой французской революции. Серия декретов утверждает и регламентирует буржуазно-демократические права и свободы. День взятия Басти-

ли — 14 июля — провозглашается национальным праздником, а «Марсельеза», за пение которой еще недавно грозила тюрьма, — национальным гимном. Республика наносит суровые удары по клерикализму. Надо было ограничить власть клерикалов, которые контролировали народное образование, а вернее, держали народ в невежестве. Католические ордена (конгрегации): иезуиты, барнабиты, капуцины, доминиканцы, кармелиты, бенедиктинцы, эвдисты, базилианцы, августинцы, облаты, отцы святого лица, тринитарии и т. п. — опутывали своими сетями сознание народа. Школы и университеты служили политическим орудием в руках римско-католической церкви. Лидер умеренной фракции республиканцев Жюль Ферри возглавил борьбу за светскую школу. Его декреты изгоняли из школ отцов иезуитов и других божьих пастырей. В то время Жорес вряд ли понимал, что реформы Ферри лишь укрепляли господство буржуазии. Он видел в школьных реформах торжество идеалов демократической республики, которые всецело владели его умом.

Борьба за светскую школу вызвала во Франции, считавшейся «старшей дочерью» апостольской римской церкви, бурное волнение. Клерикалы собирали миллионы подписей протеста. Они пытались силой препятствовать осуществлению декретов. Вместе со всей Францией волновались и студенты Нормальной школы.

Среди них большинство поддерживало борьбу против клерикалов. Другие, те, что ходили к мессе, не менее горячо осуждали ее. Много было индифферентных, относившихся равнодушно к идейным и политическим распрям. Жорес оказался вне всех этих трех групп. Действия Жюль Ферри он считал правильными, поскольку уже давно стал атеистом, а занятия с аббатом Сежалем дали ему достаточно ясное представление о характере церковного просвещения. Но его больше привлекала позитивная сторона декретов, утверждавших свободу совести, слова, собраний. Поэтому он не считал правильным подавление и принуждение кого бы то ни было, даже клерикалов. В разгар борьбы газеты стали нападать на профессора Эколь Нормаль Оле-Лапрюна, яркого клерикала, отстраненного по этой причине от должности. Утверждалось, что студенты школы не испытывают к нему симпатии из-за его религиозных убеждений. Жорес написал письмо в газету, которое было напечатано и вызвало шум. Он считал, что профессор имеет право свободно высказы-

вать свои взгляды, каковы бы они ни были. Первые строчки Жореса в газете свидетельствуют, что соблюдение абстрактных принципов свободы совести и слова имеет для него приоритет по сравнению с существом борьбы.

Что же особенно привлекало молодого Жореса, чему он с удовольствием отдавал свободное время? Его сверстники увлекались кто чем мог. Ханжи ходили на торжественные богослужения в Нотр-Дам или Мадлен, другие предпочитали оперу, третьи — дешевые кафешантаны и общество девушек, иные любили бега на ипподроме в Лоншане. Жорес раз в неделю сменял домашние туфли на ботинки и тоже отправлялся в город. Его путь лежал в палату депутатов или в сенат, благо они находились недалеко от школы. Жорес горячо увлекался красноречием. Видимо, он уже осознал, что владеет редким даром живого слова. Как раз в это время ораторское искусство становится одним из важных факторов французской общественной жизни. О природном красноречии французов написано немало. Но подлинное ораторское искусство появляется именно в первые десятилетия Третьей республики. До революции 1789 года существовало в основном церковное красноречие. Ораторы заранее писали речи, в которых было больше латыни, чем французского, и затем читали их более или менее выразительно. Содержание речей сводилось к подысканию аналогий и примеров из священной истории. Революция внесла мало нового в искусство речи. Сен-Жюст, Робеспьер и другие ораторы Конвента свои речи тоже читали по бумажке. Только Дантон проявил поражающую всех способность к бурной, несколько вульгарной импровизации и умел, как говорят французы, поймать пулю на лету.

В дальнейшем ораторское искусство развивается, переживая подъем в периоды парламентского режима. Но оно все еще сковано старой манерой чтения по тексту и злоупотреблением античными образами и латинскими цитатами. Первым крупным оратором нового типа, способным к блестящей импровизации, явился Леон Гамбетта. Его речи довелось слушать Жоресу. Правда, далеко не всем нравились его выступления, в которых античные экскурсы сочетались с жаргоном лавочников и сравнениями дурного вкуса. Некоторые называли его красноречие лошадиным и считали, что Гамбетта не слишком хорошо владеет французским языком. Во вся-

ком случае, Гамбетта сделал решительный шаг от ходульной патетики к живому слову, к неожиданной импровизации и, главное, к проявлению оратором владеющего им чувства. Он был способен зажечь и увлечь слушателей.

Ораторский талант Леона Гамбетты немало способствовал росту его популярности, приобретенной им в борьбе с империей Луи Бонапарта и с монархистами в первые годы Третьей республики. А популярность его была необычайной. Спустя шесть недель после пребывания Гамбетты в Гавре один из его жителей восторженно говорил мэру города: «Вы видите эту руку? Ее пожал Гамбетта! С тех пор я ее не мыл!»

Жорес-студент становится восторженным поклонником Гамбетты. Хотя со временем он узнал истинную цену этого политика, следы увлечения остались надолго. Но он был увлечен не столько содержанием, сколько формой речей знаменитого оратора. Это содержание значительно отличалось от его знаменитой Бельвильской программы 1869 года, в которой выдвигались радикальные требования. Теперь Гамбетта, воплощавший некогда героическое начало республики, стал оппортунистом, даже консерватором, и только политическая неискренность студента Эколь Нормаль может оправдать увлечение Жореса. Впрочем, его в основном привлекала форма, манера темпераментного оратора. Жорес находил в речах Гамбетты погрешности стиля, но его покоряла стихийная сила характера, то властная и грубая, то мягкая и обволакивающая. Жорес признавался, что он при всем желании не мог воспринять у Гамбетты какие-либо идеи. Его не очень трогало то, о чем говорил трибун, ему нравилось, как он это говорил, его увлекало сочетание мощи и доброты, жизни и ума, которые, казалось, воплощала вся фигура Гамбетты.

Жорес услышал в палате депутатов выступление другого, еще восходящего светила парламентского красноречия, Жоржа Клемансо. Его манера говорить была иной. Клемансо избегал напыщенной риторики и пафоса. Зато речи основателя партии радикалов, выступавшего тогда с прогрессивной, левой программой, которую одобрял сам Маркс, отличались строгой логикой, четкостью, целеустремленностью. Он умел подвести изложение к широким обобщениям и выразить их в короткой, чеканной фразе, звучавшей как афоризм. Речь Клемансо произве-

ла на Жореса самое яркое впечатление. Ему даже показалось, что он присутствует при возрождении великой борьбы между жирондистами и монтаньярами.

На чьей же стороне были его симпатии? Увы, не на стороне тех, кто в его глазах играл роль якобинцев. В спорах с товарищами он защищал умеренного республиканца Жюля Ферри против радикала Жоржа Клемансо. Хотя Ферри не был известным оратором и говорил не столько хорошо, сколько громко, сочетая это с резкими, даже, говорят, наглыми манерами, именно ему Жорес отдавал предпочтение в студенческие годы, да и позже. В момент, когда клерикалы называли Ферри Нероном и Антихристом, он казался ему подлинным героем республики.

Но, вообще говоря, его больше интересовала внешняя форма ораторских поединков в амфитеатре Бурбонского дворца, где заседала палата. Жорес считал политическую жизнь того времени бесцветной и туманной, ему казалось, что накал политических страстей еще недостаточно горяч. Будучи очень молодым человеком, Жан, естественно, находил зрелище недостаточно захватывающим.

Вернувшись из палаты, он обычно пересказывал товарищам речи, имитируя выражения, приемы, жесты ораторов. Однажды, декламируя таким образом речь известного златоуста, крайне правого сенатора Бюффе, он внезапно почувствовал, что совсем не разделяет содержания этой речи. Что касается политических убеждений Жореса, то они все еще довольно неопределенны. Мировоззрение, усвоенное им в Эколь Нормаль, никак не могло помочь разобраться в существое тогдашних политических битв. В принципе он симпатизировал умеренным республиканцам, а его теоретические убеждения были искренне демократическими и республиканскими. Если учесть, что еще от Великой французской революции началась традиция, связывающая республику со справедливым социальным строем, то можно сказать, что в лучшем случае в сознании Жореса образовалась почва, готовая воспринять зерна социализма. Но не больше.

А между тем во Франции бурно развивался капитализм, которому требовалось растущее число рабочих. Значит, и социализм как идеология, движение, организация рабочего класса не мог не возникнуть, хотя после подавления Коммуны и говорили, что социализм похоро-

нен во рвах кладбища Пер-Лашез по крайней мере лет на пятьдесят.

Возрождение социализма во Франции наступило гораздо быстрее, чем надеялись даже многие его сторонники. Если после революции 1848 года рабочий класс на протяжении восемнадцати лет находился в оцепенении, то уже через пять лет после Коммуны социализм показывает признаки жизни.

Стоило Жоресу пройти минут десять-пятнадцать от Эколь Нормаль, и на углу бульваров Сен-Жермен и Сен-Мишель он мог бы встретить живое воплощение социалистических идей. Здесь в кафе «Суфле» постоянно собиралась группа студентов, молодых журналистов и рабочих, горячо обсуждавших социальные проблемы. В середине семидесятых годов, когда во Франции появился французский перевод «Капитала» Маркса, участники собраний в кафе «Суфле» проявили к нему самый живой интерес. В то время, когда Жорес поступал в Эколь Нормаль, вниманием группы социалистов всецело овладел худой черноволосый тридцатилетний журналист, известный под именем, звучавшим как пистолетный выстрел, — Жюль Гэд.

Нам придется поближе познакомиться с этим человеком, ибо в недалеком будущем его жизненный путь пересечется с дорогой, на которую встанет Жан Жорес. Судьба сделает двух социалистов братьями-врагами, друзьями-противниками. Кроме того, интересно и очень полезно для понимания Жореса сопоставить его жизнь, характер и действия с жизнью и деятельностью Гэда. Хотя общее стремление к социалистическому идеалу объединит их, они всегда будут очень разными во всем, начиная с внешности. Добродушный, приземистый, с мягкими чертами лица и фигуры Жорес и высокий, угловатый Гэд с лицом аскета мало походили друг на друга. И пожалуй, еще более резко различались пути, которыми они пришли к социализму.

Матье-Жюль Базиль (настоящее имя Гэда) родился на 14 лет раньше Жореса, в 1845 году, в семье бедного учителя. Он никогда не посещал ни одно учебное заведение, но благодаря блестящим способностям в 16 лет сдал экзамен на бакалавра, то есть на аттестат зрелости. С 19 лет он зарабатывает себе на хлеб, подвизаясь вначале в префектуре департамента Сены в качестве мел-

кого служащего. Но его служебная карьера продолжалась менее года.

С юных лет Жюль Гэд твердо решил: смысл его жизни — революция. Еще когда ему было 14 лет, он прочитал знаменитую поэму Виктора Гюго «Возмездие». Эта эпопея, возведенная на позорных столбах, к которым поэт пригвоздил организаторов бонапартистского переворота 1851 года, произвела на юного Гэда огромное впечатление, сохранившееся у него на всю жизнь. Героическая риторика книги, ставшей, по выражению Романа Роллана, библией бойцов, захватила чувства и ум. Она превратила его в республиканца — убежденного врага империи Луи Бонапарта.

Гэд быстро бросил службу чиновника и стал журналистом. Его газета «Право человека» активно поддержала Парижскую коммуну. За это он был приговорен к пяти годам тюрьмы и крупному денежному штрафу. Гэд бежал в Швейцарию, где основал новую революционную газету. В эмиграции он выступал анархистом, но потом начал постепенно сближаться с марксистами. Вернувшись в 1876 году на родину, Гэд издает газету «Эгалите» и становится главным пропагандистом идей научного социализма во Франции.

Это имело тем большее значение, что после подавления Коммуны французский социализм утратил свой боевой, революционный характер. Два рабочих конгресса — в 1876-м в Париже и в 1877 году в Лионе — вызвали восхищенные отклики буржуазных газет, объявивших, что социалисты ведут себя вполне прилично и проявляют благоразумие. Действительно, на этих конгрессах речь шла о незначительных улучшениях положения рабочих под покровительством властей. Рабочее движение оказалось в рамках наиболее отсталых идей Прудона и стремилось лишь к созданию профессиональных, неполитических организаций, к синдикализму.

Гэд и его друзья решительно предпочитают революционный путь. Они зовут к полному обособлению рабочей партии от буржуазии, к борьбе за ниспровержение капиталистического строя и замену его социалистической организацией общества. Гэд разворачивает кампанию с целью созыва в 1878 году в Париже, где проходила Всемирная выставка, международного социалистического конгресса. Правительство реакционера Дюфора, одного из авторов драконовского закона 1872 года про-

тив деятельности во Франции Интернационала, запрещает проведение конгресса. Гэдисты не подчиняются решению и подвергаются аресту. 23 октября 1878 года они предстают перед судом. Однако здесь буржуазия получила хороший урок. Жюль Гэд, используя в полной мере свои ораторские способности, произнес замечательную защитительную речь, прозвучавшую манифестом настоящего революционного социализма. Если бы конгресс состоялся, то эта же речь не могла бы быть так широко опубликована и произведена во Франции столь сильное впечатление. Глупейшая затея с судом дорого обошлась реакции. Во Франции вновь открыто и высоко было поднято знамя социальной революции.

А в октябре 1879 года в Марселе собирается новый съезд рабочих, подготовленный кипучей деятельностью Гэда и его последователей. Марсельский съезд оказался, по существу, учредительным съездом действительно рабочей партии Франции. Он провозгласил ее целью переход средств производства и политической власти в руки рабочего класса. Организаторы Марсельского съезда совершили большое дело.

«Они оказали, — писал Жорес, — великую услугу республике, человечеству и пролетариату. Как бы высоко ни оценила история их усилия и результат этих усилий, оценка не может быть слишком высокой... Ясно и четко поставили они перед республиканской демократией ее истинную проблему — проблему социальную».

Но так Жорес говорил много позже описываемых событий, в 1895 году. А во времена исторического Марсельского съезда он ничем не проявлял симпатий к социализму. Жорес был погружен в греческую литературу и философию, замкнувшись в рамках своего турна в Эколь Нормаль.

Может быть, он просто ничего не знал о социалистической партии, о ее существовании и деятельности? Но не знать этого было нельзя. Социалисты уже смело выступали на политическую сцену. Началась открытая война между ними и всеми буржуазными партиями. Даже Клемансо, возглавлявший наиболее левую партию радикал-социалистов, выступил после Марсельского съезда против социалистов. Это объявление войны последовало 11 апреля 1880 года в цирке Фернандо, где Клемансо встретился со своими избирателями.

— Когда мне предлагают высказаться за коллектив-

ную собственность, — говорил лидер радикал-социалистов, — я отвечаю: нет, нет! Я выступаю за полную свободу и никогда не захочу войти в монастырь и казармы, которые вы готовите для нас.

В то время внимание всей Франции приковано к борьбе за амнистию коммунарам, все еще находившимся в ссылке и на каторге. Начались ежегодные шествия к Стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Четвертое сословие, как теперь именовали рабочих, в отличие от третьего сословия, то есть буржуазии, громко предъявило свои требования.

Но если живая действительность не затрагивала Жореса, погруженного в книги, то ведь в этих книгах в той или иной степени отражалась давняя французская социалистическая традиция, ясно видимая начиная с Великой французской революции. Глубоко изучая историю и философию, Жорес не мог не познакомиться с именами, сочинениями и делами Бабефа, Сен-Симона и Фурье, Луи Блана, Кабэ, Прудона и Бланки. Хотя все они были далеки от научного социализма Маркса и Энгельса, каждый из них по-своему боролся за социалистический идеал. Но, видимо, этот идеал не привлекал Жореса, и, находясь в возрасте, в котором Жюль Гэд и многие другие французские социалисты уже встали на путь борьбы, он не испытывал влечения к социализму.

Правда, в его жизни времен Нормальной школы случались эпизоды, которые, быть может, оказались крохотными искрами, осветившими Жоресу путь к социализму.

В декабре 1879 года он ехал поездом в Париж, возвращаясь из Кастра. Его соседями по вагону оказались рабочие из Верхней Гаронны, направлявшиеся в столицу, чтобы подработать в последние дни Всемирной выставки. Они были веселы и непринужденны и всю дорогу пели народные песни или шуточные куплеты. Завязался разговор, и Жан услышал нечто такое, что резко отличалось от мнений, распространенных в его среде. Соседи вовсе не считали коммунаров преступниками и поджигателями, они чттили их как героев. С волнением высказывали они свою радость увидеть Париж — арену многих революций. Когда вечером поезд, громыхая, въезжал в город, приближаясь к Орлеанскому вокзалу, один из рабочих, вглядываясь в окно, спросил Жана, указывая на смутно видневшуюся вдали высокую заводскую трубу: не Июльская ли это колонна? Революционный

памятник — вот что хотел увидеть прежде всего в столице этот рабочий с юга.

Встреча произвела впечатление на Жореса, и он подробно рассказал о ней в письме к соседу Жюльену, хотя в этом описании не видно ничего, кроме чувства любопытства к необычному для него знакомству.

А картина Парижа со столь бросающимися в глаза признаками глубокого социального неравенства, с контрастами роскоши и нищеты, разве она могла не заставить задуматься столь восприимчивую натуру молодого человека?

— Мне вспоминается, как лет тридцать тому назад, — говорил много позже Жорес, — когда я юношей приехал в Париж, мне однажды представилась картина, вселившая в меня ужас. Мне казалось, что тысячи незнакомых друг с другом и одиноких людей являются бесплотными существами. Я в ужасе спрашивал себя, каким образом случилось, что они мирятся с неравномерным распределением богатств и страданий и почему вся эта громадная социальная постройка не рушится. Я не видел на их руках и ногах цепей и говорил себе: каким чудом объяснить то, что тысячи страдающих и обездоленных людей терпят существующее положение вещей?

Молодой Жорес не мог ответить на вопрос, возникавший в его сознании. И дальше он объясняет причину этого.

— Я не всмотрелся достаточно пристально и не видел, что их сердце сковано путами, их мысль также была скована, но они этого не сознавали.

Не сознавал этого и Жан Жорес. Но он уже ясно почувствовал неладное в окружающем его мире. Его искренние республиканские и демократические убеждения, прочно утвердившееся сознание непреходящей ценности идеалов справедливости и истины, глубочайшая склонность к человечности и ненависть к лжи и несправедливости — все это в сочетании с огромной культурой составляло совершенно определенный духовный облик Жореса в пору его совершеннолетия. Однако он не стал социалистом. Впоследствии ему придется столкнуться с недоверием своих единомышленников по партии, которые не могли простить ему юношеского игнорирования социализма. Между тем надо удивляться не тому, что в Эколь Нормаль Жорес не пришел к социализму, а тому, что вопреки принятой там системе воспитания он

навсегда не ушел от него. Ибо именно это было закономерным плодом учебы в школе для подавляющего большинства ее выпускников.

Наступил момент выпуска. Развернулась борьба за последние, самые почетные лавры. Никто не сомневался, что первым будет один из двух — Жорес или Бергсон. Уже не только в Эколь Нормаль, но и среди всего студенческого населения Латинского квартала Жан приобрел прочную славу оратора. Когда он сдавал последний устный экзамен, зал был набит битком. Только строжайший официальный ритуал помешал слушателям разразиться бурными аплодисментами после окончания речи Жореса. Когда он закончил, слушатели с шумом покинули помещение, и следующий выпускник остался наедине с экзаменационной комиссией в пустом зале. Вряд ли этот стихийный плебисцит пришелся по вкусу профессорам. Возможно, он оказал влияние на их решение. Первым оказался не слишком выделявшийся Лебазей, вторым — Бергсон и лишь третьим — наш герой. Увы, это далеко не последний удар по его самолюбию, Впрочем весьма умеренному. Добродушный характер Жана помогал ему не слишком долго предаваться унынию, хотя на короткое время он легко ему поддавался.

Жорес получил звание «агреже», дающее право преподавания. Чтобы жить поближе к родителям, он попросил назначить его преподавателем философии лицея в Альби, расположенном недалеко от Кастра.

Пять лет учебы в Париже позади, и вот после грустного прощания с Эколь Нормаль, с живописными улочками Латинского квартала, с другом Шарлем Соломоном Жорес, обладающий теперь дипломом и короткой окладистой бородкой, возвращается в родной Лангедок.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ФИЛОСОФИИ

Прекрасное лето 1881 года. Вряд ли в жизни Жореса было время, когда он был бы так безмятежно счастлив.

Знойный июль. Жан лежит на куче снопов в тени дуба, уже лет сто растущего на склоне холма. До октября, когда ему предстоит начать работу в лицее, он может наслаждаться отдыхом и не спеша готовиться к своей новой деятельности. Он уже перечитал десятки

книг старых и новых мыслителей, проштудировал курс греческой философии. Последние дни он проводил с сочинениями Спинозы. Но сейчас, лежа в тени густой листвы, он думает не о теории субстанции этого знаменитого философа. Мысли его, приятные и тревожные, отнюдь не в умозрительной сфере.

...Вчера он провожал мать к мессе. Может быть, божественная благодать коснулась души молодого атеиста? О нет, его всего лишь обязывает долг верного сына, и в прохладе собора, слушая бормотание кюре на «ланг д'ок», он мысленно переводит его на звучную латынь, рассеянно рассматривая поблекшие стены старого храма. Однако вчера он не был рассеян и взгляд его постоянно устремлялся лишь в одну сторону. Да и вид у него необычный. Сам он, во всяком случае, считает себя теперь блестящим денди. Хотя в действительности до этого не дошло, тем не менее Жан в новом костюме, у него новая модная шляпа с загнутыми полями. Что случилось с этим воплощением беззаботной небрежности и мешковатости? Если последовать за направлением взгляда Жана, то все станет ясным: он смотрит на мадемуазель Мари-Поль Пра, которая сидит рядом с матерью.

Ла Круазери, поместье ее родителей, значительно более богатых, чем семейство Жоресов, находилось в километре от Ла Фециаль. Еще детьми они играли вместе. Но и позже аккуратный криволин Мари ни в малейшей степени не побуждал Жана к опрятности в одежде. Но сейчас, когда на смену криволину пришел модный турнюр и Мари превратилась в изящную девушку с глубокими живыми глазами, Жан впервые в жизни перестал пренебрегать заботами о своей внешности.

Мать девушки, мадам Пра, охотно поддерживала знакомство с мадам Жорес, находя ее интеллигентной и утонченной. Она благосклонно относилась и к дружбе своей дочери с Жаном, о парижских успехах которого говорила вся округа.

Возвращались из церкви как обычно. Впереди шли «дети», сопровождаемые взглядами матерей, ступавших на некотором расстоянии позади. Жан, разумеется, говорил, говорил много и хорошо о Париже, о красоте природы, о чувствах, впрочем, здесь он становился крайне робок. Он увлеченно расписывал великолепие столицы, говорил о возбуждении, вызываемом бурным потоком ее жизни.

— Правда, все это дает мозгу слишком болезненное возбуждение. Может быть, счастье в другом месте?

— Здесь? — спрашивает с недоумением Мари, вся розовая от красного зонтика, защищающего ее от солнца, и от этого еще более прелестная.

— Да, здесь, — отвечает Жан, а его глаза добавляю: — Возле вас...

Мадемуазель Мари — веселая, живая, сентиментальная, словом, типичная славная девушка из богатой провинциальной семьи, вся проникнутая романтическими ожиданиями. Красноречие Жана ее увлекает, она с удовольствием читает книги, которые он ей дает, она внимательна, когда он занимается с ней латынью. Все ясно: она к нему равнодушна, и Жан счастливо переживает лирическую дрожь надежд и грез. Смутную тревогу вызывает лишь ее отец, молчаливый и холодный, а главное — очень богатый; ему принадлежит пол-Кастра. Впрочем, свадьба не скоро. Жану предстоит еще укрепить свое положение.

В октябре он начинает обучать философии учеников лицея в Альби. Это старый южный городок, внешне почти итальянский, правда, с меньшим количеством солнца. Родина легендарных альбигойцев XIII века и знаменитого мореплавателя Лаперуза. Два десятка тысяч жителей, множество очень старых домов на узких кривых улочках, древний собор, построенный полтысячелетия назад. Жан видит здесь после шумного Парижа, на расстоянии почти 700 километров от столицы, глубокую провинцию.

Многочисленные письма Шарлю Соломону, который продолжает учебу в Риме, представляют подробную хронику тогдашней жизни Жореса: «Тебе представилась счастливая возможность почувствовать прелесть солнца и античности, — пишет Жан своему другу. — Об этом можно только мечтать. Наслаждайся и будь счастлив, но не забывай тех, кто уже впряжен в плуг и прокладывает первую борозду. Однако не думай, судя по этому пасторальному образу, что я нахожу свою жизнь тяжелой. Прежде всего у меня хорошее стойло и добрая кормушка, затем я занят работой в лицее всего одиннадцать часов в неделю, из них сразу пять часов в пятницу, что оставляет мне полностью свободными четверг, субботу и воскресенье. Эти два последние дня я обычно провожу дома в Ла Фециаль.

У меня пять учеников, все они славные, а один очень способный. Я надеюсь выдвинуть его на конкурс. Не думаю, что я погружаюсь в ленивый сон, нет, я работаю так, как я это могу делать, поскольку я чувствую, что, несмотря на хорошие признаки, бедная машина моего организма не так уж прочна. Что-то такое ее разлаживает, и иногда меня охватывают меланхолические мысли. Однако в конце концов я освобождаюсь от этого с помощью работы; я отделяю свои лекционные курсы и понемногу готовлю мою диссертацию, короче, я стал честолюбив...

В чем я сейчас крайне нуждаюсь, мой дорогой друг, так это в комфортабельном пристанище, чтобы предложить нечто, о чем ты знаешь, если на это будет дано согласие. Мои надежды отложены, но они не разрушены».

Молодой философ по-прежнему мечтает о мадемуазель Мари, начиная между тем свою педагогическую карьеру. Ученики быстро полюбили своего наставника, установившего с ними простые товарищеские отношения. Он подолгу беседовал с ними и за стенами лицея, совершая долгие прогулки по улицам Альби.

Разумеется, необыкновенный дар речи и блестящее знание литературы сразу обеспечили успех лекций Жореса. Он умел оживить скучную философскую материю цветами ярких образов Вергилия, Паскаля, Рабле. Хотя он тщательно готовился и все лекции у него были заранее написаны, он читал их, не прибегая к тексту.

Чему же учил Жорес своих первых учеников? Курс философии в лицее представлял собой в основном сведения об истории философских учений от античности до современности. Преподаватель не был обязан придерживаться какой-либо одной философской системы и имел большую самостоятельность. Это позволяло Жану сообщать своим ученикам нечто отличное от обычного идеалистического, часто даже религиозного характера курсов философии, читавшихся во французских лицеях. У него уже складывается совершенно рационалистическая система философских взглядов. Вот он в аудитории, приветливый, добрый, слегка возбужденный внимательными взглядами учеников.

— Так вот, друзья, на чем мы остановились? Да, да, помню, на коренной проблеме бытия. Итак, если бы жизнь была, как утверждают анимисты или виталисты,

проявлением некоей нематериальной силы, возникшей однажды в природе, тогда она представляла бы совершенно неожиданное, не подготовленное предыдущим развитием явление. Материалистическая доктрина, рассматривающая жизнь как деятельность материи с ее различными химическими и физическими материальными свойствами, сводящимися к простейшим элементам, имеет на своей стороне и логику и науку...

Жорес, таким образом, излагал своим ученикам несомненный материализм. Однако все было гораздо сложнее, ибо одновременно с признанием реальности материального мира Жорес высказывает свое убеждение в существовании второго, нематериального, духовного начала.

— Верно, — продолжает он, — что существует вечная материя, так как ни одна из ее частиц не может быть создана из ничего или бесследно уничтожена. Верно также, что всюду присутствует движение, без которого нет ничего. Но тем не менее при помощи материи и движения нельзя объяснить малейшее проявление человеческого или животного сознания и ощущения. В самом деле, между движением слухового нерва и звуком, между вибрацией зрительного нерва и цветом, между ранением и острой болью нет ясной связи, которую можно понять и увидеть. Поэтому наука сама по себе не может объяснить основы вселенной.

Здесь уже иная песня. Жорес проповедует самый примитивный идеализм, который противоречиво переплетается у него с признанием материальности мира. Дуалистический, эклектический характер философских взглядов Жореса несомненен. Однако превалирует все же материалистическая тенденция. Именно сюда устремляются его склонности и симпатии. Ведь не случайно он выбрал для своей диссертации, которую он уже готовит, совершенно материалистическую тему: «О реальности чувственного мира».

А этот мир доставляет Жану отнюдь не всегда приятные ощущения. 27 мая 1882 года его отец, уже много лет прикованный болезнью к постели, умирает в возрасте 63 лет. Жан совершает печальный обряд погребения, искренне переживая смерть далекого по духу, но дорого и любимого отца. Вскоре после этого мать переселяется к сыну в Альби.

Потом еще один удар. 11 марта 1883 года с глазами, полными слез, Жан пишет своему другу Шарлю Соло-

мону, что все его надежды на личное счастье внезапно рухнули. Неожиданно он узнал, что мадемуазель Мари-Поль выходит замуж за местного молодого адвоката. Она подчинилась требованию отца, считавшего, что адвокат со средствами гораздо солиднее бедного учителя. Жан с горечью пишет Шарлю о таинственной загадочности женской души, о риске в любви: «После явных авансов, продолжавшихся до последнего времени, почему этот внезапный поворот? Это тайна для меня и для многих других. Это вызвало у меня такое удивление, такой переворот во всех моих представлениях, что не осталось места для горя...» Но Жан догадывается о главном: причина его неудачи — власть денег, которых у него слишком мало. Так он впервые болезненно ощутил на себе оковы буржуазных отношений. Многие иллюзии были поколеблены, и горечь обиды и унижения помогла нашему философу приобрести несколько более ясные представления о действительности.

Теперь уже ничто не удерживает его поблизости от Ла Фециаль. К тому же снова счастливый случай способствует повороту в его судьбе. Однажды лицей посетил инспектор г-н Перру, ректор университета в Тулузе. Он побывал у Жана на занятиях и пришел в восторг, назвав его «молодым чудом». Если первый покровитель Жана, Феликс Дельтур, был человеком старых взглядов, клерикалом и монархистом, то это деятель просвещения новой формации, убежденный республиканец и поборник светской школы. Он проникся к Жоресу искренней симпатией, превратившейся в длительную дружбу. В ноябре 1883 года Жан получает должность руководителя семинара и переселяется в столицу Лангедока Тулузу, крупный экономический и культурный центр, где жизнь была гораздо интереснее, чем в маленьком Альби.

Жорес поселился с матерью в светлом, красивом доме на улице Фризак. Мать и сын ведут скромную жизнь. Жан трогательно заботится о старой Аделаиде. Ей уже за шестьдесят, и болезни все сильнее дают о себе знать. Особенно тревожило Жана ослабление зрения матери. Это лишало ее любимого удовольствия — чтения. Жан ежедневно сопровождает свою мать на прогулку по тенистым аллеям скверов. Нежная забота Жана о матери умиляла его друзей и коллег.

Он ежедневно встречается с ними в кафе де ля Пэ.

Здесь идут долгие дискуссии, и Жан в самом центре борьбы мнений. За чашкой кофе обсуждаются проблемы политики, литературы, философии. Новая среда, в которой оказался Жорес, давала ему несравненно более богатую духовную пищу, чем в Альби.

Да и уровень его преподавательской деятельности способствует дальнейшему духовному росту Жореса. У него теперь двадцать студентов, и многие готовятся к званию лиценциата. Ему снова удалось очень быстро завоевать любовь и уважение учеников.

Но основным занятием этого времени является диссертация, начатая еще в Альби.

Вот как Жан определял основное содержание и смысл своей диссертации: «Вопреки всем идеалистическим доктринам я хотел бы показать, что внешний мир, воспринимаемый нашим мозгом, независимо существует вне нас. Наше сознание усиливает, проясняет все впечатления, приходящие извне, но оно не может создать или изменить их.

Вне нас имеется красное, голубое, фиолетовое, и если бы все открытые глаза в мире сразу закрылись, все равно красное, голубое, фиолетовое продолжало бы существовать. Это происходит со всеми видами явлений, составляющих внешний мир. Точно так же обстоит дело с временем и пространством, которые, как говорил Кант, не являются формами наших чувств, группирующими и подчиняющими факты в соответствии с нашими потребностями и без всякой реальной связи, но естественными основными формами существования вселенной. Это также относится и ко всем категориям субстанции, бытия, причинности, которые представляют собой не абстракции или фикции нашего сознания, но постоянные и глубокие свойства действительности, законы, на основании которых она развивается. Именно поэтому человеческое сознание может определить основу, происхождение и предназначение мира, и поэтому философия не является какой-то химерой».

Как будто нет никаких оснований сомневаться в материалистическом характере мировоззрения Жореса. Его учитель, которому он посвятил свою диссертацию, Поль Жане, профессор Эколь Нормаль, еще раньше с удивлением говорил:

— Я уже тридцать лет преподаю философию и в первый раз вижу человека настолько наивного, как Жо-

рес, чтобы серьезно верить в существование чувственного мира.

Действительно, он верил в это, хотя в то время господства идеализма во французских университетах такая вера и в самом деле была редким явлением. Однако свой материализм Жорес настойчиво пытался примирить с идеализмом. Об этом ясно свидетельствует его диссертация «О реальности чувственного мира». Вообще она мало напоминает обычную философскую работу, напичканную туманной терминологией и не поддающуюся чтению. Диссертация написана поистине не столько философом, сколько художником. В ней больше всего не логического анализа, а художественного воображения. Стиль этой работы отличается риторичностью, она построена на образах и носит в этом отношении явное влияние столь любимого Жоресом Виктора Гюго. Некоторые находят, что диссертация Жореса является не столько философским, сколько поэтическим произведением. И действительно, подобно поэтам, Жорес видел за сухой материей незримое присутствие духа, идеи, даже бога. Разумеется, бога не в виде богочеловека, а в образе некоей нематериальной сущности всего, таинственной высшей гармонии, управляющей мирозданием.

Несмотря на основной материалистический тезис диссертации, она носит следы влияния немецкого философа-идеалиста Шеллинга. Но особенно явный отпечаток на ней оставили идеи Эрнеста Ренана, которым Жорес не переставал восхищаться. Для него, как и для Ренана, коренной вопрос философии является тем же, который по-своему пыталась решить религия. Он даже считает вообще искусственным отделение философии от религии. Так, идеализм и мистицизм сочетаются у него со здоровыми идеями материализма.

Жорес выступает против субъективного идеализма. Он критикует сочинения своего коллеги по Эколь Нормаль Анри Бергсона, уже приобретавшего известность философа, считавшего, что мир надо познавать не с помощью разума, а путем интуиции.

Но и в критику идеализма он вносил нечто иррациональное. Для него мышление, разум не есть продукт материи, а нечто особое и совершенно нематериальное. Действительность — синтез материи и духа. Попытка слияния идеализма и материализма привела к очень аморфным, смутным положениям. Философия Жореса

не имеет, таким образом, простых, ясных, четких граней и последовательных твердых принципов. Она эклектична и далеко не соответствует высшим достижениям науки того времени. Жорес писал свою диссертацию, искренне стремясь внести ясность в свое собственное мышление. Для него эта диссертация не была вопросом получения ученой степени, а средством укрепления своего мировоззрения на костяке ясных философских идей. Жан достиг этого в небольшой степени.

По-видимому, Жорес почувствовал, что философия сама по себе не может дать ему ответ на вопрос о коренных основах жизни, что ответ на этот вопрос можно найти лишь в самой жизни. Однажды он говорит одному из своих друзей:

— Я хочу вернуться из философских глубин на бурную, кипящую поверхность жизни. Да, мои занятия вместо того, чтобы уводить меня от политики, толкают к ней. Я надеюсь, что там я встречу больше испытаний для иллюзий мышления, чем в глубоких дебрях, где обитает философия.

Хотя в провинции Жорес уже не мог наблюдать большую политику своими глазами, посещая заседания палаты, он внимательно следит за политической жизнью Франции. Его студенты видят, как в перерывах между лекциями он внимательно читает местную республиканскую газету «Депеш де Тулуз», которая печатала обильную политическую информацию. Жорес публикует свои первые заметки в этой газете за подписью «Читатель». Его друг ректор Перру называл некоторые из них настоящими шедеврами.

В 1881 году, когда Жан вернулся из Парижа, происходили новые парламентские выборы. Он даже принимает участие в избирательной борьбе, помогая избранию в Кастре нотариуса Кавалье, умеренного республиканца. Агитируя за своего кандидата, он проявил исключительный динамизм и огромную силу убеждения.

Жорес все еще сохраняет юношеское увлечение Гамбеттой, но он уже отказывается от некоторых наивных иллюзий. Героический период Третьей республики, когда все республиканцы сплоченно выступали против монархистов, утверждая шумными реформами буржуазно-демократический строй, уже проходит. Оказавшись у власти, умеренные республиканцы давно стали консерваторами, а их знаменитый трубадур Леон Гамбетта

изобрел политику беспринципного оппортунизма. Оппортунисты цинично использовали свое положение для мелкой борьбы за выгодные посты, не упуская случая поживиться. Жорес видит теперь в деятельности палаты прискорбный спектакль, где он не ощущает живого дуновения. Он наблюдает, как его кумир Гамбетта окончательно утрачивает свой прежний республиканский пыл, как резко падают его авторитет и влияние, особенно после непродолжительного существования первого и последнего правительства Гамбетты, не удовлетворившего никого.

— Да, в прошлом, во времена своего расцвета, — говорил Жорес, — Гамбетта знал, чего он хотел. Но это было до тех пор, пока он не почувствовал усталости и отказался поэтому от своих прежних высоких целей.

Жорес еще очень смутно разбирается в политической обстановке. Он не понимает и не поддерживает прогрессивной в то время деятельности радикалов, возглавляемых Клемансо. Его симпатии по-прежнему на стороне Жюлья Ферри, который в эти годы наряду с завершением буржуазно-демократических реформ устремляется в колониальные авантюры в Тунисе и в Индокитае. Жорес приветствует завоевание колоний. И он по-прежнему совершенно далек от социалистов, которые после своего Марсельского съезда впервые выходят на арену парламентской борьбы, участвуя в выборах 1881 года. Правда, социалистическая партия оказывала влияние лишь на незначительную часть рабочих. Гораздо больше их шло за Клемансо. Экономический кризис начала восьмидесятых годов привел к ухудшению положения рабочих. Французские пролетарии еще не имели сильной политической организации, боевых профсоюзов. Широко распространяется анархизм, опиравшийся на рабочих, связанных с мелкой буржуазией.

В момент, когда окончательно расколотые республиканцы занялись распрями между собой, снова поднимают голову монархисты-бонапартисты и орлеанисты. Словом, в сложной политической картине трудно было бы разобраться даже более искусственному человеку, чем молодой Жорес. В конечном итоге он пришел к выводу, что выход заключается в оздоровлении республики путем строгого соблюдения принципов морали, путем разоблачения и изгнания карьеристов, спекулянтов, проходимцев и невежд.

Медленно, но все более властно им овладевает желание заняться политикой. К тому же друзья все чаще советовали ему воспользоваться даром удивительного красноречия на благо республики.

— Вы созданы для политики, — говорил ему старый друг Жюльен. — Признайтесь, что в душе вы стремитесь к ней.

— Я не отрицаю, что время от времени я прислушиваюсь к шуму политических бурь, что, возможно, меня подхватит течение. Но я еще не уверен в этом, я чувствую в себе внутреннее сопротивление. Все говорит мне, что я создан для более спокойной жизни. Будущее мне неясно...

Впрочем, если бы меня назначили секретарем парламентской группы, — внезапно оживляясь, продолжал Жорес, — я не только способствовал бы тому, чтобы наша бедная страна перестала быть посмешищем в мире, но имел бы мужество противопоставить свои убеждения этим политикам из кафе, заставляющим дрожать наших политических противников.

— Вы будете депутатом!

— Как знать? Может быть, года через четыре... Если бы у меня была возможность оказать своей родине услугу путем устранения некоторых кандидатов, самых пустых и самых рабленых из ярых реакционеров, которых вы хорошо знаете, то сделать это было бы моим долгом. Думаю, что, наверное, я попытаюсь.

Однажды, закончив свою лекцию, Жорес, окруженный группой студентов, шел по коридору факультета. Сильный шум, доносившийся из большой аудитории, привлек его внимание.

— Что там происходит?

— Это бывший депутат империи Эстанселен читает политическую лекцию.

— А ну, пойдем послушаем, — сказал Жорес.

Войдя в амфитеатр, он увидел полную аудиторию. Бонапартист громил республику и ее лидеров.

— Некий Жюль Ферри! — кричал он визгливо...

— Я требую слова! — загремел Жорес, охваченный внезапным волнением.

Все обернулись.

— Не мешайте оратору! — раздались крики.

— Я профессор этого факультета и, полагаю, имею

право говорить здесь, — громко отвечал Жорес, чувствуя, что теперь отступить поздно.

Сначала слушатели встретили ледяным равнодушием пылкие доводы Жореса в защиту республики и Жюля Ферри. Здесь было много политических единомышленников г-на Этанселена. Но постепенно Жорес растопил аристократическую аудиторию и закончил свою импровизацию под овацию всего зала. Он впервые столь сильно ощутил опьянение ораторским успехом. Жорес сумел одержать верх над противником, завоевать на свою сторону равнодушную и даже враждебную публику, взволновать ее и увлечь за собой.

— Какой замечательный подъем! — воскликнул ректор Перру. — Это Гамбетта на процессе Бодэна!

Выражение ректора обошло всю Тулузу. Многие предсказывали Жану успешную карьеру политического деятеля. Но Аделаида была встревожена. Его деятельность в университете, блестящая и спокойная, началась так хорошо. Мать опасалась, что политика вовлечет ее сына в опасные волнения и конфликты. Как раз недавно умер Гамбетта при таинственных и слегка скандальных обстоятельствах. Ходили слухи, что его любовница, фанатичная католичка Леони Леон, стреляла в него и ранила в руку. Рана оказалась пустяковой, но через месяц знаменитый оратор скончался от воспаления кишечника.

— Подумай, Жанно, Гамбетта умер, едва прожив срок лет, — с тревогой говорила она сыну.

Мадам Жорес решила воспользоваться влиянием адмирала Жореса, которого Жан очень уважал. Адмирал, отнормившийся с симпатией к племяннику, не разделял опасений его матери.

— Дорогая кузина, — говорил он, — дайте ему свободу, он вас не огорчит. Он знает, что делает, и ни я, ни вы не можем ничего изменить. Все естественно и закономерно. Поверьте, Жан идет в политику, как утенок идет в воду...

Впрочем, ведь был еще один способ поставить Жана на стезю спокойной жизни: его надо женить! После печальной истории с Мари-Поль Пра мадам Жорес не переставала думать об устройстве личных дел своего сына, который так непрактичен. Надо срочно подыскать ему невесту.

События развивались в точном соответствии с классическими канонами буржуазных брачных обычаев. Мадам

Жорес была знакома с одной торговкой зонтиками на улице Тимбал в Альби. А у той была прекрасная знакомая, владелица поместья недалеко от этого города мадам Делла, также заядлая сваха. Обе почтенные дамы пришли к заключению, что для молодого профессора прекрасной партией будет мадемуазель Луиза Буа, дочь богатого торговца сыром. Ее уравновешенный и тихий, спокойный характер, а также ее приданое принесут сыну мадам Жорес недостающую ему респектабельность. А он в ней, несомненно, нуждается. Все говорят, что он станет депутатом. Что касается семейства Буа, то там решили, что зять-депутат, возможно министр, — это совсем неплохо.

Жану дали возможность «случайно» встретить Луизу, когда она покупала зонтик в уже упомянутой лавке. Затем последовала официальная встреча с чаем и печеньем. В разговоре с невестой Жан при желании мог бы легко убедиться, что красивое холодное лицо Луизы, ее круглые глаза не скрывают за собой никаких мыслей. Но она оказалась ему олицетворением очаровательной наивности и скромности, а главное, красоты, столь цветущей и холерной. Какие могут быть сомнения при этом у молодого человека в 25 лет, да еще и столь простодушного, как наш герой? Он снова почувствовал себя влюбленным, хотя на этот раз все далеко не было таким романтическим, как с Мари... Что касается Луизы, то она не выражала никаких чувств, да, пожалуй, вряд ли они могли быть чем-либо, кроме обыкновенного стремления девушки к замужеству.

Итак, предложение было сделано. Вскоре свахи передали мадам Жорес официальный ответ г-на Буа, человека столь опытного в искусстве купли и продажи. Родители Луизы сочли, что молодой Жорес заслуживает, разумеется, всяческого внимания, но они все еще не могут расстаться со своей дорогой дочкой. Они дали понять, что положение жениха не кажется им еще достаточно солидным, чтобы противостоять осязаемому обилию их сыров. Конечно, если перед ним откроются более серьезные и надежные перспективы, то они будут счастливы видеть его своим зятем. Они уже сейчас рады сообщить, что назначают в приданое дочери небольшое, но такое приятное поместье Бессуле...

Хотя это и не было категорическим отказом, Жан вновь получил возможность подумать о моральных основах буржуазного образа жизни. Впрочем, ему пода-

вали определенную надежду. Ну а препятствия в подобных делах лишь усиливают стремление к достижению цели. Возможно, что вся эта ситуация в какой-то мере способствовала окончательному решению Жана вступить в политику, чтобы завоевать невесту через парламент.

А события в этом направлении развивались самым решительным образом. Жорес уже был знаком с видными республиканцами департамента Тарн. Трудно сказать, кому первому пришла в голову мысль выдвинуть кандидатуру Жореса. Но эта идея носилась в воздухе. Как-то в 1884 году он зашел навестить своего старого учителя Сюра. Этот активный республиканец работал теперь в муниципалитете Тулузы. Сюр стал убеждать Жореса выставить кандидатуру в палате депутатов.

— У меня нет связей, и я не имею денег, — отвечал Жан, который уже получил необходимое представление о том, какими средствами чаще и легче всего добиться депутатского мандата.

— Вашего красноречия будет вполне достаточно, — заявил более старый и опытный республиканец.

А в это время сенатор Барбей, председатель департаментского генерального совета, искал пятого кандидата, который был бы способен с блеском и красноречием отстаивать программу умеренных республиканцев. Список остальных был достаточно солидным, но ему не хватало привлекательности. Сенатор предложил Жоресу представить свою кандидатуру на съезде республиканских нотаблей департамента, собравшемся 16 августа 1895 года в Альби для выдвижения республиканского списка на предстоящих выборах. Большинство делегатов с энтузиазмом одобрило кандидатуру Жореса. Имя будущего великого социалиста оказалось в списке кандидатов рядом с именем фабриканта Физье.

ДЕПУТАТ ЦЕНТРА

Рано утром по одной из окраинных улиц Тулузы шел молодой человек, коренастый, с крупной головой, покрытой пышными светлыми волосами, с небрежной рыжеватой бородой, обрамлявшей полные и красные щеки. Это был наш герой, одетый, как обычно, в поношенную черную куртку, какие носили университетские работники, в серые брюки, вытянутые на коленях, в выгоревшую

на солнце шляпу-канотье. Пыльные ботинки и измятая на спине куртка свидетельствовали о том, что он с дороги. Его часто мигающие голубые глаза рассеянно смотрели по сторонам, а мысли были заняты делом, ради которого он только что съездил в Альби. Там он получил текст избирательного манифеста республиканцев Тарна, который ему поручили быстро сократить, сделать его впечатляюще ярким и логически неотразимым.

— Главное, — говорил ему один из главных республиканцев Альби, — показать успехи правительства Ферри, которое два года служило Франции. Надо убедить избирателя, что благодаря ему республика укрепилась и процветает, что она и только она делает нацию счастливой...

И вот сейчас Жорес, уже прочитавший в дороге посторонний и скучный текст, думал о том, как превратить его в короткий и яркий, как показать в нем достижения республики и разбить доводы ее врагов справа и слева. Он шел вдоль каменной стены, за которой стояли кирпичные здания казарм, занятых солдатами нехотного полка тулузского гарнизона. Когда Жорес уже приближался к воротам казармы, у которых ярким пятном выделялся часовой в красных штанах и голубом мундире, он услышал странные звуки. В утренней тишине пустынной улицы громко раздавались тонкие голоса детей, толпившихся серой, бесформенной массой недалеко от ворот. Здесь стояла походная кухня, буквально увязшая в тесной толпе малышей, одетых в лохмотья, босых, нечесанных, грязных. Они толкали друг друга и, протягивая над своими темными и светлыми головками жестяные миски, тянулись к солдату, наливавшему в них какую-то бурюю жижу. Другой солдат раздавал отрывки хлеба, бросаая мелкие куски прямо в миски с жидкостью. Дети отчаянно кричали и сбивали друг друга с ног. Получив свою долю, многие не могли выбраться из груды тел и донести добычу не расплескав до спокойного места у стены, где счастливики, усевшись на корточки, вылавливали руками хлеб и жадно поглощали жидкость. Тогда неудачники снова с криком и плачем бросались в свалку, громко умоляя налить еще...

Сначала Жан не мог понять, что происходит. Но потом, остановившись против ворот, украшенных девизом республики: «Свобода, равенство и братство», он вспомнил газетную заметку, которая хвалила приказ генерала,

командовавшего гарнизоном, раздавать по утрам остатки солдатского хлеба и супа голодным детям рабочих многочисленных фабрик города. Вот она, Франция, думал Жорес, та самая, где люди так прекрасны, природа так щедра и красива, которую он так любил. Франция обожаемой им республики. Ведь он должен теперь убеждать голосовать за нее. Растерянный и печальный, стоял он у ворот казармы до тех пор, пока солдат не спрыгнул с облучка кухни с опустевшим котлом, с помощью товарища потянул ее во двор казармы, а дети, одни сытые, довольные и даже веселые, другие всхлипывающие от горя неудачи и размазывающие грязные слезы, стали расходиться маленькими кучками.

А ведь они могли бы прийти сюда со своими отцами и старшими братьями, сильными, гневными и смелыми, и взять пищу силой! И даже не здесь, а в тех роскошных домах центральных улиц, где так много хлеба, мяса, дичи, фруктов, вина. Но это же будет Коммуна, анархия, кровь и ужас...

Разрозненные мысли о родине, о жизни народа приходили ему в голову, когда он медленно шел к своему дому, где мать ждала его, готова вкусный и обильный завтрак.

Сложную, пеструю, тревожную картину представляла Франция накануне выборов 1885 года. Измученные нищетою, голодом, изнуряющим трудом по 12—14 часов в сутки, рабочие бастовали, часто без ясной цели, без руководителей и без успеха. В 1884 году несколько десятков тысяч шахтеров угольного бассейна Анзен, принадлежавшего семейству крупных капиталистов, спекулянтов, политиков Казимир-Перье, не работали полтора месяца. Правительство республиканцев послало войска для жестокой расправы с шахтерами, протестовавшими против запрещения профсоюзов. Большинство стачек — а их ежегодное число увеличилось за пять лет в три раза — заканчивалось поражением рабочих.

С приближением выборов усиливалось напряжение в парламенте. До марта 1885 года больше двух лет палата поддерживала правительство Жюль Ферри, того самого, кого столь блестяще защищал Жорес от нападок бонапартиста на импровизированном диспуте в одной из аудиторий университета Тулузы. Теперь Ферри уже не был прежним смелым реформатором. Он яростно выступал против всех радикальных реформ. Он не хотел и слышать

о демократизации конституции, об отделении церкви от государства и ликвидации бюджета культов, об ограничении коррупции, о социальных законах в пользу трудящихся. Словом, как говорили тогда во Франции, если в первые годы после Коммуны, примерно до отставки Мак-Магона, была республика без республиканцев, то теперь господствовали республиканцы без республики.

Ферри уже думал не столько о борьбе с монархистами и церковью, сколько о подавлении рабочего движения и социализма. «Опасность слева», — провозгласил Ферри знаменитый лозунг, превратившийся с тех пор в главную заповедь французской буржуазии. Ферри почти узаконил систему безудержной коррупции. При нем нагло торговали выгодными постами, разными синекурами, даже орденами. Он открыто покровительствовал крупному капиталу, и банки использовали его поддержку для самых бесстыдных махинаций. То была эпоха чудовищных афер и спекуляций, столь ярко запечатленная в романах Эмиля Золя и Мопассана. Закон о железных дорогах, проведенный Ферри, был грабежом нации в пользу частных компаний.

Но главным полем его деятельности стали колонии. Сначала он, обманывая парламент, затеял тайком войну в Тунисе и добился установления французского протектората над этой страной. Потом столь же скандальным образом началась война за захват Индокитая, или, как тогда говорили, Тонкина. Ферри добивался от палаты многократных ассигнований на войну, уверяя, что войны, собственно, нет, а идут случайные и неопасные мелкие операции. Действуя по поручению банков и крупнейших компаний, жаждущих колониальных богатств и рынков, он вел Францию от одной авантюры к другой, ослабляя ее позиции в Европе перед лицом все более могучей милитаристской Германии.

В конце марта 1885 года опасная игра Ферри стала серьезно тревожить многих французов. Как ни далек был Индокитай, но и оттуда дошли наконец известия о критическом положении французского экспедиционного корпуса, на содержание которого уже было брошено так много денег. В Париже все громче раздавались угрозы по адресу «тонкинца», как прозвали Ферри. И вот 30 марта он потребовал от палаты ассигнования сразу 200 миллионов франков в связи с тяжелым поражением французских войск, сдавших 25 марта Лонг-Сон.

Ферри держал себя, как всегда, нагло, рассчитывая, что парламент, уже два года сквозь пальцы смотревший на его авантюры в пользу крупного капитала, и на этот раз поддержит правительство. Он не учел одного: приближения выборов. Он не понял, что означает толпа, собравшаяся у Бурбонского дворца, в которой уже раздавались призывы сбросить Ферри в Сену.

Но большинство депутатов отлично сознавало опасность открытой поддержки Ферри перед выборами. Голосовать за него — значит обречь себя на поражение. Поэтому они поддержали яростное наступление против правительства, развернутое Клемансо. Лидер радикалов обвинил его в государственной измене и подверг министров убийственной критике, которая как топор обрушилась на кабинет. «Перед вами не министры, — восклицал Клемансо, — а обвиняемые!» 306 депутатов проголосовали против правительства и 149 — за. Ферри стал козлом отпущения для многих республиканцев-оппортунистов, испугавшихся, что недовольство политикой «тонкинца», завоевавшего исключительную непопулярность, слишком дорого им обойдется. Кабинет, казавшийся столь прочным, пал в позоре и бесчестье. Сам Жюль Ферри выбрался из Бурбонского дворца через потайную заднюю дверь, опасаясь гнева толпы, ожидавшей его у парадного входа.

И вот именно эту политику надо было защищать и представлять молодому Жоресу, который еще со времен своей учебы в Эколь Нормаль, когда Ферри проводил свои антиклерикальные реформы, стал его верным поклонником. Конечно, многое, слишком многое вызывало у него тревожные сомнения. Но он еще, видимо, верил Ферри, когда тот говорил, что если бы деятели Великой французской революции «могли бы подняться из своих могил, то они сказали бы нам: французы 1883 года, республиканцы, вы были мудрыми». Жорес видел эту мудрость в том, что Ферри способствовал укреплению республики проведением конституционного закона 1884 года. В этом законе содержалась знаменитая формула, оказавшаяся серьезным ударом по замыслам монархистов: «республиканская форма правления не может быть предметом предложения о пересмотре. Члены семей, царствовавших во Франции, не могут быть избраны на пост президента республики».

Точно так же Жорес одобрял и другие законы Ферри:

о признании профсоюзов, о расширении самоуправления городских и сельских коммун, о восстановлении права развода. Он приветствовал и политику присоединения колоний, считая ее средством распространения цивилизации и французской культуры среди отсталых народов. Жорес не разделял сурового осуждения колониальной политики Ферри со стороны радикалов типа Клемансо. Кстати, это мешало ему оценить прогрессивную в то время программу дальнейшей демократизации республики, которую отстаивал лидер радикалов.

Впрочем, Жорес отнюдь не считал, что его избрание в палату по списку республиканцев-оппортунистов, защищавших в основном политику Ферри, сделает для него обязательной полную поддержку в дальнейшем их действий или лишит его права на критику их ошибок, наличие которых, кстати, он признавал уже в ходе своей первой избирательной кампании. Нельзя целиком исключить также возможность временного компромисса с его стороны. Ведь кандидатуру Жореса выдвигали и поддерживали именно республиканцы-оппортунисты...

Итак, на выборах 1885 года сторонники республики не выступали уже единым фронтом. Они разделились на оппортунистов и радикалов. Монархисты, напротив, повсюду выставили единый список консервативного союза. Что касается департамента Тарн, то там противостало два списка: консерваторов и республиканцев-оппортунистов. Но таких случаев было немного. Чаще всего боролись три списка — консерваторов, оппортунистов и радикалов. В двадцати департаментах к ним прибавился четвертый, самостоятельный список социалистов.

Социалисты имели теперь научную революционную программу, составленную Гэдом с помощью Маркса и Энгельса и принятую в 1880 году на съезде в Гавре. Но они не были уже единой партией. В 1882 году произошел раскол и стало две рабочие партии — гэдистов и так называемых POSSИБИЛИСТОВ, возглавляемых Малоном и Бруссом. Они отказываются от подготовки революции и объявляют, что будут добиваться социализма с помощью одних лишь реформ. Гэд тоже ошибался, но в противоположном духе. Он пренебрегал реформами и политической борьбой внутри буржуазного общества. Кроме этих двух социалистических партий, возникли отдельные группировки бланкистов, прудонистов и других. Словом, французский социализм оказался в довольно хаотическом со-

стоянии. И все же активное выступление социалистов было наиболее знаменательной чертой выборов 1885 года.

Пестрая картина предвыборной борьбы в полной мере отражала специфику республиканской Франции. Чрезвычайная активность народных масс, традиционный индивидуализм, воплощенный в поговорке, что у каждого француза в душе собственная политическая партия, наконец, социальная структура страны и традиции необыкновенно осложняли и запутывали политическую жизнь. Большинство избирателей принадлежало к мелкой буржуазии, той самой, про которую говорили, что у нее сердце слева, а бумажник справа. А это создавало почву для роста самых различных политических тенденций от крайне правых до самых левых.

В избирательной кампании 1885 года радикалы громили оппортунистов, а оппортунисты всех левых. Социалисты же боролись как против всех, кто правее, так и между собой. Крайне правые, то есть монархисты и клерикалы, ловко использовали противоречия в лагере республиканцев.

Правда, в Тарне было гораздо проще, поскольку противостояло только два списка. Но и здесь шла ожесточенная борьба. Список консервативного союза возглавлял барон Рей, председатель административного совета компании, владевший шахтами в Кармо. Консерваторов активно поддерживала церковь, развернувшая под руководством архиепископа Альби бешеную травлю республиканцев. «Республика, — твердили монархисты и церковники, — вышедшая из лоно революции, является очагом мятежа и раздора, она истерзала страну, а теперь сама себя терзает».

Молодой республиканский кандидат Жорес сразу же подвергся грубым и клеветническим нападениям. В первый момент он казался крайне растерянным и удрученным, так что его друг Жюльен даже обратился к нему с ободряющим письмом. Жан отвечал ему, что он смело идет навстречу судьбе, какой бы она ни была, поскольку в действительности он не замешан ни в каких интригах и не служит ничьим корыстным интересам; его утешает сознание, что поэтому он сохранит уважение и симпатии большинства.

Но надо было действовать и бороться, и, как предсказывал адмирал Жорес, наш утенок смело бросается в воду.

В ярмарочный день в Лаконе сенатор Барбей представляет избирателям молодого кандидата. Слухи о возможности услышать хорошую речь собрали в большом сарае немало народу. Здесь крестьяне, виноградари, рабочие, мелкие торговцы.

Жорес неловкой походкой выходит на трибуну, состоящую из толстой доски, лежащей на двух бочках, кладет на одну из них неизменную шляпу-канотье и, подняв широкий выпуклый лоб, окидывает взглядом аудиторию. Нервный тик подергивает его бровь. Но это отнюдь не признак растерянности. Он уже давно почувствовал себя оратором и спокойно начинает речь, несколько необычную, без пошлой избирательной демагогии, но с широкими, пожалуй, слишком абстрактными обобщениями, которыми он доказывает преимущества республики перед монархией. Правда, все это отдает университетским курсом. Но он оживляет свою лекцию захватывающим человеческим чувством, и его слушают затаив дыхание:

— Говорят, что республика совершала ошибки. Но является ли это достаточной причиной, чтобы отказаться от нее, голосуя за монархистов? Нет, сто раз нет! Потому что только республика может исправить их. При короле тоже совершаются ошибки, но тогда перед нами лишь два пути — либо подчиниться капризному режиму, склонив головы, либо начать гражданскую войну и пойти на баррикады, проливая кровь французов. Но при республике ошибка может быть исправлена, ибо каждый может критиковать и способствовать тем самым изменению национальной политики. Единственная форма правления, которая может оплошиться без непоправимого вреда, — это республика, режим народного контроля, обсуждения и свободы...

Жители Лангедока любят и ценят хорошую речь. И они награждают оратора бурной овацией и долго не расходятся. Покидая наконец сарай, они на ходу продолжают аплодировать.

— Такой голос стоит миллиона, — слышно из толпы. Жорес выступает в Кастре, Альби, Кармо, Сэксе, Пампелоне, Сент-Амане Ревели и других местах департамента. Собрания избирателей устраивают в мэриях, школах, амбарах, трактирах, а чаще всего под открытым небом. Главное содержание всех речей направлено против монархистов и клерикалов.

— Они осмеливаются говорить о разбазаривании на-

ших финансов, — гремит голос Жореса. — Они, кто оставил нашей стране долг в 20 миллиардов! Они осмеливаются говорить о налогах. Они, которые отвечают за 650 миллионов ежегодных расходов, связанных с разрушениями 1870 года. Они осмеливаются говорить о войнах, они, кто за 18 лет втянул нашу страну в бессмысленные и разрушительные войны в Крыму, в Италии, в Китае, в Мексике и, наконец, в эту преступную войну 1870 года, которая изувечила Францию и стоила нам 200 тысяч солдат, миллиарда расходов и 5 миллиардов контрибуции, стоила Эльзаса и Лотарингии! Империя потеряла две провинции. Республика дала нам две колонии!

Впрочем, когда наш кандидат в депутаты заводит речь о колониальной политике, то он выступает уже не против монархистов, а против радикалов. В пропаганде Клемансо против Жюльера Ферри важнейшее место занимала резкая критика авантюристической колонизаторской политики оппортунистов. Жорес решительно защищает эту политику, о которой он имел в то время поразительно наивное представление. Он игнорирует тот факт, что заморские завоевания нужны не Франции в его представлении, а лишь ее банкирам и промышленникам. Он полагает, что речь идет не о захвате рынков и источников дешевого сырья, а о создании «другой Франции» путем распространения французского языка. Он считает колониальные народы детьми, которые будут счастливы приобщиться к французской культуре. Им надо, по его мнению, дать элементарные понятия о французской истории, культуре, экономике, дать представление о христианстве. Этот атеист думает, что для туземцев религия будет играть цивилизаторскую роль, поэтому она представляет собой хороший предмет вывоза. Взгляды Жореса выражали какой-то своеобразно благодушный шовинизм.

Но в его предвыборных речах появились моменты, очень интересные с точки зрения его будущей эволюции. 5 сентября в Кастре он говорил, что республиканцы должны содействовать социальным реформам, чтобы улучшить положение бедноты. Это было уже очень далеко от политики Жюльера Ферри. Вообще он не подчеркивал свою связь с оппортунистами. Больше того, иногда он говорил такие вещи, которые косвенно свидетельствовали, что он вообще не брал на себя обязательства всегда быть связанным с ними. 18 сентября, когда он закончил речь в Гройте, его спросил один избиратель:

— Где вы будете сидеть в палате?

— Я не стану частью какой-либо группы, — отвечал Жорес, — я считаю себя сыном народа и буду голосовать за все реформы, которые улучшат участь тех, кто страдает.

В своих выступлениях Жорес обещает отдать все свои силы служению республике и народу. Такие фразы произносили обычно все депутаты, и они превратились в формальность. Но в устах молодого Жореса, который шел в политику не ради карьеры, а повинувшись своему стремлению понять смысл окружающей действительности и бороться за свои идеалы, обещание звучало торжественно и серьезно, выходя за рамки банальной избирательной риторики.

Жорес завоевал симпатии избирателей и получил 4 октября 48 040 голосов, больше любого кандидата республиканцев. А по списку консерваторов прошел лишь один кандидат, «барон черных гор» Рей. Но и этот опытный политикан, богач, имеющий влиятельные связи, поддерживаемый церковью, «вечный» депутат Тарна собрал на 110 голосов меньше, чем молодой Жорес.

Результаты вызвали восторг республиканских активистов. Жоресу с большим трудом удалось уговорить своих друзей отпустить его на короткое время в Ла Федиаль к матери. Аделаида ждала его, она была рада, хотя и чувствовала некоторую тревогу перед неизвестным будущим сына. Им не удалось спокойно поговорить. С улицы раздались крики: «Жорес! Да здравствует депутат Жорес!» Надо было оставить мать и идти, чтобы отметить победу хорошим вином.

На другой день он писал своему другу Клоду Перру, который часто шутил по поводу пророчества адмирала: «Г-н ректор, утенок бросился в воду и достиг берега, не смотря на сильное реакционное течение».

Но в остальной Франции итоги первого тура выборов оказались иными, чем в Тарне. Республиканцы потерпели ошеломляющее поражение. Монархисты, которые четыре года назад, на прошлых выборах, были разгромлены, увеличили число своих голосов в два раза и провели 177 своих кандидатов против 129 республиканцев. Оказалось, что республика не столь уж неизбежна и над ней снова собралась гроза. Это произвело отрезвляющее впечатление на соперничающие республиканские партии. Они немедленно сплотились и 18 октября во втором туре выборов

выступили с едиными списками и тем спасли положение. В новой палате оказалось 372 республиканца разных направлений и 202 реакционера.

И все же республика получила чувствительный удар. Ведь в старом составе палаты насчитывалось всего 90 монархистов. Сокращение числа республиканцев и раскол между оппортунистами и радикалами исключали возможность стабильного большинства. Наступает время правительственной неустойчивости и затишья в реформах. Зато в палате теперь группа социалистов, которые вносят в ее деятельность еще небывалую остроту. Правда, пока они не составляют самостоятельной фракции, их опекают радикалы.

Настал день, когда Жорес снова в Бурбонском дворце. Но на этот раз не в глубине одной из лож для публики, скрывающихся между массивными пожелтевшими колоннами, обрамляющими амфитеатр тяжеловесным полукругом. Теперь он депутат и видит суровую пышность зала снизу, куда падает тусклый свет через застекленный потолок, который серым полукругом врзался в осеннее небо. Он освещает красный бархат скамей и темное дерево узких люпитров, расположенных ступенчатым полукругом. Резко выделяется белый мрамор аллегорических статуй Свободы, Общественного порядка, Земледелия, Промышленности, глядящих на депутатов из-за председательского стола своими пустыми глазами. Монументальный стол председателя, отделанный красным и белым мрамором, еще пуст. Пуста и трибуна, выдвинутая вперед от этого стола. Она возвышается в самом центре. Раньше из ложи для публики она казалась Жоресу такой маленькой и невысокой. Стол подавлял и уменьшал ее размеры и высоту. Но здесь, в нижней части амфитеатра, она кажется такой величественной и массивной. Сколько смелости требуется, чтобы пройти восемь ступеней, ведущих к месту оратора!

Робким, смущенным чувствует себя этот самый молодой из 584 избранных нации. Они уже наполняют зал.

Большинство депутатов совершенно не испытывает ни робости, ни смущения: они и раньше заседали здесь. Депутаты обмениваются рукопожатиями, замечаниями, собираются небольшими группами и оживленно беседуют. Стоит ровный шум, прерываемый внезапным возгласом или смехом. Здесь много стариков, и их седины и лысины

придают залу еще больше значительности и серьезности.

Но вот за председательским столом появляется фигура старейшего депутата, четко выделяясь на белом мраморе скульптур. Раздается продолжительный звонок, и устанавливается тишина. Сессия начинается. Начинается новая, главная полоса в жизни Жореса, неразрывно связанной отныне с этим залом и с этой трибуной, которая станет для него боевой позицией, где он сможет выдержать столько битв. Но пока, пока Жорес пребывает в нерешительности духа, и это состояние довольно долго будет отличать его парламентскую деятельность.

Нерешительность вызывалась неосведомленностью. Конечно, Жорес уже был человеком большой культуры и разносторонних знаний. Но они сочетались с полнейшим невежеством в важнейших вопросах политической действительности. Его мировоззрение, приобретенное в Эколь Нормаль, было слишком книжным и отвлеченным. Собственно, в тот момент, когда Жорес вступил в политику, он знал только две вещи: республику, с одной стороны, и клерикально-монархическую реакцию — с другой. Ему были неизвестны даже названия различных социалистических организаций, которые уже объявили войну буржуазной республике.

А между тем молодому депутату Тарна надо принимать политические решения. Прежде всего: где ему сидеть в палате? И это был вопрос не простого удобства, а политики, поскольку в амфитеатре французского парламента депутаты рассаживаются по политической принадлежности. Линия от реакции к прогрессу проходит от правой стороны зала к левой. Сам Жорес называл себя в то время свободным республиканцем, не примыкающим ни к одной группе. И однако он сел чуть левее центра, среди оппортунистов, рядом с Жюлем Ферри. Это решение определялось тем выводом, который сделал Жорес из итогов выборов. Возросшая опасность со стороны клерикалов и монархистов требовала усиления тех, кто боролся против них. Для Жореса это были наследники Гамбетты, то есть Ферри и его сторонники. Поэтому он и оказался среди оппортунистов. Но характерно, что Жорес с его ораторским талантом, с его темпераментом, толкавшим его во всякую драку, более года так ни разу и не поднялся к возделенной трибуне.

Он молчал, но не было депутата, который бы так на-

пряженно, не пропуская ни одного заседания и ни одного слова, слушал бы и смотрел все, что происходило в амфитеатре и в кулуарах. Возбужденный новым спектаклем, он пытался проникнуть в его сокровенный смысл. Не имея представления о парламентских правах, он постигал эту новую и пока непонятную для него среду. Он видел депутатов, которые зевали, скучали, занимались личными делами на заседаниях палаты, проявляя скептически-пренебрежительное внимание к трибуне. Неужели, думал он, это и есть представители французского народа, призванные решать судьбу Франции?

Конечно, особенно интересовала его позиция республиканцев-оппортунистов. С первого дня парламентской сессии он ожидал от них какого-либо решительного действия для сплочения республиканцев перед лицом усилившихся монархистов. Однако он видел, что лидеры оппортунистов с каким-то презрением и горечью смотрели на расколотое большинство, которым они уже не управляли. Жюль Ферри молчал, выжидая распада сил, мешавших его возвращению к власти, замкнувшись в обиде государственного деятеля, потерпевшего поражение. Но разве неудача в личной карьере дает ему право забыть об интересах республики? Жоресу это казалось пока непонятным.

Он с удивлением обнаружил, что безвестный молодой депутат из Лангедока представляет интерес для самого великого Ферри, который при всем своем наглом высокомерии снисходит до любезных бесед с ним. Не зная еще законов парламентской арифметики, он не представлял себе, что значит один лишний голос даже для крупного политического деятеля. Между прочим, ему не пришла в голову мысль о тех огромных возможностях продвижения к власти, почету, деньгам, которые открылись теперь перед ним. И если бы это был не наш Жорес, а один из молодых выскочек, немедленно хватающих судьбу за хвост, то была бы сделана еще одна «удачная» карьера. Но, лишенный тщеславия и корыстных побуждений, Жорес считал просто невысказанным такой исход его вторжения в политику. Полный идеалистических стремлений и надежд, волнуемый тревожными вопросами, которые совершенно не касались его лично, он шел иным, возвышенным путем. Если же он шел медленно, робко, спотыкаясь, то лишь оттого, что жизнь пока не помогала ему понять истины, которые откроются для него позже. Но он настой-

чиво стремится постичь их. Однажды он прямо заговорил с Ферри о том, что волновало его больше всего.

— Какова цель вашей политики? В чем ваш идеал, г-н Ферри, ваша концепция общественного устройства?

— Моя цель состоит в организации общества без бога и короля, — отвечал бывший премьер.

— Но если вы добавите «без хозяина», то это будет полная формула социализма.

— Социализм? — резко прервал Ферри. — Химера, нелепая мечта! Эта чудовищная концепция противоречит всем глубочайшим инстинктам человеческой природы. Это беспочвенная и опасная демагогия, против которой надо бороться без всякого снисхождения...

Жорес молчал, стараясь понять своего многоопытного собеседника, в которого он так верил. В последнее время его иллюзии, правда, начали рассеиваться. Он с тревогой наблюдал, как оппортунисты ничего не делают для объединения республиканских сил, чтобы и дальше совершенствовать республику. Но Жорес еще не понимал классовой природы Ферри и его единомышленников. Он пытался объяснить их поведение усталостью, упадком, нерешительностью, личными обидами, не видя коренных причин все более откровенного консерватизма прежних столь энергичных республиканцев.

Естественным было бы обращение Жореса к левому радикализму и его блестящему лидеру Жоржу Клемансо. Жорес внимательно присматривался к этому не только политическому, но и светскому льву, о котором частенько упоминалось в светской хронике бульварных газет. Молодого депутата из Тарна обескураживала нагловатая эlegantность Клемансо, его бретерская манера ходить в цилиндре набекрень, раскачиваясь и быстро вращая тросточкой. Он сурово осуждал нападки Клемансо на Ферри, ибо видел в них причину углубления раскола республиканцев, их ослабления.

В первые дни пребывания в палате Жорес оказался свидетелем любопытного диалога. Депутат-монархист Ламарзель с притворно издевательской любезностью говорил лидеру радикалов:

— Ах, г-н Клемансо, как мы вам признательны! Ведь в предвыборной кампании, чтобы добиться победы, нам достаточно было читать избирателям ваши речи о Тонкине!

— Возможно. — отвечал с досадой Клемансо, — но вы не читали их выводов...

Жорес подумал, что монархист попал в точку; радикалы, нападая на Ферри, в конечном счете помогали правым. А вскоре ему пришлось невольно услышать разговор, показавший еще и неискренность этих нападок.

— Если мы возьмем власть, — спрашивал Клемансо своего коллегу радикала Перрена, — уведете ли вы наши войска из Тонкина?

— Да, конечно. Надо только при этом обеспечить их безопасность...

— Ну а я так не поступил бы. Теперь это уже невозможно.

Оказывается, в глубине души радикалы разделяли политику Ферри. Впрочем, понадобилось не так много времени, чтобы они совершенно открыто выступили не менее яростными колонизаторами. Жорес чувствовал, что радикально-социалистическая фразеология Клемансо никогда не выходит за рамки сугубо буржуазной политики. Решительная защита буржуазного строя была главной целью для столь революционного на словах легендарного сокрушителя кабинетов. И поэтому, хотя иллюзии Жореса в отношении оппортунистов остались в прошлом, он не пошел к радикалам.

Но где же был тот политический маяк, на который ориентировался молодой Жорес? Он пока не находил его, хотя настойчиво вглядывался в смутную линию политического горизонта.

Он не спускал глаз с депутатов-социалистов: бывшего коммунара Камелина, пылкого поэта Кловиса Юга, старого шахтера Бали, интеллигента-гэдиста Дюк-Керси и других. Их было мало тогда в палате, но голоса их звучали громко и резко. И Жорес все чаще замечал, что их взгляды, требования, лозунги справедливы. Туманные социалистические симпатии влекли его к ним, он чувствовал желание присоединиться к социалистам. Но многое его смущало, он еще совсем не представлял себе практических путей достижения социалистического идеала. Однажды он спросил Дюк-Керси:

— Что вы будете делать на другой день после победы над буржуазией?

— Это зависит от степени экономической эволюции, которой достигнет общество, когда мы возьмем власть, — с некоторым пренебрежением сухо ответил Дюк-Керси,

считая, видимо, вопрос Жореса проявлением праздного любопытства буржуа. Безупречно ортодоксальная формула показалась Жоресу слишком неопределенной и абстрактной.

Но социализм напоминал о себе непрерывно и в самой конкретной форме. 26 января 1886 года забастовали три тысячи шахтеров Деказвилля. Администрация шахт, не довольствуясь жирными плодами чудовищной эксплуатации, начала грабить рабочих новым способом, заставляя их приобретать в счет зарплаты самые дрянные продукты и товары по непомерным ценам в заводских лавках. На руки шахтеры получали жалкие гроши. К помощнику директора Ватрену явилась их делегация. Он грубо отказался разговаривать с ними. Отчаявшиеся шахтеры набросились на него с кулаками, а потом выбросили в окно. Толпа добила Ватрена.

11 февраля депутаты-социалисты выступили с интерpellацией, требуя ограничить произвол владельцев шахт. Жорес с его идеалами абстрактного гуманизма ожидал прежде всего осуждения убийства. И вот на трибуне Бали, сам бывший рудокоп. Правые встретили его грубыми насмешками: социалист читал свою речь по заранее написанному тексту. Он спокойно переждал шум и, отрываясь от бумаги, твердо и резко заявил:

— Да, я читаю. Но вы, если бы вы, как я, проработали восемнадцать лет в шахте, вы не смогли бы даже читать!

Да, убит один человек, — продолжал Бали. — Убит тот, кто сам вызвал ненависть рабочих... Его законно ненавидели, он морил голодом шахтеров, он играл гнусную роль...

— Не смейте оскорблять жертву, не топчите мертвых! — истерически взрывается монархист Поль де Касаньяк.

— Вы протестуете против моих слов. Но почему вы молчали, когда угольная компания безжалостно убивала рабочих за то, что они выступали против закона, обрекавшего их на голодную смерть? Почему никто из вас не осудил это преступление?

Теперь Бали, не обращая внимания на рев правых, громко продолжает читать свою речь.

— Вы утверждаете, что рабочие не имели права сами вершить суд. Это верно при условии, что существует подлинное правосудие. Но разве г-н министр юстиции соби-

рался преследовать лихоимство Ватрена? Ах, нет? Ну тогда надо было предоставить все народному правосудию.

Оратора прерывает взрыв яростных криков правой, где собрались владельцы заводов, финансисты, адвокаты и прочие буржуа, к которым на этот раз дружно примкнули монархисты всех мастей. Цепко охватив трибуну широко расставленными руками, не мигая, шахтер-депутат смотрит на это беснующееся скопище. Резким порывом над амфитеатром Бурбонского дворца как бы пронесся дух классовой борьбы буржуазии и пролетариата.

— ...Да, пусть народ вершит правосудие! Разве 14 июля 1789 года не является примером справедливого возмездия тиранам и тем, кто богатеет на голоде народа? Тогда их головы носили на остриях пик, и это не мешало палате депутатов совсем недавно объявить 14 июля национальным праздником!

Бали спускается с трибуны. Аплодируют только социалисты.

— Их всего трое, — раздается саркастический возглас справа.

— Ничего, мы скоро расплодимся! — звонким голосом бросает в ответ поэт-социалист Кловис Юг. Это обещание осуществляется удивительно быстро. Как раз в момент обсуждения стачки в Декавилле в палате образовалась, отделившись от радикалов, самостоятельная группа социалистов из восемнадцати депутатов.

Но Жорес остается сидеть на скамьях левого центра. Его слабые социалистические симпатии отступили перед убеждениями мелкобуржуазного интеллигента-республиканца. Когда он слушал речь Бали, то испытывал тягостное раздвоение чувств: страдания шахтеров Декавилля заставляли его сердце сжиматься от боли, отказ осудить убийство Ватрена шокировал и возмущал Жореса. Он осудил «бесполезную и злобную», по его мнению, речь Бали и говорил, что социалистическое преобразование общества не должно сопровождаться раздуванием варварской ненависти и оправданием убийств.

Буржуазное большинство палаты отвергло резолюцию социалистов по поводу Декавилля. Жорес тоже голосовал против них. Он не понял смысла стачки в Декавилле, обозначившей важный рубеж в истории французского социализма, не почувствовал тот толчок, который дала рабочему движению эта драма.

Правда, весной 1886 года Жан поглощен иными забо-

тами. Он женится. Как мы помним, богатые родители Луизы Буа решили подождать упрочения положения жениха. И вот после победы Жана на выборах уже знакомая нам сваха мадам Депла однажды пригласила мадам и мадемуазель Буа в свое имение в Лоране. Дамы, поговорив о модах и светских новостях, дошли до парламента.

— Поскольку наш молодой профессор стал теперь депутатом, вернемся к нашим прежним планам, — заговорила наконец мадам Депла о существовании дела.

Вскоре после получения письма с сообщением, что родители невесты теперь благосклонно рассматривают идею брака, Жан с матерью приезжают в Альби.

И вот с букетом в руках Жан отправляется в дом Буа. Жениха и невесту усаживают в уголке салона. Жан ведет нескончаемые беседы с Луизой. Собственно, невеста молчит, и волнение испытывает лишь жених. Он то пылко, то робко говорит о любви, ибо влюблен он без памяти и совершенно не замечает, что невеста не столько вдумывается в смысл его речей, сколько лениво прикидывает, что недурно было бы, если эти речи говорил бы мужчина повыше ростом, покрасивее и поэлегантнее...

Отец невесты господин Буа, коммерсант, удалившийся от дел, подходит к вопросу вполне профессионально. Для него свадьба прежде всего операция по наиболее разумному вложению капитала. Имущественное положение будущих супругов — вот важнейшая проблема с его точки зрения. Невеста получила в приданое три тысячи франков, пожизненную годовую ренту в 1200 франков и поместье Бессуле, приносящее в год тысячу франков дохода. Хотя жених не проявлял интереса к приданому, г-н Буа заставил его вместе с матерью детально рассмотреть это владение с 37 гектарами земли. Прекрасный белый дом в окружении деревьев и роз напоминал своей простотой, соразмерностью провансальское поместье. Размеры его были достаточными для одной семьи. Две большие комнаты на первом этаже, пять — на втором, пристройка, оборудованная ферма. Да, здесь можно было, действуя с умом, не без успеха заняться хозяйством. 26 июня был подписан свадебный контракт. Предусмотрительный г-н Буа включил в него пункт о раздельном владении имуществом. Жан получил от матери лишь половину Ла Федиаль, поскольку был и второй брат. Скромную сумму в 500 франков годового дохода Аделаида сохранила за собой для пожизненного пользования.

Имущество жениха, таким образом, не поражало размерами. Зато надежды: зять-депутат, возможно, министр и, как знать, президент республики... Г-н Буа трезво взвесил все и решил, что он и на этот раз заключил разумную и дальновидную сделку. Не мог же этот толковый и понимающий человек допустить нелепую мысль, что его зять проникнется презрением к своему буржуазному благополучию и очертя голову ринется в социалистические авантюры! Ведь будущий великий оратор еще не раскрывал рта в парламенте и смиренно сидел на столь надежных и respectable скамьях центра.

Свадьба, состоявшаяся 29 июня 1886 года, была великолепна. Церемония венчания происходила в приходе невесты, в соборе Сент-Сельви. Сенсацию производил своей парадной формой адмирал Бенжамен Жорес, свидетель жениха. Невеста, блестящая, статная, холеная, превышавшая жениха на полголовы, сияла в ореоле флердоранжа. Впрочем, жених в своем новом костюме выглядел вполне прилично. Свадебный обед, устроенный в саду дома Буа на улице Сен-Мартен, очаровал всех гостей.

В тот же день вечером молодая пара отправилась в Париж. Правда, Жан допустил промах, взяв с собой полуслепую мать. Луиза была крайне раздосадована и почти открыто выражала свое неудовольствие по поводу этого багажа в ее свадебном путешествии. Но добродушный Жан думал, что она просто утомлена свадебной церемонией. Наутро наш чудак послал родителям невесты радостную телеграмму: «Луиза спала всю ночь спокойно».

ДЕБЮТ

Прошло еще четыре месяца после свадьбы, прежде чем молодой депутат из Тарна впервые выступил в палате. Правда, это не означало какого-либо пренебрежения депутатскими обязанностями. Он не пропускает ни одного заседания, что было просто физически нелегкой задачей. Скамьи Бурбонского дворца очень неудобны: с трудом можно поместить ноги между сиденьем и барьером. Почтенные депутаты сидят скрючившись, в малоэстетических позах, к которым нелегко привыкнуть. Жорес буквально задыхался в зале заседаний, который плохо проветривался; духота сменялась сквозняками. На узень-

ких неудобных пропитрах нельзя положить даже небольшой документ, писать на них очень трудно.

Жорес добросовестно присутствует на заседаниях от начала до конца. Читает внимательно все материалы по обсуждаемым вопросам и тщательно следит не только за важнейшими политическими дебатами, но и за скучнейшими техническими обсуждениями. С ненасытным любопытством он расспрашивает своих коллег о неясных еще для него проблемах парламентской жизни и внимательно выслушивает их ответы.

Но что касается трибуны, то больше года он смотрит на нее издали. Правда, его политическая роль выражается в голосованиях, притом весьма знаменательных. 13 декабря 1885 года он голосует за предоставление 80 миллионов франков для отправки экспедиционного корпуса в Тонкин, а 19 декабря — за кредит в 80 тысяч франков для поддержки религиозных культов. Он голосует против амнистии за политические преступления, предложенной Анри Рошфором, против аннулирования выборов на Корсике, где клерикалы оказывали скандальное давление на избирателей, против расследования выборов в Приморских Альпах в связи с тем же обстоятельством. Его позиция по делу Декавилля также характерна. Однако все чаще он робко начинает подавать свой голос вместе с левыми...

Но вот 21 октября 1886 года Жорес выходит наконец на трибуну. Появление этой фигуры, уже несколько грузной, напоминающей типичного провинциального буржуа, вызывает любопытство, ведь у него уже репутация хорошего оратора.

Речь посвящена правам местных властей в области начального образования. Жорес говорит просто, без попыток вызвать особый эффект. Когда он напомнил о благоприятных последствиях удаления клерикалов из школ, слева послышались возгласы одобрения, а справа, со стороны поборников так называемой «свободной школы», — шумные протесты. Председательствующий вмешивается и, обращаясь к правым, заявляет:

— Вы требуете, господа, свободы для школы. Дайте же ее по крайней мере для трибуны!

Среди оппортунистов первое выступление Жореса не вызвало явного одобрения, поскольку молодой депутат высказывался слишком самостоятельно. Газета Клемансо «Жюитис» отзывалась о речи с симпатией, называя ее

«красноречивой и содержательной». Но «Фигаро» наряду с комплиментами заметила, что речь «немного отдаёт учеником Сорбонны, многословным и напыщенным».

Когда после своего первого выступления Жорес проходил по мосту Конкорд, расположенному прямо против колоннады Бурбонского дворца, он с грустью размышлял о превратностях судьбы депутата. Неужели ему всегда придется встречать неодобрение одних, недомолвки других и, что еще хуже, безразличие большинства? Неожиданно к нему приблизился молодой депутат Жак Пиу.

— Я считаю вашу речь действительно очень хорошей и весьма красноречивой, — сказал он с искренним восхищением.

Жан с признательностью пожал ему руку.

— Вы первый, кто сделал мне такой комплимент!

Первым оказался, как ни странно, один из будущих лидеров присоединившихся к республиканцам католиков. Позднее Жак Пиу говорил, что оппортунисты своей холодностью к молодому дебютанту, из-за своей слепоты и непонимания подарили в тот день французскому социализму великого оратора и вождя.

Хотя вряд ли можно принимать всерьез мнение человека, совсем не понимавшего Жореса; уже вскоре социалистам представился случай приветствовать этот подарок.

8 марта 1887 года Жорес произносит вторую речь в палате о таможенных пошлинах на импортный хлеб. Введение таких пошлин вызвало рост цен на хлеб внутри страны, что, конечно, почувствовали бы в первую очередь рабочие, хотя земельные собственники выигрывали. Их представители лицемерно твердили в палате, что рабочий должен пойти на жертвы в пользу своих деревенских «братьев», мелких крестьян. Жорес, сам в какой-то мере бывший крестьянин, блестяще раскрывает подоплеку этого дела. Когда он заявляет, что постоянная тактика крупных собственников состоит в том, чтобы прикрывать свои цели интересами мелкого собственника, его речь прерывают громкими аплодисментами и возгласами одобрения слева и криками протеста справа.

— Где вы видите крупных собственников? — возмущенно кричит один из правых депутатов.

— Только треть французской земли принадлежит тем, кто ее обрабатывает, а две трети — тем, кто не работает на земле, — немедленно парирует Жорес. — Две трети французской земли принадлежат рантье, и только

треть работающих на ней состоит из земельных собственников. Повышение пошлин будет субсидией для тех, у кого две трети земли, она поднимет стоимость земельной ренты! Крупный капитал напоминает мне тех кормилиц, которые забирают себе лучшие куски, говоря, что это для малютки...

Вся палата смеется, левые выражают бурное одобрение. Жорес убедительно обосновывает свой проект резолюции, призванной предоставить выгоды от новых мер трудящимся крестьянам. Он требует дополнить таможенные изменения мерами социальной справедливости.

— Сделаем так, чтобы малыш действительно получил свою порцию, — восклицает он.

Реакционное большинство палаты отвергло резолюцию Жореса, как и сходную с ней резолюцию социалистов. Но молодой депутат добился большого личного успеха. На этот раз многие коллеги пожимали ему руки и поздравляли. Когда он возвращался на свое место, его взгляд встречал одобрительные улыбки.

Вскоре в «Ревю социалист» Густав Руане (впоследствии он станет близким сотрудником Жореса) писал, обращаясь к нему: «Догадываетесь ли вы о том, что вы быстро приближаетесь к социализму и что если вы сделаете еще один шаг на этом пути, то вы, прыгая со связанными ногами над крайней левой, попадете прямо в социалистическую партию?.. На какой бы скамье вы ни сидели, милости просим, вы наш!» Получив это заверение от социалистов, Жорес теперь все чаще задумывается о прямом сближении с ними. В один прекрасный день он решил посетить редакцию журнала «Ревю социалист» и познакомиться с его директором Бенуа Малонем. Незадолго до этого Малон основал Общество социальной экономики. Бывший крестьянин, в детстве он пас коров, потом с помощью брата выучился грамоте, стал рабочим в Париже, участвовал в Коммуне. Этот, по словам Кропоткина, спокойный и чрезвычайно добродушный революционер вскоре после создания Французской социалистической партии вместе с Бруссом выступил против Жюля Гэда и марксистской политики партии. Он был одним из инициаторов раскола и стал теперь проповедником собственного «интегрального» социализма, основанного больше на моральных принципах, чем на серьезном научном анализе развития общества. Он считал нежелательной революцию и отдавал предпочтение реформам и внедре-

нию социализма в рамках старого общества путем развита муниципальной собственности. Жорес долгое время был под сильным влиянием Бенуа Малона и в его сочинениях находил источник своих социалистических убеждений.

Впрочем, послушаем рассказ самого Жореса: «Я принял решение (так мне казалось по меньшей мере): порвать с моим умственным одиночеством, и однажды вечером я отправился на улицу де Мартир с религиозным волнением неопита, вступающего в храм. Под небом, где смешивались бледная лазурь и белые облака, откуда струился слабейший свет, я шел к некоей высшей цели. Я чувствовал, как во мне растет высокая надежда, способная преодолеть волну отверженности и беспокойства, которая катилась вдоль улицы, погружавшейся в сумерки, надежда достаточно сильная, чтобы бороться против усталости от жизни и против ударов судьбы.

В самом конце улицы я вошел по маленькой, узкой и темной лестнице в редакцию и с неловкой робостью перед первой встречей с совсем новыми для меня людьми спросил:

— Где господин Бенуа Малон?

Его там не было, во всяком случае, мне так сказали. И я вышел, не ответив ни слова... На половине лестницы я вдруг услышал за своей спиной громкие раскаты хохота...»

Да, можно себе представить, как Жан, у которого этот смех звучал в ушах, спускался с высот Монмартра столь же грустный, сколь радостный он туда поднимался.

«Я не осмелился, — продолжал Жорес, — возобновить мое паломничество от левого центра к священной горе интегрального социализма. Но я поздравлял себя с тем, что в результате я не был втянут в частные распри соперничающих сект. Однако поэтому же я остался в парламенте 1885 года в конечном счете изолированным...»

Жореса сильно угнетает обстановка в палате. Она резко отличается от того представления о парламенте, которое он получил раньше, наблюдая его со стороны. Тогда буржуазные республиканцы активно и успешно боролись с монархистами и клерикалами, проводили прогрессивные реформы. Настало другое время. Республиканские группировки сильно сократились в числе, а главное, делались все консервативнее. Жорес нередко заме-

чал, что прежние пламенные республиканцы ничем больше не интересуются, кроме личной карьеры. За кем же идти? Он испытывал горькое разочарование, не находя пока никакого целеустремленного применения своим силам. А ведь он так мечтал посвятить себя борьбе за интересы народа, республики, Франции! Вместо этого ему приходилось отвечать на письма своих избирателей, дававших своему депутату, согласно укоренившемуся тогда обычаю, разные мелкие юридические или хозяйственные поручения. Как-то некий бакалейщик из Корда потребовал от Жореса прислать ему порошок для уничтожения крыс...

Однажды весной Жан возвращался по левому берегу Сены из палаты. С ним поравнялся один из его коллег, сидевший левее его, социалист, к которому он уже не раз обращался с вопросами о социализме. Депутаты заговорили о весенней погоде, а затем перешли к парламентским делам.

— Знаете, г-н Жорес, меня давно занимает ваше поведение в палате. Сидите вы в центре, но, мне кажется, вы одинокий солдат без армии...

— Да, пожалуй, вы правы, я одинок. Но с кем идти? Консерваторы? Жалкая группка, потерявшая веру в своего бога, в своего короля, в самих себя. Республиканцы не по пути с правыми.

— Ну а Клемансо и его люди?

— Платформа старого радикализма с каждым днем становится все более узкой, неустойчивой. И сам Клемансо, кажется, примирился с этой судьбой. Я замечаю, что он лишь грустно наблюдает за беспорядочным отступлением своей партии...

Жорес и его собеседник замолчали, неторопливо шагая по берегу, вдоль которого вытянулась цепь высоких, еще не зазеленевших платанов.

— Хороши эти первые весенние дни, — продолжал Жорес, — какие-то неопределенные, туманные, но уже теплые. Ни одна почка еще не распустилась, ни один лист еще не появился, но ведь соки уже подымаются, и природа тайком готовится к великому празднику весны. То же происходит и в нашей политике. Резкие ветры разногласий затихли. Еще нет широких и светлых просветов на горизонте. Еще нет широких и светлых просветов на горизонте, все кажется неподвижным. Но умы и сердца уже незримо работают, смутно растет в них надежда на обновление. В душах множества людей зреет

ожидание яркого восхода солнца. Оно взойдет, это солнце!

— Мы, социалисты, уже видим солнце. Это наш идеал социалистической революции!

— Увы, — отвечал Жорес, — ваш социализм пока отличается теоретической скудостью, ограниченностью. Ваша программа не отражает всей широты идеала социализма. Вы растрчиваете силы в распрях друг с другом. Слишком много ненависти, слишком мало гуманности, мягкости, человеколюбия!

— Поэтому вы не присоединяетесь к нам?

— Да, пожалуй. Но я не вижу для себя другого идеала, кроме социализма. Я буду работать для него даже один...

И он действительно работал для социализма так, как он понимал его во время своего первого срока пребывания в парламенте. Всегда, когда обсуждались социальные проблемы, когда вносились законопроекты, хоть в чем-то облегчавшие участь трудового народа, в палате раздавался голос Жореса. Позднее он будет утверждать, что уже в ту пору был убежденным социалистом. В действительности в его выступлениях, в его борьбе за права трудящихся если и были элементы социализма, то социализма сентиментального, основанного не на научном понимании сущности капиталистического общества, а на сострадании благородной души к ужасному положению рабочих, да и не только рабочих. Он осуждает капитализм, разоблачает, бичует его беспощадно, но лишь с моральных позиций глубоко честного человека. Его чувства, которые он так искренне и пылко выражает в своих речах, прекрасны, но обескураживающе наивны.

Жизненный опыт, характер, мировоззрение университетского профессора всегда побуждали его принимать близко к сердцу нужды народного образования. К тому же в распространении культуры и в воспитании людей он видел важнейшее средство улучшения существующего мира. Он часто думал о положении учителей, одним из которых он был сам и которых он так хорошо знал. Их нищета, унижение, их бескорыстное подвижничество вызывали в нем волну горячего сочувствия. На какие деньги они покупают книги? — спрашивал он себя. Как живут эти интеллигентные бедняки на свою ничтожную зарплату?

Понятно волнение, с каким его пламенный голос звучал в палате в защиту ассигнований для нужд работни-

ков просвещения. Труднее понять тот энтузиазм, с каким он уговаривал при этом представителей господствующей буржуазии дать детям народа серьезное понятие о политической структуре тогдашней Франции.

— Господа, — с искренней убежденностью обращается он к палате, — надо, чтобы дети трудящихся смогли быстро изучить основные черты политического и административного механизма...

Не улавливая смысла иронических аплодисментов и реплик, раздающихся с правых скамей, он взывает к справедливости, гуманности и разуму своих буржуазных коллег:

— Да, поскольку, видимо, приближается час, когда трудящиеся нашей страны попытаются изменить свое современное положение, поскольку они хотят завоевать в экономической области то, чего они добились в политике, то есть свою долю власти, и участвовать более широко в плодах и в управлении трудом, необходимо, чтобы дети народа приобретали в школе понимание, сознательную дисциплину, рассудительность в определении высших истин и всех необходимых добродетелей в деле основания нового порядка...

О святая простота! Он добивался согласия представителей буржуазии на облегчение подготовки уничтожения власти этой самой буржуазии! Его охотно и внимательно слушали. Теперь он уже признанный оратор. Но редко, крайне редко его предложения принимались. Особенно это касалось многочисленных выступлений Жореса за улучшение положения рабочих. Он знал их ужасную жизнь, тяжкий труд по 12 — 16 часов в день, знал, что в социальном законодательстве Франция далеко отстала от других западноевропейских стран. К началу парламентской деятельности Жореса, собственно, ничего не было сделано, кроме закона 1884 года, разрешившего деятельность профсоюзов.

В апреле 1886 года он выступает с предложением создать пенсионные фонды из обязательных взносов предпринимателей и рабочих. Предложение не имело успеха. Лишь после долгих проволочек прошел куцый законопроект о кассах взаимопомощи для шахтеров. Дважды он выступал за закон о компенсации жертвам несчастных случаев на производстве. Его предложение опять не прошло, но позже он голосовал за несравненно более умеренное предложение, которое было принято па-

латой в 1888 году, а законом стало лишь через десять лет.

Особенно настойчиво Жорес выступает за социальные законы в пользу шахтеров. Он хорошо знал жизнь своих избирателей — горняков Кармо. К обычным для всех рабочим тяготам, несправедливости и нищете здесь добавлялась постоянная угроза подземных катастроф. Сколько энергии, терпения, настойчивости приложил Жорес, чтобы добиться принятия закона о делегатах шахтеров! Защитники хозяев шахт яростно сопротивлялись принятию этого закона. Ведь он предусматривал, чтобы контроль рудников проводился не только администрацией угольных компаний, но и представителями рабочих. Тем настойчивее боролся Жорес за принятие закона. Он посвятил ему несколько больших выступлений, открывших блестящую галерею его ораторских шедевров. В них можно разглядеть контуры, правда довольно расплывчатые, его зреющих социалистических воззрений. В июле 1887 года в одной из этих речей он заявляет с трибуны парламента:

— До тех пор пока пролетариат не допущен законом к экономическому влиянию, пока его оставляют в положении внешнего и механического фактора, пока он не сможет в справедливой доле участвовать в распределении труда и продуктов труда, пока экономические отношения будут регулироваться случаем и силою гораздо больше, чем разумом и справедливостью, проявляющимися в могущественных федерациях свободных и солидарных трудящихся, до тех пор пока грубая власть капитала, распоясавшаяся подобно стихийной силе, не будет дисциплинирована трудом, наукой, справедливостью, — мы сможем сколько угодно нагромождать законы о благотворительности и социальном обеспечении, но мы не дойдем до самого сердца социальной проблемы...

С левых скамей, где сидели социалисты, после этих слов раздались дружные аплодисменты; ведь депутат центра явно имел в виду социалистическое преобразование общества. Но каким способом? Жорес еще просто душно надеется на великодушие и добрую волю буржуазии. Он взывает к совести, к моральным принципам политиков, основой деятельности которых всегда были аморальность и беспринципность. Он не видит классовой природы их поведения и объясняет нежелание буржуазных депутатов поддерживать законопроекты, облегчав-

шие участь рабочих, летаргией, безразличием, непониманием, усталостью, инертностью, упадком республиканских чувств. Словом, чем угодно, кроме действительных причин антирабочей позиции республиканского большинства.

Однако Жорес продолжает борьбу, хотя порой перипетии этой борьбы совершенно обескураживали его. Как он был доволен, когда закон о делегатах горняков был наконец одобрен палатой! Пламенные речи Жореса серьезно помогли этому, и он считал принятие закона и своим личным успехом. Теперь закон нуждался в одобрении сената — второй палаты парламента, придуманной специально для того, чтобы держать в узде палату депутатов. Двухпалатный механизм — удобная вещь для провала неудобного законопроекта. Сенаторы и депутаты буржуазии используют любую оплошность или слабость левых и с помощью ловких комбинаций всегда могут добиться своего. Так случилось и с законом о шахтерских делегатах. Сенат, правда, одобрил его. Но внес при этом такие поправки, которые совершенно извратили его идею и сделали закон безопасным для шахтовладельцев.

24 мая 1889 года палате предстояло второй раз либо утвердить закон с поправками, либо подтвердить свое решение в пользу первоначального варианта. После колебаний и раздумий Жорес решил, что все же лучше иметь кое-что, чем ничего. От имени комиссии, докладчиком которой он был, Жорес призвал палату принять хотя бы этот закон: ведь потом его можно будет усовершенствовать.

Но социалисты считали, что изуродованный закон уже не принесет никакой пользы. Непримирымый шахтер-депутат Бали выступил против закона с поправками сената, считая его в таком виде просто вредным. Он настаивал на вторичном голосовании за первый вариант. Жорес с удивлением увидел, что, когда Бали закончил свою речь, ему аплодировали не только социалисты, но и правые, а среди них барон Рей, его старый знакомый, владелец шахт в Кармо! Несколько озадаченный, Жорес решил, что, быть может, стоит рискнуть. Ведь если вся палата, правые и левые, единодушно проголосует за первоначальный текст, то перед такой демонстрацией единой воли сенат вынужден будет отступить!

Настал момент голосования. Депутаты поднимались со своих мест и, толпясь в проходах, подходили к корзи-

не, куда следовало опускать бюллетень. Вот идет барон Рей, который только что аплодировал Бали. Но что же это? Жорес с изумлением и возмущением видит, что он голосует против предложения социалиста. Так же поступали и другие правые, все эти промышленные и земельные феодалы, а с ними и большинство оппортунистов. «Какое лицемерие, какой цинизм!» — с негодованием думал Жан. Аплодируя Бали, правые хотели показать себя большими демократами, чем те, кто, подобно Жоресу, хотел помочь шахтерам. Награждая аплодисментами их представителя, реакционеры, оказывается, собирались немедленно проголосовать против него. Закон был похоронен. Грязная парламентская игра вокруг справедливых жизненных интересов самой страдающей части трудящихся глубоко возмущала Жана, хотя наивно было ожидать от буржуазных депутатов иного поведения. Но простодушие и политическая наивность служили тогда главной отличительной чертой молодого депутата Гарна. Моральные критерии всецело определяли его мировосприятие, и он лишь начинал понимать немолимую логику классовых противоречий.

И вот еще одно разочарование, еще одна неудача. Как всегда в подобных случаях, уныние наполняло его душу. Странное, казалось бы, дело: став депутатом, овладев возжеленной трибуной парламента, Жорес не чувствовал себя счастливым. Он не только не видел плодов своей деятельности, он даже не мог еще ясно определить ее направление, не приобрел единомышленников, не присоединился к образу мыслей других. В тот майский вечер, когда у него на глазах разыгралась тягостная сцена провала законопроекта, за который он так горячо боролся, мрачно задумавшись, Жорес возвращался из палаты домой. Никогда в жизни он не был и не будет столь одиноким, как тогда, в первый срок его депутатских полномочий.

Одиноким не только в парламенте. После свадьбы Жан поселился с молодой женой в доме девятнадцать на авеню Мот-Пике. Равнодушный, как всегда, к материальному бытовому стороне жизни, он предоставил устройство своего очага всецело на усмотрение Луизы. Она выполнила это с самым дурным вкусом. Денег было достаточно, но, верная дочь коммерсанта из провинции, Луиза обожала яркую дешевку. Драпри из плюша, уродливо раскрашенные цветочные горшки, дешевые скульптурки

на немислимых подставках превращали квартиру Жана в образец мещанского, безвкусного великолепия. А он либо не замечал кричащего безобразия, либо не придавал всему этому значения. Для него достаточно было иметь комнату, куда он сложил свои книги. Впрочем, друзья Жана с удивлением говорили о его странной непоследовательности: в картинной галерее он мог восхищаться лучшими полотнами и как знаток тонко анализировать их. Но, выйдя из музея, он подчас покупал дешевую раскрашенную тарелку, на которую не польстилась бы даже консьержка.

Дома Жан рассеяно слушает, как его жена своим протяжным голосом рассказывает светские новости, а главное — свое мнение о последних модах. Луиза обожает пышные, безвкусные платья. Она приобретает множество этих ярких нарядов, которые быстро пачкает, мнет и забрасывает. Жан не замечал у нее никаких других интересов. К домашнему хозяйству она не имела отношения, все делала горничная. Если и раньше одежда Жана не отличалась элегантносью и аккуратностью, то теперь этот женатый человек носит всегда мятые, нечищенные костюмы, у него вечно не хватает пуговиц. Луиза никогда не могла даже представить себе, что это ее в какой-то мере касается.

Жена Жореса оказалась неглупой, но крайне ограниченной, скучной и примитивно эгоистичной, невероятно ленивой и равнодушной ко всему на свете, кроме своих непосредственных интересов. После нескольких попыток поделиться с ней своими мыслями, тревогами, надеждами Жан почувствовал, что его монологи не встречают никакого отклика, что здесь он не получит ни поддержки, ни внимания, ни заботы. Но он примирился с этим, как мирился со многим другим по причине своей необычайной терпимости и благодушия к тому, что он не считал главным в жизни. Более того, он любил ее и переносил свою семейную жизнь спокойно, обходясь без счастья. Он совершенно не был эгоистичен и всегда готов был скромно довольствоваться малым. Но он все же смутно понимал, каким утешением могла бы быть для него, так нуждавшегося в поддержке, семья, любящая, умная, внимательная жена...

Первое время после свадьбы дома Жана встречала ласковая, любимая Меротта. Старушка уже почти слепа, но она сохранила ясный ум и самый живой интерес

к делам сына. В то время как апатичная, холодная и равнодушная Луиза пропускала мимо ушей все, что говорил Жан, мать ловила каждое его слово. Он рассказывал ей обо всем, что он делал, видел, чувствовал.

А затем произошла весьма банальная, но очень неприятная для Жана история. Луиза, которую не интересовали дела мужа, довольно откровенно обнаруживала ревность к матери Жана. Свекровь сделалась для нее совершенно невыносимой. Хотя кроткая старушка старалась пореже выходить из своей комнаты, молодая хозяйка без особого такта дала понять, что старая дама нетерпима у нее в доме. Она принимала глубоко оскорбленный вид, когда Жан уходил к матери и подолгу сидел у нее. Аделаида стала объектом столь же грубой, сколь и глупой неприязни со стороны невестки, которая наконец объявила мужу, что она не может жить вместе с его матерью. С болью в сердце Жан вынужден был принять тягостное решение и поселить любимую мать в пансионе для престарелых дам в Версале. И теперь, если он чувствовал потребность излить боль, накопившуюся на душе, и хоть как-то выйти из состояния мучившего его одиночества, он садился на поезд и ехал в Версаль к матери. Дома ему было очень тоскливо.

Жаловался ли он на свою судьбу? Нет, он молча терпел, и только иногда, случайно вырываются у него косвенные признания...

Летом 1888 года Жан получил письмо от директора лицея в Альби, того самого, учителем в котором был некогда Жорес. Директор просил бывшего скромного преподавателя, а ныне депутата выступить на церемонии очередного выпуска и раздачи наград. 31 июля двор лицея был разукрашен и наполнен гостями. Казалось, ничего не изменилось с тех пор, когда Жорес начинал здесь преподавать. Правда, рядом с ним уже не Аделаида, гордая сыном, а Луиза, все внимание которой поглощено исключительно ее новой шляпой с цветами и вуалью.

На этот раз Жорес пришел сюда с особенным волнением. Годы, прошедшие с того дня, когда он покинул альбигойский лицей и уехал в Тулузу, жизненный опыт в его новом положении депутата сделали особенно дорогой встречу с еще столь недавней юностью. Поэтому и речь Жана, вызвавшая восторг слушателей, если не считать, как всегда, равнодушной Луизы, была пронизана

искренним волнением. Яркими красками Жорес нарисовал картину Альби, показав в окружающем смысл и красоту, только сейчас раскрывшуюся перед лицеистами. Он говорил о радости познания, о счастье духовного роста и совершенствования, о родине и отношении к ней, о долге молодых людей перед Францией. Жан взволнованно излагает перед молодыми буржуа Альби свой еще туманный идеал социальной справедливости и призывает их к самоотверженности, к отказу от эгоистических интересов ради торжества этого абстрактного идеала.

Речь Жореса носила явно личный характер. Его собственный жизненный опыт, все его переживания сделали эту речь такой впечатляющей, такой захватывающей для слушателей. В одном месте, когда Жан заговорил о горестях жизни, его лицо, голос, глаза, жесты выражали такую грусть, что друзья Жана невольно переглянулись с улыбками сочувствия.

— Когда мы устаем от пошлостей и гадостей, встречающихся на нашем пути, только в самой жизни можно найти средство против отвращения ко всему окружающему. Есть в мире высокие умы и благородные сердца, и около них мы можем отдохнуть и воспрянуть духом. Но невозможно постоянно видеть их рядом, особенно в тот самый час, когда наше сердце в тоске. А кроме того, из-за какой-то стыдливости, проявляющейся даже в отношениях с друзьями, трудно всегда быть откровенным в своих слабостях, упадке, в своих страданиях... И вот тогда бывает, что прекрасная, любимая и возвышенная книга утешает нас. И здесь не надо многого: всего одна страница, которую читают на ходу, несколько стихов, произносимых для себя вполголоса, взгляд на прекрасную гравюру, и вот наша душа вновь обретает уверенность в себе!

...Душа Жореса зрела, мужала и вопреки всему устремлялась вперед и выше.

БУЛАНЖИЗМ

Жорес испытывал огорчения не только из-за бесплодности своих реформаторских усилий, из-за трудности партийного самоопределения и не слишком счастливой семейной жизни. Суровому испытанию подвергались его столь пылкие республиканские убеждения. Если монар-

хисты презрительно называли республику «босячкой», го для Жореса она была воплощением надежд на будущее Франции, лучшим средством совершенствования социального устройства страны. Теперь он воочию увидел унижение и профанацию республики еще недавно столь рьяными республиканцами. Они все более открыто использовали республиканское знамя для карьеры и обогащения, не гнушаясь самыми постыдными сделками и махинациями. Буланжистская эпопея заставила Жореса многое понять по-новому.

Время было тяжелое. Только кучка самых богатых безболезненно переживала застой в делах, экономический кризис, разорявший крестьян, мелких рантье, лавочников. Особенно трудно приходилось рабочим. Стачки в Анзене, Кармо, уже известные нам события в Деказвилле показали, насколько отчаянным оказалось положение рабочего класса.

Как раз во время дебатов по поводу стачки в Деказвилле Жорес начал присматриваться к человеку, который пять лет будоражил Францию, вызывал надежды одних, ненависть других, играя на всеобщем недовольстве. Генерал Буланже, военный министр в правительстве Фрейсине, отвечал на вопрос депутатов об отправке войск в Деказвилль. Он заявил, что не допустит столкновения между солдатами и рабочими, что армия — это тот же народ. Слова генерала вызвали аплодисменты социалистов. Еще раньше одобрение республиканцев заслужили действия Буланже против офицеров-монархистов. Он вычеркнул из списков армии членов царствовавших семей, вроде герцога Омальского. Клемансо был в восторге от Буланже, считая единственным надежным республиканцем среди генералов человека, участвовавшего в кровавом подавлении Коммуны. Собственно, пост военного министра он получил по протекции влиятельного лидера радикалов.

Укрепив свою репутацию безупречного республиканца, Буланже сумел списать расположение армии. Он предоставил солдатам право ношения бород, кое-какие поблажки в получении увольнительных, увеличил солдатские пайки. Он добился введения на вооружение французской армии более современного ружья системы Лебеля. Наконец, он заявил об отказе от оборонительной тактики в будущей войне и о том, что наступление — единственный вид боевых действий, отвечающий фран-

цузскому духу. Жаждавшие реванша французы увидели в нем свою надежду.

Популярность генерала быстро росла. День национального праздника — 14 июля 1886 года стал его настоящим триумфом. Буланже на параде в Лоншане впервые появился перед толпой парижан. Верхом на прекрасной вороной лошади, с уверенной осанкой и образцовой выправкой, с русой бородкой, с заломленной на затылок треуголкой, украшенной белыми перьями, генерал выглядел эффектным молодцом. Толпа с первого взгляда влюбилась в этого наездника. Вскоре Париж распевал веселую песенку «Возвращаясь с парада», в которой говорилось о том, как, откупорив двенадцать бутылок, некое семейство наблюдало парад: теща любовалась африканскими солдатами, сестра — пожарными, жена — учениками военного училища Сен-Сир. Песенка завершалась словами: «Я же восхищался только нашим бравым генералом Буланже!»

Началась безудержная реклама генерала. Его поклонники ходили с красной гвоздикой в петлице — любимым цветком Буланже. Повсюду замелькали генеральские портреты. Появились новые игральные карты: на тузах красовались изображения Верцингеторига, Жанны д'Арк, Наполеона и Буланже. Повальное, хотя и не очень осмысленное увлечение, как эпидемия, охватило всю страну. Словом, началась одна из тех бонапартистских лихорадок, которые время от времени вспыхивают во Франции вопреки ее несомненным демократическим традициям. Тогда-то и родилось крылатое выражение: Франция, подобно женщине, охотно отдается мужчине, особенно если он военный.

На руку Буланже играл подъем реваншистских чувств. Весной 1887 года резко обострились отношения с бисмарковской Германией. В апреле немцы схватили на границе и насильно увели на германскую территорию французского пограничного чиновника Шнебеле. В воздухе запахло войной, и ее французские поборники испытывали острую потребность в вожде. Буланже с его откровенными реваншистскими намерениями оказался как нельзя более кстати. Проворные куплетисты тут же выразили настроение многих в новой песне: «Можно не бояться никакой опасности, когда наш вождь — Буланже».

Но более трезвые французские политики понимали,

что Франция не готова к войне, что война выгодна сейчас только Бисмарку. Неприкрытый реваншизм Буланже оказался преждевременным. Пребывание генерала на посту военного министра служило явным вызовом для воинственных немцев. И вообще непомерно растущая популярность Буланже стала тревожить оппортунистов и радикалов. Поэтому когда в конце мая формируется новый кабинет Рувье, то в нем военным министром стал другой генерал. Буланже решили сплавить из Парижа, где вокруг него подымалось слишком много шума. Правительство назначает его командиром корпуса в Клермон-Ферране.

Но это только подлило масла в огонь. Отъезд генерала из Парижа 8 июля превратился в грандиозную манифестацию. Три часа поезд не мог тронуться с места, тысячи людей заполнили вокзал и железнодорожные пути.

Ну а как же относился ко всей этой истории Жорес? Долгое время он не высказывал никаких суждений о Буланже, внимательно следя за всеми его пируэтами. Но 28 мая 1887 года он впервые выступил по поводу буланжизма в «Денеш де Тулуз», где часто печатались его статьи. Жорес отметил, что в первое время Буланже, будучи военным министром, проявил «либеральное и патриотическое стремление к реформе». Затем генерал превратился в угрозу для демократии. Жорес считал, что Буланже надо противопоставить не хитрую политическую тактику, а прочную своим демократизмом республику. «Опасные моменты в поведении Буланже и в его мировоззрении легко сдержат премьер-министру при помощи своего реального престижа и при поддержке стабильного большинства». Жорес пока еще несколько недооценивал влияние генерала и переоценивал возможности правительства Рувье, республиканская доблесть которого была весьма сомнительной. Во всяком случае, Жорес раньше многих понял опасность буланжизма.

А эта опасность возрастала. Словно по заказу, события давали генералу новые шансы приобретать симпатии все большего числа недовольных. Вскоре ему представляется возможность выступать не только патриотом, но и поборником оздоровления и очищения республики. На ее и без того небезупречной репутации в 1887 году появилось новое большое пятно грязи — скандал Вильсона.

«Ах, какое несчастье иметь зятя!» — зазвучал на парижских бульварах припев новой злободневной песенки. Речь шла о весьма известном зяте. О депутате Даниеле Вильсоне, женатом на дочери самого президента Жюля Гриви. Рыжебородый, молчаливый, малоподвижный родственник президента мгновенно стал знаменитостью. Еще бы, ведь он сумел превратить в притон мошенников и проходимцев цитадель и символ республики — Елисейский дворец. Здесь Вильсон организовал, по его собственному выражению, бойкую «торговлю жестянками». Так зять президента называл высшие отличия и награды республики. Орден Почетного легиона шел за 40, 50, иногда 100 тысяч золотых франков. Для тех, кто победнее, были Академические пальмы по 15 тысяч франков. Вильсон обделывал и другие выгодные делишки.

Скандал вызвал грандиозный эффект. Парламент дал санкцию на судебное преследование высокопоставленных мошенников. Но президент Гриви продолжал твердить, что его зять честнейший человек, и отказывался удалить его из Елисейского дворца.

Возмущение президентом достигло предела. «Фигаро» дошла до того, что на своих страницах называла его «старым мерзавцем». Но старик, привыкший к благам и удобствам Елисейского дворца, упорно не хотел уходить. Возник острейший политический кризис, который никак не удавалось разрешить. Гриви все же пришлось подать в отставку. Выборы нового президента оказались очень сложными. Ни Ферри, ни Фрейсине, ни Бриссон не набрали нужного числа голосов. После двух безрезультатных туров голосования Клемансо заявил: «Ну, тогда выберем самого тупого».

Избрали Сади Карно, не имевшего ни известности, ни способностей, но не нажившего себе и врагов. Ему помогли предки: его дед Лазарь Карно был легендарным организатором армий Конвента.

Вся эта жалкая картина коррупции, беспомощности парламентского механизма перед буланжистской авантюрой производила на Жореса удручающее впечатление. Он видел, как ловко используют это буланжисты. Объединившаяся вокруг Буланже удивительно пестрая компания, в которой смешались честно заблуждавшиеся люди с аферистами и проходимцами, с монархистами всех мастей, для которых генерал стал орудием борьбы за мо-

нархию, развернула бешеное наступление против республики, используя ее столь явно обнаружившиеся пороки.

Буланже начинает штурм парламента. Он выдвигает свою кандидатуру последовательно во многих округах и везде побеждает. Таким образом генерал пытался организовать своеобразный плебисцит. Став депутатом, Буланже потребовал в палате пересмотра конституции. Речь шла в конечном счете о ликвидации парламента и республиканского строя.

Весной 1888 года Жорес занимает совершенно четкую позицию по отношению к буланжизму. Он определяет его в это время как движение, использующее ультрапатриотизм и выдвигающее расплывчатую программу, обещающую что-то каждому из недовольных; движение, являющееся непосредственной угрозой республике и свободе. Жорес раскрывает суть буланжизма, показывает его связь с крайне правыми, которые, как он писал, «сделали из человека на коне не реформатора, а фасад для консерватизма».

В борьбе с буланжизмом более четко кристаллизуются социалистические воззрения Жореса. Некоторые социалисты, осуждая коррупцию, отождествляли ее с республиканским строем. Тем самым они помогали, по существу, Буланже, который давно уже разглагольствовал в том же духе. Жорес в своих статьях более глубоко подходит к делу. Зло не в республике, утверждал Жорес, а в экономической безнравственности безответственного капитализма. Пока общество базируется на частной собственности и эгоизме, политическая жизнь будет неизбежно отражать капиталистическую мораль. Ответ на коррупцию заключается не в отказе от республики или в разоблачении нескольких продажных политиков, а в изменении социальной системы.

Жорес занимал во время буланжистской эпохи несравненно более правильную позицию, чем многие социалисты. Гэдисты в это время показали себя сектантами и не хотели бороться против Буланже вместе с другими республиканцами, хотя в случае его успеха и ликвидации республиканского строя французское социалистическое движение оказалось бы в крайне неблагоприятных условиях. Более того, некоторые из них, в частности известный марксист Поль Лафарг, предлагали даже совместные действия с буланжистами, считая, что массовое

Мать Жореса Аделаида Барбаза.

Дом в Кастре, в котором родился Жан Жорес.

Братья Жан и Луи Жорес.

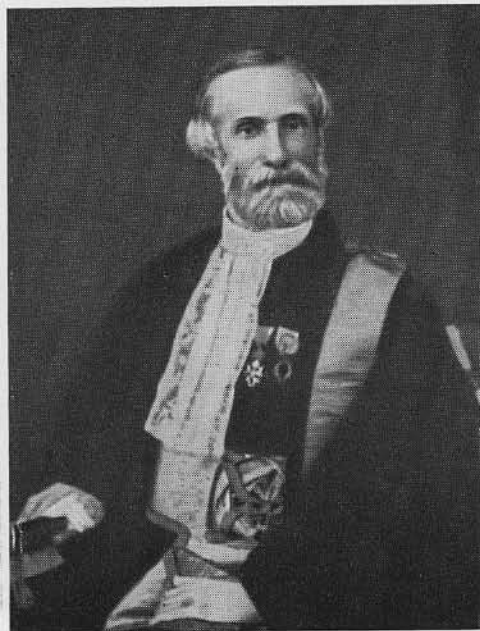
Колодец у фермы
Федиль.

Двор лица в Альби.

Дортуар в коллеже.
Сен-Барб.

Феликс Дельтур.

Жан Жорес. Портрет
работы Беринье.

Жорес в группе
студентов.

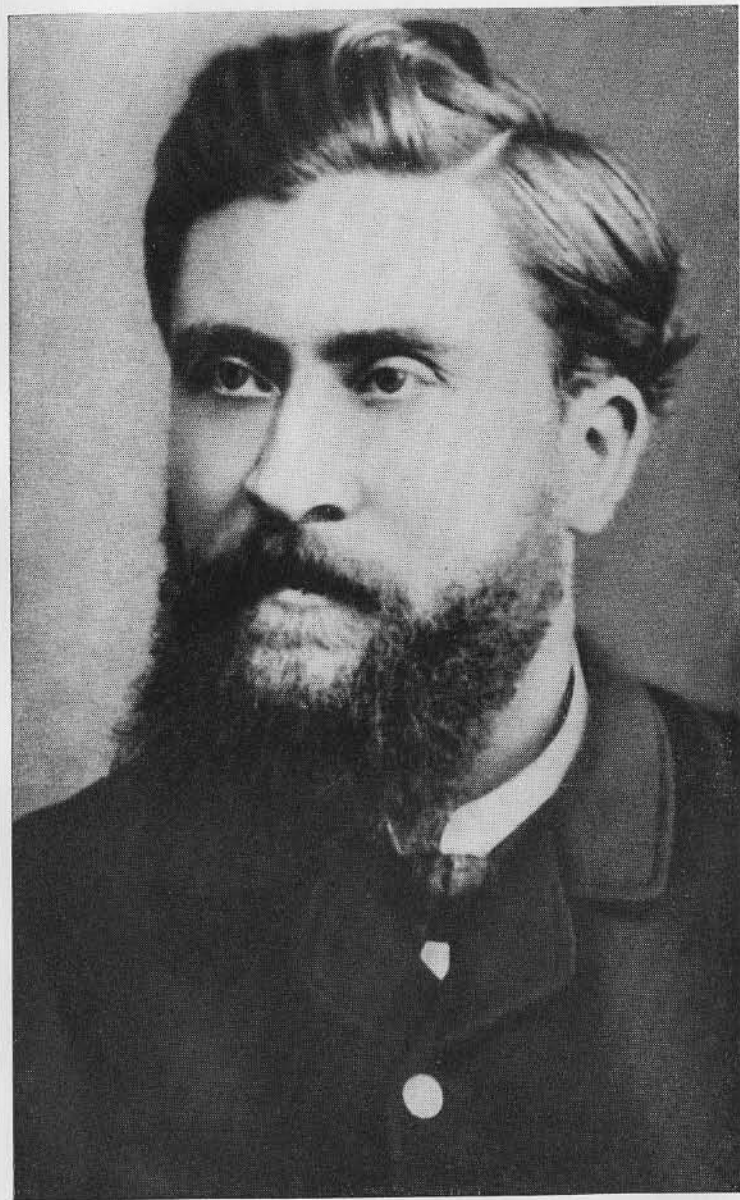

Альби, собор
Сен-Сесиль.

Дом в Бессуле.

Жорес, преподаватель философии.

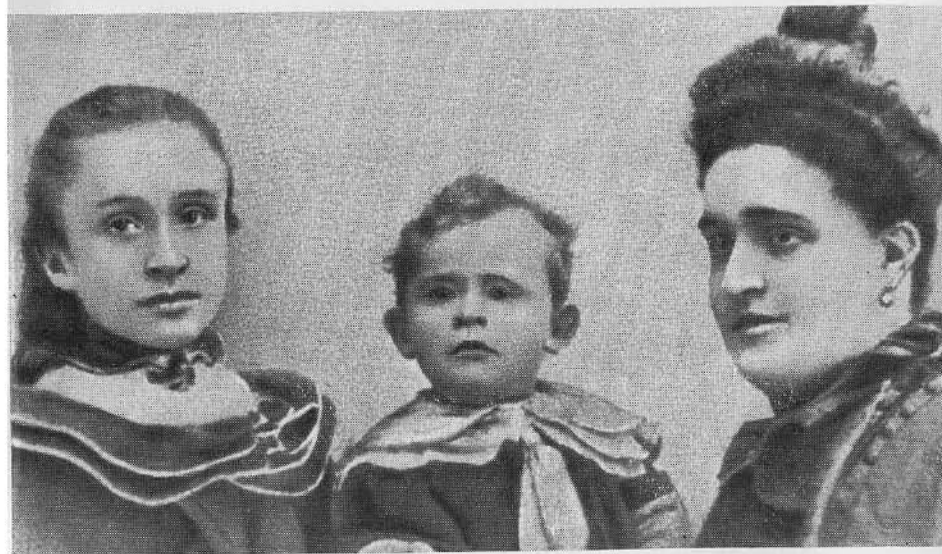

Жорес в 1882 году.

Луиза Буа.

Мадам Жорес
с дочерью Мадлен
и сыном Луи.

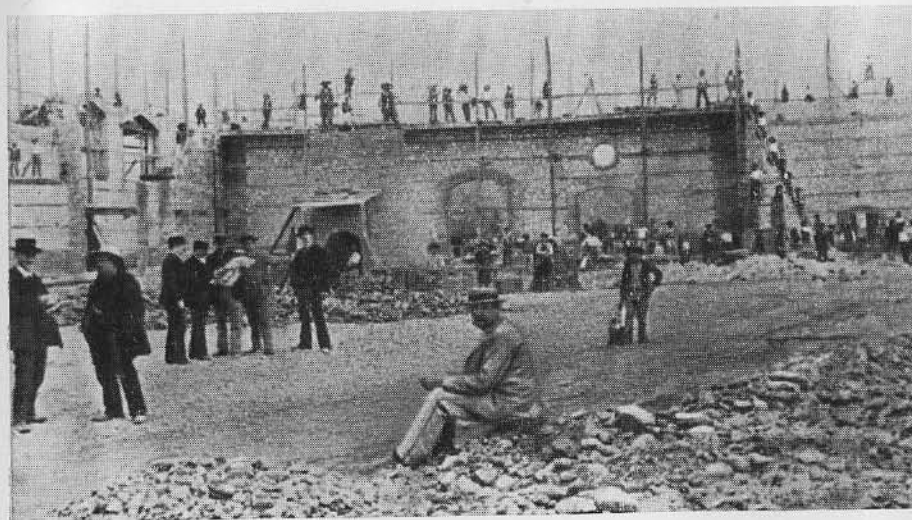

Жорес — молодой депутат.

Жорес во главе демонстрации забастовщиков в Кармо в 1893 году.

Строительство стекольного завода в Альби.

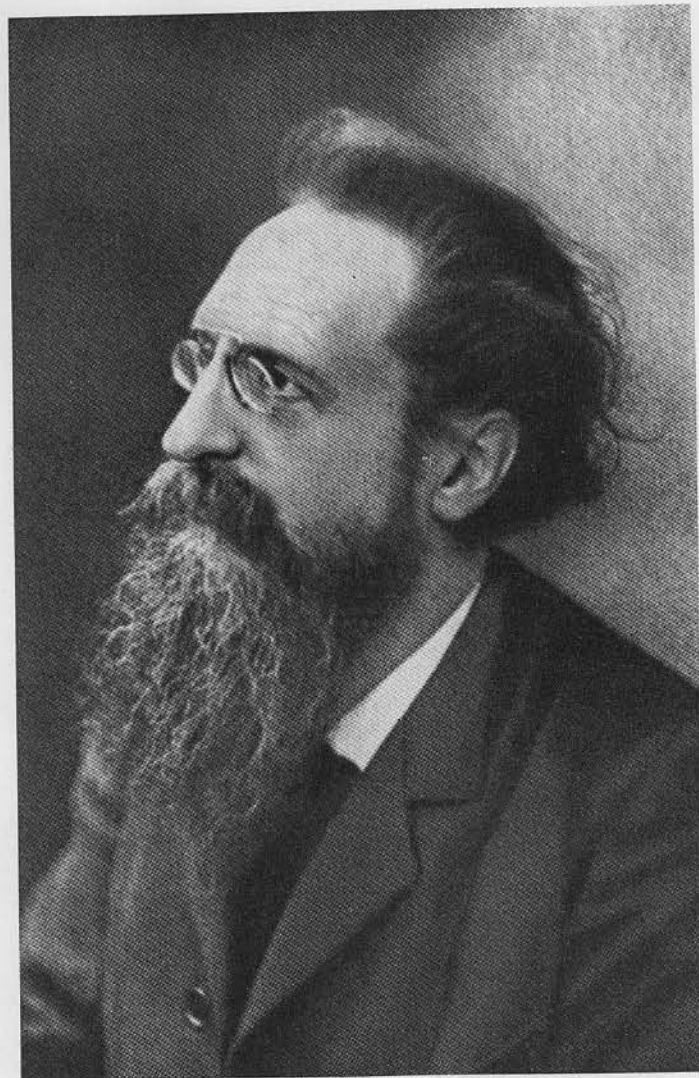

5 декабря 1896 года,
Кармо.

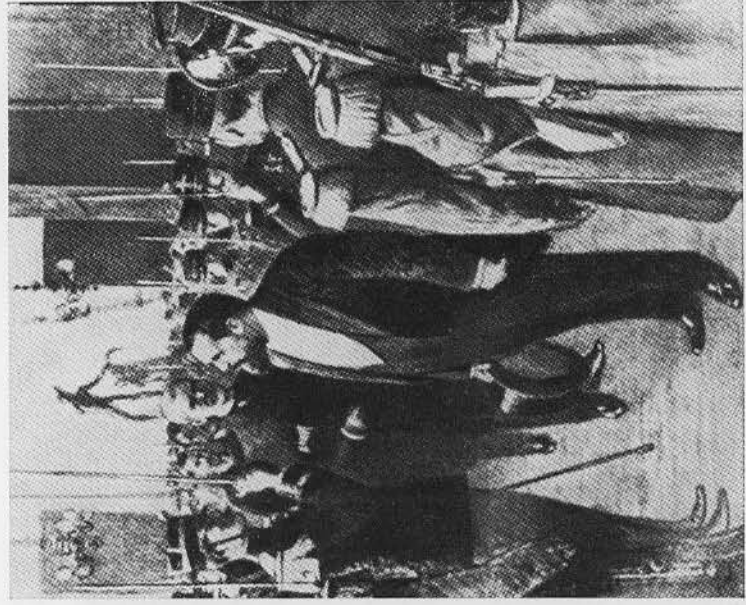
Встреча Жореса
в Кармо.

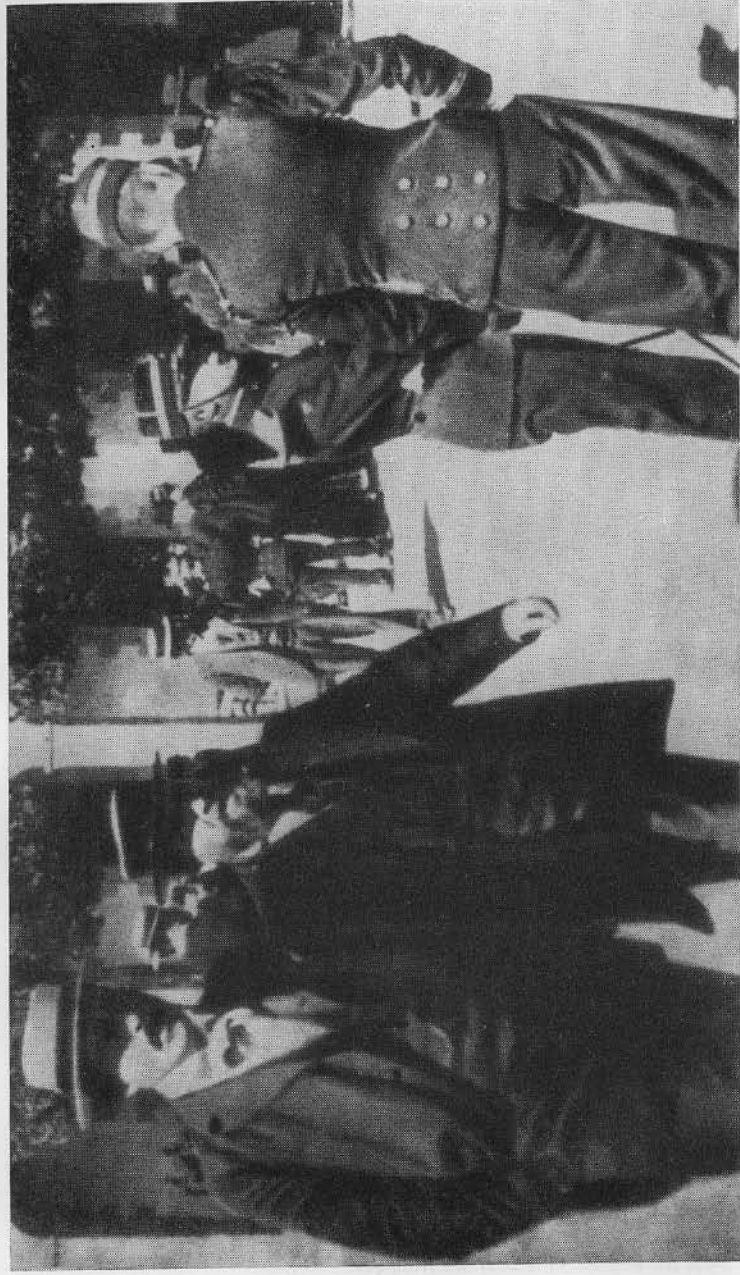
Жюль Гэд.

Жорес направляется в палату депутатов.

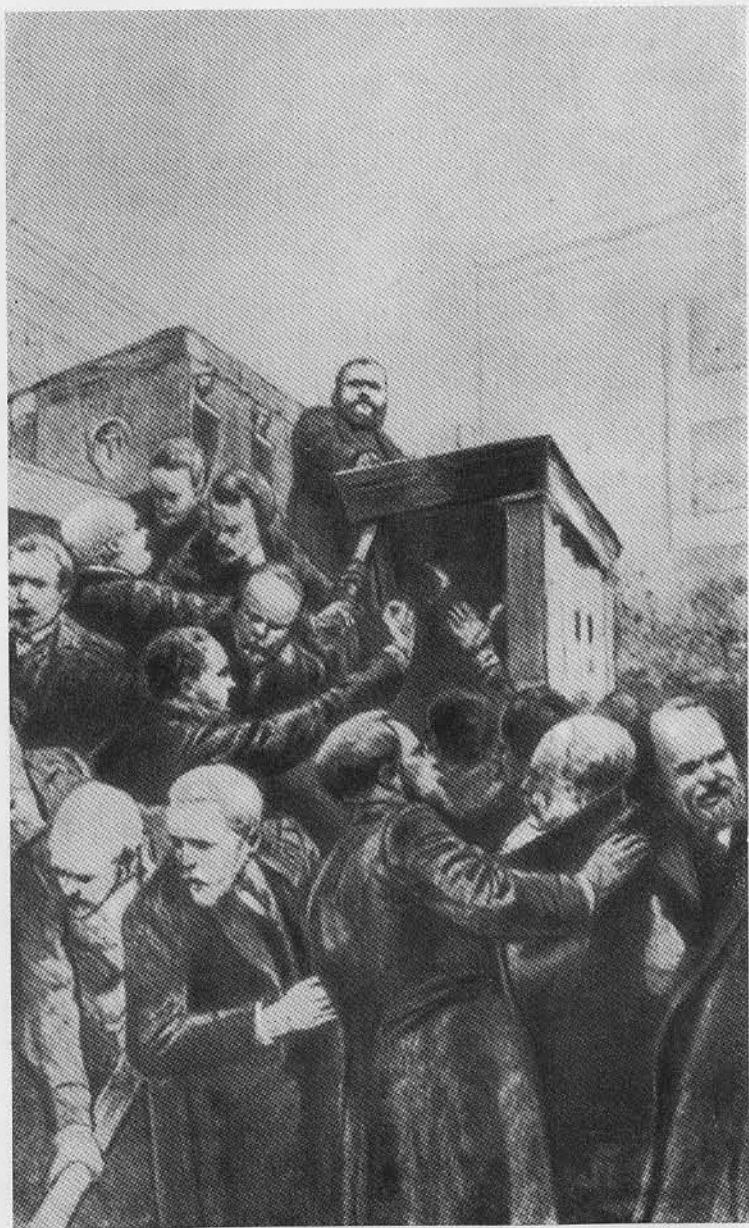

Жорес — вице-председатель палаты —
принимает рапорт почетного караула.

Жорес и Вивьани в Ренне в 1892 году во время процесса Дрейфуса.

Граф де Берни нападает на Жореса.

движение за Буланже можно направить к социализму, Энгельс сурово критиковал за это Лафарга.

Однако, выступая против Буланже, Жорес отнюдь не солидаризировался полностью с большинством буржуазных республиканцев, которые пытались ликвидировать буланжизм путем нарушения или ослабления демократии. Для оппортунистов, среди которых Жорес продолжал сидеть в палате депутатов, буланжизм был угрозой их власти. Он разоблачал их пороки. Для Жореса буланжизм неприемлем из-за его лживости и демагогичности, из-за опасности, которую он нес республиканским свободам. Если Жорес и выступал против Буланже формально вместе с оппортунистами, то это уже не означало никакого духовного, политического единства с ними. Он бесповоротно ушел от тех, кто унижал и профанировал республику, компрометируя ее корыстным карьеризмом.

Напуганное очередным успехом Буланже на выборах в Париже в январе 1889 года, правительство Флоке вносит законопроект о замене избирательной системы по спискам реакционным порядком выборов одного кандидата в каждом округе. 11 февраля 1889 года Жорес резко осудил в палате это продиктованное страхом намерение. Любопытно, что среди аргументов в его речи важное место занимала мысль о том, что выборы по округам лишат представительства рабочих-социалистов. Жорес считал, что в момент, когда речь идет о защите республики, преступно дискредитировать ее антидемократическими мерами. Упомянув об исполнявшемся тогда столетии Великой французской революции, Жорес говорил:

— Неужели гений французской революции исчерпал себя? Неужели среди идей революции вы не найдете таких, которые помогут справиться с нынешними трудными вопросами, с проблемами, стоящими перед вами? Неужели утрачено бессмертное наследие революции, которое может быть опорой для решения всех имеющихся трудностей, среди которых мы живем?

По-прежнему депутат Тарна пытается со свойственным ему наивным идеализмом пробудить демократический дух у тех, кому нет до него никакого дела. Неудивительно, что палата осталась глуха и закон о выборах по округам прошел. Ведь с этим законом многие из правых связывали и свои личные выгоды на предстоящих вскоре выборах.

Между тем буланжистское движение, кульминационным пунктом которого был успех на парижских выборах 27 января 1889 года, начинается с этого упущенного генералом момента, когда он действительно имел шанс взять власть, клониться к упадку. Буланже все чаще становится объектом шуток, для которых этот весьма неумный, напыщенный и нагловатый деятель давал достаточно поводов. Чего стоила хотя бы его страсть к лошадям, к опиуму и, конечно, к Маргарите де Бонемен. В одной из газет, к примеру, появляется такое объявление: «Революционер, хорошо разбирающийся в лошадях, ищет место кучера в хорошем доме». В конце концов этот кондотьер с показными замашками якобинца и с нутром монархиста был выбит из седла методом простой полицейской провокации. Ловкий и беспринципный министр внутренних дел Констан распустил слух о предполагаемом аресте Буланже. Генерал струсил и убежал вместе со своей любовницей Маргаритой де Бонемен в Бельгию. Она там вскоре умерла, а через два месяца безутешный влюбленный генерал застрелился на ее могиле. Так закончилось это, по выражению Жореса, «буланжистское недоразумение».

Но для Жореса, как и для Франции, оно прошло далеко не бесследно: итог этой первой крупной политической битвы, в которой он участвовал, заключается в дальнейшем его освобождении от иллюзий буржуазного республиканизма и в укреплении социалистических взглядов. В поступках и словах Жореса времен буланжистской эпопеи виден уже сложившийся характер, чертами которого ясно выступают самостоятельность, принципиальность, интеллектуальная честность. Проще всего было бы присоединиться к одной из группировок, действовавших в этой борьбе. Жорес пошел другим путем. Он терпеливо вырабатывал свое мнение и, основываясь на нем, действовал, и действовал правильно. Еще совсем не будучи марксистом, он тогда под влиянием какого-то чутья поступал правильнее, чем марксисты Гэд и Лафарг.

«Буланжизм скончался, — писал Жорес в ноябре 1889 года, — теперь мы смело сможем продолжать вместе с демократией дело справедливости». Он оптимистически смотрит в будущее. Крах буланжизма, распад монархического движения, поразительная устойчивость республики, растущий авторитет социализма, столь явный

на фоне упадка и разложения буржуазного республиканизма, показывали, что в усложняющемся, все более противоречивом жизненном потоке все же существует мощное течение социального прогресса, что, если проложить для него широкий фарватер, убрать плотины и расчистить болотистые заводи, оно способно будет вынести Францию к новым гостеприимным берегам социализма.

Жорес, которого его дядя-адмирал еще недавно называл «утенком», более уверенно ориентируется в политическом болоте буржуазного парламентаризма. Чувство тоскливого одиночества, которое так терзало Жана в парламенте несколько лет назад, кажется, проходит. К концу легислатуры он там не только освоился, но и завоевал определенное положение. Он все чаще встречается с выражением симпатии со стороны коллег, с поощрительными взглядами старых, верных республиканцев. Даже сам Клемансо обращается к нему однажды с просьбой поддержать его кандидатуру на пост председателя палаты. Хотя речи Жореса пока почти не оказывают влияния на исход голосований, они, по признанию многих, поднимают уровень дебатов. Наконец (вот верный признак успеха) ему начинают завидовать, обвиняя его в несуществующих пороках. Из-за назначения его тестя г-на Буа супрефектом в Сен-Пон ему приписывают грех nepотизма, семейственности. Как-то Жан со смехом рассказывает одному знакомому:

— Обо мне говорят, что в бесплатном буфете палаты я курю дорогие сигары! Увы! Я вообще не курю. Но я уже опасаясь делать добродетель из этой слабости.

Часто, возвращаясь из палаты, Жан делает крюк и, смешавшись с толпой, бродит по новой Всемирной выставке, посвященной столетию революции. Недавно построенная Эйфелева башня отнюдь не шокирует его своим индустриализмом, несовместимым, по мнению многих, с обаянием древних соборов Парижа. На выставке Жан радуется и восхищается свидетельствами новых достижений человеческого труда и разума. Он писал в столь милом его сердцу стиле Виктора Гюго:

«Однажды ночью, возвращаясь из Версаля, я смотрел на Париж с высот Бельвиля. На башне сиял электрический свет... Ее вершина выглядела в темноте как новая планета... Поистине звезда человеческого гения засияла под звездами бога!»

Летом 1889 года заканчивался срок полномочий па-

латы депутатов, избранной за четыре года до этого. Новые выборы были назначены на 22 сентября. Жоресу предстояло решить, добиваться ли ему депутатского мандата второй раз, или, удовлетворившись приобретенным опытом, избрать более спокойное поприще. Ведь за четыре года пребывания в палате Жорес не раз испытывал желание покинуть парламентское болото, столь мало подходящее, как оказалось, для достижения его идеалов. Но теперь он, приближаясь к зрелому тридцатилетнему возрасту, уже хорошо понимал, что даже для небольших политических успехов нужны исключительное упорство и непоколебимая воля. А эти качества все сильнее проявлялись в нем. Он решил снова выдвинуть свою кандидатуру.

На этот раз выборы проводились в очень неблагоприятных для Жореса условиях. В прошлый раз он был включен в список кандидатов-оппортунистов и пользовался поддержкой сильной избирательной организации. Но хотя все четыре года он просидел на скамьях центра, его депутатская деятельность показала, что оппортунистам нельзя на него рассчитывать. А значит, он не получит поддержки буржуазных республиканцев департамента Тарн, которые раньше активно способствовали его избранию. Ему нечего было надеяться и на поддержку радикалов, а также и социалистов, к которым он так и не примкнул. Жорес выступал один. Никто не субсидировал его избирательную кампанию, а без денег вести ее было крайне трудно.

К тому же выборы проводились по новой избирательной системе, крайне невыгодной, если не безнадежной, для таких начинающих одиночек, как Жорес. Выборы по мелким округам удобны для кандидата, располагающего в своем округе связями и орудиями личного влияния на избирателей. Именно этим обладали старый соперник Жана барон Рей, владелец шахт в Кармо, и его зять маркиз Солаж, действовавшие вместе. Правда, и тот и другой баллотировались в других округах Тарна. Но в округе Жореса они выставили преданного им человека, некоего Абреаля, на стороне которого оказалось все влияние Рея и Солажа, не говоря уже о поддержке церкви. Вся эта компания монархистов и консерваторов действовала против Жореса тем более активно, что речь шла уже о борьбе не против оппортунистов, а о необходимости остановить почти социалиста, открыто призы-

вавшего горняков Кармо бороться против хозяев. А как раз с этого Жорес начал в августе свою избирательную кампанию.

— Я ношу в себе мечту о братстве и справедливости, — говорил Жорес 22 августа на предвыборном собрании в Кастре, — и ради этих целей я хочу работать...

Программа, с которой теперь выступал Жорес, была левее его взглядов 1885 года, но ее еще нельзя назвать социалистической, хотя речь и шла о серьезных реформах. Он говорил о необходимости установления сильного государственного контроля над капиталистическими предприятиями в области транспорта, банков и страхования. Указывая на экономическое и политическое всевластие крупной буржуазии и бесправие трудящихся, Жорес выступал за создание независимых профсоюзов, за развитие системы социального обеспечения. Жан призывал к «пролетарскому крестовому походу против правящего капитала». Голосовавшие за него на прошлых выборах промышленники, торговцы, рантье теперь в испуге отворачивались от него. Тем больше надежд возлагал он на голоса рабочих, особенно шахтеров Кармо, которых он так горячо защищал в палате депутатов. Но и там Жореса ожидало разочарование. Он смело являлся на митинги, организованные его противниками, охраняемые десятками их агентов. Когда он однажды появился на таком митинге в Кармо, то увидел, что председательствует сам маркиз Солаж, рядом с ним сидят барон Рей и их кандидат Абреаль. Появление Жореса и группы его друзей было встречено враждебными криками, оскорблениями. Но маркиз Солаж, демонстрируя свое пренебрежение к противнику, с любезностью аристократа снисходительно предложил выслушать враждебного кандидата.

Уже через несколько минут Жорес овладел вниманием аудитории, собравшейся для поддержки его противника. Обращаясь к шахтерам и не смущаясь присутствием их хозяев, он призвал их бороться с произволом шахтовладельцев:

— Если вы хотите участвовать в управлении шахтой, то не давайте вами играть, держитесь твердо, не позволяйте себя дурачить! Вам говорят: «Голосуйте за нас, и дело пойдет хорошо!» Но чтобы оно действительно шло хорошо, вы должны бдительно следить за всеми действиями хозяев, знать весь ход дела. Выбирайте такого де-

путата, который бы все сделал для вас. А у вас нет даже и пенсионных касс...

Жорес говорил просто, ясно: его речь резко отличалась от хозяйской демагогии. Враждебная аудитория теперь аплодировала ему с энтузиазмом. После митинга толпа провожала его до гостиницы и здесь снова наградила овациями.

— Если бы мы могли предвидеть это, — говорил маркиз Солаж, выходя из зала, — то мы не дали бы ему слова. Но, черт возьми, какой все же великолепный оратор!

— А, это мы уже видели, — отвечал барон Рей, — Гамбетта тоже был неотразимым оратором, но мы побеждали его. Сегодня наши шахтеры, наэлектризованные громовым красноречием Жореса, устроили ему триумф, но завтра, придя к урнам, они проголосуют за нас.

«Барон Черных гор» знал, что говорил. Рабочие, не имевшие своей организации, с сознанием, затемненным предрассудками, отсталостью, обработанные церковниками, легко попадали в ловушку реакции. Вера Жореса в здравый смысл пролетариата подвергалась серьезному испытанию.

Ораторские триумфы Жореса не давали реальных результатов. Рей, Солаж и им подобные сумели сохранить контроль над темной и забитой массой шахтеров. К тому же тайна голосования и другие правила проведения выборов грубо нарушались. Применялись даже «меченые» бюллетени. Иначе чем же можно объяснить, что в Сауле, где выступление Жореса также вызвало восторженный прием и толпа тоже провожала его до гостиницы, за него было подано только четыре голоса?

Но Жан действовал неумолимо и, не жалея сил, колесил по своему избирательному округу; он упорно боролся. Ему приходилось тем более трудно, что его супруга ждала ребенка. Луиза жила в Бессуле и изводила мужа жалобами и стонами, которые у этой изнеженной и ленивой женщины приобретали характер пытки для Жана, терпеливо переносившего все. Когда 19 сентября Луиза родила девочку Мадлен (Жорес называл ее Маллу), молодой отец с радостью и гордостью любовался светловолосым ребенком.

Вечером 22 сентября после подсчета голосов на площади в Кастре Жореса горячо приветствовали его сторонники. Он получил большинство. Однако вскоре стали

известны результаты по деревням. Здесь его значительно опередил консерватор Абреаль. Общий итог оказался не в пользу Жореса: он получил 8776 голосов, его противник — 9632. Причем по новой избирательной системе, как говорил сам Жорес, уже 51 процент голосов равнялся 100 процентам, 49 — нулю. Жан был побежден.

Двое друзей провожали домой усталого, измученного физически и морально Жана. Это был молодой Гези, восторженный поклонник и бывший ученик Жореса, который стал его добровольным секретарем на время избирательной кампании, а также старый врач Кастра доктор Пайс, знавший Жана с детских лет.

— Дело, видимо, в том, что вы слишком явно отделились от тех, кто вас раньше поддерживал, и не получили помощи людей, за которых выступаете сейчас, — проговорил Гези.

— Может быть, и так, — отвечал Жорес. — Но я сто раз предпочел бы уйти в частную жизнь, чем потерять в общественной деятельности хотя бы частицу своей независимости.

Когда, проводив Жореса, друзья возвращались к себе, старый врач задумчиво произнес:

— Как знать, быть может, наш друг Жорес действительно станет отшельником, когда он до конца узнает политических мошенников, окружающих его, и испытает ужасное разочарование... У него слишком много честности, чтобы лавировать вопреки своим убеждениям. Он слишком христианин, чтобы отречься от того, во что он верит. Он будет таким же, как все великие фанатики, на долю которых выпадало немало подобных злоключений...

На следующий день Жорес узнал, что система выборов по округам принесла поражение не только ему. Не были избраны известные политики, бывшие премьеры Ферри, Гобле и другие. Но в целом по стране республиканцы одержали решительную победу. Монархисты потеряли много мандатов; избрано было более десятка социалистов.

— Пусть я был побежден, — говорил Жорес спустя год, — но я высоко и твердо держал знамя республики, я стоял лицом к лицу с врагом, я боролся с ним и наносил ему удары... Следовательно, почему же мне говорят, что я был побежден? Да, я узнал о своем поражении вечером 22 сентября, но на другой день, когда я читал

в газетах сообщение о результатах выборов по всей стране, я увидел, что республика одержала триумф, и я почувствовал себя победителем.

ПРИОБЩЕНИЕ

Жорес снова житель Тулузы, где он поселился с семьей в доме № 20 на улице Сен-Пантелеоне, в небольшой скромной квартире. Столовая служит одновременно салоном для приема гостей и рабочим кабинетом хозяина.

После неудачи на выборах ректор Перру пригласил его возвратиться к прежним обязанностям профессора философии. Политические противники Жореса не преминули объявить Жореса еще одним «пристроившимся», как «все эти республиканцы». Оказывается, он сумел еще и «пристроить» своих родственников: один стал главным инженером в Альби, а кузина получила пост в больнице Сен-Сюльпис. Между тем инженер окончил знаменитый Политехнический институт, а кузина заняла свое место, еще когда Жан учился в школе.

— Так меня можно обвинить, — говорил он, смеясь, — что это я продвинул адмирала Жореса на пост посла в Петербурге, а затем сделал его министром, что я устроил высшие награды несколькими моим предкам, хотя многие из них проливали кровь за Францию в сражениях или погибали в далеких морях еще несколько веков назад!

Не чуждый, как видно, фамильной гордости, Жорес не испытывал постоянной и длительной ненависти к врагам. А к друзьям, отказавшим ему в поддержке? Ведь во время недавней избирательной кампании, окончившейся для него неудачей, некоторые из тех, кого он рьяно защищал, рабочие Кармо, не только отказали ему в своих голосах, но даже оскорбляли его. Однажды в толпе на него посыпались удары и плевки. Испытывал ли он обиду, озлобление? Нет, оскорбления от тех, кого он любил все сильнее, были для него лишним доводом в пользу крепнувшей решимости посвятить свою жизнь моральному, духовному и физическому освобождению пролетариата. И если его ненависть к буржуазии была преходящей, непоследовательно сменяясь подчас какой-то лояльностью, то его любовь к народу была неиссякаема, непрерывна и все более глубока. Его симпатия к простому

народу отнюдь не являлась лишь следствием крепнущих социалистических убеждений и последовательного демократизма, выросшего из подлинной широкой образованности. В его натуре, несмотря на весь профессорский академизм, было нечто глубоко народное, что-то очень сходное во вкусах, ощущениях, эмоциях. Жорес испытывал радость, удовольствие от общения с людьми труда. Он любил, замешавшись в воскресную толпу рабочих, мелких служащих, их жен и детей, прогуливаться и отдыхать вместе с ними, останавливаться и рассматривать блестящие витрины, где ни он, ни они ничего не покупали. Он обожал ярмарочные цирковые балаганы и представления бродячих театров, где за два су можно было насладиться зрелищем слезливой мелодрамы или народного фарса. Искусство этих сезонных тружеников неструганой и скрипящей сцены было, конечно, далеко от мастерства Фредерика Леметра или Мари Дорваль, блиставших еще не так давно в театрах парижских бульваров. Но бесхитростная игра их неизвестных провинциальных коллег нравилась народу, нравилась и профессору Жоресу. Вместе со всеми простодушными зрителями он готов оплакивать незаслуженно обиженных честных неудачников, горячо сочувствовать благородным героям, даже подсказывать им реплики или бурно возмущаться предателями и негодьями, охотно прощать мелким плутам их проделки, лишь бы они способствовали торжеству добра над злом. Жорес любил искренний, безудержный смех толпы. Он и сам смеялся вместе с ней. Да, он, конечно, и размышлял. «Какая польза и какой смысл в идее социального обновления, если народ и так поражает силой великодушия и радости, счастливо преобразившись в веселом настроении воскресного отдыха? Какой смысл тратить силы в отчаянной борьбе ради того, чтобы дать народу больше достоинства и счастья, если он и без того обладает столь могучей жизненной силой, если его душа бьет ключом радости, как только ей удастся прорваться наружу? Возбуждая в сердцах и умах надежду на грядущую справедливость, не рискуют ли уничтожить эту наивную способность к счастью, которая на протяжении всей столь мучительной истории человечества была единственным достоинством народа? Но, пожалуй, так легко думать лишь в легкомысленной и веселой толпе, в столь редкие для нее часы радости». И Жан вспоминал жуткие картины мучительного труда по 12—14 часов в сут-

ки, повседневную нищету, унижение, бесправие трудящихся. И эти картины побеждали сомнения, продажные искренним сочувствием к трудовому люду.

Но, впрочем, в это время Жорес ведет вполне благополучную, респектабельную жизнь буржуазного профессора. У себя дома он нередко принимает гостей. К великому удовольствию Луизы, здесь даже устраиваются танцы, и сам Жан не слишком ловко танцует кадрили со своей статной супругой. Жоресы часто получают приглашения в семью ректора Перру, который по-прежнему восхищается своим молодым другом. По вечерам Жан нередко засиживался в кафе де ля Пэ, где для горячих споров собиралась группа молодых ученых. Жан с одинаковым блеском участвовал в дискуссиях на самые различные темы.

Аделаида, следуя за сыном, тоже переселилась в Тулузу, хотя жить в его доме ей по-прежнему невозможно. Но ничто не могло помешать Жану ежедневно встречать старую даму, одетую в черное, и сопровождать ее в неторопливых прогулках по бульварам. Жан с неизменной нежностью относится к матери, которая в это время опять поглощена матримониальными заботами. Теперь надо женить младшего сына. Моряку нужна нежная и терпеливая жена, которая преданно ждала бы мужа на берегу. И Аделаида нашла хотя и небогатую, но очаровательную невесту — Элизу Комель. С ней повезло больше, чем с Луизой, и после свадьбы старушка смогла поселиться с молодой семьей в Тулоне, куда часто будет наезжать Жорес, освобожденный на время от огорчений из-за одинокой старости любимой матери...

Кроме основных занятий на факультете, Жорес читает серию публичных лекций по теме своей диссертации «О реальности чувственного мира», о которой уже шла речь. Лекции имели большой успех. Но он работает и над второй диссертацией. В ней Жорес исследует истоки немецкого социализма. Легко пережив неудачу на выборах, Жан вел жизнь, насыщенную интеллектуальными интересами, трудом, который он считал добрым и полезным делом.

Но ему явно не хватало политики. Поэтому он сразу же принял предложение директора «Депеш де Тулуз» не только продолжать, но и расширить сотрудничество с газетой. Правда, некоторые из его коллег по факультету стали возражать против этого; явление, обычное для

профессорских кругов всех стран и времен. Ведь далеко не все ученые мужи способны к связному изложению мыслей, да еще и разумных, на бумаге. Ученый, владеющий пером, всегда вызывает недоброжелательство подлых эрудитов, оберегающих себя от подозрений в литературной импотенции.

— Я понимаю, что выступления в газете могут доставить неудовольствие моим благосклонным коллегам, — говорил Жорес ректору Перру, — но ведь в этой области невозможно установить общее правило. Многие профессора входят в муниципальные и генеральные советы. Они вступают там в ожесточенную полемику. Почему же они не могут вести ее пером, особенно, как в случае со мной, если они воздерживаются от личных нападок и придают своим статьям научный характер? Сотрудничество в «Депеш» необходимо мне по нескольким причинам. Прежде всего это дополнительный источник средств для моей семьи, которым я не могу пренебрегать, особенно сейчас. Затем у меня через газету завязались интеллектуальные связи с неизвестными друзьями, которые я не хотел бы разрывать. Наконец, удаленный от трибуны на неопределенное время, впрочем, я надеюсь, что оно не будет продолжительным, я хочу иметь возможность высказывать свои мысли и продолжать действовать пером в направлении, которое я считаю справедливым и необходимым.

В конце концов Жан получил разрешение факультета писать в газету. Он напечатал в «Депеш де Тулуз» много отличных статей. Особенно интересны статьи 1892—1893 годов, ибо они раскрывают духовную эволюцию Жореса — точнее, процесс его окончательного приобщения к социализму, составивший главное содержание его жизни тех лет.

Люди, близко знавшие Жореса, сходятся на том, что огромную роль в этом деле сыграл Люсьен Герр, который с 1888 года на протяжении почти четырех десятков лет заведовал библиотекой Эколь Нормаль. Человек большого личного обаяния, блестящий эрудит, он в совершенстве изучил социалистическую литературу. Люсьен Герр хорошо знал работы Маркса. Однако он не присоединился к Французской рабочей партии, а предпочел посибилизм, ибо Гэд и Лафарг отпугивали его своим догматизмом. Он часто высказывал свои взгляды студентам Эколь Нормаль, и многие из будущих видных деятелей фран-

цузского социализма испытали его влияние. Жорес окончил школу задолго до того, как там появился Люсьен Герр. Но он продолжал пользоваться ее библиотекой. Там в 1889 году и произошло знакомство, положившее начало дружеским отношениям, продолжавшимся до конца дней Жореса. Он подолгу беседовал с Герром, однажды такая беседа затянулась на всю ночь. Герр остро критиковал расплывчатость, неопределенность социалистических воззрений Жореса и часто ссылался при этом на Маркса.

Жорес много работает над сочинениями социалистов разных направлений. Кому же из них он отдавал предпочтение? Пожалуй, никому, ибо у каждого он находил что-то привлекавшее его и что-то неприемлемое. В августе 1894 года Жорес, отвечая на просьбу одного социалиста порекомендовать ему книги, которые содержали бы изложение социалистической доктрины, писал: «Имеются краткие и серьезные пропагандистские брошюры Жюля Гэда и Лафарга или Бенуа Малона... Особенно полезно почитать журнал «Ревю социалист»... в нем можно найти ответы на многие вопросы и разъяснения современных социальных, аграрных и промышленных проблем».

«Однако, — утверждал Жорес, — невозможно найти весь социализм в окончательной форме в одной книге. Что касается думающих и сомневающих людей, то, читая «Историю революции» Луи Блана, они узнают все мысли великих деятелей Конвента, уже проявлявшие смелый социализм; когда они будут читать «Организацию труда» Луи Блана и более позитивную и всеобъемлющую книгу Прудона «Политические способности рабочего класса», когда они прочтут блестящую полемическую книгу Лассалля «Капитал и Труд», глубокую алгебраическую работу Маркса «Капитал», особенно главы о прибавочной стоимости и экспроприации трудящихся, они все же не получат весь социализм в свои руки, но они смогут ответить на софизмы либеральных экономистов, они будут достаточно просвещенными, чтобы здраво судить о современных социальных проблемах».

Итак, Жорес сложил всех вместе: мелкобуржуазных социалистов Прудона и Блана с основоположником научного коммунизма Марксом, французских буржуазных революционеров XVIII века и явного оппортуниста Лассалля, революционных марксистов Гэда и Лафар-

га и наивного эволюциониста-электика Малона. Разумеется, каждый из тех, кого перечислил Жорес, занял свое место в истории социализма. Однако никто из них не мог идти в сравнение с Марксом, превратившим социализм из утопии в науку. Понимал ли Жорес эту исключительную роль Маркса и значение его теории для освободительного движения пролетариата? Справедливости ради надо признать, что, несмотря на огромное влияние Маркса на Жореса, он не стал марксистом в современном понимании этого слова. Несомненно, что Жорес ставил Маркса выше остальных социалистических мыслителей. Еще 25 февраля 1890 года он опубликовал в «Депеш де Тулуз» статью о германском социализме, в которой он впервые упомянул Маркса. Жорес восхищался тем, что германские социал-демократы имеют прочную теоретическую базу. «Они вооружены мыслью Маркса... — писал он. — Германский социализм — это не бесплодное выражение недовольства и мелких стремлений. Его корни в идее, и эта идея достигает масс».

Жорес был одним из немногих французских социалистов конца прошлого века, изучавших марксизм с величайшим вниманием. Он читал «Капитал», делал многочисленные заметки на полях. Хорошее знание немецкого языка давало ему возможность изучать работы Маркса, еще не переведенные на французский. Жорес сразу же воспринял от Маркса его решительную критику капиталистического производства. Но этого нельзя сказать о теории классовой борьбы как основы истории общества. Если для Маркса социализм был прежде всего необходимым результатом объективного процесса развития производства и классовой борьбы, то для Жореса он оставался в первую очередь нравственным идеалом, воплощением идеи справедливости, завершением развития республиканской демократии. Конечно, в дальнейшем происходила эволюция социалистических взглядов Жореса. Сейчас речь идет лишь о моменте его окончательного перехода в социалистическую веру.

Не только изучение социалистической литературы влияло на этот переход. Политическая жизнь Франции способствовала ослаблению буржуазно-демократических иллюзий Жореса. Казалось бы, победа республиканцев на выборах 1889 года и разгром буланжизма способствуют возрождению боевого республиканского духа. Жорес так надеялся на это. Надежды оказались напрасными. Оппор-

тунисты, которые еще недавно были в глазах Жореса главной республиканской партией, объявляют о прекращении борьбы с клерикализмом. Новый дух, новые веяния — таков теперь лозунг оппортунистов, увидевших врага слева, — социализм, крепнущее рабочее движение. В июле 1889 года в Париже был основан II Интернационал. Марксисты играли в этом главную роль, они придали решениям учредительного конгресса революционный характер. «Новые веяния» среди буржуазных политиков выразили их стремление объединить все консервативные силы против социализма. Клерикалы тоже сделали выводы из уроков последних лет. Открытая борьба монархистов и буланжистов против республики оказалась безуспешной. Так почему же не попытаться, отказавшись от нереального монархического идеала, оказывать влияние на республику, присоединившись к ней? Католики, вдохновляемые проникательным и расчетливым папой Львом XIII, поняли, что главное не форма, в какой будет существовать власть господствующего класса; главное — уберечь эту власть от опасности социализма. В палате депутатов возникает под руководством Пиу (того самого, который сказал некогда Жоресу комплимент по поводу первого выступления с парламентской трибуны) так называемая конституционная правая, провозгласившая политику принятия республики. Чего же можно было ожидать от республики, включившей в себя отныне ярких консерваторов, монархистов, клерикалов? У Жореса не осталось особых иллюзий на этот счет. Он приходит к твердому убеждению: существует только одна возможность использования республики для улучшения положения трудящихся — соединение ее с социализмом. Такая республика может избавить от капиталистического гнета наиболее страдающий от него класс — пролетариат, но не только пролетариат. Все глубже познавая механику капиталистического общества, Жорес видел еще большее число жертв капитализма среди мелкой буржуазии — крестьян, мелких торговцев, всех, кто составлял средние, промежуточные слои между буржуазией и рабочим классом. Социализм был единственным выходом и для них, представлявших наибольшую по численности часть французской нации. Социалистическое движение должно объединить вместе мелкую буржуазию и рабочих. Жорес считал тогда, что будущее социалистическое правительство явится коалицией всех страдающих

классов, а не пролетарской диктатурой. «Если бы случилось так, — писал он, — то это означало бы лишь замену одной тирании другой, одного гнета другим». Социализм должен стать всеобщим «истинно человеческим движением».

Свои новые все более социалистические убеждения Жорес излагает не только на страницах «Депеш», но и на политической сцене, правда пока провинциальной. Спустя десять месяцев после неудачи на выборах в палату депутатов Жорес выставляет свою кандидатуру на выборах в муниципалитет Тулузы. Совершенно ясно, что жить без политики он уже просто не мог. Почти год он говорил лишь с профессорской кафедры, теперь он с удовольствием пускает в ход верное оружие на политической арене, выступив с двумя речами в качестве кандидата в муниципальные советники. В них он впервые ясно выразил свои социалистические взгляды. Идея демократической коалиции радикалов и социалистов, мелкой буржуазии и рабочих служит лейтмотивом его первой речи. Но очень важно заметить, что именно радикалов Жорес призывал идти к социалистам, а не наоборот.

— Не воображайте, что социальные проблемы можно разрешить, используя формулы французской революции. С 1789 года возникли новые вопросы, которые надо решать на почве единства и солидарности; в этом путь к социализму. Вот почему я призываю радикалов идти к социалистам, объединиться с ними в парламенте и сформировать великую партию социалистического действия, способную успешно провести все реформы. Я надеюсь, что это дело будет осуществлено...

Жорес горячо зовет к социализму, он предостерегает против разочарований, внушает оптимизм, веру в успех дела социальных реформ. Именно реформ, но отнюдь не революции. Он торжественно обещает отдать всю свою жизнь делу социальной справедливости, какие бы трудности, какие бы препятствия ни противостояли ему.

— Я буду служить одному делу: делу трудящихся. Да, я решительно заявляю, что, пока я буду дышать, я использую все свои силы для борьбы за слабых, против сильных, за народ, против тех, кто его угнетает, за социальную справедливость, против несправедливости и беззакония...

С жаром новообращенного Жан давал обет, который он искренне хотел выполнить. Но искренность намерений не исключает, к сожалению, столь же искренних заблуждений. И в самом деле, во вновь обретенном социалистическом мировоззрении Жореса оказалось много неясного, даже противоречивого. Он справедливо говорил в предвыборной речи о том, что для решения социальных проблем надо двигаться дальше идей французской революции, ибо в целом эта великая революция в общем-то не повела, да и не могла повести дальше буржуазной демократии, если не считать отдельных социалистических движений, которые не были в ней определяющими. Однако Жорес не так уж ясно видел грань, отделяющую республиканскую буржуазную демократию от социализма. Спустя три месяца после муниципальных выборов он явно делает шаг назад в понимании социализма:

— Когда видят наши объятые раздорами социалистические конгрессы, где расколовшиеся члены рабочей партии недостойно оскорбляли друг друга, то в такие моменты некоторые начинают невольно думать, что социализм во Франции обречен на плачевный провал. В действительности нет ничего подобного, и реакционные олигархические партии радуются слишком рано. Социалистические школы могут изменяться, социалистические секты, сыграв какую-то временную роль, могут умирать в изоляции, но во Франции все равно остается огромная социалистическая партия. Она называется совсем просто — республиканская партия.

Утвердив свою веру в будущее французского социализма с помощью более чем сомнительного, особенно в момент «новых веяний», отождествления, Жорес заявляет вслед за тем, что французская революция «содержит в себе весь социализм в целом», что «революция была социалистической в организации семьи... в организации общественного образования... в организации общественных дел... в своей концепции собственности...».

— Я делаю отсюда два вывода, — продолжает Жорес. — Прежде всего, что во Франции имеется, несмотря на противоположные признаки, огромная социалистическая партия, являющаяся партией французской революции, и, следовательно, социализм содержится и происходит из республиканской идеи. Самые правверные социалисты действуют против самих себя, если они изолируют

от великой республиканской партии. Что касается меня, то я разумом и сердцем чувствую себя гораздо ближе к республиканцу, даже умеренному, который видит в республике не только ее действительность, но то, что она может дать, чем к тем пресловутым социалистам, которые пытаются отделиться от великой республиканской партии. Нашей целью должно быть не основание социалистических сект, изолированных от республиканского большинства, но создание таких условий, которые побудили бы партию революции смело и ясно признать то, что она является социалистической партией. Вскоре она должна будет это сделать.

Можно понять Жореса, когда он добивается, чтобы все французские республиканцы стали социалистами. Ему, естественно, хотелось, чтобы к социализму приобщились не только он один, но как можно больше французов. Однако гораздо труднее объяснить, что все республиканцы являются тем самым социалистами. Как можно представить социалистом лидера даже наиболее левых буржуазных республиканцев Жоржа Клемансо с его яростной, беспощадной борьбой за сохранение священного принципа буржуазной частной собственности? Еще более трудно вообразить, каким образом классическая буржуазная концепция частной собственности превратилась в социалистический принцип? В двух речах, отделенных промежутком в три месяца, Жорес высказывает диаметрально противоположное понимание социальной сущности французской революции. Быть может, он просто изменил свои взгляды? Нет, это не так. В действительности он мечтал придать социализму максимальный размах, он стремился объединить под его знаменем как можно больше людей. Особенностью его мышления было стремление к всеобщности, преувеличение ее значения и недооценка различий, противоречий. Это его ахиллесова пята — недостаток классового анализа, недооценка антагонистичности социальной структуры столь любимой им Франции. Он наивно хотел верить, что здесь все люди — братья. Это нередко будет источником его ошибок. Однако, словно для подтверждения того, что недостатки людей есть лишь продолжение их достоинств, эта жоресовская широта подхода к жизни, к политике, к истории порой помогала ему поступать более эффективно для интересов социализма, чем узкая скованность взглядов сектантов. Но иногда она порождала и ошибки.

Некоторым оправданием смутности социалистических взглядов Жореса может служить обрисованная им довольно плачевная картина французского социалистического движения. Действительно, было отчего растеряться нашему неوفиту — семь разных социалистических группировок вели борьбу не столько против капитализма, сколько между собой. С 1880 года существовала Французская рабочая партия, основанная марксистом Жюлем Гэдом. Бланкисты объединились в 1881 году в Центральный революционный комитет (социал-революционная партия) во главе с Эдуардом Вайяном. Федерация социалистических трудящихся Франции объединяла сторонников Поля Брусса после их разрыва с гэдистами в 1882 году. POSSИБИЛИСТЫ, как их называли, отвергали революционные методы гэдистов и бланкистов и считали возможным движение к социализму путем реформ в буржуазном государстве. В 1890 году от POSSИБИЛИСТОВ отделилась рабочая революционная партия Жана Алемана, остановившаяся на полпути между POSSИБИЛИСТАМИ и анархо-синдикалистами. Существовали, наконец, три группы, вышедшие из Общества социальной экономки, основанного в 1885 году Бенуа Малонем, директором журнала «Ревю социалист». Во время буланжизма они раскололись на сторонников генерала, антибуланжистов и нейтральных.

Взгляды этих группировок часто резко расходились, иногда совпадали и так сложно переплетались, что трудно было уловить различия. К тому же эти организации, объединявшие всего полпроцента французских рабочих, яростно боролись между собой. Кловис Юг называл Гэда «Торквемадой в пенсне», а Алеман наградил Вайяна званием «красного иезуита».

Кому же из них симпатизировал Жорес? В 1889 году он писал: «Рабочая партия, партия POSSИБИЛИСТОВ имела в последнее время наибольшее влияние, а также относительно большие успехи. Она имеет пять или шесть опорных пунктов, среди них Монмартр и Бельвиль. С самого начала они сигнализировали о буланжистской угрозе и боролись против нее. Они знают, что нельзя решить все вопросы одновременно, и направляют свои усилия прежде всего на сокращение рабочего дня, поскольку они уверены, что прогресс зависит от сознательности и что сначала надо дать трудящимся время думать. Они провозглашают в качестве главной догмы принцип борьбы клас-

сов, но затем всем своим поведением они этот принцип отрицают...»

Жорес явно путает. Он называет POSSИБИЛИСТОВ рабочей партией, хотя это название гэдистской организации. Однако его положительное отношение к ним чувствуется совершенно определенно. И в других статьях в «Депеш де Тулуз» он в это время поддерживает их реформистский социализм. Но ему был близок и Бенуа Малон, идеи которого оказали на него несомненное влияние. Что касается бланкистов, то он совершенно не одобрял их заговорщические намерения. Ну а французские марксисты, возглавлявшиеся Жюлем Гэдом? Жоресу импонировало в них стремление к теоретическому, научному обоснованию своей практики. Но его отталкивал узкий догматизм, сектанство гэдистов, которые усвоили марксизм очень уж однобоко.

Парадоксально, но факт: Жорес лучше овладеет марксизмом, чем сам Жюль Гэд! Это отмечал крупный историк французского социалистического движения Клод Виллар. Кстати, ведь именно в связи с «марксистскими» взглядами Гэда, Лафарга и их друзей Маркс с горечью шутил: «Ясно одно, что сам я не марксист». Вообще марксизм проникал во французское рабочее движение медленнее, позже, труднее, чем это происходило в других странах. Французский перевод «Коммунистического манифеста» опубликовали здесь только в 1885 году, а «Гражданскую войну во Франции» — лишь спустя два года. Фактически Жорес шел к марксизму сам, в отличие от Гэда и Лафарга, которых терпеливо учили непосредственно Маркс и Энгельс, хотя ученики не переставали удивлять и огорчать их своей неспособностью понять научную революционную теорию творчески, а не догматически.

Впрочем, посмотрим, как в действительности складывались отношения Жореса с людьми, пытавшимися создать марксистскую революционную партию во Франции.

Избранный 27 июля 1890 года муниципальным советником, Жорес становится одним из заместителей мэра Тулузы. Совет состоял в основном из радикалов, но в него вошли четыре рабочих-социалиста во главе с Шарлем де Фитом, человеком сурового характера и жестких, точнее узких, взглядов, верным последователем Гэда. Де Фит обычно сидел за столом заседаний совета на-

против Жореса и смотрел на новообращенного социалиста весьма строго. Он уважал искренность, доброту Жореса, но его идеализм вызывал откровенные саркастические насмешки этого рыцаря классовой борьбы. Между ними часто вспыхивали споры и разногласия, в которых сектантски непримиримый партийный активист де Фит далеко не всегда был прав по отношению к великодушно-примирительному профессору-социалисту. Жорес очень ценил де Фита, оказавшего на него несомненное влияние. Но часто он, несмотря на это, при всем своем добродушии, не мог не выступать против него. Так случилось, когда Жорес внес предложение оказать денежную помощь местной Академии законодательства. Де Фит категорически высказался против:

— Я мог бы показать вам доклады этой академии. На них печать самого отвратительного реакционного духа, самого эгоистического консерватизма, какой только можно себе представить!

— Вы обвиняете академию, — отвечал Жорес, — в приверженности к взглядам, которые вы не разделяете. Но это еще не довод против субсидии. В академию входят представители различных партий. Но каковы бы ни были их взгляды, они занимаются исследовательской работой. А в конечном счете это полезно для демократии, которую я не могу отделять от истины...

Де Фит последовательно продолжал свою линию. 3 ноября 1891 года он предложил лишить субсидий религиозный персонал городских приютов, чтобы придать им во имя торжества принципа секуляризации светский характер. Жорес считал, что важнее удовлетворять насущные нужды населения, чем добиваться любой ценой торжества идеи отделения церкви от государства. Поэтому он указал на преждевременность предложения де Фита:

— Да, я тоже сторонник секуляризации, но в данном вопросе надо подождать до тех пор, когда республика выполнит свой долг по социальным вопросам путем создания системы социального обеспечения. В условиях, когда любой проект по улучшению положения народа терпит жалкий провал из-за преобладания эгоизма, мешающего социальным реформам, рано поднимать этот вопрос. Кроме того, предлагаемая вами мера приведет к объединению буржуазии и клерикалов против нас, против социалистического движения, против радикал-социалистов. Что ка-

сается меня, то я не хочу давать им в руки удобное оружие.

Де Фит был неутомим. Неудачи его крайне радикальных предложений не побуждали его отступать. Через некоторое время он потребовал отменить субсидию тулузскому театру как ненужный расход. Жорес решительно выступил против, ибо считал, что социализм должен дать трудящимся не только хлеб, но и культуру, предоставить всем те радости жизни, которые пока достаются лишь привилегированным. Когда же Фит указывал на сугубо буржуазный характер таких учреждений, как Академия законодательства, Литературная академия, Тулузский театр, Жорес отвечал:

— Это неважно, зато мы развиваем любовь к науке, искусству, истине.

Четкая, абсолютно прямая, негибкая линия де Фита проявлялась в непрерывной борьбе с буржуазией, против всех ее функций, атрибутов, прямых и косвенных интересов, в борьбе любой ценой, любыми средствами, в любое время, совершенно не считаясь с обстоятельствами. Понимание необходимости компромиссов ему абсолютно чуждо. Это был истинный гэдист.

Линия Жореса, напротив, отличалась гибкостью. Для него буржуазия тоже враг, но такой, с которым надо бороться, используя удобные моменты, заключая с ней компромиссы, чтобы получить хотя бы частичные уступки для трудящихся. Жорес считал, что даже мелкие, но зато реальные достижения гораздо важнее защиты абстрактных положений догмы. И это было не столько следствием теоретических взглядов Жореса, сколько проявлением его врожденного стремления к примирению, к гармонии и согласию. Резкости де Фита противостояла мягкость Жореса, ненависти — доброта, узости — широта, классовый непримиримости — всеобъемлющая гуманность. Иначе говоря, один страдал сектантством, другой, скажем прямо, склонялся к оппортунизму, хотя и основанному на самых благих и честных намерениях. Но чья же линия была менее верной? В принципе это каждый раз зависело от конкретных условий. Во всяком случае, в муниципалитете Тулузы начала девяностых годов при тогдашней ситуации больше проку было все же от действий Жореса, хотя и трудно назвать их революционными или марксистскими.

Де Фит настойчиво домогался, чтобы Жорес вел себя

так, как, по его мнению, подобало социалисту. Ох как доставалось Жану от непримиримого гэдиста! Однажды Жорес в качестве представителя муниципалитета председательствовал на церемонии раздачи наград на факультете права. Декан факультета Паже, имевший репутацию хорошего республиканца, в своей речи неожиданно обрушился на социализм, объявив его «безумием» и «грабежом».

Де Фит был в ярости, и на этот раз не без основания: почему Жорес на месте достойно не ответил обнаглевшему буржуа?

— Неудобно превращать церемонию, посвященную детям, в политическую дискуссию, — оправдывался Жорес. — Наступит час, когда мы сможем с ним объяснить. Мы сделаем это на всеобщих выборах. К тому же я думаю, что дух отрицания и вызова, которым отличалась речь Паже, далек от духа высшей школы. Да и следовало ли вносить напряженность в отношения между муниципалитетом Тулузы и университетом?

Действительно, к чему могла привести резкая, открытая полемика с деканом во время академической церемонии, кроме скандала? Но все же в своей лояльности, осторожности, примиренчестве Жорес иногда заходил слишком далеко. Показательно его отношение к родившейся тогда идее первомайского праздника, хотя для того времени в этом дне было очень мало праздничного. Учредительный конгресс II Интернационала, созыв и работу которого вдохновлял Энгельс, призвал рабочих всех стран выйти 1 мая 1890 года на демонстрации с требованием восьмичасового рабочего дня. Энгельс говорил, что решение о первом мае — лучшее, что сделал этот конгресс.

Жорес с энтузиазмом отнесся к идее международной солидарности в борьбе за более короткий рабочий день, который он считал совершенно необходимым для духовного развития пролетариата, для социализма. В Тулузе социалисты и среди них де Фит стали готовить демонстрацию. Но Жорес не одобрил их действий: «Зачем рисковать тем, что владеющий собой народ превратится в лишенную хладнокровия толпу? — писал он в «Делеш де Тулуз». — Зачем организовывать ненужную театральную процессию, которая может привести к схватке между народом казарм и солдатами труда? При возникновении малейшего насилия буржуазия легко сможет создать

реакционнейшее правительство. Таким образом, рабочие добьются лишь того, что помогут передать власть в эту ужасную эпилептическую руку, именуемую страхом».

Жорес видит опасность в массовых народных выступлениях и предлагает добиваться сокращения рабочего дня другим путем: «Когда реформа будет изучена во всех группах трудящихся Европы, предложение об этой реформе может быть выдвинуто одновременно перед всеми европейскими парламентами».

Итак, чрезмерная предусмотрительность и опасения, что буржуазия станет еще реакционнее, хотя она уже зашла в этом направлении далеко, толкали Жореса к борьбе за реформу, а не к массовому революционному движению. Он все еще верил в доброту парламента. Подобные рецидивы буржуазно-республиканских иллюзий будут преследовать его долго.

Впрочем, страхи Жореса оказались необоснованными. 1 мая 1890 года в 150 городах Франции состоялась массовая мирная демонстрация. Приготовленные властями войска не пришлось пускать в ход. Эта первая первомайская демонстрация усилила влияние гэдистов, ее главных организаторов.

В следующем году первомайские демонстрации стали еще многояруснее. К движению примкнули бланкисты, алеманисты, POSSИБИЛИСТЫ. На этот раз власти решили прибегнуть к силе. Столкновения произошли в Лионе, Бордо, Роане, Сен-Кантене, Шарлевилле.

Прошлогодние опасения Жореса оправдались самым ужасным образом. Трагедия разыгралась в Фурми, маленьком городке на севере Франции. Здесь местный комитет рабочей партии призвал к мирной первомайской демонстрации, соблюдая «спокойствие и единение». «Никаких беспорядков, — призывала прокламация, — осуществления справедливых требований рабочих надо добиваться силой разума». Демонстрация совпала с традиционным местным праздником зеленой пасхи. В этот день сажали молодые деревья, влюбленные дарили друг другу зеленые ветки, устраивались гулянья и танцы. Все это мирно, невинно, даже поэтично.

После полудня небольшая процессия, человек двести, приблизилась к церковной площади Фурми. В толпе в основном веселилась молодежь, было много детей. Впереди несли флаг. Но, боже упаси, это не было грозное

красное полотнище коммунаров. Над толпой развевался национальный трехцветный флаг. Первой шла, танцуя на ходу, очаровательная восемнадцатилетняя девушка Мари Блондо. Она весело размахивала зеленой веткой, которую утром ей, по обычаю, подарил жених.

Внезапно церковная площадь огласилась громом ружейного залпа. Впервые знаменитые лебелевские винтовки стреляли по живым мишеням. Ими оказались французские дети, женщины, рабочие. Офицер Шапо отдал приказ стрелять, не сделав никакого предупреждения толпе. Это была преднамеренная расправа в назидание всем рабочим.

Десять человек убитых наповал, более тридцати серьезно раненных остались на мостовой. Голова несчастной Мари Блондо была раздроблена несколькими пулями. Сраженному пулей в грудь Эмилю Корнейлю едва исполнилось одиннадцать лет. Когда его раздели, в кармане у него нашли волчок.

Жорес, который уже отказался от первоначального неверия в эффективность массовых выступлений трудящихся, был глубоко потрясен кровавой бойней в Фурми. Он понял, что для оппортунистов главный враг теперь не клерикализм и монархизм, а социализм. Ведь монархисты и клерикалы голосовали вместе с оппортунистами 4 мая 1891 года за доверие правительству, организовавшему расстрел в Фурми. Политика «новых веяний» и «присоединения» привела к возникновению священного союза всех реакционеров против социализма, объединенных страхом.

1 мая 1891 года открыло новый этап в движении французского пролетариата. «Поднимается и приходит к завоеванию власти четвертое сословие», — мрачно пророчествовал в те дни Жорж Клемансо. Для Жореса стала еще очевиднее мощь и неотвратимость социалистического движения, когда он увидел массовое возмущение французских рабочих расстрелом в Фурми. 7 мая он гневно осуждает на страницах «Депеш де Тулуз» ослепление правительства и уверенно предсказывает, что буржуазным политикам все труднее будет уклоняться от решения социальных проблем, что их попытки сдержать подъем рабочего движения обречены на провал. Что-то меняется в статье Жореса, их тон становится резче, пожалуй, даже революционнее. У него уже почти не остается наивной веры в благоразумие властей светских и духовных,

запоздало откликнувшихся на рост социализма жестокостью и новой ложью.

Через пятнадцать дней после кровавого первого папа Лев XIII выступил со своей знаменитой энцикликой «Рерум новарум». Наместник престола Святого Петра заметил наконец, что положение рабочих стало невыносимым. Но тут же он осудил социалистическое движение за освобождение пролетариата, предлагая взамен туманную версию христианского социализма. Жорес сразу откликнулся на выступление Ватикана. Он давно стал атеистом, но признавал определенную нравственную ценность религии, этики Христа, потребность человека в духовных, нравственных идеалах, которую он хотел удовлетворить идеями социализма. Тем более резко он относился к официальной церкви с ее тысячелетним лицемерием. Вот как он писал о заявлении главы католической иерархии: «Папа заговорил только после возникновения огромных рабочих обществ в Соединенных Штатах и после демонстраций 1 мая повсюду на земле. Церковь повернулась к слабым только после того, как они начали становиться силой. Она подобна тем высокомерным и жестоким людям, которые внезапно стали проявлять нежность к бедному родственнику, поняв, что он делается опасным еретиком... Скорее хитрый, чем сладкий, голос раздался из Ватикана и сказал народу некоторые вещи только потому, что уже век назад бурный ветер революции потряс старинное право тиранов, и потому, что совсем недавно яркие вспышки народного социализма озарили майский горизонт».

Отныне Жан уже не отрывал глаз от этого горизонта. Не случайно он быстро приобретает репутацию социалиста. Еще бы, не довольствуясь статьями в «Депеш де Тулуз», он с жаром проповедует свои убеждения на вечерних публичных лекциях. Там бывали многие социалисты Тулузы. Правда, немногие из них хотели учиться у него. Напротив, иные думали, что хорошо бы обратиться к этому талантливому профессору в правильную веру. Среди подобных слушателей Жореса был гэдист Бедус. Он не очень полагался при этом на свой дар убеждения. Но вот в марте 1892 года представился великолепный слушатель. В Тулузу для чтения лекции должен был приехать сам Жюль Гэд! А этот человек любил убеждать. К сожалению, не столько логикой, аргументами, доводами и теоретическим анализом, сколько своей пламенной, фанати-

ческой страстью, непоколебимой уверенностью в правильности своего революционного кодекса. И он умел говорить, хотя и совсем не так, как Жорес. Недаром Лафарг сказал о нем: «У нашей партии одна глотка, но она стоит четырех!» Когда Бедус предложил Жоресу пойти на лекцию Гэда, а потом и побеседовать с патриархом французского социализма, Жан с радостью согласился.

И вот Жорес видит, как на сцену неопрятного, но просторного зала выходит этот легендарный человек, высокий, худой, двигающийся угловато и порывисто. Длинными руками он обхватывает трибуну и застывает каким-то угрожающим силуэтом. Высоко подняв свою голову страдающего Христа, с большим мраморным лбом, обрамленным длинными волосами, с неподвижно сверкающими за пенсне глазами, он минуту молчит. Но вот он произносит высоким, скрипучим голосом первую фразу. Гэд говорит резко, отрывисто, черты лица при этом выражают злость и даже бешенство. С первого взгляда Жорес не испытал симпатии к нему, но чем дальше он слушал знаменитого агитатора-марксиста, тем все больше чувствовал, как необычность, оригинальность и сила этого человека притягивают его. Сопровождая речь неожиданными и быстрыми жестами, Гэд говорил просто и, главное, категорически и безапелляционно. Он не прибегал к сложному обоснованию своих мыслей, нет, весь его тон свидетельствовал об убежденности оратора в том, что, собственно, других мнений просто не может быть.

Яркими, четкими мазками Гэд набрасывал картину развития социализма. Социалистическое движение, говорил он, прошло три периода: сначала период молчания, затем период утрачений, сейчас социализм переживает период подделок. Не называя своих соперников-социалистов других направлений, Гэд метко бросал камни в их огород. Он утверждал, что сначала социализм замалчивали, потом преследовали, а сейчас консерваторы пытаются его подделывать, стремясь навязать гнилой товар христианского социализма. Социалистическое движение успешно преодолело замалчивание, его не сломали угрозы и преследования, а подделки под социализм никого не обманули. Теперь социализм распространяется по всему миру, и даже его злейшие враги повторяют социалистические формулы.

Жоресу понравилась речь Гэда, хотя он, конечно, го-

ворил бы иначе, сложнее, с большей убедительностью, радостью, одухотворенностью, а главное, с большей добротой. Но ведь для Гэда социализм служил проявлением неумолимых объективных законов классовой борьбы, тогда как для Жореса — символом и целью материального и духовного развития человечества, идеей, одухотворяющей и облагораживающей существование людей, высшим выражением их многовековых стремлений к братству, справедливости, радости и счастью.

После лекции Жан с Бедусом отправился на улицу Пейрольер. Здесь, в отель д'Эспань, в дешевом номере за 30 су в день, остановился вождь французской рабочей партии. Большая высокая комната была неудобной и холодной. Репсовые темно-красные портьеры, вытертый ковер, продавленное вольтеровское кресло освещались тусклым светом чадающей керосиновой лампы. Поистине надо было иметь очень серьезные причины, чтобы провести всю ночь в этом темном помещении. Но именно так и случилось. Эти столь разные люди, 33-летний Жорес и 47-летний Гэд, с такими разными характерами не говоря уже об их взглядах, без особых усилий терпели общество друг друга, вплоть до самого рассвета. Нельзя сказать, что между ними возникла взаимная симпатия. Зато интерес и уважение друг к другу в конце концов вытеснили отчужденность и недоверие.

Правда, вначале Гэд скептически улыбался, слушая восторженный рассказ Жореса о его социалистической деятельности, продолжавшейся, по искреннему убеждению Жана, уже целых шесть лет! Ну и что же? Ведь Гэд был в Тулузе, в южной Франции, где появилась эта особая славная порода французов, которых не надо спрашивать, ибо они очень охотно говорят сами, и где даже наиболее честные люди не врут, конечно, но, по мнению Альфонса Додэ, иногда заблуждаются! Наш Жорес был истинный южанин!

Не раз Гэд выливал на голову наивно-оптимистического молодого профессора потоки ледяной воды убийственных реплик, на которые он был мастер. Но и Жорес был не из тех ораторов, которых можно сбить с толку. Никогда и никому не удавалось неожиданно прервать нить его рассуждений.

Жан радостно сообщал закаленному ветерану классовых боев, что социализм — цель человечества, изначально заложенная непостижимым образом в самой его сущ-

ности. Гэд лаконично замечал по этому поводу, что история человечества вместе с движением к социализму — это в конце концов вопрос брюха и того, что под брюхом. Жорес с жаром говорил об огромных возможностях приобщения массы республиканцев на сторону социализма. Гэд отвечал, что буржуа должны для этого отречься от своего класса и перейти на другую сторону баррикад. Жорес доказывал своему скептическому собеседнику, как много полезных реформ можно провести в интересах рабочих. Гэд сурово напоминал, что рабочим нужна революция и что вредно отвлекать их реформами от правильного пути, от беспощадной классовой борьбы. Жорес настойчиво уверял, что французское общество вступило, наконец, в счастливый период, когда движение к социализму будет происходить без потрясений, без нарушений спокойствия нации. В ответ Гэд поинтересовался, а не в Фурми ли начался 1 мая 1891 года этот радостный период? Жорес говорил, что в парламенте рано или поздно образуется социалистическое большинство. Гэд советовал предоставить скамьи палаты депутатов геморроям господ буржуа...

И все же Жорес сумел разбить лед, отделявший его от Гэда. Горячая искренность, восторженная сердечность и, конечно, талантливость, эрудиция Жана произвели на него впечатление. Он сразу понял, что человек с такими качествами может оказать великие услуги делу французского социализма. В момент, когда весенний рассвет окончательно победил мерцающий желтый огонек керосиновой лампы, прощаясь, Гэд сказал Бедусу:

— Мы очень хорошо провели время!

Ну а Жорес? Сумел ли Гэд убедить его примкнуть к Французской рабочей партии? Нет, этого не произошло. Жорес, по его собственному выражению, по-прежнему не хочет быть ни членом одной из сект, ни вассалом какого-либо влиятельного социалистического лидера, ни пленником никакой группировки. Как знать, не поступил бы он иначе, если бы во Франции вместо мозаики враждебных социалистических группировок существовала единая крупная социалистическая партия? Во всяком случае, вскоре после встречи с Гэдом, 20 апреля 1892 года, Жорес на страницах «Депеш» восхищался марксистской программой гэдистов. А еще некоторое время спустя он берет в качестве своей избирательной платформы именно эту программу, хотя при этом он специ-

ально оговаривает, что такой шаг не означает его официального вступления в рабочую партию.

Вообще говоря, если Жорес так и не пришел окончательно к марксизму, то в немалой степени из-за того, что теорию марксизма во Франции представляли и выражали тогда в основном люди типа Жюлья Гэда, догматики и сектанты. Гэд был марксист, но он не был теоретик и даже не пропагандист, а скорее агитатор. Он не только не способствовал развитию марксизма, но, сужая, упрощая его, представляя марксизм порой в примитивной форме, невольно иногда отталкивал от него таких людей, как Жорес, явно тянувшихся к теории научного социализма. Гэд однажды решительно заявил, что он заставит французских социалистов «проглотить учение Маркса по самую рукоятку». Образ сильный, но неточный и даже какой-то двусмысленный. Не такой был человек Жорес, чтобы ему можно было что-то насильно впихнуть в глотку!

Конечно, нельзя не видеть, сколь извилистым, сложным путем шел он к социализму, часто спотыкаясь и попадая на ложную дорогу. Но ведь это же происходило и со всем французским рабочим движением. Оно в основном базировалось на домарксистских традиционных школах французского социализма. А кроме того, социалистические взгляды Жореса отражали противоречивость самих основ его мировоззрения. Как раз незадолго до встречи с Гэдом он выразил это мировоззрение в двух диссертациях, защищенных им в Сорбонне 5 февраля и 12 марта. Про первую из этих диссертаций, «О реальности чувственного мира», которую он начал готовить вскоре после окончания Эколь Нормаль, уже шла речь. Интересно, что, хотя к моменту ее защиты Жорес пришел к социализму, он не изменил что-либо в старой работе. А ведь его философская диссертация была поэтической смесью идеализма и материализма, отражавшей его пантеистические убеждения.

«Странное впечатление производит на меня видимый мир, — писал Жорес в своей философской диссертации. — Я проникаюсь мало-помалу его жизнью, его цветами, его голосами, и я позволяю этим влияниям тихо проникать в меня. Постепенно мне начинает казаться, что жизнь всех вещей приходит в движение, чтобы вырваться из смутного состояния и вылиться в более определенное сознание. Уже дуб не довольствуется тем, что

посылает мне могучий шум своих ветвей и листьев. Колеблющейся траве оврага уже недостаточно ласкать мои глаза своим мягким волнообразным движением. Дуб зовет теперь самую душу мою; он хотел бы, чтобы моя мысль вошла в него и придала больше смысла его смутной и рассеянной жизни; и поле, которое тихо-тихо шепчет при вечернем ветерке, желало бы, чтобы моя мечта смешалась с его мечтой и придала бы ей, сам не знаю какую, крылатую и легкую форму, которая позволила бы ей подниматься все выше и выше. Все вещи страдают, видимо, от смутности своего состояния и завидуют человеческому сознанию, самые мимолетные сны которого все же обладают осязательной формой».

Что это, как не стихи в прозе? Но они помогают понять особенности ума Жореса, наделенного исключительным воображением, поразительной чувствительностью, помогающими ему облекать любую, иногда самую абстрактную формулу в яркий поэтический образ. Идеи превращаются у Жореса в эстетические эмоции, захватывающие аудиторию точно так же, как часто художественное произведение захватывает силою и красотой образа, но отнюдь не логикой и глубиной аргументации. Эти качества очень ценны, однако не столько для мыслителя и ученого, сколько для оратора или поэта. Филологическая диссертация принесла Жоресу лавры докторской степени. Но она же показала, что тридцатитрехлетний профессор не очень близок к подлинно научному мировоззрению.

Вторая диссертация, «Об истоках немецкого социализма», по объему в пять раз меньше, но зато значительно интереснее. Жорес совершил поразительно смелый шаг, избрав в качестве ее темы социализм. Ведь в университетских кругах социалистическое учение воспринималось как нечто дикое, шокирующее. Любая заплата социализма воспринималась ученым миром как бред сумасшедшего.

Жорес написал свою работу на латинском языке. Он объяснял это тем, что латынь единственный всеобщий язык, который поэтому соответствует всечеловеческому характеру социализма. Латынь была языком первоначального христианства, на этом языке древние сформулировали нормы морали и права. Жорес упустил, правда, то, что латынь знали только люди, очень далекие

от реального социалистического движения, — ученые и служители католической церкви. Но ведь он всю жизнь будет пытаться распространять социалистическое учение как можно более широко.

Эти благие намерения не могут скрыть того факта, что тогдашняя социалистическая доктрина Жореса далека от марксистской теории научного социализма. Правда, он в основном правильно изложил эту теорию в своей работе, но отметил, что она служит лишь частной и переходной формой социализма, что он намерен идти дальше таких представителей марксизма, как, например, Бебель. И он действительно пошел так далеко, что оказался в весьма странной компании. Лютера и Канта очень трудно представить основоположниками социалистического учения, как, впрочем Фихте и Гегеля. Чтобы все же доказать это, Жорес прибегает к весьма неубедительным умозрительным конструкциям, а проще говоря, к натяжкам.

Жорес еще плохо знал Маркса, поскольку он писал, что социализм лишь временно, тактически выступает в облике материалистического учения, призванного обнажить неприглядную и тяжелую действительность, чтобы вовлечь массы в борьбу. «Но в своих сокровенных глубинах, — писал Жорес, — социализм выражает веяния немецкого идеализма».

Жорес взял только один из действительных источников марксизма и забыл, что он вырос также из английской классической политэкономии и французского утопического социализма. Марксизм, который Жорес рассматривал в качестве «немецкого социализма», казался ему слишком оторванным от всей истории человеческой мысли, от гуманизма, от сокровищ мировой культуры. Недостаточное знакомство с произведениями Маркса и Энгельса не позволяло ему понять, что марксизм является синтезом всех знаний, накопленных человечеством.

Тогдашний социализм Жореса можно назвать лирическим. Это некая земная аналогия идеального царства божьего, утопическая идиллия, основанная лишь на нравственных идеалах. «При лунном свете» — так называлась статья, в которой Жорес в октябре 1890 года описывал свой социалистический идеал:

«Когда социализм восторжествует, когда период согласия сменит период борьбы, когда все люди будут обладать своей долей собственности в общем капитале че-

ловечества и своей долей инициативы и воли в его гигантской деятельности, тогда все они будут испытывать полноту гордости и радости; в самом скромном ручном труде они будут чувствовать себя сотрудниками всемирной цивилизации; и этот труд, ставший более благородным и братским, они организуют таким образом, чтобы оставить себе несколько часов отдыха для размышления и ощущения жизни...

Они скоро почувствуют, что вселенная, из которой возникло человечество, не может быть в своем существе грубой и слепой, что повсюду присутствует ум, повсюду душа и что само мироздание является лишь гигантским и смутным стремлением к порядку, красоте, свободе и добру. Да, другим взором и другим сердцем они будут смотреть не только на людей, своих братьев, но и на землю и небо, на скалу, на дерево, на животное, цветок и звезду...»

Все это очень благородно и красиво, хотя социализм предстает в конечном счете лишь как путь для приобретения идеалистически-эстетического воззрения на окружающий мир. Конечно, здесь нет и тени того монолитного научного фундамента, на котором построено учение марксизма. Правда, Жоресом владеет искреннее желание принести людям благо, свободу, радость. Эти слова постоянно ассоциируются у него с социализмом. К счастью, мечты, иллюзии все более тесно переплетаются у него с непримиримой критикой буржуазного общества, с решительным стремлением к его преобразованию, с пылким желанием бороться за торжество своего социалистического идеала.

ДЕПУТАТ КАРМО

Директор шахт в Кармо Юмбло еще никогда не видел своего патрона, маркиза Луи де Солажа в такой ярости. Постоянно красноватое от вина лицо маркиза на этот раз приобрело цвет спелого помидора. Кавалер ордена мальтийских рыцарей, депутат палаты, один из столпов парламентской правой, неограниченный хозяин судеб тысяч рабочих, перед которым трепетали местные духовные и светские власти, потерял самообладание из-за простого слесаря, работавшего на его шахте!

— До чего мы дожили! — ревел взбешенный маркиз,

выслушав доклад директора об истории с Жан-Батистом Кальвиньяком. Этот рабочий еще раньше попортил маркизу немало крови; три месяца назад он был избран мэром Кармо вопреки всем усилиям людей маркиза, не сумевших, как обычно, провести на пост мэра своего человека. Но мэру необходимо работать в мэрии, и г-н Юмбло докладывал, что несколько раз Кальвиньяку разрешали оставлять работу в шахте. Но этого ему оказалось мало. Только что делегация профсоюзной палаты потребовала от администрации, чтобы Кальвиньяк получил право отлучаться с работы три-четыре раза в неделю в то время, которое «господин мэр» сочтет удобным, для выполнения своих обязанностей.

— Почему я должен платить рабочему, если он не работает? — кричал маркиз. — Чтобы быть мэром, надо иметь ренту, черт возьми! Уволить...

Охваченный возмущением маркиз явно потерял ориентировку и не подумал о возможных последствиях. Ведь еще три года назад шахтеры Кармо были так послушны: они провалили на выборах Жореса, который явно становился социалистом. Но за последний год рабочих словно подменили. Трижды они вступали в конфликт с администрацией. Профсоюз шахтеров, возглавляемый тем же Кальвиньяком, вел себя очень решительно, а рабочие дружно его поддерживали. Только 80 человек из 2800 шахтеров Кармо побоялись голосовать за своего, рабочего мэра. Рабочие стекольного завода, строители также создали синдикаты. В Кармо появился крайне раздражавший маркиза кружок по изучению социализма, в который входило 250 человек. Социалистическую заразу занесли в вотчину Солажа и его тестя барона Рея стекольщики, приехавшие с севера, из Рив-де-Жьера и Монлюсона. Социалисты Тулузы не преминули воспользоваться этим и развернули в Кармо активную агитацию. Незадолго до выборов мэра сам Гэд выступал перед рабочими Кармо и разъяснял им социалистическую программу.

И вот 16 августа, после того, как на профсоюзном собрании рабочие обсудили вопрос об увольнении Кальвиньяка, их делегация в сопровождении огромной толпы появилась в здании администрации и потребовала от Юмбло объяснения. Шахтеров особенно возмутило личное заявление администрации о том, что Кальвиньяк будто бы уволен за нерадивость, что он плохой работ-

ник. Между тем он проработал на рудниках 20 лет и никогда не получал замечаний. Его отец погиб в шахте, и компания взамен предоставления сыну денежной компенсации обязалась пожизненно обеспечить его работой.

Директор, зная о непреклонной позиции маркиза, отказавшись идти на уступки и предпочел тут же написать заявление об отставке. Испугавшись гневной толпы рабочих, которые угрожающе советовали ему побереечь свою шкуру, он спешно послал во дворец к маркизу человека с сообщением об угрозе бунта и насилия. Маркиз велел домашним быстро собираться в путь, и в 11 часов вечера несколько экипажей с его семьей, приближенными и слугами в панике поспешили уехать в Альби. Впрочем, опасность насилия оказалась явно преувеличенной: припадком хозяйской трусости. Рабочие имели теперь организацию и руководителей, в городе сохранялись спокойствие и порядок. Но шахтеры решили бастовать до тех пор, пока Кальвиньяк не будет восстановлен на работе.

Забастовка продлилась два с половиной месяца. Маленький городок оказался в центре внимания всей Франции. Власти немедленно направили в Кармо двенадцать бригад жандармов, две роты солдат и два эскадрона кавалерии. 1500 вооруженных людей против 2800 безоружных шахтеров. Красные штаны военных замечали на улицах городка, но рабочие вели себя дисциплинированно и не давали повода для кровавых репрессий. Корреспонденты парижских газет, съехавшиеся в Кармо, были разочарованы. А дело приобретало все более скандальный оборот. Речь шла о всеобщем избирательном праве. Обнаружился тот беспорядный факт, что вопреки закону рабочий не может быть мэром, ибо если его даже и выберут, то ему предстоит либо голодная смерть, либо отказ от полученного мандата, поскольку он не имеет ренты. Ясно, что только буржуа могли практически пользоваться правом быть избранными на неоплачиваемый пост.

Забастовка в Кармо носила ясный политический характер и вызывала широкое сочувствие. Надежды хозяев на то, что голод быстро загонит рабочих обратно в шахты, не оправдались. Уже в конце августа бастующие кармозинцы получили 50 тысяч франков помощи. Деньги продолжали поступать не только от рабочих организаций

Франции, но и из-за границы. Это помогало шахтерам переносить тяготы упорной борьбы за демократические права.

Правительство вынуждено было заняться делом Кармо. Премьер-министру Лубэ поручили посредничество между рабочими и маркизом Солажем. В борьбу включились радикалы, рассчитывая несколько обновить свою репутацию защитников демократических свобод. В Кармо явились депутаты Клемансо, Мильеран, Пельтан.

— Я прибыл сюда, чтобы защитить всеобщее избирательное право, — заявил Клемансо, выступая перед забастовщиками.

Правительство догадалось, что непримиримость маркиза Солажа может дорого ему обойтись; ведь вскоре предстояли парламентские выборы. В конце концов Кальвиньяк восстановили на работе, и 3 ноября победившие шахтеры вернулись в шахты. Маркиз Солаж, потерпевший полное моральное и политическое поражение, отказался от своего депутатского мандата.

В результате кармозинцы потеряли «своего» депутата. С тем большим энтузиазмом социалисты вступили в избирательную борьбу. 4 декабря конгресс социалистических групп обсудил вопрос о кандидате социалистов. Сначала предложили гэдиста Дюк-Керси. Во время забастовки он находился в Кармо и активно руководил действиями рабочих. Однако он отказался.

— Я прибыл в Кармо не для того, чтобы зарабатывать депутатский мандат, — заявил Дюк-Керси с принципиальностью, делавшей ему честь. И вот тогда вспомнили о профессоре Жоресе, заместителе мэра Тулузы.

Его хорошо помнили и знали в Кармо не только по статьям в «Депеш де Тулуз». Жорес не порывал связей с кармозинцами и после неудачного для него результата выборов 1889 года. Социалисты не раз просили его выступать на рабочих собраниях и митингах в Кармо. Талантливый оратор серьезно помогал местным социалистам в борьбе с кланом Солажей. Здесь он научился говорить с рабочими, вернее — они его научили. Однажды Жореса пригласили выступить на одном профсоюзном собрании.

— Месье, господа, — начал он профессорским тоном. В зале повеяло холодом, воцарилось смущенное молчание, нарушаемое перешептыванием и разговорами.

Вдруг раздался возглас:

— Здесь нет господ!

Смущение Жореса длилось лишь одно мгновение; он сразу понял свою бестактность.

— Слово «месье» означает «мой сеньоры». И поскольку я говорю «месье», то это потому, что вы мои сеньоры, мои хозяева...

Атмосфера разрядилась, раздалась хлопки. Филология несколько выручила Жореса, и теперь он всегда начинает свои речи перед рабочими обращением «граждане!». Жан интуитивно почувствовал, что в ожесточенных классовых схватках, ареной которых оказался Кармо, неуместны его профессорские замашки, лирические отступления, исторические экскурсы и злоупотребление эрудицией. Здесь надо было говорить прямо, резко, просто, решительно. Жорес сумел овладеть новым для него революционным языком классовой борьбы. Сам накал страстей в этой борьбе оказался для него большой и полезной школой. Рабочие заражали Жореса своей ненавистью к хозяевам. Он все теснее сближался с ними мыслями и чувствами. Он испытал и опасность борьбы, ибо митинги, которые он проводил, часто находились под угрозой репрессий. Он сам не раз был объектом охоты на социалистов, которую устраивали люди маркиза на улочках Кармо и на дорогах Кармозена.

Крепли его социалистические убеждения, носившие до этого очень книжный, отвлеченный характер. В Кармо он смог почувствовать, что означает в действительности борьба за социалистический идеал, насколько жизнь сложнее и суровее теоретического знакомства с социализмом. В Кармо Жорес как бы держал первый серьезный экзамен по предмету, ставшему смыслом его жизни. И здесь он успешно выдержал этот экзамен.

Шахтеры и рабочие стекольного завода уже почувствовали в этом человеке с его буржуазной внешностью своего представителя, научившегося так ярко и убедительно выражать их чувства и разъяснять им сложные вещи. А его бескорыстие, доброжелательность, обаяние довершали дело. Ему верили, его уже любили эти люди с лицами, потемневшими от угольной пыли, с грубыми руками, изуродованными тяжким трудом.

Когда в Кармо началась забастовка, Жорес жил в Бессуле. Преподавательская работа в Тулузе давала ему и такое немаловажное благо, как длительный летний отпуск. В тени деревьев, у белых стен дома он играл со

своей маленькой дочкой, встречал друзей, часто прогуливался с ними по живописным окрестностям. Постоянное присутствие в доме довольно нудной тещи несколько нарушало его ровное, спокойное настроение. Но кому не приходилось мириться с таким неизбежным злом? Словом, другой на месте Жореса только и наслаждался бы жизнью. Но он с тревогой следил за событиями в Кармо. Жорес искренне переживал все горести шахтеров, принимая близко к сердцу их победы и поражения. Осенью 1892 года к нему приезжал журналист Морис Сарро и подробно рассказывал о делах кармозинцев. А они знали, что Жорес горячо сочувствует им.

И все же кандидатура Жореса не вызвала сначала энтузиазма на предвыборном социалистическом конгрессе в Кармо. Социалисты Окутюрье и Бертон упрямо отвергали этого буржуа, сидевшего раньше в парламенте среди оппортунистов. Они не хотели верить в социалистическую искренность Жореса. Но Кальвиньяк настаивал на его кандидатуре. Он говорил о честности Жореса, о том, что его знают здесь, что он свой человек для жителей округа и хорошо говорит на местном наречии «шатуа». Жорес, кроме того, был кандидатом, способным собрать голоса окрестных крестьян и буржуазных республиканцев. Ведь четыре кантона из пяти, входивших в избирательный округ, были сельскими, и кандидат-рабочий мог поэтому и не собрать их голосов. В конце концов большинство высказалось за Жореса, и ему послали телеграмму:

«Конгресс республиканцев-социалистов предлагает вам выставить кандидатуру на основе программы Французской рабочей партии, принятой на съезде в Марселе. Если вы согласны, то выезжайте в Кармо на заседание конгресса. Председатель конгресса Бутийе».

Когда Жорес получил эту телеграмму, он, не раздумывая ни минуты, ответил: «Я согласен на выдвижение моей кандидатуры и во вторник буду в Кармо».

Жорес снова вступает в трудный бой. Правда, теперь рабочие уже не были прежним послушным стадом, подчинявшимся окрикам пастухов из замка маркиза де Соллажа. Угольная компания обычно тратила на проведение выборов по 100 тысяч франков. Часть их расходовалась на плакаты, листовки, газеты, но в основном они шли на обработку избирателей, которым обязательно предлагали при этом выпить за здоровье маркиза. Если шахтер за-

рабатывал 3—4 франка в день, то ему нелегко было отказаться: стакан вина стоил 25 сантимов, а стакан анисовой — 40. Даровая вышивка служила сильнейшим предвыборным аргументом друзей маркиза. На этот раз после удара, нанесенного забастовкой, им особенно неприятно было бы потерпеть поражение. Тем более что речь шла о Жоресе, уже успевшем зарекомендовать себя непримиримым врагом барона Рея и маркиза Солажа. Поэтому кармозинская реакция бросила в бой все силы, чтобы поддержать противника Жореса, республиканца-консерватора Эраля.

Но после победы в упорной забастовке рабочие были уже не те. Они поняли, что компания не так уж всемогуща, что рабочая солидарность — великая сила. Орлеанистская газета «Солей», сообщая о том, как шахтеры Кармо с пением «Карманьолы» и с криками «Да здравствует социальная революция!» возвращались на работу, писала: «Это отнюдь не конец, это начало!»

Жорес победил. Во втором туре 22 января 1893 года он получил 5317 голосов против 4843 у его противника. Многие из коллег Жана в палате депутатов приветствовали его избрание. Жюль Гэд выразил радость в связи с победой Жореса.

В благодарственном письме своим избирателям новый депутат Кармо писал: «Наши противники хотели во что бы то ни стало поражения социализма в самом Кармо. Вы разбили их надежды. Ваше голосование было блестящим выступлением за социалистическую республику».

Правда, среди родственников Жана воцарилось некоторое смущение. Его тесть, г-н Буа, супрефект Сен-Пона, ранее гордившийся зятем-депутатом, сидевшим в палате вместе с благонамеренными оппортунистами, теперь несколько смутился из-за того, что зять оказался крайне левым. Еще более скандализированы были родственники со стороны семьи Барбаза: дядя Луи и дядя Жозеф. Впрочем, одна из теток Жана нашла для него неотразимое оправдание:

— Он стал социалистом, чтобы заработать побольше денег; он хороший муж, а очаровательная Луиза так нуждается в деньгах!

Соображения почтенной дамы тем более любопытны, что возобновление парламентской деятельности Жореса ознаменовалось его решительным наступлением против мира денег. Вернувшись в палату, он попал как раз к

разгару спектакля, главным героем которого были деньги. Возник такой скандал, какого Франция еще не видела. Одно слово было у всех на устах: Панама. Двенадцать лет назад по идее строителя Суэцкого канала Фердинанда Лессепса возникло Общество для прорытия Панамского канала. Тысячи людей, поверив заманчивым обещаниям инициаторов этой затеи, приобрели на скромные сбережения акции новой компании. Но в 1888 году она обанкротилась, и множество мелких держателей акций разорились дотла. Скоро выяснилось, что из 1400 миллионов франков, собранных компанией, на строительные работы ушло не более 700 миллионов. Куда же делись остальные деньги? Раздались требования провести расследование. Несколько кабинетов старались уклониться от этого. Во Франции умели прятать концы в воду в подобных делах. Все дело испортил финансовый агент компании Артон, попавшийся на одном деле, за которое ему дали 20 лет каторги. Вот тут-то он и «раскололся». Артон обвинил в получении взятки 104 депутатов парламента. Этим признанием немедленно воспользовались монархисты и буланжисты, которые в предвидении близких выборов развернули активную пропаганду против республиканских лидеров. Один из финансовых воротил компании, барон Рейнак, попытался заткнуть им рот. Это не удалось, и барон покончил жизнь самоубийством.

Монархисты внесли в палату сразу три интерпелляции по вопросу о Панаме. Пришлось создать комиссию из 33 человек для расследования. Результаты ее деятельности ужаснули всех честных французов и смертельно напугали многих далеко не честных министров, сенаторов, депутатов, журналистов.

Выяснилось, что разрешение парламента на выпуск акций Панамского канала было получено благодаря подкупу многих политических деятелей. Провел это дело барон Рейнак, потребовавший от правления панамского общества пять миллионов, которые он мог бы использовать по своему усмотрению без всякого отчета. Он и использовал их по прямому назначению, то есть разделил их между 150 депутатами. Поскольку их аппетиты росли, то потребовались новые миллионы.

Еще бы, когда через палату проходил законопроект о выпуске акций, Барб, бывший министр, потребовал 400 тысяч франков, министр внутренних дел Флоке —

300 тысяч, а само правительство заломило 500 тысяч!

Списки «шекаров», то есть лиц, получивших чеки, росли. Альберт Гриви, бывший губернатор Алжира и брат президента республики, получил 20 тысяч; Леон Рено, сенатор, бывший министр, — 20 тысяч; депутат Сен-Ле-руа роздал своим коллегам 200 тысяч.

Подкуплены были почти все редакции буржуазных газет. «Пти журнал» получила 300 тысяч франков, «Телеграф» — 120 тысяч, его редактор — 120 тысяч, «Матен» — 50 тысяч, «Радикаль» — 100 тысяч, «Фигаро» — 500 тысяч, редактор «Тан» сенатор Эбрар — 1500 тысяч. Запятнанными оказались крупнейшие лидеры республиканских партий, в том числе сам Клемансо. Его друг Корнелиус Герц, вместе с Клемансо владевший газетой «Жюстис», получил два миллиона!

Монархисты, захлебываясь от радости, вели травлю республиканцев. Поль Дерулед, глава Лиги патриотов, особенно нападал на «маленького грязного еврея» Герца, выпячивая его близость к лидеру радикалов. Спор Деруледа и Клемансо завершился дуэлью. Поскольку весь Париж знал, что Клемансо стреляет без промаха, то Деруледа уже готовились хоронить. Но Клемансо почему-то предпочел промахнуться.

Все были ошеломлены размерами скандала. Правительство оказалось вынужденным потребовать суда над особо продажными депутатами. Вели они себя по-разному. Одни начисто все отрицали, другие, вроде Арена, отшучивались; только один бывший министр Байо признался, что он действительно взял 300 тысяч франков...

Бывший премьер Рувье превзошел всех своим цинизмом. Разоблачение и обвинение привело его в ярость. Выйдя на трибуну, этот широкоплечий и грузный человек произнес пламенную громовую речь, прерывая ее грохотом кулаков, стучавших как молот по трибуне. Нарисованная им в пылу страсти картина была просто великолепной:

— Когда я имел честь быть председателем совета министров в 1887 году, я не нашел в фондах, представленных парламентом в распоряжение правительства, достаточной суммы для того, чтобы защищать республику так, как ее следовало защищать.

Думаете ли вы, что это было бы иначе при другом правительстве? Думаете ли вы, что ваши государственных деятели управляют государством иначе, чем наши?

В самом деле, кого тут хотят ввести в заблуждение? Подумаешь, сделали в конце XIX века великое открытие, что для того, чтобы управлять страной, необходимы деньги и что, если парламент не дает их в достаточном количестве, мы счастливы найти их путем личных связей. То, что я делал, делали до меня все политические деятели, достойные этого имени.

Да, во всех странах всегда политические деятели совершали операции, необходимые в критических ситуациях, и прибегали для этого к помощи друзей...

Но когда начались судебные процессы, то почти все продажные политические деятели были оправданы. На пять лет тюрьмы осудили лишь депутата Байо, того самого, который проявил неосмотрительную откровенность, признавшись, что он брал деньги. Один из историков Третьей республики замечает, что он попатился за нарушение правила, сформулированного неким преступником перед казнью: «А главное, никогда не признавайтесь!»

Энгельс считал, что панамская авантюра побивает по части коррупции все, что было до сих пор как при Луи-Филиппе, так и при Бонапарте III, что Панама может положить конец всему буржуазному свинству и стать поворотным пунктом в развитии Франции.

Лидеры Французской рабочей партии поняли это, и Панама стала для них плацдармом, с которого они повели активное наступление на продажных буржуазных политиканов. Но социалистическое движение все еще было разбито на много соперничавших сект. Правда, некоторые шаги к единству были сделаны. В декабре 1892 года в связи с наглой активизацией монархистов возникла единая Социалистическая лига республиканских действий. Но она просуществовала всего три месяца и затем распалась. Тем не менее Гэд, Лафарг и другие руководители рабочей партии поняли, какие возможности открывает для них панамский кризис. Появление Жореса в палате пришлось как нельзя более кстати. Гэд сразу же встретился с Жоресом. И снова два столь разных социалиста долгими часами беседовали друг с другом. Гэд проникся искренней симпатией к Жоресу. Лафарг, в свою очередь, сказал, что новичок — чертовски приятный человек... Любопытно, что вскоре этих двух ветеранов социалистического движения станут обвинять в слишком дружественном отношении к Жоресу.

А почему бы им и не симпатизировать ему? Уж они-то понимали, как полезен для французского социалистического движения столь талантливый и обаятельный человек. Видимо, не случайно этот, по существу, новорожденный социалист сразу стал в один ряд с такими закаленными борцами, как Гэд и Лафарг, и превратился для социалистов в самого блестящего «*progrès-parole*», как говорят французы, то есть выразителя социалистической точки зрения. Ему не понадобилось много времени, чтобы подготовиться к борьбе. Уже 8 февраля он появился на трибуне и начал громить панамистов. Жорес говорил с презрением и ненавистью к продажной банде, с которой ему приходилось сидеть в одном зале. Но он шел дальше, излагая социалистическую точку зрения на Панаму.

— Я обращаю внимание на незаконное и растлевающее влияние власти денег, той власти, уничтожение которой является смыслом нашего существования, существования республиканцев и социалистов...

— Ну вот, Кармо пришло на помощь Панаме! — прозвучала язвительная реплика. Да, это была помощь, та самая, какую веревка оказывает повешенному. И хотя в палате засмеялись, для многих это был смех сквозь слезы.

Когда Жорес от имени социалистической партии потребовал сделать серьезные политические выводы из скандала, возмутившего страну, его прервал один из панамистов:

— А ведь семь лет назад вы сидели в левом центре!

Это был Эммануэль Арэн, единственный из «шекаров», сохранивший чувство юмора. Когда его арестовывали вместе с другими взяточниками, среди которых оказались и бывшие министры, он воскликнул: «Впервые я оказался в министерском списке, такого счастливого случая у меня еще не было!»

Но Жорес немедленно откликнулся на реплику разоблаченного взяточника:

— Господину, который меня прервал, признаюсь, что, конечно, я не могу предстать здесь в таком сиянии славы, как он!

В короткой речи Жорес раскрыл социальную природу панамского скандала, показал, что это явление органически присуще буржуазному обществу.

— Если бы во всем, что произошло, можно было бы отличить честность от бесчестия, если бы можно было

наверняка одних оправдать, а других осудить, то нетрудно было бы успокоить общественное мнение. Но оно возмущено и потрясено тем, что в современном социальном порядке с новым размахом производства и деловой активности наблюдается растущий разрыв между собственностью и трудом. Ныне невозможно ясно отличить честность от бесчестия, нормальную деятельность от мошенничества. Мы наблюдаем своего рода социальный распад, когда уже невозможно сказать, в чем проявляется законная деятельность и в чем она сближается с преступлением... Внутри государства демократического образовалось новое финансовое государство, обладающее собственным могуществом и ресурсами, своими органами и секретными фондами. Необходимо бороться с этим новым государством...

— Недостаточно протестовать лишь с позиций простой честности... Нужны новые социальные решения. Перед нами отнюдь не обычный судебный процесс нескольких лиц. Нет, это начался процесс отмирания нынешнего социального строя, и мы находимся здесь для того, чтобы заменить его новым и более справедливым!

В заключение Жорес от имени социалистов внес резолюцию, в которой говорилось: «Решительное и методическое проведение социалистической политики есть единственное средство положить конец скандалам, являющимся естественным и неизбежным следствием современного экономического режима».

Конечно, в палате, где обнаружилось столько явных мошенников и еще больше оставалось скрытых, нельзя было рассчитывать на принятие такой резолюции. Она собрала лишь 87 голосов против 422. Но парламентская борьба была лишь частью широкой кампании за социализм, которую развертывает Французская рабочая партия. Жорес официально не присоединился к этой партии. Но он во время панамского кризиса действовал в полном согласии с Гэдом и Лафаргом. Вообще самые лучшие страницы истории французского социалистического движения связаны с теми периодами, когда Жорес и Гэд выступали плечом к плечу, действовали рука об руку. К сожалению, им так никогда и не удалось объединиться прочно и надолго.

После 8 февраля и до конца легислатуры летом 1893 года Жорес еще семь раз выступает в палате. Его речи неизменно имели успех. В воспоминаниях од-

ного из его современников рассказывается, как в то время консерваторы с тревогой говорили, что Жорес талантливый оратор, способный вдохновить на революцию. Весной 1893 года Жорес вместе с Гэдом и Лафаргом объезжает многие города Франции, где выступает с речами, пламенно пропагандируя социализм. В это время у социалистов появляется после долгого перерыва своя газета «Птиг републик сосиалист», и Жорес начинает активно в ней сотрудничать.

Выборы в парламент приближались. Правительство Дююи, чувствуя, что после разоблачения Панамы в стране нарастает широкое недовольство, пытается с помощью репрессий помешать усилению социалистов. Оно пыталось также заигрывать с «присоединившимися» монархистами и клерикалами. В начале июля в течение нескольких дней в Латинском квартале происходят ожесточенные схватки полиции со студентами. 6 июля Дююи приказал закрыть Биржу труда, служившую центром парижских профсоюзных организаций. На площади Республики происходят новые столкновения между полицией и рабочими.

Эти события резко усилили влияние социалистов, которое и без того непрерывно росло после сближения оппортунистов с клерикалами и монархистами, после расстрела в Фурми, забастовки в Кармо и грандиозного панамского скандала. Неудивительно, что выборы в палату депутатов 20 августа и 3 сентября 1894 года принесли небывалый успех социалистам.

На прошлых выборах они собрали 90 тысяч голосов и получили 12 мандатов. Теперь — 600 тысяч голосов и 41 мандат. Жорес снова баллотировался в Кармо. Местная реакция вновь отчаянно пыталась не допустить его избрания. Но он получил даже на 500 голосов больше, чем на частичных выборах в январе.

Огромный сдвиг в пользу социалистов вызвал настоящую панику среди буржуазии. Редактор «Нуфельреву» Марсер писал: «Итак, отныне надо иметь смелость, чтобы быть реакционером!»

От успеха у некоторых социалистов даже закружилась голова. И никто не ожидал, что это случится с твердокаменным революционером и марксистом Гэдом, впервые избранным депутатом в городе Рубэ.

Еще не так давно Гэд считал вообще недопустимым для социалиста участвовать в парламентской деятельно-

сти. Он признавал только путь насильственной революции и торжественно обещал никогда лично не выставлять своей кандидатуры в парламент. Теперь он впал в другую крайность и, став депутатом, в следующих словах благодарил своих избирателей:

«Воскресные выборы являются истинной революцией, началом революции, которая сделает вас свободными людьми.

...В день, когда, идя по вашему пути, вдохновляясь вашим примером, избиратели других округов проголосуют за рабочую партию и ее программу, будет положен конец нищете и порабощению, которые гнетут мир труда и превращают его в ад. Законно, благодаря вашей воле, ставшей законом, осуществится социальное преобразование, которое, вернув нации крупные средства производства и обмена, отдаст всем производителям все, что они производят.

От имени Французской рабочей партии благодарю 6879 товарищей, которые вопреки всей лжи и всем махинациям открыли это будущее благосостояние и свободу человечеству.

Благодарю Рубэ, который, вводя социализм в Бурбонский дворец... стал образцовым городом, я даже скажу — священным городом для всех пролетариев».

Видимо, опьянение победой в смеси с приступом тщеславия вскружило голову обычно столь ортодоксальному революционеру. Во всяком случае, Энгельсу сверхторжественная декларация Гэда показалась просто комичной. Он писал дочери Маркса Лауре Лафарг: «Заявить, что его избрание является революцией, благодаря которой социализм вступил в Бурбонский дворец и что оно является началом новой эры... это все же слишком сильно для простых смертных».

Конечно, было бы не так важно, если бы речь шла о случайной ошибке, вызванной настроением. Беда в том, что декларация Гэда не только смешна, но и трагична для него. Обнаружилась тенденция к срывам, к ненадежности политической линии человека, столь часто предъявлявшего другим самые жесткие требования идейной чистоты и революционной тактики. В палате 1893 года Гэд пошел на парламентское объединение с так называемыми независимыми социалистами. Это были такие люди, как Александр Мильеран, Рене Вивьяни, Густав Руане и другие. Они стали социалистами и ушли от ра-

дикалов, поскольку радикалы и их лидер Клемансо, который, кстати, провалился на выборах 1893 года, оказались слишком скомпрометированными панамским скандалом в то время, как авторитет социалистов вырос. Для них приход к социализму был вопросом карьеры. Впоследствии они почти все пошли вправо и предали социализм.

В группу независимых входил и Жорес. Но он резко отличался от большинства этой группы. Его карьера была иной; он шел справа налево, а главное — он был бескомпромиссно предан своему социалистическому идеалу и никогда, до самого последнего вздоха, не изменил ему. Этот новичок в социализме сумел объединить, сплотить, вдохновить очень разнородную парламентскую группу. И если Гэд, несмотря на свои марксистские взгляды, совершал все же ошибки, то Жорес, несмотря на свои эклектические философские и социалистические убеждения, благодаря своему чутью проводил часто правильную и эффективную тактику. Вот что он говорил тогда:

— Мы пришли в социалистическую партию, когда она уже была создана до нас, не для того, чтобы требовать от наших старших товарищей каких-либо жертв. Мы пришли не для того, чтобы навязать какой-то новый социализм, подслащенный, ослабленный или уменьшенный, как нас в этом обвиняют. Мы пришли только для того, чтобы служить как солдаты общему делу.

Мы являемся коллективистами и интернационалистами... Надо противопоставить международной организации капитализма международную организацию пролетариата. Но когда нас из-за этого обвиняют в том, что мы плохие патриоты и плохие французы, то это гнусная клевета...

Одновременно Жорес формулирует тактику по отношению к тем буржуазным республиканцам, которые не шли на сделку и союз с монархистами и правыми.

— Мы, социалисты, не требуем от правительства абсолютно во всем соглашаться с нами. Оставаясь в стороне от всяких комбинаций, мы требуем от правительства прежде всего осуществить некоторые пункты нашей программы-минимум. Затем, не злоупотреблять против социализма правительственной властью, судебными, полицейскими и административными силами; не препятствовать мирным массовым демонстрациям, в которых пролетариат обретает сознание своей силы. При этих усло-

виях мы будем помогать министрам-реформаторам защищаться от коалиции оппортунистов и ретроградов. Но мы не пойдем ни на какое отречение от наших основных принципов, к полному осуществлению которых мы стремимся.

На практике эту линию не удалось проверить, поскольку за все время полномочий парламента, избранного в 1893 году, не было ни одного правительства «реформаторов и прогрессистов». Тем не менее трудно в принципе возражать против нее; при подходящих условиях она могла быть полезной для социалистического движения.

Жорес активно добивался единства всех социалистов. В парламенте это в какой-то мере удалось осуществить. В социалистическую группу вошли гэдисты, бланкисты, бруссисты, независимые. Только алеманисты и поссибилисты остались в стороне. Жорес всегда стремился выдвигать вперед то, что есть общего у разных социалистических групп, отодвигая назад разногласия.

Этот второй срок пребывания Жореса в Бурбонском дворце был счастливой полосой его жизни. Он вспоминал впоследствии: «Все мы, даже самые старые, были тогда так молоды! Внутри внезапно выросшей социалистической группы ощущалось какое-то ликование, восхитительная сила, надежда и воля к борьбе! После многих превратностей и расколов единство партии было тогда организовано небывало всесторонне и методично. В свете зари 1893 года оно казалось каким-то юношеским и пылким и осталось в памяти всех как нечто чарующее. В течение нескольких дней, нескольких недель образовалась своего рода великая общая дружба. Для тех, кто, как я, пришел к социализму одинокой тропинкой, не проходя школы групповой деятельности, не участвуя в прошлых трагических битвах и не пережив тяжелых испытаний времен первых лет социалистической пропаганды, в этой внезапной и сердечной близости со старыми борцами ощущалось волнение борьбы; нам казалось, что и мы как бы участвовали во всех прошлых битвах, во всех усилиях нашей великой партии».

Легко понять энтузиазм Жореса, так давно стремившегося обрести товарищей и единомышленников, объединить свои усилия с деятельностью единой великой социалистической партии. Однако наш герой, как это часто случалось с ним, увлекается и видит окружающее в

слишком уж розовом свете; о какой-либо действительно единой и действительно партии говорить еще рано. К тому же и сам Жорес еще не представляет себе ясно, какой она должна быть, эта партия? Но он счастлив, как никогда, он стремится целиком отдаться борьбе за общее дело.

...14 ноября 1893 года. Первое заседание новой легислатуры. В кулуарах Бурбонского дворца толпятся депутаты, одни стоят, другие прогуливаются, разговаривают, курят. Здесь много новичков; состав палаты обновился наполовину. Они еще не знают расположения помещений и с любопытством их изучают. Перед барельефом Далу, изображающим «Клятву в зале для игры в мяч», стоят двое: высокий худой Гэд и приземистый Жорес. Оба в несколько приподнятом настроении, хотя когда они видят вернувшихся сюда панамистов, по их лицам пробегает откровенное презрение. Зато они с радостью приветствуют то одного, то другого социалиста, большинство которых выделяются длинными бородами, а некоторые и рабочими блузами. Теперь их стало значительно больше. На бледном, чахоточном лице Гэда необычный румянец, а Жорес дышит здоровьем, как и всегда. Он очень, очень хорошо настроен, ибо предстоит борьба, и он испытывает подъем и тревожную радость. Только что они прослушали правительственную декларацию премьера Дюпюи: он остался верен себе: никаких реформ и беспощадная борьба с подстрекателями, то есть с социалистами. Ну что ж, он хочет войны? Он ее получит. Решено, что социалистическая партия выступит с интерpellацией по общей политике правительства и что это должен сделать Жан Жорес.

21 ноября зал полон до отказа. Бледный свет, падающий сверху через застекленный купол, освещает обычную картину: переговаривающихся депутатов, перелистывающих бумаги, здоровающихся, обменивающихся приветствиями и замечаниями. В зале пыльно, и тянет чадом от калориферов. Вверх поднимаются волны табачного дыма. Любопытная деталь: социалистов оказалось так много, что им не хватило места на крайне левых скамьях, часть их рассаживается на правом краю, там места хватает, ведь число монархистов и клерикалов значительно уменьшилось. Вновь избранный председатель палаты Казимир-Перье, миллионер, владелец угольных шахт в Анзене, само олицетворение буржуазной Франции, на-

меренно равнодушным тоном объявляет, что слово представляется Жану Жоресу.

Пока он идет к трибуне, гул в зале еще продолжается. Но вот Жорес уже поднялся и смотрит в зал, как бы выжидая, а затем внезапно пробуждает и заставляет замолчать всех первой, категорически и резко брошенной фразой:

— Господа... Правительственная декларация для нас совершенно ясна: она означает объявление войны социалистической партии! Да, между нами война, война всеми признанная, официально объявленная, беспощадная...

Жорес разоблачает замыслы, изложенные в правительственной декларации Дюпюи: с помощью полицейских законов устранить «вожаков» с тем, чтобы оставить рабочий класс безоружным, сделать его послушным и убежденным в вечности капитализма. А затем он предельно логично и убедительно показывает нереальность этой затеи, поскольку социализм неизбежно вырастает из всей структуры, из сущности буржуазной системы, что любое ее проявление с неизбежностью порождает социализм.

— Главные вожаки, главные подстрекатели находятся прежде всего среди самих капиталистов, а затем они имеются в самом правительственном большинстве... Вы наделяете слишком большим влиянием тех, кого вы называете вожаками. Не от них зависит возникновение такого широкого движения, слабого дуновения нескольких человеческих уст недостаточно для того, чтобы поднять эту бурю всемирного пролетариата.

Нет, господа, правда заключается в том, что это движение исходит из самой глубины вещей, что оно вытекает из бесчисленных страданий, которые до сих пор не были ясно выражены, но которые нашли сейчас в освободительной формуле свой центр объединения. Правда состоит в том, что в самой Франции, в нашей республиканской Франции социалистическое движение исходит одновременно из республики, которую вы основали, и из экономического строя, который развивается в стране в течение полувека.

Вы основали республику, и это делает вам честь. Но этим самым вы установили между строем политическим и строем экономическим в нашей стране невыносимое противоречие. В сфере политической нация суверенна, и она сломала все олигархии прошлого. В сфере

же экономической она подчинена многим из этих олигархий...

Да, конечно, при помощи всеобщего избирательного права, национального суверенитета, которые находят свое высшее логическое выражение в республике, вы создали из всех граждан, в том числе и людей наемного труда, собрание королей. От них, от их суверенной воли исходят законы и правительство; они отзывают, они меняют своих уполномоченных, законодателей и министров. Однако в то самое время, как трудящийся суверенен в политической области, в области экономической он низведен к какому-то рабству...

Он жертва всех случайностей, всех тягот и в любой момент может быть выброшен на улицу; всякий раз, когда он захочет использовать свое легальное право на коалицию для защиты своей заработной платы, он может убедиться, как коалиция крупных горнопромышленных компаний отказывает ему во всяком труде, во всякой плате, в самом его существовании. И в то время как трудящимся не приходится больше в политической области оплачивать цивильный лист в несколько миллионов для королей, которых вы лишили трона, они принуждены вычитать из своего труда оплату цивильного листа в несколько миллиардов, чтобы вознаграждать праздные олигархии, которые являются господами национального труда.

И вот именно потому, что социализм оказывается единственно способным разрешить это основное противоречие современного общества, именно потому, что социализм объявляет, что политическая республика должна привести к республике социальной, именно потому, что он хочет, чтобы республика была утверждена в мастерской точно так же, как она утверждена здесь, именно потому, что он хочет, чтобы нация была суверенна в экономической сфере для уничтожения привилегий праздного капитализма, подобно тому, как она суверенна в сфере политической, — именно потому социализм и исходит из республиканского движения.

Это республика — великий подстрекатель, это республика — великий вожак, отдайте же ее в руки ваших жандармов!

Если бы Жорес говорил свою речь так, как она здесь кратко воспроизведена! В действительности палата депутатов кипит, неистовствует. Его непрерывно перебивают;

друзья — бурными аплодисментами, враги — злобными криками. Иногда он не реагирует на возгласы, как бы не замечая их. Но горе тому, чей неосторожный возглас дает Жоресу новый аргумент или довод: он немедленно отвечает противнику и морально убивает его на месте, не обрывая в то же время нити своих рассуждений. В этой речи проявляется одна характерная особенность парламентского красноречия Жореса. Он исходит из посылок, привычных для большинства слушателей. Он говорит, как буржуазия свергла королей, установила республику, развила ее демократические институты: ввела всеобщее избирательное право, светское народное образование. Он даже воздает должное буржуазии. И ее представители невольно, машинально начинают уже соглашаться с оратором. Но вдруг, захваченная врасплох, аудитория замечает, что логика Жореса, исходя из этих привычных для нее предпосылок, оперируя привычной буржуазной политической терминологией, ставит ее лицом к лицу с ненавистными социалистическими, революционными выводами! Логичность сочетается у Жореса со страстной искренностью. Изложение строго последовательно, но оно оживляется иронией, яркими образами, красочным, богатым, отточенным французским языком, которым Жорес владел виртуозно. И, несмотря на глухой, несколько монотонный голос, никто не устает его слушать, внимание ни у кого не ослабевает. Доказав одну мысль, Жорес закладывает в нее какое-то интригующее зерно, которое побуждает слушателя ожидать с нетерпением дальнейшего изложения. Однако послушаем продолжение речи Жореса, звучавшей 21 ноября 1893 года.

— А затем вы издали законы о народном образовании. Как же вы хотите, чтобы с этих пор к политическому освобождению не присоединилось бы стремление к социальному освобождению, если вы сами подготовили и узаконили их духовное освобождение? Ибо вы хотели также, чтобы оно было светским, и вы хорошо сделали...

Тем самым вы привели народное воспитание в гармонию с итогами современного мышления, вы окончательно вырвали народ из-под опеки церкви и догмы; вы порвали нити наивности, привычки, традиции и рутины, которые продолжали еще существовать.

Но чего вы этим добились? О, я хорошо знаю, то было лишь привычкой, а не верой, что продолжало еще жить во множестве душ; но эта привычка была по крайней

мере для некоторых успокаивающим и утешающим средством. И вот вы прервали ту старую песнь, которая убаюкивала человеческое горе, и оно проснулось вновь с криками, оно встало перед вами, и оно требует сегодня своего места, своего большого места под солнцем вселенной, единственным, которого вы еще не запачкали.

Подобно тому как земля теряет ночью часть теплоты, которая накапливается в ней за день, подобно этому часть народной энергии рассеивалась путем выражения религиозных чувств в бездонной пустоте пространства.

Однако вы прикрыли эту религиозную отдушину и таким образом сконцентрировали в непосредственных требованиях, в требованиях социальных весь огонь мысли, все пламенные желания. Это вы подняли революционную температуру пролетариата, и если вы сегодня ужасаетесь, то знайте, вы ужасаетесь вашему же собственному творению!

Жорес закончил свою речь, зачитав проект резолюции: «Палата, убежденная, что правительство не может бороться с социализмом, не отказываясь от республиканских принципов и решительно осуждая провокационную и реакционную политику правительства, переходит к порядку дня». Принятие этой резолюции, встреченной, как и вся речь Жореса, бурным одобрением социалистов и многих радикалов, означало бы свержение правительства Дюпюи. Однако еще до того, как она была поставлена на голосование, когда дебаты еще продолжались, не достигая, впрочем, того высочайшего политического накала, какой наблюдался в момент выступления Жореса, прошел слух, что некоторые министры вышли из кабинета. 26 ноября кабинет Шарля Дюпюи, поставивший своей главной целью борьбу с социализмом, подал в отставку. Это было первое правительство, сокрушенное Жоресом. Его речи не только убеждали, просвещали и волновали, они действовали в качестве мощного оружия политической борьбы.

С этого времени Жорес начинает играть крупную роль во французской политической жизни. Он, простой депутат крайней оппозиционной партии, приобретает влияние, перед которым трепещут маститые политические деятели буржуазии. Одной силой своего таланта, убежденности, честности он завоевывает огромный авторитет. Жорес становится постепенно опаснейшим врагом буржуазии. Этот добродушный, покладистый, мягкий,

снисходительный человек преобразуется в политических схватках в беспощадного бойца, без колебаний наносящего противнику безжалостные и меткие удары. И хотя, несмотря на все свои успехи, социализм все еще относительно слаб, хотя реакция ведет одну за другой кампании против него, благодаря Жоресу они приобретали характер пирровых побед для господствующего класса. Блестящий пример тому деятельность Жореса в процессе анархистского кризиса.

...9 декабря 1893 года шло обычное, довольно сонное заседание палаты депутатов. Председательствовал Шарль Дюпюи, который после падения его кабинета занял этот пост, а бывший председатель палаты Казимир-Перье стал премьером. Правление оппортунистов продолжалось. Правда, теперь они именуются прогрессистами, видимо, потому, что становились все реакционнее. Внезапно монотонный ровный гул разговоров и негромкая речь оратора прерываются страшным грохотом и палата озаряется яркой вспышкой динамитного взрыва.

Депутаты вскакивают со своих мест и, сталкиваясь друг с другом, в дикой панике устремляются вон из зала. Многие, правда, предпочли забраться под пюпитры и сидели там, скорчившись в три погибели, более получаса. Потом дым рассеялся, шум затих, депутаты начали возвращаться в зал и вылезать из-под своих пюпитров. Пострадал из них только один, аббат Лемир, которого поцарапало взрывом. Присутствие духа сохранил лишь председатель Шарль Дюпюи. Он не тронулся с места и, когда депутаты вернулись в зал, произнес фразу, сделавшую его знаменитым:

— Заседание продолжается.

Говорили об античной доблести этого бывшего преподавателя римской истории. Другие, правда, объясняли его поведение проще: он не мог покинуть председательского места из-за своей тучности, принесшей ему прозвище Бегемот, а молчал он из-за того, что у него от страха отнялся язык. Придя в себя, он машинально произнес привычную фразу.

Расследование показало, что бомбу бросил анархист Огюст Вайян. Покушение на палату не было такой уж неожиданностью. Во Франции и в других странах уже давно развивалось анархистское движение. Но в последние годы анархисты, якобы по примеру русских народников-террористов, перешли к «пропаганде действием» и

стали усиленно запасаться динамитом и нитроглицерином. Еще в марте 1892 года анархист Равашоль устроил в Париже три взрыва. Бомбы рвались в ресторанах и кафе, в частных квартирах, в церквях, полицейских участках и просто на улицах... Взрыв в парламенте имел уже ясно выраженный политический характер. Вайян был казнен, но через четыре дня бомба разорвалась в наполненном посетителями кафе Терминус. 24 июня 1894 года итальянский анархист Казерио ударом кинжала убил в Лионе президента республики Сади Карно. Арестованный на месте преступления Казерио заявил, что он убил президента за его отказ помиловать Вайяна. Он сообщил затем, что намеревался убить итальянского короля и папу римского, «правда, не в один день, поскольку они никогда не выходят вместе».

Перед лицом судей и палачей анархисты держались необыкновенно смело. Вайян, очутившись перед гильотиной, с презрением отказался от традиционного стакана водки и пошел на смерть с возгласом: «Смерть буржуазному обществу! Да здравствует анархия!» Устроивший несколько взрывов Эмиль Анри заявил на суде: «Мы объявили беспощадную войну буржуазии и не требуем для себя сострадания... Вы не в силах уничтожить анархию. Она имеет глубокие корни; она родилась в лоне гнилого, дряхлеющего общества; она является мощной реакцией против установленного строя; она воплощает стремление к равенству и свободе».

В буржуазных газетах появилось много статей, в которых анархисты выступили с ореолом доблести и благородства. После взрыва бомбы Вайяна в палате поэт Лоран Тейяд заявил: «Что значит смерть нескольких серьезных людей, если таким образом утверждается личность? Какое дело до прочего, если жест красив?» Через некоторое время поэт был ранен взрывом в ресторане Фойо, и газеты имели возможность поиздеваться над поклонником анархистов. Но гораздо большее значение и смысл во всех разговорах об анархизме имела другая тенденция: их настойчиво отождествляли с социалистами. В самом деле, и те и другие революционеры, и те и другие враги буржуазного общества.

Социалисты всех направлений, от гэдистов до possibilists, решительно отмежевывались от анархистов, они доказывали, что социализм принципиально враждебен анархизму. Один из гэдистов даже заявил, что если

они придут к власти, то первым делом расстреляют всех анархистов. Но несколькими социалистическим газетам и журналам трудно было расшеять ложь, распространяемую многочисленными буржуазными листками.

Постепенно все яснее обнаруживались нити новой гнусной антисоциалистической махинации. Прежде всего раскрылись связи анархистов с клерикалами и крупной буржуазией. Во время забастовки в Кармо рабочие выгнали из города анархиста Турнарда, предлагавшего устроить несколько динамитных взрывов. Он обещал за это забастовщикам большие деньги. Турnard удрал из Кармо так поспешно, что забыл чемодан, в котором обнаружили визитные карточки банкира Ротшильда и герцогини Юзес, в свое время субсидировавшей буланжистов. На карточках выражалась благодарность Турнарду за какие-то таинственные услуги. Во время следствия по делу Вайяна выяснилось, что он получал крупные суммы от богатейших людей Франции. Весьма подозрительно выглядели некоторые действия полиции; уж очень снисходительна она была к анархистам. Позже, когда вышли в свет мемуары полицейского префекта Парижа Андрие, подтвердились наихудшие опасения: бомбу Вайяна сделали в полицейской лаборатории, анархистские газеты получали деньги от полиции и т. п.

Конечно, анархистское движение возникло само по себе, выражая отчаяние мелкобуржуазных революционеров-неврастеников. Но столь же бесспорно, переход этого движения к террору связан с широкой операцией по борьбе с социализмом. Действия правительств в период анархистского кризиса устраняют последние сомнения на этот счет. В парламенте проводят серию законов, получивших наименование «злодейских».

12 декабря, через несколько дней после взрыва в Бурбонском дворце, принимается закон о печати, установивший строжайшие наказания за публикацию «подстрекательских» статей. 18 декабря проводятся еще два «злодейских» закона — о преступных ассоциациях и о взрывах. После убийства президента Сади Карно принимается закон «о подавлении анархистской агитации». Все эти законы намеренно составлялись в туманной форме, действия анархистов не конкретизировались. Любое революционное выступление можно было подвести под их действие. Первым же обвиняемым по этим законам оказался именно социалист. На основании «злодейских»

законов из Франции был выслан русский марксист Г. В. Плеханов.

Социалисты и некоторые радикалы активно боролись против ограничения буржуазной демократии под предлогом защиты от анархистов. Осуждая анархистов, они одновременно вскрывали истинные цели злодейских законов. Исключительную роль в этой борьбе играл Жорес. Он, как никто другой, сумел раскрыть подлинные причины анархистских покушений, их социальную природу. Он показал французам на тех, кто несет главную ответственность за анархистский террор. При этом он не просто оборонялся от наступления реакции против социализма; он переходил в контрнаступление. В истории войн известны случаи, когда особенно смелые и ловкие солдаты хватали на лету брошенные врагом гранаты и швыряли их обратно так, что они взрывались в рядах противника. Нечто подобное великолепно делал Жан Жорес. В своей жизни он произнес немало речей, которые приобретали характер исторического события. Среди них его выступление 25 июля 1894 года. Это было вскоре после убийства президента Карно, когда правительство, вновь возглавлявшееся Шарлем Дююи, внесло в палату очередной «злодейский» закон против анархистской агитации.

Жорес предложил дополнить проект закона такой статьей: «Все политические деятели, министры, сенаторы, депутаты, которые будут торговать своим мандатом, брать взятки и участвовать в нечестных финансовых делах, или будут фигурировать в административных советах компаний, осужденных органами юстиции, или восхвалять указанные действия в прессе или устных заявлениях перед одним или несколькими лицами, будут рассматриваться в качестве лиц, вызывающих акты анархистской пропаганды».

Обосновывая свое предложение, Жорес показал затем, что Панама и последовавший за ней новый скандал, связанный с компанией Южных железных дорог, свидетельствуют об анархии самого буржуазного общества, в котором царит моральный упадок и хаос. Он доказывает, что ничто другое не может в такой степени возмутить сознание, ожесточить, вызвать решимость безнадежности, породить акты анархистского террора, как примеры продажности тех, кто стоит у власти. Жорес бьет врага его собственным оружием. Он берет определение анархии,

сформулированное премьер-министром Шарлем Дююи, и путем остроумного логического анализа и толкования основных тезисов этого определения доказывает, что ответственность за возникновение и действия анархизма несут общественные силы, представляемые такими людьми, как сам Дююи. Анархия, утверждает председатель совета министров, — «это прежде всего презрение ко всякой власти».

— Прекрасно! — восклицает Жорес. — Я хочу спросить его, если политические деятели замешивают парламент, национальное представительство в скандалы, в грязные дела, компрометируя таким образом это представительство, которое при республике служит олицетворением всякой власти; я его спрашиваю: разве в таком случае эти люди не подрывают в сознании людей уважение ко всякой власти?..

Вопрос Жореса вызывает крики: «Правильно! Очень хорошо!» — и покрывается аплодисментами. Но оратор уже переходит к следующей формуле Дююи: «Анархизм — это презрение к всеобщему избирательному праву».

— Я вновь спрашиваю его: если те, кто, получив от всеобщего голосования мандат для защиты интересов страны, ее благосостояния, ее чести от происков финансистов, вместо этого становятся их сообщниками, клиентами этих подозрительных финансистов, не оказываются ли они теми самыми людьми, которые подрывают уважение к всеобщему избирательному праву?

Жорес вновь и вновь возвращается к Панаме. Он показывает, что вспышка анархистского террора закономерно последовала за панамским скандалом.

— Неужели вы думаете, что кто-либо мог остаться не взбудораженным этой аферой, в течение полугода волнующей всю страну и палату? Страна вдруг узнала, что из уплаченных ею сотен миллионов почти две трети были преступным образом расхищены; она узнала, что эта капиталистическая и финансовая вакханалия подкупов находилась в тесном соседстве с государственной властью, что парламент и финансовые дельцы шушукались между собой, действовали заодно. Неужели вы думаете, что это не произвело впечатления? Страна вдруг узнала, что министры предаются суду, что, несмотря на их гордое отрицание перед парламентом и следственной комиссией, всплыли наружу убийственные факты и про-

изнесены сенсационные судебные приговоры! Перед следственной комиссией палаты одни предстали с высоко поднятой головой, другие лепетали несвязные слова. Бурбонский дворец оказался в глазах публики чуть ли не уголовным притоном! Власть имущие должны были из своих ярко освещенных салонов явиться в угрюмые коридоры суда! Как в калейдоскопе смешиваются все цвета, так в этом головокружительном хороводе событий сливались воедино цвета парламента и исправительной тюрьмы!

Неужели вы думаете, что это прошло бесследно? Вспомните прекрасные слова древнего поэта: пыль — сестра грязи! И вы увидите, что вся эта горячая пыль анархистского фанатизма, ослепившая некоторых жалких людей, является родной сестрой грязи капитализма и политиканства.

Стремительный поток красноречия Жореса захватывает даже противников социализма. Он, как художник, рисует картину разложения буржуазии и уверенно сажает ее на скамью подсудимых, приготовленную для социалистов. Строгой логикой Жорес увлекает разум слушателей, красками и образами — их чувства. Его речь поразительно гармонична, и политическая декларация превращается в его устах в художественное произведение, исполняемое великим артистом.

В заключение он вновь обращается к убедительному обоснованию внесенного им предложения и заканчивает речь блистательным по форме и глубоким по социальному анализу образом:

— Если вы желаете сурового подавления анархистов, то будьте столь же суровы в подавлении тех, кто дает взятки политическим деятелям, и тех, кто берет эти взятки. Покажите стране в назидание новому поколению, а также будущим депутатам, покажите на ясном тексте закона, что между продажным, преступным политиком и возмущившимся анархистом имеется необходимая связь, что они являются моральными соучастниками и должны караться сообща. В тот день, когда один и тот же корабль увезет в ссылку, в страну болотной лихорадки, продажного политика и анархиста-убийцу, они завяжут между собой разговор; они оба окажутся двумя дополняющими друг друга аспектами одного и того же социального строя!

Конечно, внося свое вызывающее и разоблачающее

дополнение к «злодейскому» закону, Жорес не рассчитывал на его принятие в палате, где панамисты и люди, родственные им по духу, составляли большинство. Это был акт политической борьбы, рассчитанный полемический ход, очередной удар социалистического лидера по буржуазной системе. С парламентской трибуны Жорес обращался не столько к сидящим в зале, сколько к народу, к людям заводов и полей. И тем не менее сила его красноречия была такова, что дополнение Жореса было отвергнуто большинством всего в один голос! Значит, кроме социалистов, за него проголосовало много депутатов буржуазных партий, захваченных в плен его всепобеждающим красноречием. А по поводу большинства в один голос кто-то из депутатов бросил остроумную реплику:

— Это голосовала Панама!

Речь Жореса произвела впечатление на всю страну. И это впечатление оказалось таким, что через три дня после голосования на трибуну неожиданно поднялся председатель совета министров Дюпюи и объявил о закрытии сессии парламента. Он пояснил, что палата «пришла в такое нервное состояние, которое может оказаться опасным».

После окончания сессии Жорес с женой и пятилетней дочкой, как обычно, отправился в Бессуле. Здесь он провел лето. Нельзя сказать, чтобы он наслаждался полным покоем. Часто его просили приехать в Кармо, где в жизни рабочих, шахтеров и стекольщиков возникали одна за другой трудности, которые Жорес давно уже воспринимал как свои собственные, личные дела. Это место стало для него родным. Здесь он черпал силу и вдохновение, убежденность, терпение и настойчивость, столь необходимые ему в гуще политических битв, наполнявших теперь всю его жизнь. Конечно, он и отдыхал, возрождаясь в близости к природе, всегда внушавшей ему поэтическую радость. Незаметно подходила осень. В октябре надо возвращаться в Париж. Возобновлялась сессия парламента. Но ему предстояло еще одно важное и нелегкое дело, к тому же довольно каверзное. Но разве он мог уклониться от какого-либо подобного дела? Струсить или уйти в кусты? Он был просто не способен отсиживаться в тылу во время боя. Нет, это был один из таких солдат, которые при штурме вражеской крепости бросаются в самые трудные и опасные места. Но они-то и обеспечивают успех штурма. Так вот, ему предстояло выступить

пить в качестве адвоката на судебном процессе, явившемся очередным эпизодом в беспощадной войне социалистов против Казимира-Перье.

После убийства президента Сади Карно на его место был избран именно этот человек, олицетворявший самое гнусное в истории французской буржуазии. Казимир-Перье представлял династию ростовщиков и мошенников, оставивших ему состояние в 40 миллионов, нажитых беззастенчивым грабеджом народа. И вот после панамского скандала на высший государственный пост попал человек, воплощавший грязь Панамы. Это был реванш «шекаров», которые не только вышли сухими из воды, но получали теперь, после избрания Казимира-Перье, злорадное удовольствие плевать на общественное мнение.

Легко представить возмущение социалистов, сразу начавших атаку на президента. «Враг» — так называлась статья Мильерана о Казимире-Перье в социалистической газете «Птит републик». Причем новоизбранный президент не довольствовался тем, что уселся в Елисейском дворце. Он еще требовал, чтобы народ проявлял к нему любовь. Между тем, где бы он ни появился, толпа холодно встречала его, и иногда раздавались крайне непочтительные возгласы. Подхалимствующие газеты пытались оправдать это тем, что имя президента трудно произнести на одном дыхании. Еженедельник «Иллюстрасьон» писал: «Население не знает, что надо кричать. «Да здравствует республика!» — может внушать мысль о недоверии. «Да здравствует Казимир!» — возглас неплохой, но несколько фамильярный. «Да здравствует президент!» — недостаточно лично».

Блестящий выход нашел социалист, редактор «Птит републик» Жеро-Ришар, способный и крайне язвительный публицист. Он начал издавать еженедельник «Шамбар», что по-русски значит «Скандал». Кстати, иллюстрировал издание известный художник Стейнлейн. 20 сентября 1894 года в «Шамбаре» появилась статья Жеро-Ришара под заголовком «Долой Казимира!».

Жеро-Ришар, не стесняясь в выражениях, описал жалкие попытки Казимира-Перье приобрести популярность, которые привели лишь к тому, что уличные мальчишки называли его «Гнусная рожа», «Гнусная морда» и т. п. Эти и им подобные эпитеты в изобилии содержались в статье. Но в ней было и кое-что посерьезнее.

Журналист писал о преступлениях рода Перье, предававшего и продававшего Францию, о том, как с помощью ростовщичества возникло колоссальное состояние президента. «Преступления деда, — писал Жеро-Ришар, — пошли на пользу внуку, обеспечили ему первое место в царстве эксплуататоров. Отчего же не гордиться ими? Казимир отлично знает грязное происхождение своих миллионов; но он цепляется за них, и его политическое честолюбие не знает другой цели, как гарантировать себе навсегда владение ими.

Впрочем, рано или поздно он сам признает это. Когда он найдет бесполезным разыгрывать дальше сентиментальную комедию и припадки чувствительности, в нем заговорит его природа, победит его бесподобная природа хищника. Он будет злиться на нас за то, что мы разгадали под его неуклюжей маской, каков этот человек в отвратительной действительности. Со своим грубым цинизмом эксплуататора, не знающим ни жалости, ни благородства, бездушный и холодный, — это верный и отталкивающий образец кровавой касты, строящей свое богатство на костях рабочих.

Ныне граждане молчат при встрече. Завтра прозвучит народный клич: «Долой Казимира!», что будет означать: «Да здравствует республика трудящихся!»

За оскорбление президента республики Жеро-Ришар был привлечен к суду. Жоресу разрешили выступить на суде его защитником. Суд назначили на 5 ноября 1894 года. Поскольку Жорес уже приобрел популярность, то процесс вызвал большой интерес публики.

Корреспондент «Русского богатства» журналист Н. С. Русанов писал из Парижа: «Отныне на Жореса ходили в палату и по публичным собраниям, как на знаменитого актера или примадонну. Ходили не только его единомышленники, не только тяготевшая к социализму молодежь и пробудившиеся к сознательной жизни рабочие. Его шли слушать и буржуа, и совершенно индифферентные люди, которых привлекали новые и любопытные для них вещи, притом облеченные в прекрасную форму и согреты искренним ораторским пылом, — обстоятельство, всегда манящее любящих красноречие французов». Публика с восхищением слушала Жореса, продолжал Русанов, «забывая неуклюжесть его широкой приземистой фигуры, мужиковатость его физиономии с ее толстым носом и небольшими щуриющимися глазами, моно-

тонную резкость его жестов, грубость его могучего голоса! Она вся отдавалась то баюкающей, то потрясающей поэзии образов, которые оживляли среднее течение несколько профессорской, отчеканивающей речи Жореса и бросались им во все концы переполненной залы на гребне широко волнующихся периодов, в то время как голос оратора крепчал, и гремел, и сливался с аплодисментами и криками «браво!» в конце каждой патетической фразы».

На этот раз дело имело к тому же крайне скандальный характер, поскольку речь шла об оскорблении президента. Зал суда был переполнен: там смешались куртки рабочих и шикарные туалеты светских дам.

Жорес начал как адвокат, защищающий своего клиента:

— Вы говорили, что заглавие «Долой Казимира!» является оскорблением. Почему же? Не потому ли, что случайно кое-кто от имени его величества президента оскорбляется фамильярностью этого обращения? Но ведь вы хорошо знаете, что именно официальные газеты, дружески расположенные газеты, объясняя молчание граждан при появлении президента, утверждали, что его имя слишком длинно для произношения. Они уверяли, что народ не может рисковать потерей дыхания и что из боязни задохнуться он был вынужден заглушить свой энтузиазм. Жеро-Ришар оказался более смелым. Он рискнул на это изнуряющее имя, и если по нехватке дыхания он остановился на полдороге, то поистине это не составляет преступления. Впрочем, вы хорошо знаете, что королей называют по их именам...

Жорес последовательно продолжает разбивать доводы обвинения. Но вскоре из адвоката он превращается в прокурора. Ирония сменяется гневом в адрес одного из самых отвратительных представителей господствующего класса. Он показывает, почему именно в той политической обстановке, после панамского скандала и перехода буржуазных республиканцев в лагерь консерватизма, Казимир-Перье сделал свою карьеру.

— В то время когда республиканцы изменили своему прошлому и желают нейтрализовать последствия республиканских законов, принятых ими самими; в то время когда привилегированные классы волнуются и беспокоятся из-за прогресса рабочей и крестьянской демократии; в то время когда крупный капитал чувствует угрозу со

стороны социальных притязаний и скандалов, которые кипят в нем, как в разложившемся трупе, — тогда ищут людей, способных к борьбе и сопротивлению. И тогда видят, что почти все уже использованы, запятнаны или опорочены; но одно имя осталось, имя министра буржуазной монархии, который построил свою карьеру на нищете трудящихся, который подавил в крови требования рабочих, который изгнал из республики 1830 года республиканский дух. Имя этого министра — в то же время имя крупного банкира, занимавшегося торговлей, ажиотажем и спекуляцией. Таким образом, для дела политической и социальной реакции и для реванша, нетерпеливо ожидаемого находящимися под угрозой бесчестными группами, нашли имя выразительное, но менее дискредитированное, чем те, с которыми связаны скандалы вчерашнего дня.

Жорес беспощадно вытаскивает на свет все грязные дела семейства Перье, на протяжении ста лет грабившего казну, грабившего рабочих, разорившего ростовщичеством своих буржуазных партнеров. Оказывается, даже загородное поместье нынешнего президента в Пон-сюр-Сене нажито ростовщичеством.

— Это, — продолжает Жорес, — верховный закон всей истории: всякий режим должен иметь свой символ, свой видимый знак, в котором сказывается его душа. Из Франции хотели сделать республику крупных денежных дельцов и ростовщиков; и что же, само место пребывания президента республики, то место, куда он созывает министров и где он подписывает декреты, именные, откуда он обнародывает законы и принимает от имени Франции представителей других народов, это имение добыто ростовщичеством, и, когда Французская республика имеет дело с этой почвой, дух ростовщичества витает над ней.

Признаюсь, я предпочел бы для Франции те дома разгула и оргий, в которых происходила агония старой монархии и старого режима, предпочел бы их этому темному банкирскому и ростовщическому дому, в котором лежит в агонии честь буржуазной республики...

— Господин Жорес, — перебивает председатель, — вы заходите слишком далеко. Вы до сих пор все время обвиняли семью Перье, и ваши последние сравнения переходят всякие границы. Вы сравниваете дом президента республики с домом терпимости...

— Я не сравниваю, я ставлю его ниже, — следует ошеломляюще дерзкий, но неотразимый ответ Жореса.

Речь Жореса стала известна всей стране. Социалисты издали ее отдельной брошюрой, и она распространялась в огромном количестве экземпляров. Словно в отместку, Жеро-Ришара приговорили к максимальному наказанию: год тюрьмы и три тысячи франков штрафа. Но здесь как раз освободилось в одном из парижских округов депутатское место, и социалисты выдвинули Жеро-Ришара. Народ выбрал его, и по закону журналиста пришлось выпустить из тюрьмы Сент-Пелажи. Выступление Жореса достигло своей цели. Более того, когда через несколько дней Казимир-Перье ушел в отставку с поста президента, стало ясно, что социалисты одержали крупную политическую победу, выгнав из Елисейского дворца основного виновника «злодейских» законов силой могучего красноречия Жореса.

Невозможно подробно рассказать о всех выступлениях Жореса в те годы, их так много. Время требовало от социалистов большой активности. Ведь массовое разочарование в буржуазной республике влекло к социализму широкие массы. И очень важно было, чтобы социализм представляли перед ними достойные, самоотверженные, талантливые люди. Таким и был Жан Жорес. В это время он работает как вол. Конечно, он был виртуозом импровизации. Но Жорес презирал скороспелую риторiku буржуазных ораторов. Он серьезно, тщательно трудился, готовясь к своим речам. Одновременно он регулярно пишет статьи в «Штит републик». Продолжает сотрудничать в «Депеш де Тулуз», где он вел тогда серьезную полемику с Бернаром Лавернем по вопросу о коллективизме. Он не был формально членом гадистской Французской рабочей партии, но в сентябре 1894 года Жорес присутствует на конгрессе этой партии в Нанте. Уже в эти годы он становится крупнейшей фигурой французского социалистического движения. Поль Лафарг в начале 1894 года писал Ф. Энгельсу: «Это не мы могли Жоресу занять его место; он занял его сам, и он является одним из наиболее авторитетных ораторов палаты. До сих пор его действия... были полезны благодаря его манере представлять социализм. Он сделал возможным его проникновение в круги, где мы не имели бы успеха».

А как Энгельс относился к Жоресу? Крайне интересно и важно знать мнение самого авторитетного из живших тогда марксистов.

Вот слова, написанные Энгельсом в последние годы жизни:

«Я думаю, что у него честное намерение сделаться настоящим социалистом, но... жажда подвигов у этих не-офитов прямо пропорциональна их непониманию вещей, а последнее у Жореса очень велико».

«Жорес действительно полон доброй воли... но ему необходимо дальнейшее изучение экономических вопросов».

«Жорес стоит на верном пути. Он учится марксизму, и не следует его слишком торопить. И он уже сделал довольно большим успехи, гораздо большие, чем я мог ожидать».

Конечно, Жоресу понадобилось немало времени, немало раздумий, сомнений, колебаний, прежде чем он нашел этот верный путь. Но тем тверже и увереннее он пошел по избранной стезе. Он нашел смысл существования, без чего жизнь представлялась ему невозможной. С точки зрения его здравомыслящих родственников, он совершил поступок непрактичный, нелепый, предпочтя реальным выгодам, которые сулила ему так блестяще начавшаяся карьера, химеру социализма. Они считали это безумием и глупостью. Благородство его души и вытекавшее из нее естественное мужество и самоотверженность оказались недоступны пониманию этих заурядных буржуа.

Казалось, Жан избрал трудное, неблагодарное поприще. Но, только действуя на этом опасном и полном неожиданностей пути, он мог быть счастлив, ибо он не представлял себе счастья без возвышенной и благородной деятельности.

Жорес уже зрелый человек. Сформировались его взгляды, его убеждения, его нравственность, его человеческая сущность. Во всем этом оказалось немало противоречий. Какое сложное сочетание различных качеств воплотилось в его облике! Но ведь иначе в жизни и не бывает. Бывают лишь примитивно упрощенные изображения людей, нарисованные только одной краской. Такие образы, создаваемые чрезмерно старательными жизнеописателями великих людей, в конечном счете только унижают их, превращают в тень, нереальную, оторван-

ную от жизни, в безжизненное отражение, в лубочный, искусственный портрет, не вызывающий никаких чувств. Жоресу повезло в том, что из него просто невозможно сделать такую механическую куклу. Слишком яркая, самобытная личность, слишком контрастная по сочетанию достоинств и недостатков, не поддается упрощению и схематизации. Его блестящие достоинства, его исключительная нравственная сила сочетаются с неожиданной слабостью, а его честность так ярко выделяется на фоне разложившегося и фальшивого мира, в котором он жил и боролся, что все это создает неповторимое своеобразие большого и сложного человека, достойного любви и преклонения, даже по мнению его злейших врагов.

А каков он был в жизни? Узнали ли бы мы его, если бы силой необычайного воображения вдруг перенеслись в этот далекий мир чужой страны, чужой эпохи? Смогли ли бы мы сразу разглядеть его в толпе депутатов палаты или в кругу его друзей и единомышленников? Конечно, мы знаем его по фотографиям. Мы можем воссоздать его образ, собрав многочисленные свидетельства современников. Но это не заменит реалистического портрета, который можно сделать только с натуры, и это под силу лишь великому художнику. И вот перед нами портрет молодого трибуна, написанный рукой мастера, копировать который, излагать своими словами было бы нелепо. Раскроем «Воспоминания» Ромена Роллана:

«...Жар политических страстей, клокотавший в те времена в артериях Франции, зажег во мне интерес к зрелищам Форума. Я начал усердно посещать важнейшие заседания парламента. В лучезарном ореоле первых успехов выступал Жорес: он вел в атаку свое войско — дисциплинированное, бдительное, жизнерадостное, уверенное в победе — социалистическую партию. Большой, сильный, с внешностью и манерами простолюдина, бородатый и краснощекий, с крупными, мясистыми чертами лица, небрежно одетый, излучая радость жизни и борьбы, он поднимался тяжелым быстрым шагом по ступенькам трибуны и прежде всего жадно вливал в себя большой стакан красного вина. Голос у него был громкий, очень высокий, почти пронзительный, утомляющий; он мог бы говорить вдвое тише, и все равно его бы услышали в задних рядах трибун; но чувствовалось, что ему доставляет удовольствие говорить в полный голос, и он, не уставая, произносил на высоких нотах всю речь, даже

если она длилась полтора-два часа! И все это время глотая стакан за стаканом. У него был очень сильный южный акцент, но не напевный и забавный, как у марсельцев, а тяжеловесный тарнский выговор южан и горцев. Он начинал свою речь монотонно, будто читал проповедь, в середине фразы голос поднимался, к концу падал. Он постоянно отклонялся от обсуждаемой темы, впадая в риторические красоты, и питал слабость к образам из сферы материалистического пантеизма: образам смерти, земли, в которой растворяется наша плоть. Но в нем впечатляло спокойствие и умение владеть собой. Он выступал без всяких записей, и никакие реплики с мест не могли нарушить ход его мыслей. Как раз наоборот: любая реплика только стимулировала его мысль, подстегивала и вдохновляла его. С той минуты, как он воодушевлялся или раздражался (впрочем, никогда не теряя самообладания), он начинал говорить необъятными периодами; они катились, словно раскаленные пушечные ядра; слова били ключом, пламенные, неожиданные, и вдалбливали его мысли даже в самые враждебно настроенные умы. Быстро парируя удар противника, он играл с ним, как большой кот с мышью: ласкал его, заставляя под хохот аудитории прыгать то вправо, то влево и под конец резким, тяжелым ударом лапы укладывал его наповал. Впрочем, он отнюдь не производил впечатление злого человека, даже когда грозил близким возмездием. Большой, могучий, жизнерадостный, великодушный, искусный дипломат, он был похож на Дантона; такие, как он, протягивают руку поверженным противникам, но ради торжества своего дела готовы на все и подчас любят встать в красивую позу.

...В те времена я был очень далек от политических партий. И не питал достаточно глубокого доверия к социалистам. Но мне казалось, что будущее принадлежит им, потому что их идеи были и будут разумны».

«КАРМАНЬОЛА»

Телеграмма застала Жореса, когда он после завтрака играл в крокет в тени деревьев, окружавших дом в Бессуле. У него в гостях был Жорж Ренар с женой, редактор «Ревю социалист», заменивший на этом посту Бенуа Малона, умершего два года назад. Когда Жорес прочитал

телеграмму, веселое, беззаботное выражение исчезло с его лица.

— Меня вызывают в Кармо. Положение там серьезное, — ответил Жорес и, отбросив крокетный молоток, решительно направился к дому. В своей комнате он быстро уложил в чемодан немного белья и несколько книг.

— Я очень встревожен, — говорил он Жоржу Ренару, — дело там идет к опасному конфликту. Администрация стекольного завода давно ведет себя вызывающе — это, несомненно, провокация...

В дребезжащем полушустом вагоне ехали в Кармо несколько крестьян; двое рабочих, запрокинув головы, дремали с полуоткрытыми ртами под стук колес; дорожный юре, сложив руки на огромном животе, мерно подрагивал в такт поезду. Жорес рассеянно смотрел в окно, но мысли его далеко от прекрасных пейзажей родного Лангедока. Он думал о стекольщиках Кармо. Когда он однажды увидел стеклодувов за работой у огромных печей с расплавленным стеклом, освещенных красными колеблющимися отблесками пламени, то он испытал незабываемое чувство. Он знал, что немногие из них доживали до пятидесяти лет. Изможденные, как будто выдувшие все свое здоровье в раскаленные комки стекла, силою легких превращаемые ими в бутылки, они, в темных лохмотьях, с лицами, покрытыми сажей, смешанной с потом, поразили воображение Жореса. Сколько невероятного терпения и покорности надо было иметь этим людям, чтобы по 14 часов в день находиться в таком аду. Но все же они сохраняли любовь к жизни, стремление к свету, к радости. Жорес вспоминал их лица, внимательные, напряженные, заживавшиеся восторгом, когда он говорил им о социализме. Жорес восхищался их гигантской душевной силой, позволявшей им сохранить способность к благородным человеческим порывам, дух товарищества, смелость. Сколько в них мощи, сколько воли, если даже каторжная жизнь не смогла превратить их в отупевших животных!

Жорес своими глазами убеждался, что этим людям действительно нечего терять. Недавно двое друзей, местных социалистов, пригласили его посмотреть жилища рабочих. Узкий переулочек между приземистыми кирпичными домами походил на зловонную канаву. Прямо из дверей выбрасывались нечистоты, водопровода не было. Жорес и его спутники зашли в один из домов и через

узкую дверь попали в крошечную комнату с небольшим квадратным окном под самым потолком. Маленький деревянный стол, заставленный грязными мисками и кружками. В углу куча грязного тряпья, на котором пятеро малышей от двух до десяти лет весело копошились, оглашая спертый воздух каморки звонкими криками. Когда трое мужчин вошли, то особенно почувствовалась теснота помещения.

Их встретила женщина, видимо, еще не старая, но выглядывшая старухой. Она прижимала к себе сосавшего ее тощую грудь ребенка.

— Это все ваши, мадам? — спросил Жорес.

— Да, все мои...

— А где все они спят?

— Здесь.

— А маленький?

— Тоже здесь.

Жорес молча отвернулся к окну. Никогда и нигде в многочисленных воспоминаниях о Жоресе никто не упоминает о том, чтобы этот очень чувствительный человек плакал. Но товарищи, сопровождавшие в тот раз Жореса, рассказывают, что они увидели, как глаза Жореса наполнились слезами, как слезы потекли ему на бороду, как, глядя в окно, Жорес ничего не видел не из-за того, что стекла были покрыты густой грязью, а потому, что слезы застилали ему глаза...

Делегаты профсоюза рабочих стекольного завода ожидали своего депутата на вокзале в Кармо. Уже по дороге в гостиницу рабочие, перебивая друг друга, начали рассказывать о последних событиях. Положение действительно оказалось серьезным.

Еще три года назад очагом классовых конфликтов были угольные шахты Кармо. После назначения директором господина Пере, человека весьма практичного и умного, обстановка на шахтах несколько смягчилась. Но на стекольном заводе она резко обострилась.

Директором и фактическим владельцем завода был Рессегье, человек, сохранивший в восемьдесят лет удивительную энергию и подвижность. Причем с годами он все больше ненавидел своих рабочих. Особую ярость старика вызвал профсоюз. Правда, Рессегье необыкновенно ловко умел обманывать и грабить рабочих. Когда повсюду под давлением трудящихся создавались пенсионные кассы, ему удалось этого избежать. Он пошел лишь на

создание так называемой кассы оказания помощи рабочим. Это было его собственное оригинальное изобретение. Суть его состояла в том, что касса пополнялась за счет повышения цен товаров, продававшихся рабочим в заводской лавке. В результате помощь не только ничего не стоила хозяевам, но даже приносила им некоторый доход.

Рессегье хвастался, что он платит рабочим больше, чем на других заводах. Действительно, зарплата в Кармо была немного повыше. Но Рессегье, ссылаясь на это, добивался от своих политических друзей более выгодных условий оплаты транспортировки сырья и готовой продукции. В итоге он и здесь выигрывал.

Десять лет назад Рессегье отчаянно пытался помешать организации профсоюза на его заводе. Однако в то время подобная политика была не в моде, правительство боролось с монархистами и нуждалось в поддержке рабочих. Теперь же, когда оппортунисты вступили в союз с реакцией, положение изменилось.

Рессегье начал с того, что добился отстранения с поста мэра Кармо Кальвиньяка, из-за увольнения которого началась знаменитая забастовка шахтеров три года назад. Более того, используя вспыльчивый характер Кальвиньяка, директор подстроил скандал, и Кальвиньяка приговорили к 45 дням тюрьмы и к лишению права быть избранным на 5 лет.

Эти успехи вдохновили Рессегье на новые происки против рабочих. Теперь ему нужна была забастовка. Дело в том, что продукция завода — бутылки — не всегда находила сбыт. Завод работал в отдельные моменты почти в убыток. Так было летом 1895 года. Рабочие поняли положение и мирились со многим, не прибегая к забастовке. Но Рессегье продолжал искать повод для закрытия завода. Он рассчитывал возобновить затем производство только при условии по меньшей мере резкого ограничения влияния профсоюза, если не его ликвидации, и серьезного снижения зарплат.

Наконец случай представился: два профсоюзных активиста, Бодо и Пелетье, уехали на съезд корпорации стекольщиков. Раньше это допускалось. Но на этот раз Рессегье немедленно объявил об их увольнении. Когда рабочие обратились с просьбой о пересмотре этого решения, дирекция ответила, что решение является окончательным.

Рабочие решили, не объявляя забастовки, приостановить работу на время переговоров с администрацией. Поэтому они предложили очистить бассейн с расплавленной стекольной массой, без чего нельзя даже временно оставить работу, не рискуя вызвать серьезные убытки и ущерб. Словом, рабочие вели себя крайне лояльно. Но дирекция ответила, что уже начато тушение печей и что производство таким образом останавливается. И так, забастовку, по существу, объявили хозяева, а не рабочие. И тогда вызвали Жореса.

Выслушав рассказ рабочих, Жорес немедленно отправился в дирекцию стекольного завода. Рессегье там не было, пришлось говорить с его ближайшими помощниками. Он заявил им, что рабочие не хотят конфликта, готовы на уступки администрации. Они согласны даже на санкции против Бодо и Пелетье, лишь бы их не выбрасывали на улицу. Но представители администрации не хотели и слышать о переговорах. Видимо, у них были строгие инструкции на этот счет. Они отвергли также предложение Жореса прибегнуть к арбитражу.

Вернувшись к рабочим, он рассказал им об итогах переговоров и спросил, что они считают нужным делать.

— Сопротивляться, поскольку они хотят войны.

Жорес молчал. Он видел, что рабочие настроены решительно и готовы к забастовке. Но этого как раз и добивается администрация. Жорес представил себе, что ждет рабочих и их семьи. Он подумал, что надо любой ценой избежать забастовки. Но как сказать об этом возбужденным стеклодувам? Жорес решил поговорить с каждым из членов комитета один на один. Но первый же рабочий, которому он посоветовал уступить и принять условия Рессегье, решительно заявил:

— Как, вернуться на завод? Бросить на произвол судьбы товарищей, которые виноваты лишь в том, что они наши делегаты? Мне кажется, что это оскорбительное предложение для нас!

Но после долгих разговоров и раздумий рабочие поняли, что шансов на успех забастовки нет. Они смирились и послали Рессегье телеграмму: «Мы единодушно решили возобновить работу на ваших условиях. Пелетье и Бодо будут жить на нашу зарплату».

Рессегье даже не соизволил ответить. На другой день на закрытых воротах завода появилось объявление: «Ра-

бочие стекольного завода Кармо бросили работу без всяких причин, и поэтому завод закрыт. Правление считает нужным в интересах рабочих предупредить их, что оно не может сообщить, когда и на каких условиях возобновится работа завода. Вследствие этого каждый получит причитающийся ему расчет».

Итак, даже уступка, вернее, капитуляция рабочих не помогла. Это уже была не забастовка, а просто локаут, повод для которого давно искал Рессегье. Теперь у Жореса главная забота о том, чтобы добыть денег и прокормить безработных стекольщиков и их семьи. Вместе с другими депутатами-социалистами он организует в разных городах Франции митинги, на которых проводится сбор средств для безработных кармозинцев. Кое-какие деньги удалось добывать, поступали и пожертвования. Жорес был тронут до глубины души, когда получил деньги от восемнадцати студентов Эколь Нормаль и от учеников лицей в Альби. Но денег было слишком мало, чтобы прокормить более тысячи рабочих с их женами и детьми. Безработные держались героически и стойко переносили лишения. Их поддерживала солидарность французских рабочих со стекольщиками Кармо, многочисленные проявления которой они видели. Рессегье пытался вновь пустить завод в ход 15 сентября с помощью штрейкбрехеров. Он набрал рабочих в Шампани, Жиронде, Рив-де-Жьере и доставил их в Кармо. Но когда приехавшие рабочие увидели, для чего их обманом завербовали, то три четверти из них категорически отказались работать.

Положение осложнялось тем, что в отличие от забастовки шахтеров в 1892 году из-за Кальвиньяка, которую поддерживали даже некоторые буржуазные газеты, на этот раз пресса подняла злобную кампанию против рабочих и особенно лично против Жореса, обвиняя его в подстрекательстве. Даже среди социалистов шли разговоры о том, что Жорес втянул рабочих в забастовку, желая использовать ее для роста своей популярности, что эта крайне невыгодная забастовка приведет лишь к ослаблению влияния профсоюзов. Говорили о недавнем оппортунистическом прошлом Жореса, о том, что ему нельзя доверять. Одна парижская молодежная социалистическая организация в своей резолюции, критиковавшей Жореса, назвала его «вторым Гамбеттой».

Жорес самоотверженно борется за интересы стекольщиков. В первые дни забастовки он телеграфировал

председателю совета министров: «К этой забастовке стремился и хочет ее продолжения сам хозяин завода. Таким путем он намеревается уничтожить синдикат рабочих. Создатель и главный акционер реакционной политической газеты, он хочет иметь основания, чтобы обречь социалистов Кармо на голод. Он грубо злоупотребляет своим положением владельца предприятия. Спровоцированная им забастовка — это преступная западня для рабочих».

Но, как и следовало ожидать, правительство не только не попыталось умирить пыл обнаглевшего капиталиста, но решительно поддержало его.

В Кармо положение становилось все более тяжелым. Город наводнили жандармы, солдаты и одетые в штатское агенты. Префект города Альби организовал травлю и преследования рабочих активистов. Жорес оказался объектом особой ненависти. В это время в Альби судили группу рабочих стекольного завода. Среди них, кстати, оказался Окутюрье, тот самый, который в конце 1892 года выступал против кандидатуры Жореса. Считая, что присутствие депутата помешает судебному произволу властей, рабочие просили Жореса прийти на суд. Прокурор во время своей речи дошел до того, что, показывая пальцем на Жореса, кричал судьям:

— Накажите их беспощадно. Надо, чтобы рабочие знали, что они всегда будут сурово наказаны до тех пор, пока их представителем остается этот злосчастный человек!

Однажды в Кармо Жорес проходил с группой рабочих по площади Гамбетты, направляясь в комитет профсоюза. Прямо на них ехали несколько конных жандармов. Жорес и его спутники отошли в сторону, но жандармы тоже свернули и направились прямо на них. Жорес был прижат огромной грудью храпящей лошади к дереву. Вдруг жандарм наклонился с седла и, быстро оглянувшись, пробормотал:

— Гражданин Жорес, ради бога уходите, вас хотят убить...

Рабочие уже давно заметили, что по пятам Жореса следуют какие-то подозрительные, не известные никому в Кармо люди, что конные патрули, постоянно разъезжающие по улочкам городка, всегда стремятся спровоцировать свалку, столкновение, если Жорес находится в толпе. Несколько раз рабочие, плотным кольцом окружая

социалистического депутата, буквально своими телами прикрывали Жореса. Как-то он был прижат несколькими лошадьми к стене одного невзрачного домика, и его явно толкали под копыта. Но позади внезапно открылась дверь, и чьи-то заботливые руки втолкнули его в дом, захлопнув дверь перед носом жандармов. Жорес заметил, что рабочие всегда провожают его; что по пути его следования регулярно, через каждую сотню шагов, стоят, словно прогуливаясь рабочие. Они как бы передавали его из рук в руки. Он догадался, что рабочие специально организовали молчаливую и негласную охрану своего Зану, как они его называли на местном диалекте. Эти предосторожности были совсем не напрасны. Спустя несколько лет некий Тозье, служивший жандармом в отряде, присланном в Кармо, рассказал:

— Я случайно узнал, что одному жандарму было приказано при случае убить Жореса. С этого момента я не спускал глаз с этого человека, не покидал его ни на минуту. Однажды во время свалки я заметил, как он пытается приблизиться к Жоресу, и тогда я ему сказал: «Если ты решил сделать то, что обещал, то я пристрелю тебя на месте».

Власти непрерывными провокациями пытались получить повод для репрессий. 15 октября два казначея забастовщиков, люди пожилые, пользовавшиеся уважением и доверием в Кармо, были без всякого повода арестованы и в наручниках отправлены в тюрьму в Альби. Был наложен арест на деньги забастовочного комитета. Это явилось исполнением давно задуманного Рессегье и префектом Ду плана лишить забастовщиков их скромных денежных фондов.

В тот же день устраивается еще одна провокация. В Париж пошло донесение о том, что якобы рабочие покушались на жизнь Рессегье. Но никаких фактов, доказательств найти не удалось. В действительности, если и можно было говорить об угрозах насилия, то лишь в отношении к Жоресу. Рессегье через газеты, находившиеся под его влиянием, вел прямую подстрекательскую кампанию против Жореса. Сообщалось, что он лично организовал «покушение» на Рессегье. Дело дошло даже до распространения гнусной клеветы о том, что Жорес присвоил деньги забастовщиков. По логике панамистов, это было, конечно, совершенно реальным делом.

Буржуазные газеты в связи с любым действием, любым выступлением Жореса публиковали самые фантастические вымыслы. В разгар забастовки Жорес уезжал на короткое время в разные города для проведения митингов и сбора денег в пользу стекольщиков Кармо. На этот раз он приехал с группой депутатов-социалистов в Тулузу, где в зале Капитоль в восемь часов должен был состояться митинг. Еще оставалось часа два времени, и местные депутаты-радикалы предложили социалистам закусь на скорую руку. Митинг прошел хорошо; аудитория тепло встретила Жореса, удалось собрать кое-какие деньги.

На другой день, ожидая поезда, Жорес читал газету «Ле телеграф», в которой уже сообщалось о вчерашнем митинге. Оказывается, в честь депутатов-социалистов вчера за счет кассы забастовщиков был устроен роскошный банкет. Корреспондент газеты привел меню торжественного обеда, в котором среди прочего фигурировали такие деликатесы, как раковый суп, фаршированная куропатка, спаржа, пломбир, хорошее вино, шампанское. Прочитав все это, Жорес, который любил хорошо поесть, в искреннем недоумении обратился к своим спутникам:

— Оказывается, вы ели куропатку и спаржу. Почему же мне ничего не досталось, а я ведь так люблю эти вещи...

Громкий хохот раздался в ответ: Жорес наивно поверил лживой выдумке. Его друзья, как и он сам, не ели ничего, кроме «кассуле» — фасоли с гусем, запив ее дешевым молодым вином. Жорес очень часто недооценивал фантазию, а вернее, подлость своих политических противников.

В день, когда арестовали рабочих-казначеев и когда якобы рабочие пытались совершить покушение на Рессегье, отель, где остановился Жорес, окружила полиция. Никого не впускали и не выпускали. В номере Жореса сидели еще три депутата-социалиста, несколько друзей-журналистов. Чтобы убить время, беседовали, без конца обсуждая положение в Кармо. Жорес предложил почитать вслух. Под рукой оказалась книга с текстом знаменитых стихов Виктора Гюго, объединенных в поэму «Возмездие». Это были те самые стихи, которые служили настольной книгой многих французских революционеров. Раскрыв наудачу книгу, Жорес громко декламировал:

Вы безоружны? Вздор! А вилы?
А молот, труженика друг?
Берите камни! Хватит силы
Из двери тяжкий вырвать крюк!
И станьте, дух вручив надежде,
Великой Францией, как прежде!
Парижем вольным станьте вновь!
Свершая праведное мщенье,
Себя избавьте от презренья,
С отчизны смойте грязь и кровь!

Жандармы, услышав громкий голос Жореса и разобрав смысл произносимых слов, немедленно направили префекту чрезвычайное донесение. В благонамеренные газеты полетели телеграммы с сообщениями о том, что Жорес целую ночь призывал своих товарищей к кровавому восстанию.

Уже под утро в номер ворвались жандармы и произвели тщательный обыск. Они потребовали показать все, что есть в карманах у Жореса. Полицейский Кордель внимательно перечитал его письма, в том числе полученное накануне письмо от матери, очень тревожившейся за своего Жанно.

Обстановка в Кармо становилась все тревожнее.росло возмущение рабочих, измученных голодом и преследованиями. А власти намеренно провоцировали их на какой-либо акт насилия. Жорес выезжает в Париж. 24 октября он вносит в палату интерпелляцию в связи с посылкой войск в Кармо и грубыми беззакониями, творимыми там префектом Ду и Рессегье.

Два дня Жорес выступает со своей интерпелляцией. Он шаг за шагом разоблачает грубейшие нарушения республиканской законности, провокации властей. Он использует мельчайшие детали, рассказывая, в частности, о незаконном обыске депутатов, чтобы сделать вывод о грубо провокационном поведении правительства Рибо, которое в угоду Рессегье и другим французским капиталистам, дружно выступавшим в его поддержку, пошло на нарушение элементарных конституционных прав и гарантий.

— Господа, вы хорошо понимаете, что эти события представляют собой не только оскорбление всех республиканцев. Я утверждаю, что они угрожают существованию самой республики!

После интерпелляции Жореса и развернувшейся затем

дискуссии правительство Рибо подает в отставку. Но стекольщикам Кармо от этого было не легче. Рессегье не шел ни на какие переговоры. Ему все же удалось нанять некоторое число штрейкбрехеров. К тому же часть рабочих не выдержала и согласилась выйти на работу. 22 ноября рабочие объявили о прекращении забастовки. Рессегье добился своего — свыше двухсот неугодных ему «смутьянов» обратно на завод уже не попали. Что было делать? Уволенные не имели шансов устроиться на другие стекольные заводы Франции, ибо их владельцы из-за солидарности с Рессегье отказались дать им работу.

Совершенно случайно родилась идея — создать в Кармо новый стекольный завод, который принадлежал бы самим рабочим. Эта идея импонировала многим, ведь схватка стекольщиков и Рессегье давно приобрела символический характер; речь шла о борьбе между всем рабочим классом и всеми хозяевами. Забастовка имела принципиальное политическое значение для всего рабочего класса. В ней решался вопрос о существовании и правах профсоюзов. Уничтожение профсоюза было главной целью Рессегье. Поэтому-то его поддерживала вся французская буржуазия. Французское рабочее движение в лице его политических, профсоюзных и иных организаций инстинктивно, а кое-где и сознательно понимало необходимость какого-то морального успеха в этой борьбе.

Все поддерживали поэтому идею рабочего стекольного завода, высказанную впервые якобы Апри Рошфором. С ним связаны и дальнейшие события в Кармо. Рошфор был знаменитым журналистом. Он прославился особенно своей газетой «Лантерн», которая в годы Второй империи вела беспощадную борьбу против Луи Бонапарта. Потом он поддерживал Коммуну и был сослан в Новую Каледонию. Вернувшись, он продолжал шумную публицистическую деятельность, выступая против оппортунистов типа Жюлья Ферри. Но его политические убеждения оставались довольно неопределенными. От мелкобуржуазной революционности и республиканизма он перешел к буланжизму, а затем оказался в лагере шовинистической реакции. Тем не менее его остроумие, литературный талант создали ему большую популярность, хотя никто не считал Рошфора крупной политической фигурой. Жорес относился к нему скептически.

Случилось так, что некая мадам Дамбург решила по-

жертвовать сто тысяч франков для рабочих. Сначала она хотела дать их анархистам. И если бы не анархист Жан Грав, который шокировал пожилую даму своей нелюбезностью, то деньги пошли бы на изготовление бомб и на издание анархистских листов. В конечном счете она направила деньги Рошфору, и идея рабочего стекольного завода обрела какую-то реальную почву. Правда, для строительства завода требовалось в пять раз больше денег. Но для начала и эта сумма имела значение.

Во Франции уже был опыт создания рабочими кооперативных предприятий, и опыт плачевный. Большинство из них быстро терпело банкротство, не выдержав конкуренции обычных капиталистических предприятий, а уцелевшие превращались в маленькие акционерные общества, которые эксплуатировали труд рабочих, не являвшихся членами кооперативов.

Жорес считал, что кооперативные предприятия в условиях буржуазной экономической и политической системы не могут привести к социализму, что для этого необходимо обязательно упразднить во всей стране капиталистическую собственность на средства производства. Но он, как и другие социалисты, выступал в поддержку идеи создания рабочего стекольного завода, которая в создавшемся исключительном положении должна была служить выражением пролетарской солидарности и показателем способности рабочих самостоятельно, без хозяев, вести производство. Главное же, что его вдохновляло, — это бурное увлечение самих стекольщиков идеей рабочего завода. И Жорес, несмотря на крайнюю усталость от напряженной борьбы в ходе забастовки, начал активно добиваться осуществления задуманного предприятия.

Прежде всего понадобилось увлечь единомышленников-социалистов. Это оказалось не таким уж легким делом. Плачевный опыт многих попыток подобного рода был известен. Сразу возникли споры о характере стекольного кооператива. Будет ли завод принадлежать данным конкретным рабочим или он окажется собственностью всего французского рабочего класса? Жорес добивался именно второго решения, и это обеспечило поддержку многих профсоюзов.

Правда, пришлось пойти на небольшой конфликт с Гэдом, который хотел, чтобы кооперативный стекольный

завод принадлежал только стекольщикам Кармо. Жорес считал это рабочей подделкой капиталистического завода.

Жорес и его друзья развертывают активную кампанию в печати в поддержку стекольщиков Кармо. Конечно, он всюду подчеркивает ограниченный характер их задачи. Это еще не социализм, это лишь эпизод в борьбе против хозяев. Но в случае успеха он станет наглядным примером, вдохновляющим на борьбу за социализм. Жорес произносит многочисленные речи, организует сбор средств, он не жалеет сил.

Ожесточенные споры возникли из-за вопроса о месте строительства. Многие настаивали на том, чтобы строить в Кармо, прямо напротив завода Рессегье. Это было бы эффективно, но крайне непрактично. Очень трудно оказалось приобрести земельный участок. Уголь, необходимый для производства, пришлось бы покупать у маркиза Солажа, который, конечно, установил бы самые высокие цены. Гораздо целесообразнее строить завод в Альби, вблизи железной дороги и на земле значительно более дешевой. Но последовали резкие возражения против такого варианта. Особенно ожесточенно выступали торговцы Кармо, ибо они теряли многих клиентов. Жореса освистали, когда на одном из бурных собраний он агитировал за строительство в Альби. Пришлось устроить специальный арбитраж и пригласить беспристрастных людей со стороны для окончательного решения. Остановились на Альби. Жоресу это дорого обошлось: он потерял в Кармо многих своих избирателей. Но во всем этом деле Жорес с самого начала до конца, конечно, ни на одну секунду не подумал о своих личных интересах. Он думал только о рабочих, об успехе задуманного дела, которое, как считал Жорес, могло бы еще больше укрепить авторитет социализма во Франции.

Уже в январе 1896 года строительство началось. Стекольщики вели себя самоотверженно. Каждый день за 16 километров они ходили в Альби и работали там землекопами, каменщиками. И вот фундамент уже заложен, уже растут стены, приобретаются машины. Сколько непредвиденных трудностей возникало у неискушенных в коммерческих делах энтузиастов стекольного завода! Против них объединились в тесном союзе все местные капиталисты, власти, вся буржуазия. Начались иски, суды, штрафы, неустойки. Тысячи франков приходилось

отдавать, те самые тысячи, которые образовались из мелких взносов в несколько су.

К концу года завод был почти готов, но все оказалось под угрозой. Предстояли срочные платежи, а в кассе не осталось ни гроша. Никто, ни один банк и ни один делец не хотели дать кредита. Вся затея оказалась на пороге банкротства. В конце концов помогли парижские рабочие потребительские кооперативы, которые дали заем. Завод был построен.

Волнующую сцену представляло торжественное открытие завода. Его здание украсили красными флагами. На заводском дворе вывесили лозунги: «Да здравствует социализм!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует Жорес!»

Жан был здесь самым дорогим гостем. Рабочие знали, что без его энергии, усилий, его советов они не имели бы успеха. Радостный энтузиазм рабочих потряс Жореса. Они еще не получили от строительства завода ничего, кроме тяжелых испытаний, но они были счастливы. Родился рабочий завод, завод без хозяев!

Полторы тысячи человек сели за столы, расставленные во дворе. Гремела музыка, мощно звучала «Марсельеза». Но вскоре раздались крики: «Карманьолу!»

И вдруг Жорес, профессор философии, уважаемый депутат, вскочил на стол:

— Граждане, вы требуете «Карманьолу», гимн мести, при звуках которого прошла великая забастовка в Кармо! Я вам ее спою!

И он запел во всю мощь своих легких этот яростный гимн гражданской войны и революционной ненависти. «Что нужно республиканцам? Железо, свинец и потом хлеб!» — пел Жорес, а рабочие отвечали ему могучим припевом:

Ставцуем «Карманьолу»!
Да здравствует гром пушек!

Корреспондент реакционного журнала «Иллюстрашон» писал о «Карманьоле ненависти, слетой г-ном Жоресом на открытии рабочего стекольного завода в Альби в новой версии: «Меч, чтобы мстить». Сто лет назад пели: «Меч против иноземцев», но это старая игра. Нет больше иноземцев, кроме гнусных капиталистов, и речь идет не о защите границ, а о завоевании фабрик».

Да, по-видимому, именно об этом и думал Жорес.

«Карманьола» в устах Жореса шокировала многих его интеллигентных друзей, но она и его самого раньше кобила своей грубостью, духом ярости, насилия, ненависти. И вот он пел ее, пел с огромным чувством радости, подъема, восторга! Ибо это был опять новый Жорес! Он впервые так непосредственно участвовал в классовой схватке. Забастовка и борьба за создание рабочего завода явились новым этапом в его жизни. Теперь, когда он испытал насилие, жестокость врагов, недоверие друзей, когда трудности и тревоги беспрестанно обрушивались на него, он закалился и стал зрелым человеком. Как никогда, он почувствовал радость, силу, эффективность действий пролетарского коллектива. И он оказался способным выступить не только участником борьбы, но ее руководителем. Раньше он был блестящим профессором, талантливым парламентским оратором, теперь он стал еще и политическим борцом, вождем рабочих масс. Грубая «Карманьола» в устах этого утонченного интеллигента и эрудита была не падением, а величайшим взлетом в его движении к подлинному гуманизму, который может быть таковым только при условии, если он является революционным.

...Уже темнело, а речи все продолжались одна за другой. Хотя праздник начался утром, сумерки не уменьшили энтузиазма его участников. Все ждали выступления Жореса. Наконец раздались возгласы, требующие его слова. А он был готов говорить, речь уже продумана. Но что это такое? Знаменитый оратор забормотал, спотыкаясь:

— Да, я скажу... я удовлетворю ваше желание... Но очень жаль... Я очень, я так взволнован...

Он замолчал. Воцарилась выжидательная тишина. И вдруг, совершенно забыв о приготовленной речи, он стал решительно импровизировать:

— Как и все вы, я испытываю то, что должен чувствовать слепой, который вдруг прозрел и который не может поверить своим бедным глазам. Сегодня он видит, дрожа от радости, ощущает то, на что он осмелился во тьме. Его сверхчеловеческое мужество, его нерушимая вера, его огромные усилия вознаграждены. Он победил. Он свободен!

В двух шагах от древнего собора, которым мы так восхищаемся, хотя он представляет столько веков невежества и страдания, рабочий класс воздвиг свою первую

базилику, где гимны будут звучать не в громе органа, но в величественной мелодии машин.

Наш Тарн, наша красная река, разделяет пыне прошлое и будущее. Там, за мостом, Альби с остатками крепостных стен, Альби, олицетворяющий еще средние века. Что я говорю! Альби! Вся Франция! Вся Европа! Весь мир вокруг нас с его преградами, с его законами угнетения, удушения, грабежа! Весь мир с его заводами, которые являются тюрьмами, где горе обливается слезами, с его церквями, откуда Иисус был бы изгнан, если бы он захотел там говорить...

С волнением и одухотворенностью пророка Жорес говорит рабочим о социализме, живую искру которого они зажгли своими руками. Он говорит о социализме будущего, о борьбе за него, которая так тяжела и так прекрасна. Он говорит о грядущей французской социалистической республике... После речи Жореса рабочие расходились по ночному Альби с возгласами: «Да здравствует Жорес! Да здравствует социалистическая республика!»¹

ДЕЛО

С тех пор как 34-летний Жорес снова, во второй раз, становится депутатом, причем на этот раз в качестве социалиста, его жизнь превращается в непрерывную цепь политических битв, в которые он бросается без страха и сомнения, неистово защищая свои идеалы и беспощадно нанося удары врагам. Теперь ему предстояло вступить в борьбу, вызванную знаменитым делом Дрейфуса. Собственно, это было дело всей Франции, да и не только Франции. Злосчастная судьба одного совсем не выдающегося человека явилась поводом для ожесточенной политической схватки, для крайне драматического эпизода французской истории.

«В мгновение ока все мы оказались в горящем костре дела Дрейфуса, — вспоминал Ромен Роллан. — И все как будто рухнуло вокруг. Какой хаос пламени и копоти... какая это была ночь безумия, какой кошмар!.. Франция

¹ Рабочий стекольный завод в Альби существует и поныне. На заводском дворе стоит бронзовая статуя его основателя Жана Жореса.

превратилась в палату для буйно помешанных, оставшихся без присмотра, когда семьи, друзья, вся страна оказались разъединенными, когда тысячи людей, мирно живших бок о бок, вдруг обнаружили, что их, как непримиримых врагов, разделяет бездна, и преисполнились взаимной смертельной ненависти».

Дело началось так: в сентябре 1894 года французская контрразведка, имевшая агентов в германском посольстве в Париже, получила разорванное на клочки письмо. Когда его аккуратно сложили и прочитали, то оказалось, что это опись (по-французски: бордеро) секретных документов генерального штаба, переданных автором записки немцам. Итак, среди офицеров французского генштаба имеется шпион. Но кто же это? Руководители контрразведки решили, что почерк автора бордеро напоминает почерк капитана Альфреда Дрейфуса. Обратились к экспертам. Двое из них подтвердили первоначальную догадку, но трое других не сочли возможным утверждать, что бордеро написано Дрейфусом. Казалось, что, поскольку определенных улик виновности капитана нет, подозрение если не отпадает, то уж, во всяком случае, требуется дальнейшее тщательное расследование.

Однако арестованный офицер был немедленно предан военному суду. Дело в том, что Дрейфус оказался евреем. А это обстоятельство для руководителей французского генерального штаба имело исключительное значение. Они были убеждены, что изменником не мог стать человек, подобный им самим, то есть дворянин, монархист, католик, воспитанник иезуитов, которые и составляли замкнутую касту французских офицеров. Только ненавистная им республика довела дело до того, что в генеральный штаб смог попасть человек семитского происхождения.

Антисемитизм для французских офицеров был своего рода правилом хорошего тона. Особенно в те годы, когда патриотизм становился знаменем монархической и клерикальной реакции в борьбе с республикой. Причем таким знаменем, за которым вдруг пошли массы французской мелкой буржуазии, составляющей огромную часть населения страны. Как же могло случиться, что в республиканской Франции, где, казалось, наконец-то восторжествовали идеи буржуазной демократии с ее лозунгом свободы, равенства и братства, могло развиться это движение?

Если попытаться найти социальные корни французского антисемитизма конца XIX века, то их можно обнаружить в реальных противоречиях между еврейским меньшинством и коренным французским населением. Но противоречия эти имели ограниченное значение, несопоставимое с масштабами антисемитского движения. Евреев во Франции было менее ста тысяч. И если среди финансовой буржуазии еврейский капитал играл господствующую роль, олицетворяемую именем легендарного Ротшильда, то промышленная буржуазия отличалась более французским характером. Что касается лавочников и ремесленников, то доля евреев здесь также была незначительна. Пресловутая еврейская конкуренция в какой-то мере чувствовалась, пожалуй, среди интеллигенции. Там действительно как раз в эти десятилетия появилось немало евреев, которые благодаря взаимной поддержке обгоняли своих французских коллег, вызывая предубеждение против евреев.

Но всего этого явно недостаточно для возникновения сильного антисемитизма. Объяснение ему надо искать в своеобразии политической и моральной атмосферы, сложившейся в стране после катастрофического поражения во франко-прусской войне и потери двух французских провинций. Идея реванша поистине стала смыслом существования Третьей республики. «Думайте об этом всегда и не говорите никогда», — учил основатель этой республики Леон Гамбетта, итальянское происхождение которого не мешало ему быть французским патриотом. Плеяда оппортунистических политиков настойчиво противопоставляла свой пламенный национализм плачевным внешнеполитическим итогам Второй империи. Постепенно это привело к массовому патологическому национализму, в котором комплекс военной и внешнеполитической неполноценности выродился в крайний шовинизм, в подозрительность, недоверие и ненависть ко всему недостаточно французскому, недостаточно патриотическому. Поскольку реальная перспектива антигерманского реванша представлялась очень сложной и туманной, а шовинизм искал применения, то антисемитизм и стал его выражением.

Основной политической и социальной силой, вдохновлявшей антисемитизм, были монархисты и клерикалы. Что они могли противопоставить республиканцам, кроме своего лицемерного сверхпатриотизма? Панамский скан-

дал оказался для них просто божьим даром, поскольку среди панамистов нашлось и немало евреев. Одиозные фигуры барона Рейнака, Корнелиуса Герца и им подобных представителей еврейской буржуазии, очутившихся в центре скандала, были находкой для борьбы против республики путем изображения ее в качестве орудия всемогущего международного еврейского синдиката.

Еще в 1886 году вышла в свет и произвела большой шум книга Эдуарда Дрюмона «Еврейская Франция», в которой он изложил целую социологию антисемитизма. Мошенническая деятельность буржуазной верхушки еврейского населения ассоциировалась со всей массой евреев. В 1892 году Дрюмон начинает издавать антисемитскую газету «Либр пароль», распространявшуюся гигантским для того времени тиражом, доходившим до 200 тысяч экземпляров. Идея борьбы против еврейского капитала увлекла даже некоторых представителей левых, демократических кругов. Не говоря уже о таких неуравновешенных и сумбурных «социалистах», как знаменитый Анри Рошфор, превратившийся в ярого антисемита, даже некоторые гэдисты заигрывали с антисемитизмом.

Антисемитское поветрие, охватившее Францию в конце XIX века, явление очень сложное и противоречивое. С одной стороны, его идеологи исходили из реального факта — из мошеннической деятельности евреев — финансистов и продажных политиков, которых Дрюмон и ему подобные успешно разоблачали. Но в конечном счете вся кампания была направлена совсем не против этих людей. В данном случае можно сказать, используя немецкую поговорку, что били по мешку, имея в виду осла. Антисемитизм превратился в политическое оружие реакции против республики.

Особенно плодородной почвой для него стала французская армия, вернее — ее монархический и клерикальный офицерский состав. Его почти не затронул процесс замены монархистов республиканцами, коснувшийся других государственных институтов Третьей республики. В шовинистической обстановке мечтаний о реванше армия превратилась в некое божество, не поддающееся ни малейшей критике и достойное лишь поклонения. А чем могла армия сохранять и укреплять такое привилегированное положение при отсутствии реальных боевых успехов, кроме демонстрации своего патриотизма и мнимых забот о безопасности и величии нации? Ну как тут

было не использовать возможность разоблачения шпионской деятельности офицера-еврея, чужака, сумевшего втесниться в святая святых, в генеральный штаб?

Главарь военной клики сделал все, чтобы любой ценой осудить Дрейфуса. Военный министр генерал Мерсье, отъявленный реакционер и клерикал, начальник генерального штаба генерал де Буадефр, деятель тех же убеждений, и полковник Сандерр, начальник разведки, открыто говоривший, что все евреи мерзавцы, поручили расследование Пати дю Кламу. Этот человек, занимавшийся спиритизмом и оккультными «науками», которому всюду мерещились шпионы, превратил трагедию в оперетту. Он устраивал сцены с переодеванием, причем сам наряжался «дамой с вуалью», пытаясь добыть дополнительные документы против Дрейфуса. Но тщетно.

Когда 19 декабря суд начал свои заседания, в его распоряжении не было ничего, кроме бордеро. Сам подсудимый отрицал свою вину. Суд шел при закрытых дверях. В момент вынесения приговора судьям тайком продемонстрировали еще один документ, где упоминался «этот каналья Д», не имевший, как оказалось потом, никакого отношения к Дрейфусу. Новый документ не показали ни обвиняемому, ни его защитнику. Через четыре дня вынесли приговор: пожизненная каторга, разжалование. Суд, состоявший из офицеров, осудил Дрейфуса не на основании фактов и доказательств вины, а на основании приказа военного министра Мерсье, публично объявившего до суда, что он убежден в виновности Дрейфуса.

Еще до приговора пресса начала его травлю. 1 ноября «Либр пароль» поместила статью под огромным заголовком: «Арест офицера-еврея». 4 января во время процедуры разжалования Дрейфуса перед военным строем собралась толпа антисемитов. Слабые крики приговоренного о том, что он невиновен, заглушали шумные возгласы: «Смерть евреям!»

Дело Дрейфуса становится еще одной крапленой картой, которую военная клика пускает в ход для раздувания шовинизма и возвеличения роли армии. 24 декабря 1894 года военный министр Мерсье вносит в палате проект закона о введении смертной казни за измену. Вот здесь-то Жорес впервые соприкоснулся с делом Дрейфуса. Он, как и все тогда, не сомневался в его виновности. По свидетельству одного из близко знавших

его людей, он вместе с Клемансо даже сожалел, что Дрейфуса не расстреляли. Но он почувствовал, что это дело используется для борьбы против республиканцев и социалистов, для новых маневров реакции.

Жорес берет слово и высказывается против законопроекта Мерсье. Он показывает, что за ним кроется стремление военной касты использовать новый закон против социалистов. Он требует отмены смертной казни солдат за нарушение дисциплины, равенства всех перед законом. Оказывается, Дрейфус, если бы он был не офицером, а солдатом, был бы казнен.

— Офицер, — заявляет Жорес, — может предать родину, но ему сохраняют жизнь. Но для простого солдата за это полагается смерть, всегда смерть. Говорят, что смертной казни нет за политическое преступление. Но разве коммунары, которых расстреливали, совершали не политическое преступление?

Когда Жорес разоблачает замыслы военной клики, в зале раздаются бурные протесты правых.

— От имени группы, хвастающейся интернационализмом, — восклицает премьер-министр Шарль Дюкло, — под предлогом защиты рядовых вы нападаете на иерархию и дисциплину армии!

— Господин Жорес! — кричит министр общественных работ Луи Барту. — Я скажу вам только одно слово в ответ: вы знаете, что вы лжете!

— О, вы хорошо знаете, что лжем не мы, а те, кто в последние годы чувствует, что их власть и влияние находятся под угрозой, и кто пытается спасти их игрой в патриотизм...

Шарль Дюкло снова прерывает его:

— Господин Жорес, если вы не заявите, что вы не имеете в виду никого из находящихся здесь, то вы будете выведены из палаты.

— Мое мнение, — упорно утверждает Жорес, — относится ко всем партиям и их руководителям, которых я имел в виду.

Дикие вопли снова прерывают Жореса. Еще бы, он столь непочтительно, оскорбительно смеет говорить об армии, ставить под сомнение ее патриотизм и обвинять во лжи ее руководителей. Это неслыханное дело! Жореса временно исключают из палаты и выводят из зала.

Перед ним возникает болезненная проблема: ведь его публично оскорбил перед палатой этот молодой бесприн-

ципный выскочка, один из так называемых «новых оппортунистов», Луи Барту. Законы, вернее предрассудки, общества требуют смыть «оскорбление» дуэлью. Жорес презирает дикий обычай дуэли, считая его проявлением претенциозных капризов и умственного расстройтва. Но ведь его противники завопят о трусости...

Жорес посылает к Барту своих секундантов, социалистов Рене Вивиани и Густава Руанэ. Вызов принят. Завтра, 25 декабря, в день рождества, предстоит стреляться.

Вечер и ночь накануне дуэли Жорес проводит в размышлениях. Как знать? Все может случиться. Он приводит в порядок свои бумаги. Пишет письма, в которых отдает необходимые распоряжения на случай, если... Задумчиво перебирает игрушки своей дочки Малу, пишет письмо матери.

На другой день Жорес ведет себя спокойно и смело. К счастью, оба противника промахнулись. А ведь каждому из них было суждено умереть именно от пули, только с Барту это случилось ровно на двадцать лет позже смерти его противника! Жорес никогда не только не хвастался своей смелостью, но даже как-то стеснялся этой дуэли. Позже писатель Жюль Ренар спросил его:

— Вы когда-нибудь дрались на дуэли?

— Да как сказать, — уклончиво ответил Жорес, ничего больше не добавив.

Между тем осужденного Альфреда Дрейфуса отправили во Французскую Гвиану, в каторжную тюрьму на Чертов остров, входящий в архипелаг Спасения! Но ничто не спасло бы его, и он так и сгнил бы на Чертовом острове, если бы не принадлежал к богатой еврейской семье с деньгами и со связями. Его брат Матье Дрейфус поклялся потратить все свое состояние, но доказать невиновность осужденного. И он начинает упорные и тщательные поиски.

Однако решающий поворот в деле был вызван не им, а полковником Пикаром, которого после смерти полковника Сандерра от размягчения мозга назначили руководить французской контрразведкой. Весной 1896 года в его руки попала записка германского военного атташе французскому офицеру графу Эстергази, в которой запрашивались какие-то сведения. Полковник приказал навестить справки о личности и жизни Эстергази. Выяснилось, что, венгр по происхождению, самозванный граф — кутила,

развратник, шулер и мошенник — вел самый беспорядочный образ жизни. Все это было естественно для офицера и аристократа, но кое-какие взгляды Эстергази явно выходили за рамки дозволенного: обнаружилось, что он яростно ненавидит Францию. Нашли письма Эстергази к одной из его многочисленных любовниц. В одном из них граф так излагал свои взгляды:

«В скором времени немцы поставят всех их (французов) на настоящее место. Хороша же эта милая французская армия! Это позор, и если бы не материальные соображения, я завтра же покинул бы ее... Наши главные вожди трусы и невежды... Я глубоко убежден, что этот народ (французский) не стоит пули, чтобы убить его, и все эти пакости пресыщенных женщин, которым предаются мужчины, подтверждают мое мнение... Если бы мне сказали, что я умру завтра уланским капитаном, зарубив изрядное число французов, я был бы вполне счастлив... я с наслаждением отправил бы на тот свет тысячу французов... Париж, взятый штурмом и отданный на разграбление сотне тысяч пьяных солдат, — вот моя мечта!»

Пикар сравнил почерк Эстергази со знаменитым бордеро, на основании которого был осужден Дрейфус. Сомнений быть не могло — автор бордеро Эстергази! Значит, Дрейфус осужден несправедливо. Полковник Пикар был такой же реакционер и, кстати, антисемит, как и большинство офицеров генштаба, но честный человек.

Пикар доложил о результатах расследования своему начальнику генералу Гонза. Тот недовольно поморщился.

— Разве вам не все равно, останется этот жид на Чертовом острове или нет?

— Но он невиновен.

— Если вы ничего не скажете, никто ничего не будет знать.

— Генерал, я не унесу эту тайну в могилу.

Пикара сняли с его поста и отправили в Тунис в надежде, что арабская пуля уберет этого строптивого человека. Пикар рассказал правду о деле Дрейфуса одному своему другу. Матье Дрейфус также узнал обо всем и убедился, что автор бордеро Эстергази. Он потребовал предать его суду и начал кампанию против него в печати. Сначала Эстергази испугался, подумал даже о самоубийстве. Но из высоких военных сфер ему дали понять, что опасаться нечего. Ради сохранения своего престижа ар-

мия не допустит пересмотра дела Дрейфуса. 11 января 1898 года военный суд полностью оправдал его. Толпа антисемитов восторженно приветствовала Эстергази и несла его на руках.

Но дело еще только начиналось. Бомба взорвалась 13 января 1898 года. Газета Клемансо «Орор» опубликовала письмо Эмиля Золя президенту республики Феликсу Форю, которое вошло в историю под названием: «Я обвиняю». Всемирно известный писатель, издавший уже двадцать романов своих Рюгон-Маккаров, достигший вершины славы и благополучия, давно уже мучился сомнениями из-за дела Дрейфуса. Он чувствовал, что дело превращается в знамя реакции и создается угроза всем моральным ценностям французской нации. Он видел, как одурманенные массы в шовинистическом угаре расстаются со столь дорогой его сердцу идеей справедливости. В письме он подробно разобрал ход дела и закончил его такими патетическими заявлениями:

«Я обвиняю полковника Пати дю Клама в том, что он был дьявольским творцом судебной ошибки — хочу думать, что бессознательно — и впоследствии, в течение трех лет защищал свое подлое дело самыми нелепыми и преступными махинациями.

Я обвиняю генерала Мерсье в том, что он был соучастником, может быть, в крайнем случае вследствие малодушия, в одной из самых ужасных несправедливостей, совершенных в наш век.

Я обвиняю генерала Бильо в том, что, имея в руках все доказательства невиновности Дрейфуса, он их скрыл, совершив это преступление против справедливости с политическими целями и с тем, чтобы спасти генеральный штаб.

Я обвиняю генерала Буадефра и генерала Гонза в том, что они участвовали в этом преступлении, — один, по всей вероятности, из-за своего фанатического клерикализма, другой, может быть, из-за сословных предубеждений, которые делают из военного министерства неприкосновенный священный ковчег...

Я обвиняю, наконец, первый военный суд в том, что он незаконно осудил подсудимого на основании документа, оставшегося в тайне; я обвиняю второй военный суд в том, что он по приказу санкционировал эту незаконность и, в свою очередь, совершил преступление, сознательно оправдав виновного.

Я знаю, что, высказывая эти обвинения, я подпадаю под статьи 30 и 31 закона о печати 29 июля 1881 года, карающего за диффамацию. Я сознательно иду на это.

Что касается лиц, которых я обвиняю, то я их не знаю, никогда не видел их, не питаю против них ни злобы, ни ненависти. Они для меня только воплощение и носители социальной несправедливости. Мой поступок является революционным средством, чтобы ускорить взрыв истины и правосудия.

Я питаю только одну страсть — к свету во имя человечества, которое столько страдало и имеет право на счастье. Мой пламенный протест является криком моей души. Пусть же посмеют предать меня суду присяжных, и пусть следствие ведется при полной гласности.

Я жду».

Ждать пришлось недолго. Письмо Золя взбудоражило всю Францию. Повсюду его обсуждали, спорили, из-за него дрались. Дело Дрейфуса стало делом всей Франции. Письмо Золя ускорило раскол страны на два лагеря: сторонников пересмотра дела Дрейфуса — дрейфусаров и противников, шовинистов, оправдывающих махинации генерального штаба, — антидрейфусаров.

Золя оказался пророком, когда он писал в своем письме президенту: «Дело начинается только с сегодняшнего дня, только с сегодняшнего дня отношения определились: с одной стороны, виновные, не желающие, чтобы правда восторжествовала; с другой — люди, которые пожертвуют жизнью, лишь бы она восторжествовала».

В палате депутатов монархисты и клерикалы рвали и метали, требуя немедленного решения о суде над Золя. Когда кто-то крикнул, что Золя может подождать, граф Альбер де Мен заявил: «Но армия не будет ждать». Решение правительства привлечь Золя к суду поддержало подавляющее большинство депутатов.

Жорес еще до выступления Золя начал тщательно изучать дело Дрейфуса. Он чувствовал, что за ним скрываются какие-то махинации военной клики. В декабре 1897 года его посетил друг Дрейфуса, публицист анархистского толка Бернар Лазар, и принес ему свою брошюру «Правда о деле Дрейфуса». Жорес принял его ласково, но холодно. Его несколько поразила нервная, даже истерическая деятельность друзей невинно осужденного офицера. Для них все дело сводилось к несправедливости по отношению именно к еврею. Не будь

Дрейфус евреем, они и пальцем не шевельнули бы в защиту погрязшей справедливости. Другой участник всех этих событий, Ромен Роллан, писал, что еврейские круги (с которыми Роллан был тогда связан своей женитьбой), «еще не успев получить никаких доказательств, с уверенностью и раздражением подняли крик о невиновности своего соплеменника, о низости главного штаба и властей, осудивших Дрейфуса. Будь они даже сто раз правы (а довольно было одного раза, лишь бы это имело разумное обоснование!), они могли вызвать отвращение к правому делу самым неистовством, которое в него привносилось».

Кстати, евреи — буржуа, банкиры, коммерсанты, которые в разгар дела Дрейфуса давали деньги на кампанию в пользу пересмотра дела, прекратили поддержку дрейфусаров — демократов и социалистов, когда Дрейфуса оправдали. Их меньше всего интересовала защита демократии и республики, идеалов справедливости и права. Они вдохновлялись лишь еврейским национализмом. Поэтому осторожность Жореса легко понять.

Жорес тщательно изучает все, что касалось дела Дрейфуса. Письмо Золя подтвердило многие из тех выводов, к которым он уже пришел. Жорес решил, что дальше медлить нельзя, надо действовать.

13 января депутаты-социалисты собрались в одном из малых залов Бурбонского дворца, чтобы определить свою линию по отношению к делу Дрейфуса. Сразу выявились два лагеря. Умеренные, как их теперь называли, во главе с Мильераном, Вивиани, Журдом, Лави. С другой стороны, левая, революционная социалистическая фракция во главе с Гэдом, Жоресом, Вайяном.

— Это опасный вопрос, — твердил Мильеран, — нам не следует вмешиваться. Если бы у нас был год или два до всеобщих выборов, мы могли бы рассмотреть его по существу и решить, исходя из интересов партии, вмешиваться или нет. Но ведь мы накануне избирательной кампании, и вмешательство в это темное и опасное дело может подорвать наши шансы на выборах.

Жорес напомнил о письме Золя.

— Но Золя не является социалистом, — отвечали умеренные, — Золя прежде всего буржуа. Разве может социалистическая партия слепо следовать за буржуазным писателем?

Гэд, буквально задыхаясь от ярости, бросился к окну и, распахнув его, гневно воскликнул:

— Письмо Золя — это самый крупный революционный акт нашей эпохи. Для вас главное — сохранить ваши места в парламенте! Но если использование пролетариатом всеобщего избирательного права превратится лишь в вопрос переизбрания, в вопрос сохранения мандатов, то лучше вообще отказаться от парламентской тактики и перейти исключительно к революционным действиям!

Жорес с одобрением слушал Гэда; то, что он говорил, совпадало с его собственными мыслями. Он взял слово и долго, настойчиво говорил о том, что, каковы бы ни были опасности борьбы в связи с выборами, еще большей опасностью для социалистов может оказаться отказ от основных принципов социализма. Социалистическая партия должна вмешаться, ибо ее призвание состоит в том, чтобы быть совестью нации. Ее моральный авторитет жестоко пострадает, если она уйдет в сторону от решения вопроса, оказавшегося в центре всей жизни Франции. Жорес, как всегда, выдвигал на первый план моральные аспекты вопроса, даже несколько преувеличивал их значение по сравнению с конкретными политическими задачами.

— Бывают моменты, — говорил он, — когда в интересах самого пролетариата помешать окончательной интеллектуальной и моральной деградации буржуазии. Когда какая-то часть буржуазии выступает против всех сил реакции, когда она пытается восстановить справедливость и раскрыть правду, то долг пролетариата не оставаться нейтральным, а идти на стороне страдающей истины, ответить на призыв человечества.

В конце концов группа договорилась о разработке общего манифеста. Гэд был настроен мрачно и испытывал серьезные сомнения. Казалось, что предвыборные соображения Мильерана и его друзей заставили его задуматься. С глубоким пессимизмом он говорил Жоресу о разгуле националистических страстей:

— Когда придет день нашего торжества, что можем мы сделать, что смогут сделать социалисты при столь низко павшем человечестве! Мы придем слишком поздно, людской материал сгниет к тому времени, когда настанет наш черед строить свой дом.

Манифест социалистов в основном был составлен

Гэдом и Вайяном. Но и Жорес хотя бы частично внес в него свои мысли.

Манифест рассматривал дело Дрейфуса лишь как борьбу двух соперничающих фракций одного класса буржуазии, оппортунистов и клерикалов. Они спорят из-за прибылей, из-за власти. Манифест предупреждал, что клерикалы и монархисты хотят сделать антисемитизм орудием установления военной власти над республикой. В этом главная опасность политического положения, становящаяся с каждым днем все серьезнее.

«С другой стороны, — говорилось в манифесте, — еврейские капиталисты после всех скандалов, которые их дискредитировали, нуждаются, чтобы сохранить свою часть добычи, в некоторой реабилитации. В связи с одним из их представителей они хотят доказать, что была совершена юридическая ошибка и грубое нарушение общественного права. Они стремятся таким образом путем реабилитации одного из представителей своего класса и в согласии со своими оппортунистическими союзниками добиться косвенной реабилитации всей еврейской и панамистской группы. Они хотели бы в этом фонтане смыть всю грязь Израиля. Точно так же, как клерикалы пытаются прикрыть патриотическим и национальным рвением свои подлые вождедения, оппортунисты и еврейство стремятся использовать политическое и моральное обновление, обращаясь к священному праву защиты, к законным гарантиям для каждого человека».

Таким образом, манифест социалистов в какой-то мере отождествлял лагерь дрейфусаров с евреями-панамистами. В нем не учитывалось, что в лагерь дрейфусаров входило много интеллигентов-демократов, людей, которых вдохновляли те же идеалы, которые побудили выступить Золя. Он зачеркивал и выступления многих рабочих-социалистов. Главное же, в нем не говорилось, что дело в конце концов не в Дрейфусе, а в защите республики...

Правда, в манифест попало близкое взглядам Жореса положение о том, что «пролетариат, обязанный одновременно защищать свои высшие классовые интересы и наследство человеческой цивилизации, которую он завтра возглавит, не должен быть равнодушным к несправедливости, даже если от нее страдает представитель враждебного класса».

В манифесте содержались правильные оценки отдель-

ных сторон политического положения. Но в целом он не был до конца последовательным и точным. Из слишком схематической и упрощенной констатации того, что «в конвульсивной борьбе двух соперничающих фракций буржуазии все лицемерно и все лживо», вытекал и обрекающий на бездействие лозунг: «Пролетарии, не присоединяйтесь ни к одному из лагерей в этой буржуазной гражданской войне!»

Удивительно, что Гэд, выступавший вначале даже более решительно, чем Жорес, быстро отказался от своей позиции, а Жорес согласился с примитивной трактовкой дела в манифесте. И все же это можно объяснить. На Гэда подействовали, с одной стороны, доводы Милльерана, с другой — нажим некоторых его влиятельных соратников вроде Фортена, мыслившего еще более догматически, чем Гэд. Что касается Жореса, то он крайне дорожил тем единством, которое установилось среди социалистов в предшествующие годы. Ему очень не хотелось порывать с Гэдом и Вайяном, и он скрепя сердце поддержал манифест, надеясь, что потом ему удастся поправить линию социалистов.

Гэдисты повторяли ошибки времен буланжизма. Но в новой обстановке они оказались более серьезными и опасными. Собственно, отсюда и началась та линия, которую Французская рабочая партия вела все три года политического кризиса, вызванного делом Дрейфуса, когда она упустила такие возможности!

Жорес был непричастен к этому странному курсу. В отличие от кичившегося своим ортодоксальным марксизмом Гэда Жорес, не будучи столь правоверным, говорил и действовал несравненно разумнее и эффективнее, хотя, конечно, можно и у него найти непоследовательность, колебания, срывы. Да и стоит ли подгонять его личность к какому-то идеальному стандарту? Ведь задача не в том, чтобы фантазировать на тему о том, что он мог бы сделать, а в восстановлении его облика и деятельности такими, какими они были в действительности.

22 января 1898 года Жорес в первый раз выступает в парламенте непосредственно по делу Дрейфуса. Поводом явилось одно заявление тогдашнего премьер-министра Мелина. Этот маленький, седой, невзрачный человек, известный своим коварством и консерватизмом, избрал и постоянно применял чудесный способ решения трудных проблем: он объявлял их несуществующими. И па-

этот раз он сказал 4 декабря: «Дела Дрейфуса не существует».

Заседание обещало быть интересным. Места для журналистов, дипломатов, гостей заполнены до отказа. Депутаты тоже все в сборе. У многих в руках последний номер газеты «Лантерн», издававшейся Аристидом Брианом. В ней напечатана статья Жореса, написанная в виде обращения к солдатам. Статья бичующая, резкая. Таким тоном еще никто не осмеливался говорить об армии, об этой национальной святыне. Он пишет о том, что настал момент оздоровить верхушку армии, используя республиканские законы. Необходимо отстранить генералов, мечтающих использовать солдат для ликвидации республики, уничтожить социалистическое движение с помощью диктатуры и потопить в крови великую мечту о справедливости. Статья вызвала яростное негодование шовинистов, милитаристов и клерикалов.

Но сначала выступает с интерpellацией потомок известного палача парижских рабочих, антидрейфусар Кавеньяк. Он недоволен заявлением премьера о том, что дела Дрейфуса не существуют, и требует объяснить, почему правительство не пресекает скрытую кампанию по пересмотру дела Дрейфуса. Он опасается, что процесс Золя может фактически оказаться таким пересмотром.

Председатель совета министров спешит рассеять опасения уважаемого депутата. Он осуждает деятельность защитников Дрейфуса. Правительство не допустит превращения процесса Золя в пересмотр дела Дрейфуса.

— Если мы не можем воспрепятствовать возникновению скандалов, то мы не допустим беспорядка!

— Это ваши друзья создают беспорядок, — бросает с места Жорес.

— Вы осмеливаетесь так говорить! — взрывается маленький старичок. — Это вы, социалисты, призываете к революции! В статье, появившейся сегодня утром, г-н Жорес подбивает солдат на бунт против их командиров! Подобные выходы доставляют огромное удовлетворение врагам Франции!

Внезапно успокоившись, премьер-министр заверяет Кавеньяка, что правительство сделает все, чтобы преодолеть этот кризис.

На трибуне снова появляется высокая тощая фигура Кавеньяка, который выражает удовлетворение разъяснениями председателя совета министров и забирает обратно

свою интерpellацию. Стандартная сцена парламентского спектакля разыграна. Но сейчас начинается нечто совсем иное. На трибуну поднимается Жорес.

Он чувствует лютую враждебность аудитории, которая находится под непосредственным впечатлением его дерзкой статьи. Жорес весь напряжен, как стальная пружина. Он знает, что сейчас наступит жестокий бой, что на него низвергнется лавина ненависти всех этих монархистов, клерикалов и реакционеров. Но ничто не мешает ему сказать то, что он давно хотел сказать, ничто и никто, ни враги, ни тем более друзья.

— Меня удивляет, что мне приходится напоминать господину председателю совета министров о том, что беспорядок готовят не те, которые вовремя указывают на совершенные ошибки!

Сразу несколько депутатов на правых скамьях вскакивают с мест и, размахивая номером «Лантерн», кричат:

— Вон он! Вот где беспорядок!

Брань делает Жореса еще спокойнее. Но это жестокое спокойствие, после которого он внезапно как бы обжигает это буйное стадо ударом кнута.

— Беспорядок? Он раньше воплощался в придворных генералах, которым покровительствовала империя; сейчас он воплощается в иезуитствующих генералах, оказавшихся под покровительством республики!

— Господин Жорес, — вмешивается Мелин, — я прошу вас следить за вашими выражениями. Ваш талант не нуждается в резких выражениях, и я обязан буду вас прервать, если вы будете продолжать в таком же духе.

Жорес продолжает более спокойно, но и более язвительно. Он с ироническим сочувствием говорит о трудном положении премьер-министра, ибо когда он осуждает кампанию, подрывающую решение военного суда, то он осуждает часть своего собственного парламентского большинства, ибо от него исходили все беззакония, лежащие в основе этих решений. Когда же он осуждает сектантскую ненависть и религиозный фанатизм, разжигаемые на уличных митингах, он осуждает другую часть своего большинства. Ведь это именно те, кто поддерживает правительство, оглашают улицы криками «Смерть евреям!». Правительство, выступая против беспорядков, оказалось в странном положении. Ему невозможно произнести в палате ни одного слова, чтобы не нанести удар

в спину и не заклеить тех, голосам которых оно обязано своим существованием.

Депутаты, сидящие на правых скамьях, продолжают шуметь. Но голос оратора заглушить не удастся. Он отчетливо слышен в самых дальних уголках зала, не нуждаясь в помощи современных микрофонов и усилителей, которых тогда еще не знали. В те времена оратору требовался настоящий голос. И он был у Жореса.

— Знаете ли вы, из-за чего мы сейчас так страдаем?

— Из-за вас! — кричат справа.

— Мы смертельно страдаем с тех пор, как началось это дело, от полумер, от умолчаний, от экивоков, от лжи, от подлости.

И, покрывая своим голосом вновь раздавшийся справа сильный шум, он, отчеканивая каждое слово, повторяет:

— Да, от экивоков, от лжи, от подлости!

Опять раздаются яростные вопли, но Жорес уверенно продолжает:

— Ложь и подлость проявляются прежде всего в том, как вы преследуете Золя!

И он показывает низость правительства, которое решило преследовать Золя по суду лишь за одну часть его письма, ибо разбор в целом оказался бы крайне опасным для правительства и антидрейфусаров, так как привел бы к пересмотру дела Дрейфуса. Но вот речь Жореса прерывает крик одного из самых отъявленных реакционеров палаты, графа де Берни:

— Вы выступаете от синдиката!

— Что вы сказали, господин де Берни? — переспрашивает Жорес.

— Я сказал, что вы должны быть представителем синдиката еврейских банкиров, что вы, вероятно, служите адвокатом этого синдиката!

— Господин де Берни, — отвечает с трибуны Жорес, — вы негодяй и подлец!

Эти слова оказались сигналом для всеобщей драки. Граф де Берни сорвался с места и устремился к Жоресу. Но на пути его перехватил социалист Жеро-Ришар и отвесил ему солидный удар. Но граф, оторвавшись от него, взлетел на трибуну и дважды ударил Жореса по спине. В разных концах зала одновременно завязались рукопашные схватки, удары так и сыпались. Друзья шуплого Меллина с трудом защищали председателя совета министров от кулаков дюжего радикал-социалиста. Попытки парла-

ментской охраны разнять дерущихся депутатов не достигли успеха. Председатель палаты Бриссон приказал охране очистить зал от депутатов, но бой продолжался в кулуарах, откуда один социалист запустил чернильницей в голову графа де Берни... Драка несколько дней не затихала уже в другой форме на страницах газет, обменивавшихся самыми непарламентскими эпитетами. Во всех кабаках Франции избиратели с жаром обсуждали боевые качества депутатов, в свою очередь, прибегая к кулачным аргументам.

К счастью, на этот раз Жорес был избавлен от необходимости дуэли. Кодекс «чести» не позволял ему послать вызов человеку, подло напавшему на него сзади.

Зачем Жорес, испытывавший органическое отвращение к любым проявлениям насилия, говорил столь резко и вызвал драку? Может быть, он сам не ожидал такого эффекта? Вряд ли, поскольку он уже давно ощущал небывалый накал страстей. Смысл его поведения в другом: он в этот момент делал все, чтобы втянуть социалистов в политическую борьбу вокруг дела Дрейфуса, чтобы вывести их из пассивной роли, подрывавшей авторитет социализма во Франции. Логика борьбы могла увлечь, захватить его друзей и толкнуть их на правильный путь. Казалось, что полуинстинктивные, полусознательные действия Жореса достигают цели. Как раз вскоре после этой схватки в Бурбонском дворце Жюль Гэд сделал ему знаменательное признание:

— Знаете, Жорес, за что я вас люблю? За то, что за словами у вас всегда следуют действия!

Совсем иное впечатление произвела речь Жореса и ее последствия на умеренных социалистов, не считавшихся ни с чем, кроме карьеристских соображений, связанных с предстоящими вскоре выборами. На другой день Жорес встретился с Мильераном. Этот человек, с его подстриженными бобрком волосами и маленькими черными усиками, всегда производящий впечатление холодности, сказал ему раздраженно:

— Долго ли вы будете продолжать, Жорес? Вы нас погубите. Ведь из-за вас избиратели отвернутся от нас и проголосуют за других!

Жорес понимал, что опасность поражения на выборах грозит прежде всего ему самому. Но личные интересы никогда не имели для него значения по сравнению с интересами социалистического движения, с теми идеями, ко-

которые определяли всю его жизнь. Он продолжает борьбу. 12 февраля Жорес выступает свидетелем на процессе Золя. Он произнес большую речь. Жорес разоблачил преступления генерального штаба, показал благородство выступления великого писателя в защиту справедливости. Разумеется, суд, находившийся под давлением могущественных сил, все равно осудил Золя, приговорив его к году тюрьмы и к огромному денежному штрафу. Жорес говорил для более широкой аудитории, он обращался к стране, призывая ее выступить против опасного заговора милитаристов и шовинистов. Именно здесь, во Дворце правосудия, он ощутил опасность и размеры этого заговора. Вокруг здания суда бесновалась толпа в несколько десятков тысяч человек, охваченных антисемитской истерией. «Да здравствует армия! Долой Золя! Смерть евреям!» — раздавались непрерывные крики.

Вернувшись из суда в палату, Жорес говорил окружавшим его депутатам в кулуарах:

— Никогда республика не знала подобной угрозы: если генералам будет предоставлена свобода действий, не останется больше ни республиканцев, ни социалистов!

Теперь Жорес окончательно убедился в невинности Дрейфуса. Борьбу за пересмотр его дела он считал совершенно необходимой задачей социалистов. Он настойчиво доказывал своим социалистическим друзьям, что история не простит социалистам их пассивности, что она может дорого обойтись им. Это были тяжелые, длительные и безуспешные для Жореса споры.

Ведя борьбу за пересмотр дела Дрейфуса, Жорес рассчитывал, что сама логика этой борьбы сблизит с социализмом многих интеллигентов. Но их оказалось очень мало. Позднее он выскажет свое разочарование таким исходом.

Как-то весной 1898 года он шел из дома в палату по бульвару Сен-Жермен. Его провожали двое недавних студентов Эколь Нормаль, расспрашивавших о ходе борьбы вокруг «дела», о позиции социалистов, о причинах их отказа активно поддержать дрейфусаров. Совершенно неожиданно он рассказал им о том, что его так мучило:

— Не думайте, что попытки вовлечь социалистическую группу в борьбу приятны и легки для меня. Вы не можете себе вообразить, как настойчиво я этого добиваюсь. Моя деятельность на заседаниях палаты, о кото-

рой вы знаете по газетам, ничто по сравнению с моей работой на собраниях группы. С врагами и противниками не так уж трудно. Другое дело — друзья. Вы не можете представить, до какой степени я измучен. Они готовы сожрать меня, ведь все они боятся, что их не переизберут. Они отрывают полы моего пиджака, чтобы помешать мне подняться на трибуну, я так измучен этими распрями, так опустошен. А на другой день, когда я выступаю против этой подлой и враждебной палаты, я чувствую себя так, как будто тысячи иголок впиваются мне в мозг. Мне кажется, что я упаду от боли. Я не знаю, хватит ли у меня сил выдержать до конца легислатуры...

Приближались выборы. Социалисты вновь выдвинули его кандидатуру. В конце апреля Жорес приехал в Кармо. Уже по дороге с вокзала в гостиницу его внимание привлекла афиша, на которой он увидел свое имя. Остановившись, он внимательно прочитал ее. «Жорес за работой!» — гласил заголовок. Затем следовал такой текст:

«Крестьяне! Он хочет отобрать вашу землю, ваши дома, ваши хозяйства в пользу таких же тунеядцев, как он сам!

Коммерсанты! Он разжигает забастовки, которые вас разоряют. Шахтеры! Возбуждая недоверие к вашим хозяевам, он стремится помешать тому, чтобы ваши дети получили работу! Деньги ваших профсоюзов идут на оплату его избирательной кампании.

Стекольщики! Он обрекал вас на голод в Рив-де-Жьере, он обрек вас на голод в Кармо, создав конкурирующий завод в Альби.

Патриоты! Чтобы лучше подготовить иностранное вторжение, он проповедует солдатам недисциплинированность и ненависть к командирам. Преданный синдикату безродных евреев, он защищал Золя, который выступал за предателя Дрейфуса.

Пробил час расплаты... Долой Жореса!»

Казалось, что Жоресу пора бы привыкнуть к злобой клевете, которую направляли против него политические противники. Здравый смысл подсказывал необходимость проявлять спокойное презрение к лживым нападкам. Но его собственная беспредельная правдивость, искренность не давали ему возможности понять, как люди могут пасть столь низко. И всегда он, с трудом сохраняя внешнюю невозмутимость, тяжело переживал оскорбления. Он и сейчас с содроганием, отчаянием стоял перед

этой гнусной афишей, хотя она не должна была быть для него неожиданностью.

Год назад он приехал в Кармо для встречи с избирателями. Его сопровождала группа депутатов-социалистов. На вокзале их встретили друзья, местные социалисты во главе с неутомимым Кальвиньяком, много шахтеров и стекольщиков. Отсюда они направились к помещению профсоюзного центра, где Жорес должен был выступить с речью. На всем пути в каждом окне их ждали люди, нанятые маркизом Солажем и Рессегье. И тот и другой горели жаждой реванша. Один не мог забыть, что Жорес занял его место в палате, другой — историю создания стекольного завода в Альби. Они не пожалели денег. На головы участников процессии, сопровождавшей Жореса, полетели гнилые овощи, картофельные очистки, тухлые яйца, все потемнело от тучи золы, сбрасываемой на социалистов. Это сопровождалось дикими криками: «Жорес-нищета!», «Жорес-позор!», «Жорес-разоритель!» Жорес оставался спокойным, продолжая этот крестный путь. Его спутники запомнили произнесенную им в тот момент фразу:

— Оставьте их; они забрасывают нас грязью, но позже они покроют нас цветами!

Жоресу в тот раз так и не удалось произнести речь перед избирателями. Люди маркиза спровоцировали в зале драку, и полиция удалила оттуда всех. В то время местная реакция направляла против Жореса недовольство многих кармозинцев строительством стекольного завода в Альби. Позиция Жореса в деле Дрейфуса использовалась для разжигания новой волны ненависти против него.

В отличие от предыдущих избирательных кампаний местные реакционеры пользовались небывало активной поддержкой Парижа. Там уже давно поняли, какую опасность представлял собой Жорес в парламенте. Министр внутренних дел, уже известный нам Луи Барту, лично занимался избирательным округом Жореса, как, впрочем, и Гэда, который баллотировался снова в Рубэ. Один из виднейших политических деятелей оппортунистов, Вальдек-Руссо, явился в Кармо, чтобы помочь коалиции, враждебной Жоресу. Для «республиканцев» из Парижа монархист маркиз Солаж был гораздо предпочтительнее Жореса.

Маркиз Солаж и Рессегье на этот раз не считали

нужным хотя бы формально соблюдать законы. Давление на избирателей приобрело небывало скандальные формы. Причем хозяева Кармо уже несколько лет вели подготовку к выборам.

Местные социалисты самоотверженно шли к избирателям, агитируя за Жореса. Но повсюду они слышали в ответ одно и то же:

— Мы вынуждены голосовать за маркиза, чтобы иметь работу. Конечно, хорошо быть социалистом, но ведь надо же есть!..

— Мы получим работу на шахте, если маркиз будет депутатом. А если нет, наше дело плохо...

— Я получаю три с половиной франка в день, но если я проголосую за маркиза, то мне будут платить четыре семьдесят...

— Что делать? Надо голосовать за хлеб...

Главный тактический прием противников Жореса сводился к тому, чтобы любой ценой не дать ему говорить; они хорошо знали силу слова социалистического оратора. Поэтому на каждом избирательном собрании неизменно находилась группа людей, подымавших невероятный шум и крики. В некоторых деревнях юре приказывали во время собрания непрерывно бить в колокола, чтобы заглушить голос Жореса.

Поздно вечером в день выборов 8 мая Жорес отправил в редакцию «Птит республик» телеграмму: «Я побежден крупным большинством. Кармозинский район склонился под давлением хозяев. Да здравствует социалистическая республика».

Однако в целом по стране позиции социалистов укрепились. Они получили почти в два раза больше голосов, чем на предыдущих выборах, и 54 мандата из 581. Выборы означали сдвиг влево. Сразу после выборов открыто реакционный кабинет Мелина ушел в отставку. Выборы показали, что наступление клерикально-шовинистической реакции в связи с делом Дрейфуса против республики наталкивается на серьезное сопротивление.

Итак, Жорес больше не депутат. Правда, руководители социалистов немедленно телеграммой предложили ему выдвинуть кандидатуру в пятом округе Парижа, где предстояла перебаллотировка и он имел реальные шансы получить мандат. Телеграмму вручили Жоресу на собрании в Кармо. Он поднялся на трибуну, прочитал ее и заявил:

— Я покину Кармо только тогда, когда Кармо прогонит меня!

Избирательное поражение не уменьшило влияния и авторитета Жореса. Лекционное турне, которое он совершил в июне, имело исключительный успех. Тысячи людей стояли в очередях, чтобы попасть в зал и послушать Жореса. Пострадало в основном материальное положение Жореса. Депутатский мандат давал двадцать пять франков в сутки, и теперь Жорес испытывает подчас серьезные денежные затруднения. Тем более что семья его росла: Луиза родила сына. Дочка Жореса уже ходила в лицей. Он по-прежнему живет в Париже в небольшой квартире на улице Мадам, где у него был кабинет, поражавший гостей теснотой и бедностью.

После выборов Жорес занимает вместе с Жеро-Ришаром пост одного из двух политических редакторов «Птит републик».

Он попытался получить кафедру в Сорбонне и предложил прочитать курс лекций о социализме и его связях с идеями личности, морали, искусства и религии. Однако андрейфусары не допустили его в университет. Итак, ему оставалась журналистика и, конечно, политика, от которой уже ничто не могло его оторвать.

После длительного правительственного кризиса, последовавшего за выборами и отставкой Мелина, формируется правительство радикала Бриссона. Его политика ничем не отличалась, по существу, от консервативной линии Мелина. Военным министром стал Кавеньяк, внук палача парижских рабочих в революции 1848 года, родственник генерала Буадефра и Пати дю Клама, сострепавших дело Дрейфуса. В отличие от своих предшественников на посту военного министра Кавеньяк решил пресечь движение за пересмотр дела Дрейфуса с помощью «документальных» данных. 7 июля 1898 года он произнес в палате речь, в которой огласил ранее неизвестные документы, якобы окончательно уличающие Дрейфуса. Ему удалось убедить не только правых, но даже гэдистов. Палата почти единогласно проголосовала расклеить речь, что означало ее одобрение.

Дрейфусары приуныли. Вечером в этот день Жорес зашел к Леону Блюму, блестяще образованному сыну эльзасского банкира, примкнувшему к социализму, поскольку в ходе дела Дрейфуса он понял, что его еврейское происхождение закрывает ему путь к прямой поли-

тической карьере. Здесь собрались несколько социалистов-дрейфусаров. Все они были настроены мрачно; выступление Кавеньяка, как им казалось, уничтожило надежды на пересмотр «дела». Раздается звонок, и появляется радостный, возбужденный Жорес.

— В чем дело? И вы тоже? Только сейчас около палаты мне пришлось спорить с группой наших товарищей: они заклинали меня прекратить кампанию; они воображают, что все кончено. Разве вы не понимаете, что теперь у нас есть уверенность в победе? Мелин был неуязвим, потому что он молчал. Но Кавеньяк говорит, и он побежден. Он только что цитировал документы. Ну так вот я вас уверяю, что они фальшивые, в них чувствуется ложь, от них воняет ложью. Это глупые фальшивки, сфабрикованные для маскировки лжи. Я это докажу. Фальсификаторы вылезли из своей норы, теперь мы возьмем их за горло. А ну, хватит сидеть с таким похоронным видом. Берите пример с меня; ведь надо радоваться!

На другой день в «Птит републик» появилась первая из большой серии статей Жореса, составивших затем книгу «Доказательства». Жорес писал о документах, которые потрясли своей «достоверностью» даже многих дрейфусаров:

«Источником этих, несомненно, ложных документов являются канцелярии военного министерства. Именно там находится гнездо гадюки».

А Кавеньяк, упоенный успехом, уже намеревался окончательно уничтожить движение за пересмотр дела Дрейфуса. 11 августа во время ужина у премьер-министра Бриссона он прочитал составленный им список подлежащих аресту и суду вдохновителей дрейфусаров; среди них фигурировало имя Жореса.

Между тем еще ранее уволенный в отставку полковник Пикар выступил с утверждением, что два из трех упомянутых Кавеньяком 7 июля документов не имеют отношения к Дрейфусу, а третий подделан полковником Анри. Пикар был арестован, но пришлось начать все же следствие, и полковник Анри признался, что он действительно сфабриковал один из документов. Его арестовали, а 1 сентября газеты сообщили, что он покончил самоубийством в своей камере, перерезав себе горло бритвой. Эстергази немедленно бежал из Франции. Начальник генерального штаба Буадефр и военный министр

Кавеньяк подали в отставку. Правительство вынуждено было принять решение о пересмотре дела Дрейфуса.

Интуиция и на этот раз не обманула Жореса. Как он и предсказывал, документы оказались фальшивыми, а Кавеньяк потерпел жалкое фиаско.

Казалось, что теперь, когда генералы, клерикалы и шовинисты изобличены в своих мошенничествах, они станут сдержаннее. Но не тут-то было! Они действуют еще наглее. Шарль Моррас, известный писатель-мракобес, выдвинул теорию правомерности «патриотической лжи». Антидрейфусары организовали сбор денег на памятник мошеннику Анри.

В начале сентября в Париже началась забастовка рабочих, строивших метро и павильоны для предстоявшей в 1900 году Всемирной выставки. К ним присоединились железнодорожники. Воспользовавшись этим, правительство Бриссона вводит в Париж крупные силы армии. Антидрейфусары при молчаливой поддержке правительства организуют многочисленные демонстрации. Они-то знали, что войска предназначены не для борьбы с ними. Возникла прямая угроза гражданской войны.

Жорес уже во время процесса Золя понял, что события могут принять такой оборот, что от социалистов, по-прежнему раздробленных на многие организации, потребуется сплочение всех сил. В июне 1898 года на митинге в Тиволи-Воксхолле Жорес призвал покончить с расколом социализма на отдельные секты и объединить их в единую организацию. Вайян от имени бланкистов резко отклонил идею Жореса, сказав, что ее осуществление было бы «самоубийством» для социалистических организаций. Мильеран также высказался против, подчеркнув, что специфика французского социализма образуется элементами «свободы, разнообразия и гибкости». Гэдисты, не выступая в принципе против единства, отклоняли практические меры к такому единству.

Гэдом овладела навязчивая идея, что выступление социалистов на стороне дрейфусаров явилось бы полным отказом от пролетарской, революционной тактики. Многие из его друзей, разные местные организации требовали не обрекать партию на пассивность. Гэд оставался глухим к этим призывам и упорно навязывал свою линию. Даже Жоресу под его нажимом пришлось отказаться от некоторых выступлений на стороне дрейфусаров. Гэд, подобно Жоресу, потерпел поражение на майских

выборах. Чувствовалось, что он считает частично ответственным за это Жореса, открыто выступившего против клерикально-шовинистической реакции. От своей первоначальной позиции, когда он инстинктом революционера правильно оценил положение и восхищался выступлением Золя, он быстро отказался. Напрасно Поль Лафарг убеждал его выйти из сектантской изоляции.

— Поймите, — говорил Лафарг, — что партия социалистического действия, которая не действует, кончает самоубийством. Вот к чему мы пришли! А между тем дело Дрейфуса могло бы способствовать социализму еще больше, чем Панама!

Гэд заставил Лафарга замолчать, сурово напоминая ему о необходимости партийной дисциплины. 24 июля 1898 года Национальный совет рабочей партии опубликовал за подписями двух своих секретарей — Гэда и Лафарга — декларацию, в которой говорилось, что пролетариату нечего делать в этой борьбе, что она не касается его и участие в ней может лишь повредить рабочему классу и отвлечь его от социалистической революции. Между тем именно в ходе кризисов такого масштаба, подобных кризису, вызванному делом Дрейфуса, могла разгореться социалистическая революция, если бы социалисты активно влияли на ход событий, не ослабляя себя внутренними распрями в столь критический момент. Легко понять поведение Мильерана, сразу отдалившегося от Жореса, ибо он больше всего опасался за свою карьеру. Труднее объяснить поведение такого революционера, как Жюль Гэд, сделавшего столь много для утверждения марксизма на французской земле. Упрекая Шарля Лонге, Гэд саркастически говорил:

— Будет время, когда вспомнят, что социализм имел своей целью освобождение некоего капитана генерального штаба, а не освобождение пролетариата!

Гэд не уловил прямой связи между судьбой «некоего капитана» и делом рабочего класса. Но эту связь великолепно почувствовал Жорес. Обращаясь к тем, кто твердил, что речь идет не о рабочем, а о человеке, который сам принадлежит к привилегированным классам, и поэтому его дело не касается пролетариата, Жорес отвечал:

— Если Дрейфус незаконно осужден, если он действительно невиновен, то он уже более не офицер и не

буржуа. Самой чрезмерностью своего несчастья он свободен от всякого классового признака. Он воплощает само человечество на высшей ступени горя и отчаяния, какое можно только себе представить... Он является только представителем человеческого страдания в самой мучительной его форме. Он живое свидетельство лжи военной касты, политической подлости, преступлений власти. Не противореча нашим принципам и классовой борьбе, мы можем прислушиваться к голосу нашей жалости. И в революционной борьбе мы можем сохранять человеческое сострадание. Чтобы оставаться в пределах социализма, не требуется бежать за пределы человечества.

И сам Дрейфус, ошибочно и преступно осужденный обществом, с которым мы ведем борьбу, каково бы ни было его происхождение, какова бы ни была его судьба, становится резким протестом против социального порядка. Вследствие ошибки общества, которое в борьбе против него упорно держится за насилие, за ложь и за преступление, он становится элементом революции.

Вот то, что я мог бы ответить; но я добавляю, что социалисты, которые хотят раскопать до дна позорные и преступные тайны, содержащиеся в этом деле, занимают если не делом одного рабочего, то делом всего рабочего класса.

Кому больше всего угрожает сегодня произвол генералов, постоянно прославляемое насилие военных репрессий? Кому? Пролетариату. Вот почему для него представляется делом первостепенного интереса пригвоздить и разоблачать беззакония и насилия военных судов, прежде чем они обратятся в род привычки, всеми признанный. Пролетариат крайне заинтересован в ускорении морального развенчания и падения этих реакционных высших чинов армии. Так как на этот раз они, сбитые с толку кастовой борьбой, применили свою систему насилия и лжи к представителю буржуазии, то этим самым буржуазное общество более глубоко взволновано и потрясено, и мы должны использовать это потрясение для того, чтобы уменьшить моральную силу и наступательную мощь тех реакционных генеральных штабов, которые являются прямой угрозой для пролетариата. Это значит служить не только человечеству, но и непосредственно рабочему классу.

Так Жорес отвечает Гэду и тем, кто вслед за ним твердил, что справедливость, право в условиях буржуаз-

ного общества — пустые слова и бороться за них — напрасное дело. Не менее глубоко и убедительно он отвечает тем, кто упрекал его, что, защищая Дрейфуса, он оправдывает буржуазную законность:

— Я могу им ответить только одно: существует две стороны в капиталистической и буржуазной законности. Существует совокупность законов, предназначенных для того, чтобы поддерживать основную несправедливость нашего общества; существуют законы, которые освящают привилегии капиталистической собственности, эксплуатацию наемного труда классом собственников. Эти законы мы хотим сломать, и даже путем революции, если нужно будет уничтожить капиталистическую законность, чтобы дать возникнуть новому порядку. Однако наряду с этими грабительскими законами для привилегированных, созданных определенными классами для себя, существуют другие законы, которые воплощают в себе убогие успехи человечества, скромные гарантии, которые оно мало-помалу завоевало путем многовековых усилий и длинного ряда революций.

И вот среди этих законов тот, который не позволяет осудить человека, кто бы он ни был, без его участия, является, быть может, самым существенным. В противовес националистам, которые желают сохранить из буржуазной законности все то, что охраняет капитал, и выдать генералам все то, что охраняет человека, мы, социалисты и революционеры, желаем из нынешней законности уничтожить капиталистическую долю и спасти долю человеческую.

Жореса часто упрекали в том, что в борьбе из-за дела Дрейфуса он, присоединяясь к либеральной, демократической буржуазии, в конечном счете служил ее идеалам абстрактной гуманности, чистой истины и справедливости, которых на деле не существует, служил интересам буржуазии. В действительности Жорес боролся за такую истину, такую справедливость и гуманность, такое торжество человеческой мысли, которые неотделимы от рабочего класса, которые сливаются с его идеалом социализма. Лучше всего об этом он сказал сам:

— Отныне существует только один класс, который может придать мысли социальную силу: это пролетариат. Он не пользуется никакими привилегиями, ему, по выражению Маркса, нечего терять, кроме своих цепей, он не боится никакой правды, ибо вся правда служит ему. Вся-

кая свободная критика, которая разбивает устаревшие и ложные мировоззрения, подготавливает его торжество.

Точно так же инстинктивный идеализм, который ведет рабочий класс к правде, находится в согласии с его глубокими интересами. Наверное, в среде пролетариата существует много умов, задавленных рабским трудом и засоренных буржуазными предрассудками. Существует и вне пролетариата много мыслителей, смелых и бесстрашных, которые превыше всего ставят правду; но в действительности только пролетариат находится в полной гармонии с правдой. Истинным интеллектуальным классом, несмотря на его бессознательность и невежество, является рабочий класс, ибо он никогда не нуждается во лжи.

Да, так сказать о рабочем классе мог только человек, который любит этот класс, предан ему и считает смыслом своего существования его освобождение! И это говорил человек высочайшей, утонченной культуры, у которого, казалось, нет ничего общего с малограмотными рабочими. 7 февраля 1898 года, когда Жорес пришел во Дворец правосудия выступать в защиту Эмиля Золя, он, ожидая заседания, прогуливался по коридорам с Анатолем Франсом, блестящим продолжателем гуманистической традиции Монтеня и Рабле. Чтобы скоротать время, Жорес читал наизусть стихи времен Людовика XIII и комментировал их, вызывая восхищение Франса изысканностью вкуса. И свою культуру Жорес ставил на службу рабочему классу. Интересно отметить, что, провозглашая рабочий класс самым интеллектуальным классом, Жорес беспощадно бичевал крупных писателей, оказавшихся в рядах клерикально-шовинистического движения. С каким знанием дела, с какой поистине раблезианской иронией он писал о духовном падении Мориса Барреса, Жюльа Леметра, Поля Бурже, этих эстетов, декадентов, скептиков, интеллектуальных снобов, отдавших свои знания и таланты клике милитаристов, клерикалов и шовинистов. На их примере он показывает, как общество, заинтересованное в отказе от самостоятельности мышления, от свободы критики, добивается, чтобы люди, профессия которых состоит в мысли, сами дали пример и сигнал к позорному отречению от мышления.

Однако вернемся к тем октябрьским дням 1898 года, когда военные заняли царские вокзалы, солдаты разбили биваки на площадях, патрулировали по улицам, а офицеры нагло демонстрировали враждебность к рабочим

и симпатии к буйным толпам богато одетых фанатиков. В воздухе пахло военным переворотом.

16 октября в зале Вантье на авеню Клиши собрались представители всех социалистических группировок и редакций. Председателем собрания был избран Жан Жорес, его заместителями Жюль Гэд и Поль Брусс. Собрание решило создать Комитет бдительности, обратившийся к рабочему классу с воззванием. В нем провозглашалось единство всех социалистических и революционных сил перед лицом опасности реакционного переворота. Рабочих призывали в случае необходимости встать на защиту республики. Гэд неохотно пошел на создание Комитета бдительности. Он был недоволен и тем, что в январе 1899 года этот временный комитет преобразуется в постоянный Комитет социалистического согласия. Не говоря прямо о своих намерениях и не осмеливаясь пойти на разрыв, гэдисты встали в позу капризной изоляции. Они пренебрегают собраниями комитета, отказываются участвовать в митингах и демонстрациях, устраняясь таким образом от активной борьбы в защиту республики. Нередко Жоресу приходилось выдерживать тяжелые объяснения и споры с гэдистами. Но ему же приходилось как-то оправдывать слабость и малодушие некоторых из них в беседах с избирателями, с рабочими-социалистами.

Но с гэдистами ему все же было проще, чем с теми социалистами, которые, казалось бы, находились в одном лагере с ним, с независимыми, или, как их теперь чаще называли, с умеренными, фактическим главой которых считался Мильеран. Ведь начиная с лета 1898 года Жорес почти все время проводил в редакции «Птит републик». В одной из комнат два стола: один — Жореса, другой — Жеро-Ришара. Это был проходной двор, где всегда царил классический редакционный хаос. Сюда приходил кто хотел, здесь сидели, курили, болтали. И здесь же, ни на что не жалуясь, неустанно трудился Жорес, исписывая в день по два десятка страниц. Он писал много и хорошо.

— Как вы чувствуете себя в новом амплуа, Жорес? — спросил его однажды один литератор, заглянувший в редакцию. — Ведь это не трибуна, не так ли?

— Мне почти безразлично, — отвечает он, — сказать речь или написать статью.

— А что вы предпочитаете: точность во фразе или поэтические красоты?

— Точность, — отвечает Жорес.

— Ну какая точность возможна в этой спешке? Да и, в конце концов, газетная статья живет лишь один день...

— Я никогда не смотрел на газетные статьи как на нечто легкое, поверхностное, скороспелое. Из уважения к пролетариату, читающему социалистические газеты, я вкладываю в них всю свою писательскую добросовестность.

К любой, самой незначительной статейке он относился с крайней серьезностью. Многие из того, что он писал, служило украшением газеты. Когда он начал свою серию «Доказательства», тираж «Птит републик» сразу значительно вырос. Многие его статьи по глубине анализа и богатому фактическому материалу были настоящими маленькими монографиями, а по блестящей литературной форме — прекрасными образцами настоящей публицистики. Как-то незаметно Жорес стал главной духовной силой в редакции. Его коллеги относились к нему довольно странно. Они держались за него, льстили ему, но больше эксплуатировали его и смеялись над этим бескорыстным, крайне непрактичным, на их взгляд, человеком, огромный авторитет которого вызывал у них удивление, а то и зависть. Мильеран считал его слабохарактерным, Вивиани — мечтателем, Бриан — простаком. С их стороны это было довольно логично, ибо в социалистическом движении они оказались случайными людьми. Социализм служил им лишь трамплином в политической карьере. Это были люди не без способностей и талантов, но в них нельзя обнаружить ни намека на ту душевную цельность и чистоту, которая составляла основу самого существа Жореса. Собственно, их последующая судьба ясно обнаружила то, что они более или менее успешно скрывали тогда, а именно их мелкий, банальный политический карьеризм.

Когда коллеги по редакции потешались над феноменальной рассеянностью Жореса, он добродушно смеялся вместе с ними. Его непрактичность приобретала фантастический характер. Он не имел представления о том, что такое деньги, хотя в это время особенно остро в них нуждался. Передав одному издателю право на публикацию сборника его речей, Жорес даже не подумал о том, что ему причитается получить за это гонорар.

— Зачем вы делаете такие подарки людям, которые этого совершенно не заслуживают? — говорил ему Же-

ро-Ришар. — Разве вы не знаете, что за такую книгу вам причитается две или три тысячи франков? С этими деньгами вы могли совершить интересное путешествие или приобрести себе библиотеку. Вы могли бы обновить свой гардероб. Посмотрите, как вы одеты!

— Как, — искренне удивлялся Жорес, — вы находите, что я недостаточно хорошо одет?

Взрыв хохота был ответом на его слова. Одет Жорес, как всегда, крайне небрежно. Его одежда измята, порой разорвана, рубашки грязные. Мадам Жорес этим по-прежнему не занималась, а ее мужа одолевали совсем иные, тревожные заботы. Теперь он находится в центре политической борьбы вокруг дела Дрейфуса. Зимой и весной 1899 года Жорес несколько раз ездил по Франции, выступая во многих городах за пересмотр дела. С особым триумфом прошло его выступление в Марселе. Он публикует все новые и новые статьи, разоблачающие антиреспубликанские махинации милитаристов и клерикалов. Но особенно тяжело было ему не с врагами, а с друзьями-социалистами, которые по-прежнему упорно отказывались поддержать его усилия по объединению социалистов. Гэд допускал возможность социалистического единства только в том случае, если остальные социалистические организации полностью присоединятся к возглавляемой им Французской рабочей партии и беспрекословно подчинятся всем его политическим требованиям. Но это было невозможно. Да к тому же гэдисты оказались неспособными выдвинуть тактику, которую настоятельно требовали события, тактику, которая решала бы главную задачу: создание единой классовой политической организации пролетариата, единой социалистической партии, совершенно независимой от буржуазных партий, способной вместе с тем активно вмешаться в ход политического кризиса и использовать его в интересах социализма. Жорес понимал общий смысл этой задачи, но он не смог ее сформулировать так, чтобы сплотить, объединить для ее решения всех социалистов; слишком велики были разделявшие их разногласия. Жорес сделал больше, чем любой другой социалистический лидер, для того, чтобы французский рабочий класс ясно понял смысл политического кризиса, возникшего из-за дела Дрейфуса. Исключительно силой морального авторитета он приобрел в разных социалистических группировках, в том числе и в крупнейшей из них, в гэдистской рабочей партии, много

сторонников. Но это было лишь зыбкое идейное единство без всякой организации.

Ну а независимые вообще не хотели и слышать о единой партии; Мильеран, Бриан, Вивьяни ждали своего часа, чтобы сделать карьеру. Ничто другое их не волновало по-настоящему. Если для Жореса его социалистическая деятельность была долгом совести, то для подобной публики это всего лишь вопрос практической выгоды. Поэтому Жореса отделяла от них глухая стена непонимания и какой-то особой нравственной отчужденности.

Десять лет назад, когда Жорес сидел в палате на скамьях буржуазного левого центра, уже не разделяя политических взглядов оппортунистов, но и не решившись еще примкнуть к социалистам, он мучительно страдал от своего политического одиночества. И вот теперь, не только находясь в рядах социалистов, но даже приобретя огромное влияние среди них, он не менее остро ощущал свою беспомощность. Вернее, беспомощность всего социалистического движения, не имеющего единой политической линии, единой организации, оказавшегося неспособным в критический момент возглавить рабочий класс и дать ему ясную перспективу борьбы за социализм.

И все же иногда Жорес чувствовал удовлетворение, понимая свою глубокую правоту. Особенно радостно ему было узнавать, что его поддерживают люди, с авторитетом которых он очень считался. Как-то в это время он получил письмо из Германии. Наиболее известный из тогдашних марксистов, лидер германской социал-демократической партии Карл Каутский писал ему:

«Я пользуюсь случаем, чтобы выразить глубочайшее восхищение вашим поведением, которым вы спасли честь французского социализма в деле Дрейфуса. Я не могу представить себе более губительной позиции для борющегося класса, чем нейтральность во время кризиса, потрясающего всю нацию... более непростительную ошибку для демократов, чем нерешительность перед лицом военщины. Я желаю полного успеха в вашем благородном деле».

Жореса поддерживали Г. В. Плеханов, Роза Люксембург, соратник Маркса Л. Кугельман и другие крупные лидеры международного пролетариата.

А обстановка в стране оставалась напряженной. Более того, в феврале 1899 года вновь создалась реальная угроза переворота. 16 февраля вечером по Парижу раз-

неслись смутные слухи о внезапной смерти президента республики Феликса Фора. Слухи были смутными в связи с очень щекотливыми обстоятельствами смерти президента. Еще утром в этот день он председательствовал в совете министров и не проявлял никаких признаков недомогания. Но спустя несколько часов, находясь в своем кабинете и принимая посетительницу — молодую красивую даму, которая уже не раз посещала президента, он внезапно покончил счеты с жизнью. Французский историк Третьей республики А. Зеваэс пишет: «Это было молниеносное кровоизлияние в мозг, вызванное вещами, не всегда совместимыми с приближением шестидесятилетнего возраста».

Но в тревожной обстановке тех дней никому не было дела до этих пикантных деталей. Уже 18 февраля избрали нового президента — Эмиля Лубе. Хотя его знали как человека консервативных взглядов, некоторые обстоятельства позволяли сделать вывод, что Лубе не станет возражать против пересмотра дела Дрейфуса. А это было главным вопросом. Шовинистическая пресса подняла дикий вой, объявив избрание Лубе вызовом всем патриотам и армии. Уже при возвращении из Версаля, где происходили выборы, нового президента встретила яростная враждебная демонстрация антидрейфусаров. Манифестации и митинги, сопровождавшиеся драками, продолжались несколько дней.

В день похорон Фора главарь Лиги патриотов Дерулед и руководители других шовинистических группировок решили попытаться осуществить государственный переворот. Они заранее составили крайне авантюристический план действий.

Когда войска возвращались с похорон президента, Дерулед с кучкой своих сторонников подбежал к генералу Роже, командиру бригады, и, схватив под уздцы его лошадь, обратился к нему со страстным призывом:

— Следуйте за нами! Это ради Франции! Сжальтесь над родиной, спасите Францию! Следуйте за нами, генерал, на площадь Бастилии, а оттуда к Елисейскому дворцу!

Озадаченный генерал, однако, предпочел отвести своих солдат в казармы, хотя сторонники Деруледа продолжали приставать к военным, пытаясь с их помощью захватить власть. В результате несколько завожил во главе с Деруледом были арестованы, и, увидев крах этой затеи,

даже вождь антисемитов Жюль Герен заявил, что Дерулед болван.

31 мая 1899 года состоялся суд над Деруледом и Габером. Обвиняемые и не думали отрицать свои мятежные замыслы. Суд превратился в наглую вылазку антидрейфусаров, подсудимые были оправданы.

3 июня Кассационная палата принимает решение об отмене судебного приговора Дрейфусу и о новом суде над ним. За этим последовал взрыв националистической ярости. На другой день на скачках в Отейле, где присутствовал президент Лубе, защитники «чести армии» устроили наглую демонстрацию. Президента встретили криками: «За здравствует армия! Долой Лубе! Да здравствует Дерулед!» Дело дошло до того, что один из аристократических молодчиков, некий барон Кристиани, взбежал на президентскую трибуну и ударил президента тростью по голове.

Жорес с тревогой наблюдал за тем, как события приобретают все более опасный оборот. Монархисты и клерикалы действовали совершенно безнаказанно. Президент Лубе, которого всюду, где бы он ни появился, забрасывали тухлыми яйцами и нечистотами, вел себя хладнокровно, не придавая значения все более упорным слухам об угрозе государственного переворота. Жорес считал, что на защиту республики должны выступить социалисты. 7 июня «Птит републик» призывает устроить в следующее воскресенье, 11 июня, тоже на скачках, но в Лоншане ответную демонстрацию. Редакция «Птит републик» стала организационным центром подготовки выступления. Газета писала, обращаясь к шовинистам: «Мы желали бы другого поля битвы, не среди конского навоза и проституток... Ладно, молодчики, мы с вами поступим так, как вы поступаете с вашими лакеями».

В воскресенье свыше ста тысяч рабочих, студентов, ремесленников мощными колоннами двинулись в Лоншан. У каждого в петлице была дикая роза, а в руках у многих дубинки. Бесчинствовавшим в прошлое воскресенье в Отейле представителям золотой молодежи не поздоровилось бы, но, как заметила одна монархическая газета, «люди света мудро воздержались» и не показывали носа. При этом характерно, что если националистическая демонстрация не встретила никаких препятствий со стороны властей, то на этот раз столицу наводнили войска. К вечеру из-за подозрительных провокаций возникли

в некоторых местах стычки. На другой день правительство все того же Дюпюи, запутавшееся в своей двусмысленной игре, было свергнуто. Начался правительственный кризис, самый затяжной с 1877 года.

Кажется, наступил особенно критический момент с начала политического конфликта, вызванного делом Дрейфуса. Демонстрация в Лоншане показала, что на сцену выходит главная сила — народ, вставший на сторону республиканского, демократического лагеря. Он проявил явную готовность к борьбе против реакции. Но вся беда заключалась в том, что социалисты, которые должны были и могли возглавить эту борьбу, находились по-прежнему в состоянии разброда. Гэdisty с большой неохотой поддерживали демонстрацию в Лоншане. Они продолжали уклоняться от вмешательства в борьбу между дрейфусарами и антидрейфусарами. И они не выдвигали никаких конкретных революционных лозунгов, повторяя общие формулы.

Что касается Жореса, то он считал, что самое главное — спасти республику. Но как? Объединенные действия всех социалистов представлялись мало реальными. Наиболее организованная сила — рабочая партия Гэда — уходила от борьбы. Как преградить путь монархистам и клерикалам? — вот о чем с мучительной тревогой думает Жорес в напряженные дни правительственного кризиса.

КАЗУС

Жорес не раз становился жертвой своего чрезмерного доверия к людям, которые часто казались ему лучше, чем они были на самом деле. Во все, что он делал, Жорес вносил искреннее чувство, благородную страсть. Иногда это становилось источником его слабости. Он либо идеализировал действительность, либо видел ее в слишком мрачном свете. Стремление предотвратить опасность, устранить зло доходило у него до того, что в азарте борьбы он стремился достичь цели любой ценой. Иногда слишком дорогой. Вот так судьба и втянула Жореса в злосчастную историю с Мильераном.

Адвокат, журналист, сотрудник газеты Клемансо «Жюстис», он впервые стал депутатом одновременно с Жоресом в 1885 году. Честолюбивый молодой политик,

циничный и холодный, Мильеран сначала пытался сделать карьеру в партии радикалов. Однако панамский скандал, в котором оказались замешаны и лидеры радикалов, подсказал ему другой путь к карьере. Рост социалистического движения убедил его, что это движение рано или поздно станет выгодным трамплином для прыжка к власти. Мильеран выступал защитником на судебном процессе Гэда и Лафарга; после выборов 1893 года он перешел к социалистам и в конце концов стал во главе независимых. Правда, его социализм очень походил на взгляды радикалов. Это он выдвинул знаменитую программу Сен-Манде из трех пунктов: завоевание власти при помощи выборов, передача государству отдельных отраслей экономики, международное сотрудничество рабочих. Хотя о революции здесь не могло быть и речи, Гэд, переживавший столь же пламенное, сколь и неожиданное для него увлечение парламентаризмом, заявил на том же банкете, что избирательного бюллетеня достаточно для захвата власти. Если уж Мильерану удалось в какой-то мере, хоть и временно, получить поддержку непримиримого Гэда, то что стоило ему обвести вокруг пальца добряка Жореса? Ему действительно удалось втереться в круг его друзей. Он бывал в Бессуле, и мадам Мильеран обменивалась визитами с мадам Жорес.

Мильеран уже давно стал выразителем необыкновенно гибкого социализма. «Надо, — говорил он, — чтобы социализм перестал внушать страх». И он давал понять буржуазии, что ей нечего опасаться его, мильерановского, социализма. В июне 1898 года он заявил в палате, что выше всех вопросов теории для любой партии должны быть «честь, величие и безопасность отечества», что социалисты готовы оказать «безусловную поддержку» правительству, вставшему на путь республиканских реформ. Сначала он решительно отказался участвовать в борьбе из-за дела Дрейфуса, боясь, что это повредит ему на выборах. После выборов, поняв, что победа будет за дрейфусарами, он в последний момент к ним присоединился. В июне 1899 года, когда Франция с тревогой ожидала исхода томительно долгого правительственного кризиса, Мильеран решил, что его час настал.

Этот всегда скрытный, недружелюбный человек был весьма любезен с влиятельными людьми из буржуазных партий. Весной 1899 года он вступает в доверительные беседы с некоторыми крупными политиками, высказывая

идею, что лучшим выходом из создавшегося в стране критического положения было бы формирование правительства с участием достаточно разумного и авторитетного социалиста. Эта идея стала циркулировать в высоких политических сферах. И хотя твердолобые буржуа она шокировала, дальновидные люди отнеслись к ней с интересом.

В самом деле, они уже задумывались о том, что пора бы и прекратить это всем осточертевшее дело, из-за которого стал страдать даже международный престиж Франции. Конечно, пресечь деятельность зарвавшихся монархистов и клерикалов не так уж трудно: стоит лишь арестовать их крикливых, но далеко не героических вожаков. Но не откроет ли это дорогу социалистам, опиравшимся на массы, все более доверявшим им? Настало время остановить этот опасный рост революционных тенденций, столь усилившийся после Панамы и дела Дрейфуса. Французская буржуазия имела кое-какой опыт подобного рода. В 1848 году социалист Луи Блан, войдя в правительство буржуазии, оказал ей неоценимые услуги. Разумеется, необходимо было обладать решительностью и большой широтой взглядов, чтобы предпринять заманчивый эксперимент.

Нашелся человек, у которого эти качества имелись. Умный, энергичный, сдержанный деятель партии оппортунистов Пьер Вальдек-Руссо не зря получил от своих поклонников прозвище «аристократа буржуазии» и «Перикла Третьей республики». Именно ему предложили возглавить кабинет, которому предстояло решить двойную задачу: прекратить дело и одновременно обуздать социалистов, одним ударом отбросить крайне правых и крайне левых. Естественно, что Вальдек-Руссо в первую очередь вспомнил о Жоресе, наиболее популярном из всех социалистов. Жаль, что такой талантливый оратор слишком чист; ведь он действительно верит во все, что говорит. Иное дело Мильеран, человек деловой, который к тому же сам так и рвется к министерскому портфелю. Вальдек-Руссо быстро столкнулся с Мильераном, дав ему понять необходимость поддержки участия социалиста в кабинете со стороны его партии. А этого нелегко добиться, ибо Вальдек-Руссо решил одновременно включить в правительство генерала Галиффе, кровавого палача Коммуны, при одном упоминании имени которого руки всех честных социалистов сжимались в кулаки. Галиффе оказался не-

обходим Вальдеку, чтобы убраться наиболее одиозных генералов, упорно оправдывавших все мошенничества генштаба в деле Дрейфуса.

Мильеран взял самую щекотливую сторону дела на себя. Разумеется, он не надеялся получить поддержку Жюля Гэда, с которым он к тому же еще два года назад испортил отношения, помешав ему установить контроль над редакцией «Птит републик». Жорес — другое дело. Жорж Ренар как-то рассказал ему, что Жорес, прогуливаясь однажды в окрестностях Бессуле, по какому-то поводу горячо воскликнул:

— О! Власть! Какая великолепная вещь! Какое великое дело!

О какой власти говорил Жорес? Его более конкретное и более ответственное высказывание, сделанное перед аудиторией социалистов год назад, звучало совсем не в унисон с замыслами Мильерана:

— Социализм не может согласиться на частицу власти: надо, чтобы он получил всю власть целиком... Партия, которая предлагает полную реформу общества, замену одного принципа собственности другим принципом, может согласиться только на полную власть. Если она получит только часть ее, она не получит ничего, ибо частичное влияние будет нейтрализовано господствующими принципами существующего общества.

Однако в последнее время Жорес с растущей тревогой говорил не раз, что республике грозит смертельная опасность и что задача ее спасения более неотложна, чем любые теоретические разногласия. Это позволяло надеяться.

17 июня Мильеран запустил пробный шар, опубликовав в газете «Лантерн» статью, где говорилось, что «новый кабинет должен быть создан только для спасения демократии и свободы». Мильеран ничего не говорил о своем участии в правительстве, но весь тон статьи свидетельствовал в свете последующих событий, что она была этапом в психологической подготовке к тому, что за кулисами уже было решено. 18 июня в газетах прямо сообщалось о том, что в правительство Вальдек-Руссо войдет Мильеран.

21 июня в Бурбонском дворце состоялось заседание парламентской группы социалистов. Обсуждалось политическое положение. Мильеран взял слово и довольно небрежно сообщил, что, как уже все, наверно, слышали,

ему предложили войти в правительство. Однако переговоры по этому поводу не привели к конкретному результату. Мильеран подчеркнул, что он действовал только от своего собственного имени и не выступал от лица парламентской группы социалистов. Весь этот эпизод, сказал Мильеран, уже достояние прошлого.

Раз так, то естественно, что его сообщение никого не взволновало. К тому же Мильеран не возражал, когда Вайян сказал, что социалисты не собираются участвовать в правительстве. Сразу после окончания заседания он поехал в Клэрфонтэн, в загородное поместье генерала Галиффе, где его встретили Вальдек-Руссо и хозяин дома. Здесь они окончательно обо всем договорились, а 22 июня сообщение о составе правительства было опубликовано.

Вайян, лидер бланкистов, выступавших в это время вместе с гэдистами, узнав об этом, не поверил своим ушам: ведь только вчера Мильеран дал понять, что ничего подобного не предвидится. И вдруг сегодня такая новость! «Этого не может быть», — подумал Вайян и немедленно отправил следующую телеграмму:

«Дорогой Мильеран!

Я надеюсь, что написанное мною, я горячо желаю этого, не основано на действительности. Но как это ни невероятно и невозможно, раз говорят об этом, я должен обратиться к вам по этому поводу.

Ходят слухи, что вы участвуете в министерской комбинации, в которую входит Галиффе. Это перечеркивает все, о чем говорилось вчера в социалистической группе. Если и есть имя, о котором не может быть и речи, ибо оно воплощает для нас все преступления версальской реакции, то это имя Галиффе. Его присутствие в правительстве — это провокация против нас, вызов, на который мы должны ответить. Убийцу и врага рабочего класса и социализма назначают военным министром — министром войны против нас.

Это кажется мне столь возмутительным, столь низким, что я не могу поверить этому и надеюсь, что вы меня как можно скорее убедите в противном и успокоите. Это кажется мне тем более невозможным, что этот странный слух предполагает то, чего я не допускаю: что вы согласны на такое соседство и вы не считаете подобное министерство невозможным с республиканской точкой зрения.

В свое время достаточно было контакта с Галиффе, чтобы Гамбетта потерял всю свою популярность, и совершенно заслуженно.

В надежде, что все эти тревоги окажутся напрасными, примите, дорогой Мильеран, уверение в сердечной дружбе и привет».

В тот же день Мильеран ответил бывшему коммунару, что он действительно вошел в правительство, считая это исполнением своего долга, и что будущее рассудит их.

Жоресу Мильеран сообщил обо всем уже после того, как дело было решено. Он поставил его перед совершившимся фактом. Жорес сначала умолял Мильерана отказаться. В ходе длинного разговора они так ни до чего и не договорились окончательно. Вальдек-Руссо, узнав, что есть опасность отречения социалистов от Мильерана, решил действовать сам. Он написал Жозефу Рейнаку, близко связанному с Жоресом, чтобы тот оказал на него влияние. Кандидат в премьеры писал, что от решения социалистов зависит все. «Убедите их, — писал Вальдек-Руссо, — что только Галиффе может поддержать меня перед армией, весь кабинет, республику перед Европой. Если социалисты не согласятся, то произойдет самое худшее», — шантажировал Вальдек.

Жорес выслушал Рейнака, твердившего ему, что в случае его отказа поддержать Мильерана Франция неминуемо попадет в руки самой черной реакции, что республика погибнет, что другого выхода нет.

— Это будет ужасно, — со вздохом сказал Жорес.

Но Жорес еще не принял решения. Он мучительно думал, решал и не мог решить. Внезапно на его плечи легла ответственность за судьбу французского социализма, за судьбу республики, за судьбу самой Франции.

Не только Жозеф Рейнак уговаривал Жореса. Его коллеги по «Штит републик» Вивiani и Бриан горячо одобряли Мильерана: они сами только и мечтали о министерских портфелях. И вот наконец-то желанный прецедент! Нельзя упустить такую возможность, решили они. Но какова будет реакция Жореса? Сами они не осмелились говорить с ним. Решили действовать через Люсьена Герра, пользовавшегося авторитетом у Жореса. Тот сразу согласился и телеграммой пригласил Жореса для срочной беседы на улицу Ульм в Эколь Нормаль, где Герр заведовал по-прежнему библиотекой.

— Скажите, Жорес, — говорил Герр, — разве возможна победа в деле Дрейфуса, окончательная победа справедливости без компромисса Вальдека? А что будет с единством социалистов, еще столь молодым и столь слабым, для которого вы затратили столько усилий, если жоресистская партия отделится от умеренных и независимых социалистов? Если эта партия распадется на две части, из которых одна во главе с вами, ее вождем, соединится с экстремистами?

Жорес молча соглашался с этими аргументами. Но неужели они не могли найти менее вызывающей личности, чем Галиффе? Объединиться с этим палачом, тогда как тридцать тысяч мертвых коммунаров вопиют об отмщении!

— Нет, это невозможно! — твердил Жорес.

Герр снова повторял, что только Галиффе сможет удержать в повиновении генералов армии, удержать армию во власти республики, что сама его жестокость в данном случае послужит доброму делу. Он напоминал, что, собственно, уже все решилось, уже нельзя уйти от факта и надо лишь определить линию поведения в связи с этим фактом.

— Надо выбирать. Либо дезавуируйте нового социалистического министра, либо поддержите его; третьего не дано!

Жорес молчал, а Герр продолжал настаивать.

— В первый раз со времени Коммуны социалист участвует в правительстве. И такой непримиримый буржуа, Вальдек-Руссо, пригласил его! Ведь это триумф социалистической идеи, когда оказывается, что нельзя спасти республику без пролетарской партии! Конечно, возможно ожесточенное сопротивление крайней реакции и социалистических экстремистов. Но надо спасать республику! У вас есть другое средство для этого? Разве вам удалось убедить Гэда поддержать нашу борьбу против генералов и аристократов? Другого выхода нет. Вспомните, Жорес, что вы сами говорили: «Надо уметь быть популярным, но надо уметь использовать свою популярность».

Жорес решил поддержать вступление Мильерана в правительство Вальдек-Руссо. Он принял самое тяжелое решение в своей жизни. Жорес знал, что он ставит на карту всю свою судьбу политического деятеля. Он знал, что многие не поймут его, будут возмущены им, отвернутся от него. Он предвидел, как на него обрушится

ся яростный гнев тех, кто, по его мнению, исходит из готовых революционных формул, не желая считаться со всей сложностью жизни. И он готов был пожертвовать собой для спасения республики. Страх за ее судьбу вытеснил опасения за судьбу его личной социалистической деятельности. В глубине души он проклинал Мильерана, теперь ему стало ясно многое в поведении этого карьериста, поступившего так подло. Ведь он даже не попытался найти другой путь. Можно было бы объявить о парламентской поддержке социалистами правительства Вальдек-Руссо без непосредственного участия в нем социалистического представителя. Но Мильеран намеренно обделал все за спиной Жореса; ему-то нужен был лишь министерский пост. А платить за это придется дорогой ценой ему, Жоресу. Но надо было нести свой крест.

24 июня 1899 года в «Птит репюблик» появилась статья Жореса:

«Республика в опасности. Если министр имеет смелость для ее спасения обрушиться на бунтарей в погонах, то нам неважно, какими орудиями он пользуется. Нам нужны дела: качество исполнителей нас не касается. Со своей стороны, и на мою личную ответственность я одобряю, что Мильеран согласился вступить в министерство борьбы.

Важно, что буржуазная республика, защищаясь против окружающего ее военного заговора, сама заявляет, что нуждается в энергии социалистов. Каковы бы ни были непосредственные результаты такого положения, это останется важным этапом в истории. Я полагаю, что смелая, побеждающая партия не должна пренебрегать этими предложениями, которые делает ей судьба, этими перспективами, которые ей открывает история... Мильеран взял на себя страшную ответственность, и от него зависит теперь, чтобы этот дерзкий шаг принес пользу республике и социализму».

26 июня новый кабинет, возглавляемый Вальдек-Руссо, появился в палате. Новый премьер сначала держался хладнокровно и солидно, в то время как сменявший вслед за ним Мильеран шел, ни на кого не глядя, втянув инстинктивно голову в плечи. И тут началось такое, что даже славившийся своей выдержкой Вальдек-Руссо оказался в состоянии нервного припадка.

— Да здравствует Коммуна! — кричали с левых скамей.

— Долой палача Коммуны!

— Убийца! — загремел зал при появлении генерала Галиффе.

Новый военный министр повернулся к левым и нагло бросил:

— Убийца? Я здесь!

Четверть часа стоял невообразимый шум. Председательствующий Дешанель был не в силах водворить порядок. Наконец Вальдек-Руссо, давно уже стоявший на трибуне, произнес первые слова правительственной декларации. Но тут же их заглушили новые крики протестов. Декларацию из 50 строчек Вальдек читал почти целый час. Но толком ее так никто и не услышал. Палата бушевала. Негодующие возгласы неслись отовсюду. Если слева осыпали проклятиями Галиффе, то справа — Мильерана...

Многие радикалы, оппортунисты считали состав правительства выражением безумия и острого помешательства. Кабинет Вальдек-Руссо с трудом собрал большинство всего лишь в 25 голосов. Это, впрочем, не помешало ему находиться у власти рекордное время — почти три года. Вальдек-Руссо с полным основанием говорил, что включение в правительство Мильерана оказалось «удачным и необходимым ходом». Естественно, с точки зрения буржуазии. Предательство Мильерана привело к глубокому кризису французского социалистического движения.

Гэдисты, бланкисты, часть алеманистов сразу объявили, что их депутаты выходят из общей социалистической фракции и образуют самостоятельную группу. А 14 июля 1899 года эти три левые социалистические организации опубликовали манифест, прозвучавший как объявление войны всем, кто поддержал вступление Мильерана в правительство. В нем говорилось в крайне резких выражениях, что, выходя из объединенной социалистической фракции, революционные социалисты действуют не под влиянием простого выражения гнева и возмущения, а с тем, чтобы покончить с ложной социалистической политической компромиссов, которая давно уже подменяет революционную и классовую политику социалистической партии. Вступление в правительство Вальдек-Руссо социалиста рука об руку с палачом коммунаров произошло в таких опасных и скандальных обстоятельствах, что оно делает больше невозможным «какое-либо соглашение

между теми, кто скомпрометировал честь и интересы социализма, и теми, кто решил их защищать».

«Социалистическая партия является классовой партией, и она не может, не рискуя самоубийством, превратиться в министриалистскую партию. Она не может делить власть с буржуазией, в руках которой государство является только орудием консерватизма и социального угнетения. Ее задача заключается в том, чтобы вырвать эту власть и сделать ее инструментом освобождения и социальной революции».

Мы являемся партией оппозиции и партией оппозиции должны остаться, посылая наших представителей в парламент и в другие выборные органы, как во враждебный лагерь, только для того, чтобы бороться с враждебным классом и его различными политическими представителями».

Жорес был поражен в самое сердце, он называл манифест ударом ножа в спину. Он ожидал возмущения, но заявление об окончательном разрыве, о невозможности какого-либо соглашения уязвило его до глубины души. Ведь сам Гэд так преклонялся перед парламентской деятельностью социалистов! Ведь это он открыл новую Мексику, объявив Рубэ, где его избрали депутатом, священным городом! И разве Гэд предлагал какую-либо иную действительную тактику? Ведь он упорно уклонялся от участия в борьбе, охватившей страну из-за дела Дрейфуса, ничего не делал для защиты республики!

Но главное, что удручало Жореса, это полный крах его надежд на единство социалистов, которого он так добивался. Он, конечно, отметил соображения, которые нашептывали ему независимые, что якобы Гэд действовал из-за давней зависти к влиянию, столь быстро приобретенному Жоресом, из-за озлобления, вызванного конфликтом по поводу контроля над «Птит републик». А так думали многие, даже столь влиятельный гэдист, как Лавинь, руководитель социалистов в Жиронде. Правда, были среди гэдистов люди, которые радовались всему происшедшему, поскольку удалось окончательно порвать с Жоресом и независимыми. Личный друг Гэда Шарль Бонье писал: «Ура! Нет больше союза с Жоресом и прочими!»

Но более серьезные и дальновидные люди среди гэдистов думали иначе. Поль Лафарг, узнав, как тяжело переживает Жорес разрыв, объявленный манифестом, написал

ему на другой день после его публикации специальное письмо: «Мы озабочены исключительно новым министриалистским методом... Как вы можете думать, что мы, симпатии которых к вам и наше восхищение вашим исключительно лояльным характером и вашим революционным темпераментом вам должны быть известны, как вы можете думать, что мы могли бы отнести вас к категории тех, кто одурачивает пролетариат?»

Но Лафарг все же считал одобрение Жоресом поступка Мильерана тяжелой ошибкой. Жорес сам искренне пытался наедине со своей совестью найти ответ на вопрос: а мог ли он поступить иначе?

Ответ на этот вопрос многие ищут уже не один десяток лет. Выходят все новые и новые книги, в которых снова, в который раз, анализируются причины возникновения знаменитого казуса Мильерана, породившего бурные страсти, охватившие все мировое социалистическое движение. До сих пор в разных странах разные люди вновь и вновь пытаются найти объяснение действиям Жореса. В 1965 году во Франции появился монументальный труд историка-марксиста Клода Виллара, тщательно работавшего много лет в архивах, раскопавшего немало новых документов и скрупулезно изучившего все, что имеет отношение к знаменитому казусу. Никто из ученых еще столь солидно и основательно не занимался этим делом так, как Клод Виллар. «Не проложили ли дорогу мильеранизму, — пишет французский ученый-коммунист, — гэдисты, которых влекли за собой ошибки прошлого, их теоретические уступки, их избирательная эволюция, их стремление действовать в рамках законности? Рассматривая крупнейшие проблемы современности только в облаках абстракции, не оставили ли гэдисты Жоресу и его друзьям единственную возможность конкретного ответа в решающий момент на решающие вопросы? Даже если тактика Жореса и его сторонников может показаться ошибочной, не имеют ли они в глазах трудящихся огромную заслугу в связи с тем, что они открыли перспективу немедленной и единой борьбы одновременно за улучшение их положения и за принципы справедливости, истины, демократии, которые были им так дороги?»

Но это отнюдь не значит, что действия Жореса были совершенно безупречными. Он, конечно, преувеличивал опасность монархического переворота. Монархисты давно уже растеряли свои силы и свои шансы. Они сами

признали это, пойдя на политику пресловутого «присоединения». Даже люди, для которых монархия могла бы быть только привлекательной, признавали, что шансов у нее во Франции нет. Царский посол тех времен в Париже князь Урусов писал в Петербург, что во главе монархистов «нет способных и решительных людей, а идеи, которые они проповедают, не могут больше увлечь за собой массы». Его германский коллега Мюнстер, в свою очередь, доносил в Берлин, что он решительно не верит в возможность государственного переворота, ибо для этого «нужен энергичный человек, которому доверяла бы армия и который имел бы опору в народе. Такого человека я не вижу».

Но ошибку Жореса в самый момент казуса можно понять и объяснить. Поддержка Мильерана была продиктована, кроме всего прочего, его доброй душой, верностью по отношению к неверным друзьям, слабостью, которую он питал к Люсьену Герру, и, конечно, тем, что его социалистические убеждения вытекали из его романтического идеала республики. Хуже другое: отбиваясь от нападков гэдистов, увлеченный логикой борьбы, Жорес стал потом оправдывать ее и слишком возводить в принцип.

Но Жорес оказался и самой страдающей стороной во всей длительной борьбе из-за казуса. Сначала он увидел, как рушился его идеал социалистического единства и как между независимыми и революционными социалистами возникала и стала углубляться пропасть. Он получил печальное удовольствие наблюдать глубокий кризис, поразивший из-за казуса Мильерана партию Гэда, Французскую рабочую партию — наиболее мощную и организованную силу французского рабочего движения. Она имела тогда 17 тысяч членов, половину всех организованных социалистов. На выборах 1898 года гэдисты собрали 294 тысячи голосов, сорок процентов тех, кто голосовал за социалистов.

Еще до казуса некоторые лидеры гэдистов не хотели идти на единство, опасаясь усиления влияния Жореса, так добивавшегося этого единства.

— Чем скорее наступит окончательный разрыв, тем лучше, — постоянно говорил Шарль Бонье.

Но вот этот долгожданный разрыв произошел, и оказалось, что гэдисты теряют свою собственную партию.

Когда 23 июня было опубликовано заявление, что гэдисты и бланкисты выходят из единой социалистиче-

ской фракции, под этим заявлением стояли подписи всех их депутатов. Но сразу же посыпались протесты. Оказалось, что подписи многих гэдистов появились без их ведома. Как Гэд ни настаивал, восемь депутатов его рабочей партии проголосовали за правительство Вальдека с участием Мильерана.

А затем начались выступления местных организаций рабочей партии против гэдистского манифеста войны. Значительная часть этих организаций, почти половина, поддерживает Жореса и отвергает непримиримую линию лидера своей партии. Даже известные бастионы гэдизма — Лилль, Рубэ — оказались поколебленными. Многие резолюции выражали мнение, что вступление социалиста в правительство — прямое логическое следствие политики самого Гэда, проводившейся им несколько лет.

В августе 1899 года в Эперне собрался Национальный съезд Французской рабочей партии. Разгорелись жаркие споры о казусе. Известные гэдисты резко выступили против злоупотребления их именами, произвольно поставленными под «манифестом войны». Многие говорили, что республика действительно в опасности, что Жорес прав, что у него не было другого выхода. Чтобы не допустить открытого раскола партии, Гэду пришлось примириться с включением в резолюцию пункта о том, что возможны случаи и обстоятельства, когда социалистам придется сотрудничать с буржуазией в составе общего правительства. Это сводило насмарку все гневные тирады Гэда по адресу Жореса. Но он был рад и этому исходу конгресса.

— Это полная победа, это триумф, — радостно повторял Гэд после его окончания.

— Героический конгресс, — как всегда, поддакивал Бонье.

— Не увлекайтесь, — сдерживал их Лафарг, — помните о разногласиях.

— Триумф? — восклицал лидер гэдистов Жиронды Лавинь. — Ваш триумф слишком платонический и смешной. Ведь даже эту резолюцию вырвали под нажимом. Вы, Гэд, может быть, и спасли партию, но только в теоретическом, я бы сказал, в академическом смысле. Фактически, реально вы ее потеряли. Вы великолепно витаєте в облаках чистой «идеи», но вы плохо связаны с обыкновенной жизнью...

— Делегаты не выступили против Жореса, — раздраженно заметил Бонье, — чтобы не потерять поддержку

своих организаций. Ну откуда у него такая поразительная популярность?

Однако гэдисты были лишь одной, хотя и самой сильной, из восьми существовавших тогда во Франции социалистических групп. Независимые социалисты, не уступавшие по своему влиянию гэдистам, все поддерживали Жореса. А в других организациях оказалось также много его сторонников. Комитет социалистического согласия 23 июня подавляющим большинством поддержал Жореса и проголосовал за его резолюцию. Не пошли за Гэдом и профсоюзы. В конечном счете большинство французских социалистов встало на сторону Жореса. Пророческий мираж абстрактной революции Гэда, за которым не было никакой реальной практической политики, никакой жизненной перспективы, большинство французских рабочих не воспринимало. В этом сказывалось, конечно, традиционное влияние домарксистских форм мелкобуржуазного социализма, проявлялась отсталость рабочего движения. Но важно, что это помогает понять позицию Жореса, который шел за массами. Необычайным чутьем он улавливал господствующее настроение трудящихся и выражал его. Правда, это лишь объясняет поведение Жореса, но не оправдывает его.

А как же вело себя правительство Вальдек-Руссо, из-за которого разгорелся весь сыр-бор? Ведь Жорес поддался на уговоры друзей и поддержал вступление Мильерана, поскольку ему обещали, что Вальдек положит конец интригам милитаристов и шовинистов, что начнется политика прогрессивных социальных реформ.

Первым делом он уволил в отставку всех генералов, выступавших против пересмотра дела Дрейфуса. Военная разведка была изъята из генерального штаба и передана в министерство внутренних дел. 12 августа 1899 года отдается приказ об аресте вожаков антидрейфусаров. Правительство официально объявило, что оно получило документальные доказательства существования «обширного заговора, имеющего целью ниспровергнуть парламентскую республику и призвать во Францию герцога Орлеанского».

Хотя и в трагикомических формах, дело дошло до применения оружия. Главарь антисемитов Жюль Герен, чтобы избежать ареста, забаррикадировался в редакции газеты «Антисемит» на улице Шаброль. Больше месяца парижане имели возможность развлекаться наблюдением

осады «форта Шаброль», пока 20 сентября Герен не сдался.

7 августа в Бретани, в маленьком городе Ренне, начался новый процесс по делу Дрейфуса, на этот раз публичный. Жорес приехал туда и своими глазами видел бесчинства шовинистов. Особенно возмутила его военщина. Он убедился там, как он сам говорил, что эта преступная каста не имеет ничего общего с нацией. Новый суд явился всего лишь инсценировкой, которая должна была прекратить дело Дрейфуса без особого шума. Его снова осудили, но на этот раз всего на 10 лет. Через неделю после приговора Дрейфуса помиловал президент, и злосчастный капитан оказался на свободе. В итоге ни одна из сторон не была удовлетворена. Борьба продолжалась, и только в 1906 году Дрейфуса полностью реабилитировали.

Во всяком случае, Вальдек-Руссо сумел провести компромиссное решение по делу Дрейфуса, чтобы преодолеть разногласия в лагере буржуазии и сплотить ее против главного врага — против социализма. И как ни поносили «социалистическое» правительство наиболее тупоголовые буржуа, прав был Вальдек-Руссо: Мильеран оказался просто находкой. Прежде всего он устроил такой скандал внутри социалистического семейства, что буржуазная печать, захлебываясь от восторга, писала о смертельном характере кризиса социалистической партии, о конце марксизма, о триумфе республики, поглощающей социализм.

Но еще важнее было ослабить революционный порыв главной силы социалистической армии — рабочего класса. Вальдек-Руссо хорошо понял, что для этого лучше всего убедить рабочих в возможности улучшить свое положение в рамках буржуазного строя. И хотя социальные реформы Мильерана были незначительны по сравнению с уже существующим социальным законодательством в Англии и даже в Германии, они, конечно, не могли не сказаться на развитии рабочего движения.

30 марта 1900 года принимается закон о максимальном 11-часовом рабочем дне. Через четыре года рабочее время должно было сократиться до 10 часов. Затем появились законы о создании при министерствах различных бюро, предназначенных для того, чтобы выработать соглашения рабочих с капиталистами, об учреждении советов труда из представителей хозяев и рабочих, которые

служили бы посредниками между ними и предотвращали бы забастовки. Даже по словам Аристиды Бриана, пока еще считавшего выгодным оставаться социалистом, это был закон «социального консерватизма» и «гарантии против революции».

Французская буржуазия крайне нуждалась в такой гарантии. 19 ноября 1899 года по случаю открытия памятника «Триумф Республики» в Париже происходила 250-тысячная демонстрация. На красных знаменах рабочих организаций красовались угрожающие лозунги: «Да здравствует социалистическая республика!», «Да здравствует Коммуна!» В 1899 году во Франции число забастовок увеличилось в два раза по сравнению с предыдущим годом и продолжало расти небывалыми темпами. Бастуют рабочие Крезе, Вьенна, Шалона, острова Мартиника, Марсея, Кале и многих других промышленных городов. Забастовки часто приобретали политический характер и сопровождались революционными демонстрациями. В борьбе с ними правительство «социальных реформ» не пренебрегало старыми, испытанными средствами. В феврале 1900 года на Мартинике было убито 9 и ранено 14 рабочих-демонстрантов. 3 июля в Шалоне-на-Соне жандармы открыли огонь по толпе забастовщиков, убили троих и многих ранили.

Совсем иной оказалась судьба заговорщиков и антидрейфусаров, арестованных в августе 1899 года. Сначала к суду привлекли 75 человек. Но наказание понесли только четверо. Жюль Герен получил 10 лет тюрьмы, Дерулед, Люр-Салюс — по 10 лет изгнания из Франции.

Такая удивительная снисходительность и такая поразительная жестокость проявились во время деятельности одного правительства, в котором участвовал социалист. Впрочем, если бы он был действительно социалистом, то ему все равно не позволили бы действовать в духе социалистических принципов. Мильерану запретили специальным решением палаты даже говорить об этих принципах.

Впрочем, социалистический министр все же взял свое. По случаю открытия Всемирной выставки 1900 года Мильеран устроил прием в Праздничном зале выставки в честь ее строителей. Буржуазные газеты злорадно описывали rispetабельно-буржуазный облик социалистического министра и его супруги, показавших, что они вполне могут принадлежать к «высшему свету». Журнал «Ил-

люстрасьон» писал: «Рантье! Забудьте о своих кошмарных страхах! Свирепые социалисты, которые находятся у власти, не тронут нашей ренты!» Что касается Мильерана, то его в этом смысле действительно можно было не опасаться.

Жорес видел все это. Он ясно отдавал себе отчет в том, что практическая деятельность Мильерана оправдывает худшие его опасения, что критики казуса во многом оказались правы. Сравнительно легкий разгром верхушки антидрейфусаров и монархистов показал, что опасность, угрожавшая республике, действительно была не так уж велика. Никакого массового движения за ликвидацию республики, за восстановление монархии не было. Тогда ради чего же надо было соглашаться прикрывать интриги и подлость Мильерана, который с презрением отбросил все свои политические, моральные обязанности перед социалистической партией?

И все же Жорес не считал, что он совершил ошибку. Он не мог согласиться с требованием Вайяна и Гэда придерживаться в борьбе за социализм раз навсегда принятой, одной тактики. В сложном мире политики невозможно идти только прямым путем, не допуская лавирования, компромиссов. Такая тактика может принести лишь вред. Для успеха необходима максимальная гибкость. Чтобы победить буржуазию, надо обладать всеми, без малейшего исключения, формами общественной деятельности, надо быть готовым к любой, самой невероятной неожиданности. Нельзя требовать только окончательного, полного успеха и отказываться от частичных возможностей продвижения к нему. Поэтому Жорес не мог согласиться с принципом Вайяна и Гэда: все или ничего.

Если бы была возможность действовать иначе! Но ведь ее не было, ибо гэдистская партия не предпринимала ничего для использования критической ситуации, для подготовки революции. Она просто уклонялась от борьбы. Что же было делать? Видимо, не делать ничего. Но с этим Жорес согласиться не мог. И как ни тяжело защищать данный, весьма двусмысленный, скомпрометированный Мильераном опыт, с точки зрения принципов социалистической тактики, это надо делать. Так решил Жорес. И надо идти вперед, не останавливаясь на месте. А вперед идти нельзя без создания единой, мощной социалистической партии. Вот задача, которая поможет решить все. Это становится главной целью Жореса на предстоящем

вскоре первом объединительном конгрессе всех социалистических организаций Франции.

Гэдисты и бланкисты упорно готовятся к конгрессу. Они озабочены прежде всего тем, чтобы на конгрессе оказалось как можно больше их сторонников, они дерутся за каждый мандат.

Жорес тоже ведет борьбу. На страницах «Птит репюблик» он защищается от обвинений, выдвинутых против него. Ему приписывают отказ от классовой борьбы, и он излагает свою позицию: «Борьба классов — это принцип, база, основной закон нашей партии. Те, кто не допускает борьбы классов, могут быть республиканцами, демократами, радикалами или даже радикал-социалистами, но они не социалисты. Признать борьбу классов — это значит сказать, что в современном обществе существуют два класса, капиталистическая буржуазия и пролетариат, которые находятся между собой в таких отношениях, что полное развитие одного предполагает исчезновение другого».

Но это совершенно не значит, что социалисты должны действовать строго в рамках социально-экономической схемы, применяя неизменную тактику политической борьбы. Установление общественной собственности, говорит Жорес, на место собственности капиталистической представляет собой слишком глубокую экономическую революцию, она выводит на сцену слишком много противоположных страстей, надежд и страхов, чтобы кому-либо было дано заранее наметать с уверенностью путь, которым пойдет пролетариат. Самым важным является то, чтобы извлечь пользу из всех политических и экономических обстоятельств, которые могут подготовить новый социальный строй.

Жорес страстно выступает против попыток бланкистов и гэдистов навязать всем социалистам свою тактику, изгнать из социалистической партии всех, кто имеет свое мнение о методах борьбы за социализм.

«Как бы ни были огромны их заслуги, — пишет Жорес, — как бы ни был велик их авторитет, но Гэд и Вайян не могут более по своей воле изгонять из пределов социализма и устранять от работы кого им угодно. Сами они своими долгими усилиями сделали из социализма слишком обширное хозяйство, чтобы они могли его суверенно занять и управлять им по-хозяйски. Подобно тому как индивидуальная и корпоративная собственность долж-

на превратиться в собственность общественную, и социализм стремится к тому, чтобы перестать быть личной собственностью отдельных групп. Он стремится стать общей собственностью всей партии, всего борющегося пролетариата. Прежде чем обобществить все другое, социализм сам должен быть обобществлен».

Объединительный конгресс открылся 3 декабря 1899 года в спортивном зале Жапи на бульваре Вольтера. 800 делегатов сидели компактными группами, враждебными, готовыми к бою. Бланкисты и гэдисты открыто провозгласили свою цель: нанести удар тем, кто заменил борьбу классов охотой за министерскими портфелями.

Жорес окружен своими друзьями. Но что это за друзья! Среди них немало людей, подобных Мильерану. В последнее время особенно усердно терся вокруг Жореса Аристид Бриан. Сын разбогатевшего трактирщика из Нанта быстро стал видным адвокатом в Сен-Назере. Однако несчастный случай сорвал его блестяще начинавшуюся карьеру. Он оказался жертвой сенсационного процесса по обвинению в оскорблении нравственности, ибо его поймали «на месте преступления» на лоне природы с женой прокурора. Талантливый адвокат был исключен из адвокатского сословия. Тогда он решил сделать карьеру иначе: он становится пылким революционером, он выступает даже левее Гэда, заявляя, что надо немедленно захватывать власть с помощью всеобщей забастовки.

Бриан быстро сообразил, насколько выгодно ему стать одним из соратников Жореса. Ведь можно урвать кое-что и для себя от огромной популярности этого человека. Его не смущало, что у него нет ничего общего с Жоресом. К тому же Жорес так простодушно доверчив к людям, завоевать его расположение легко. Если Лафарг даже возмутился, когда Бриан обратился к нему со словом «товарищ», то Жорес многое прощал, особенно одаренным людям, а Бриан, несомненно, имел способности, он был хорошим оратором — вернее, ловким красноречивым. То, что Бриан только и ждал момента, чтобы продать своего учителя, не мешало ему пока подобострастно смотреть в рот Жоресу. Вообще Жоресу удивительно везло на такого рода друзей. Ему часто приходилось возглавлять не очень дисциплинированное, не очень стойкое и трусливое войско, в котором порой оказывались обыкновенные мародеры.

Жорес стремился выдвинуть в качестве главной задачи объединительного конгресса единство социалистов.

— Положение нетерпимо, — говорил он. — Надо, чтобы расхождение, которое у нас существует, и вопрос метода были урегулированы. Пролетариат должен организоваться в классовую партию, чтобы вырвать у класса собственников все их привилегии. Но в этой борьбе вопрос о том, может ли социалистическая партия уклоняться от ответственности за власть, является вопросом тактики...

Я хорошо знаю, что удобнее всего было бы ограничиться утверждением в общих формулах основных доктрин нашей партии, чем брать на себя ответственность за управление в существующем обществе. В той мере, в какой наша партия растет, в той мере, в какой она делается силой, с которой все вынуждены считаться, неизбежно, что эта сила воздействует на силы, окружающие ее, и иногда они объединяются с ней. Разве возможно, чтобы наша партия перед лицом большого числа реакционных организаций не проявляла никакой заинтересованности в судьбе оказавшейся в опасности республики?

Жорес настойчиво развивает свою идею об активной роли социалистической партии, которая обязана использовать любую возможность для увеличения своего влияния и создания лучших условий для движения к социализму. «Если бы мы, — говорил Жорес, — были уверены в близости момента победы социализма, то бесполезно было бы останавливаться на реформах, но так как этого момента никто не может определить, то нам следует добиваться наибольшей жатвы со всех полей, которые мы обрабатываем. Оставаясь безусловными революционерами по отношению к буржуазному государству, борьбу с ним надо вести не издалека, но проникая, насколько это возможно, в самое сердце враждебной крепости».

Но, защищая общий принцип возможности участия социалиста в правительстве, Жорес понимает, что трудно защищать конкретный шаг Мильерана, на который тот пошел, не спросив согласия партии, даже подло обманув ее. Поэтому Жорес делает уступку: он заявляет, что в будущем ни один социалист не может стать министром, не получив согласия партии и не подчинившись ее контролю.

Хотя слова Жореса встречают одобрение не только его сторонников, но и многих членов гэдистской партии, он находится в очень трудном положении. Никогда еще он не был объектом столь сильной и во многом верной кри-

тики со стороны социалистов, со стороны своих единомышленников. Что мог он возразить на слова Лафарга о том, что присутствие социалиста в буржуазном правительстве возлагает на него ответственность за все ошибки, все преступления этого правительства, такие, например, как расстрелы бастующих рабочих?

Конечно, он совершенно не согласен со словами Вайяна о том, что никогда ни один член партии не может принять министерский пост и в какой-либо форме участвовать в буржуазном правительстве. У него есть достаточно убедительных доводов против этой доктринерской точки зрения.

Но, увы, Жоресу трудно, даже невозможно возразить что-либо на беспощадную критику последствий казуса Мильерана, с которой выступил Жюль Гэд.

— Голос министра-социалиста, — говорил Гэд, — может быть только голосом человека, вопиющего в капиталистической пустыне. Вальдек взял Мильерана лишь в качестве заложника. Он хочет помешать революционерам стрелять по нему, по Вальдеку, поскольку они будут опасаться ранить... Кого? Социалиста Мильерана!

Но у Гада были очень слабые места в стене его аргументов. Он по-прежнему не выдвигал конкретных тактических планов, ограничиваясь общими, абстрактными революционными формулами.

Наконец, сам Гэд нес изрядную долю ответственности за возникновение мильеранизма. С исключительным ехидством эту сторону дела ловко показал Бриан. Он перечислил серию уступок гэдистов явному оппортунизму, против которого они выступали теперь со столь искренним негодованием.

— Если мы, — говорил Бриан, — скатились по наклонной плоскости до точки, у которой мы теперь находимся, то это произошло потому, что вы сами позаботились сделать эту плоскость более скользкой.

Обстановка на конгрессе становилась все более тяжелой. Делегаты обменивались резкими, подчас оскорбительными репликами. В зале Жапи царил атмосфера напряженной озлобленности...

И вот в один из таких моментов в зал вошла делегация рабочих департамента Нор. Рабочие шли тесной колонной с красным знаменем впереди. Они громко пели «Интернационал», который многие делегаты слышали впервые. Единный порыв поднял всех на ноги. Взволенно-

ванные, потрясенные, многие со слезами на глазах, слушали они этот великий голос самой пролетарской революции — «Интернационал», ставший с этого момента гимном французских социалистов, а затем и коммунистов всего мира...

Съезд заседал шесть дней. И сторонники Жореса и даже гэдисты при всей их непримиримости и резкости знали, каким ударом для рабочего класса Франции будет разрыв. Жорес напряженно искал возможность соглашения, какой-то общей платформы. Казалось, что ее невозможно найти, столь различны были позиции. Наконец Жорес нашел блестящий тактический ход. В комиссии по составлению резолюции Жорес предложил взять за основу текст решения, принятого на недавнем конгрессе в Эперне. Гэд оказался пленником резолюции, которую он сам рекомендовал своей партии.

Вот текст, предложенный конгрессу: «Допуская, что в исключительных обстоятельствах партия может рассмотреть вопрос об участии социалиста в буржуазном правительстве, социалистический конгресс заявляет, что при современном состоянии капиталистического общества и социализма во Франции и за ее пределами все силы партии должны быть направлены к завоеванию в коммуне, департаменте и государстве только выборных должностей; выборные органы находятся в зависимости от пролетариата, организованного в классовую партию, и, завоеывая в них места собственными силами, партия начинает законным и мирным путем политическую экспроприацию капиталистического класса, которая закончится революцией».

Гэд обещал присоединиться к большинству. В редакционной комиссии в него вошли и все гэдисты. Но он решил тоже сделать ловкий тактический ход, который привел к очень шумному недоразумению, а точнее, к скандалу. Внезапно он объявил, что будет голосовать за непримиримую позицию бланкистского меньшинства:

«Никто из членов партии не может, не будучи исключенным из партии, принять министерский пост или участвовать в каком-либо виде в центральных органах власти буржуазного государства».

Жорес словно взорвался. Он бросился на трибуну:

— Гэд, вы совершаете акт нелояльности! Гэд! Жюль! Это же измена! Вы обязаны говорить от имени вашей партии! Гэд! Это же измена, измена!

Поднимаются сильный шум, крики. Раздаются возгласы: «Да здравствует Жорес!» Гэдисты бросаются на штурм трибуны. А Жорес, покрасневший, покрывшийся потом, отчаявшийся, идет к Гэду, повторяя на ходу дрожащим голосом:

— Гэд, я заклинаю вас восстановить честь вашей партии! Гэд! Жюль! Честь!

Гэд сохраняет невозмутимость. Среди сильного шума слышны лишь отдельные слова Жореса, пытающегося перекричать всех:

— Гэд! Я вас зову сюда... Гэд... Идите сюда... Это измена... Вы оглохли, честное слово. Вы подлый человек... Гэд. Вы обесчещены... Гэд, вы нарушили слово... Гэд... Это вероломство.

Сильный шум, крики, перебранка продолжались полчаса. Делегаты вскакивали на столы, размахивали красными флагами и кричали: «Позор Гэду!», «Да здравствует Жорес!», «Долой Жореса!», «Да здравствует Жюль Гэд!» Свист, крики, аплодисменты — все смешалось. Некоторые делегаты уже грозили друг другу кулаками.

Внезапно кто-то поднял плакат с надписью: «Единство!» Председатель мелом на доске написал, что объявляется перерыв.

После перерыва все успокоились. Гэд и Жорес выступили с объяснениями. На голосование поставили вопрос Гэда: допускает ли принцип классовой борьбы участие социалиста в буржуазном правительстве. 818 голосов было подано против участия, 643 — за. Затем голосовали за резолюцию, которую одобрили 1140 голосами против 240 бланкистов. Таким образом, гэдисты, по существу, голосовали первый раз за одно, а второй раз — за нечто противоположное.

А потом достигли того, что казалось просто невысказанным. Конгресс провозгласил создание единой французской социалистической партии, куда должны были войти все социалистические организации, сохраняя свою автономию. Общий Генеральный комитет должен решать общие вопросы, контролировать печать и единую социалистическую парламентскую группу.

Конгресс закончился торжественной церемонией. Пригласили бывших членов Коммуны. Дружно пели «Интернационал». Жорес держал за руку Гэда, Гэд не отпустил руку Жореса.

Жорес был искренне счастлив. Он писал об итогах конгресса: «Пролетариат Франции и всего мира с радостью узнает, что союз всех социалистов не только провозглашен, но и организован». Жорес радовался единству. Гэд торжествовал победу своей партии, которая, как он писал, одержала полную победу по всем пунктам. В Центральном комитете, говорил Гэд, «мы будем в большинстве», и ему «будут подчинены все социалистические депутаты и газеты».

Ошибались они оба.

Конечно, со стороны могло показаться, что распри социалистов не столь уж существенны: ведь конечная цель у Жореса и у Гэда одна и та же. В этом отношении буржуазия не заблуждалась. Ее журнал «Иллюстрасьон» так комментировал итоги конгресса: «Когда социалисты сегодня спорят между собой, то речь идет исключительно о том, под каким соусом они съедят буржуазию. Одни склоняются к бульону, подслащенному оппортунизмом, другие предпочитают поджарить ее на вертеле».

Но пока социалисты никак не могли сообща даже развести огонь. Медовый месяц социалистического единства продолжался меньше обыкновенного месяца. Если страсти вокруг дела Дрейфуса несколько приутихли, то страсти среди социалистов из-за дела Мильерана стали особенно бурными после объединительного съезда. Как тяжело приходилось в это время Жоресу! Казус превратился в болото, которое засасывало его все глубже, а отчаянные усилия добраться до твердой почвы лишь быстрее погружали его в трясину. Раньше Жореса называли оптимистом. Теперь его зовут все чаще оппортунистом. И не без основания.

Правительство Вальдека, которое по-прежнему украшает своим присутствием социалист Мильеран, относилось к рабочим еще хуже, чем привычные кабинеты умеренных. В рабочих стреляли на Мартинике, в Шалоне и в других местах. Правительство подло обмануло забастовщиков Крезю. Каждый из этих позорных эпизодов обсуждался в палате. И социалисты-депутаты — а большинство их было министерялистами — голосовали за правительство. Иначе правые свергли бы кабинет. Социалистические депутаты поддерживали его, надеясь на пресловутые социальные планы Мильерана. В крайне неприглядном виде представлял социализм в глазах французских рабочих. А поскольку Жорес превратился в ширму, за кото-

рой прятались Мильеран и ему подобные карьеристы и проходимцы, вся грязь летела в него! Ведь ему приходилось выступать главным защитником Мильерана.

Разумеется, никакие резолюции о единстве не могли заставить Вайяна и Гэда разделить участь Жореса. Более того, они охотно пользовались тем, что пребывание Мильерана в кабинете Вальдека давало им все новые аргументы в пользу их взглядов. В то время как парламентская фракция не находилась под их контролем, они имели большинство в новом Генеральном совете. По условиям соглашения на съезде в зале Жапи депутаты обязаны были подчиняться указаниям совета. Но они не подчинялись. Выходит, что сторонники Жореса грубо нарушали соглашение о единстве, за которое так долго и самоотверженно он сам боролся. Поистине Жорес попал в заколдованный круг!

Можно было бы, конечно, как-то выбраться из него. Но противники Жореса отрезали ему все пути. Они придали спору небывало резкий, нетерпимый, грубый, оскорбительный тон. Ну и слово за слово, газетная полемика захлестнула Жореса. Правда, все прежние социалистические издания оказались на стороне Жореса. Однако гэдисты, не брезгуя ничем, воспользовались предложением миллионера-авантюриста Эдвардса, предоставившего им свою газетенку «Пти су», и на ее страницах развернулась непримиримая война против министерялистов. Шла лихорадочная подготовка к новому съезду социалистов, намеченному на осень 1900 года. Успех на съезде зависел от числа мандатов, а они соответствовали числу местных организаций. Независимые социалисты обвиняли гэдистов, что те действовали недобросовестно, создавая фиктивные организации для приобретения мнимого большинства. В Армантьере на каждой улице создали гэдистскую группу, имевшую право на мандат.

Конфликт вышел за пределы Франции и приобрел международный характер. Казус Мильерана затрагивал социалистов всех стран, которые еще только вырабатывали свою революционную стратегию и тактику, а в воздухе уже чувствовались порывы надвигающейся революционной бури. С самого начала гэдистов целиком поддерживали В. Либкнехт и Р. Люксембург в Германии, Г. В. Плеханов — в России, А. Лабриола — в Италии. Но большинство социалистических лидеров оказалось на стороне Жореса. Руководитель английских социалистов Гайндман

считал ошибки Жореса безделицей по сравнению с преступлениями, как он сказал, промахами гэдистов.

Новый тур борьбы гэдистов и министриалистов состоялся в танцевальном зале Ваграм в Париже, где 23 сентября 1900 года начался V конгресс II Интернационала.

Открыть конгресс поручили Жоресу. Он сказал при этом: «Мы едины во всех основных вопросах; если по отдельным вопросам в нашей среде и существуют расхождения, то вопреки им нужно найти формулу единения».

— Осуществим социалистическое единство. Французская партия готова показать пример, — заявил он в заключение.

Пример французов оказался весьма знаменательным. Хотя Гэд и Жорес договорились заключить нечто вроде перемирия и не стирать грязное белье на глазах у иностранных товарищей, разногласия вспыхнули еще до начала конгресса. Французы не смогли даже выступить единой делегацией. Их оказалось две: одна во главе с Жоресом, другая во главе с Гэдом. Вайян и Гэд потребовали, чтобы конгресс вообще запретил всякое участие социалистов в буржуазных правительствах. Но большинство делегатов не поддержало их. Карл Каутский, претендовавший на роль душеприказчика Маркса и Энгельса, предложил резолюцию, в которой участие социалистов в правительствах объявлялось вопросом тактики, а не принципа, что пролетариат не может прийти к власти одним ударом, что это явится результатом длительной и трудной работы по организации рабочего класса, постепенного завоевания депутатских мест. Каутский допускал участие социалиста в правительстве как временный и исключительный шаг, совершаемый при особых обстоятельствах. Эту примирительную и уклончивую резолюцию один из делегатов удачно назвал каучуковой. Конгресс принял ее 29 голосами против 9. Гэд потерпел, таким образом, поражение, а Жорес оказался победителем в некотором смысле. Но это была пиррова победа.

Если до сих пор Жорес испытывал колебания и сомнения, защищая казуса Мильерана, то авторитет Интернационала во многом устранял их. И это повело его дальше, к оппортунизму и реформизму. Дурную услугу оказали ему Карл Каутский и другие лидеры II Интернационала. Некоторые представители самой влиятельной тогда германской социал-демократии даже завидовали французам.

— Конечно, — говорил реформист Ауэр, — мы еще не имели в Германии казуса Мильерана. Нам еще не удалось продвинуться так далеко вперед! Однако я надеюсь, что скоро и мы достигнем до этого!

...Жоресу не пришлось передохнуть ни одного дня после окончания 27 сентября конгресса Интернационала. На следующий день в том же зале, украшенном красными знаменами и лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», начался конгресс французских социалистов. Если на международном конгрессе французы сдерживали себя, то теперь, оставшись одни, они разошлись всюду. Гэдисты и жоресисты расселись, как в буржуазном парламенте, соответственно слева и справа. Начались взаимные обвинительные речи, прерываемые враждебными криками. Гэдисты напоминали о расстреле в Шалоне, о Галиффе; их противники указывали на миллионера Эдвардса, сидевшего здесь же, среди гэдистов. Зал, где находилось более тысячи людей, заполнялся потоками бра ни и клубами табачного дыма.

Впрочем, предоставим слово участнику конгресса, делегату от профсоюза краснодеревщиков Ромену Роллану: «Приятно было видеть большое лицо Жореса, спокойное и веселое, сильное тело, его добрые глаза. В этом хаосе он чувствовал себя как рыба в воде. Но, взглядевшись по пристальнее, я открыл в нем известную моральную слабость: его энергия была следствием скорее пылкого темперамента, нежели сильной воли. На другой стороне трибуны возвышался непримиримый Гэд, с лицом фанатика-аскета, с большой бородой, в очках. А рядом с ним гремел Лафарг. Там же я впервые увидел и организатора съезда Аристида Бриана — хитрую лису, насмешливого и уже пресыщенного красной; своими коварными выходками он вызывал бури в лагере гэдистов. Старый коммунар Вайян, неповоротливый, неряшливо одетый, с засыпанным перхотью воротником, пряча глаза под темными стеклами очков, говорил громко и невнятно и старался из чувства ложного добродушия убедить равно друзей и недругов...

Несмотря на усилия Жореса, который лишь один временами наводил порядок в этом хаосе криков, единства достичь не удалось. Когда рабочая партия почувствовала, что явно осталась в меньшинстве, она воспользовалась первым же предложением (бурной ссорой между двумя социалистами), чтобы внезапно и демонстративно покинуть

зал заседаний. Шли с развернутыми красными знаменами, Гэд впереди».

После ухода гэдистов независимые и бланкисты еще поспорили некоторое время, затем приняли двусмысленную резолюцию, которая констатировала, что члены партии следовали различной тактике. Обсуждать вопрос о единстве уже не имело смысла, и решили заняться этим делом на следующем конгрессе. Итак, конгресс в зале Жапи 1899 года и конгресс 1900 года в зале Ваграм, созванные для создания единой партии, лишь углубили раскол. Пожалуй, кроме Жореса, уже никто не верил в возможность единства. Он считал, что два тактических метода можно согласовать, можно примирить. Поэтому он охотно согласился вступить в товарищеский диспут с Гэдом и 16 ноября приехал в Лилль, один из промышленных, закопченных городов Северной Франции, где, правда, старинный центр сохранил кое-какое обаяние и где была прекрасная картинная галерея, которую каждый раз посещал Жорес.

Он смело пошел на этот диспут, хотя знал, что Лилль — один из оплотов гэдизма, что здесь его ждет враждебная аудитория. И действительно, крики: «Галиффе! Шалон! Мартиника!» — раздавались в огромном зале ипподрома, где собралось шесть тысяч человек. Но Жорес, выступавший первым, своим лояльным товарищеским тоном создал спокойную атмосферу, и это собрание выгодно отличалось от бурных заседаний конгрессов в залах Жапи, а затем Ваграм.

— Дебаты, которые мы открываем сегодня вечером, — начал Жорес, — делают честь социалистической партии; и я имею все основания утверждать, что только в нашей партии и возможно открытое выяснение подобных политических разногласий, потому что только она одна обладает достаточной верой в силу своих основных принципов.

Жорес очень ясно, просто, последовательно изложил историю вопроса и, будучи блестящим полемистом, начал с дела Дрейфуса, в ходе которого Гэд проводил столь немую и капризную линию. Он изложил свое понимание классовой борьбы и подвел дело к тезису, утвержденному Интернационалом, что вступление социалиста в буржуазное правительство — это вопрос тактики, а не принципа. И затем он указал на пример В. Либкнехта, на которого гэдисты всегда ссылались, критикуя Жореса. Либкнехт

считал одно время, что участие в парламентских выборах могут посоветовать социалистам только предатели, а затем его партия стала в них участвовать и правильно делала. Жорес говорил, что тактическое сотрудничество с отдельными группами буржуазии не означает отказа от революции.

— Все великие революции в мире осуществлялись потому, что новое общество задолго до своего полного развития проникло во все поры и расщелины старого общества и укрепились в его почве всеми своими корнями.

Жорес не стал детально вдаваться в дело Мильерана, ибо личность этого лжесоциалиста и его деятельность защитить было трудно, если не невозможно. Он рассматривал вопрос о правительстве Вальдек-Руссо в принципе.

— Мы знаем, что в буржуазном обществе не все наши противники одинаковы. И если мы поддерживаем министерство, то не ради него самого, а ради того, чтобы на его место не стало другое, худшее министерство. Поэтому вопиющую несправедливость совершают те, кто ставит нам в вину ошибки правительства, поддерживаемого нами лишь как меньшее зло.

Я глубоко убежден, — продолжал Жорес, — что наступит час, когда объединенная, крепко организованная социалистическая партия отдаст приказание одному или нескольким ее членам вступить в буржуазное правительство с целью контролировать механизм буржуазного общества, с целью насколько возможно противодействовать реакционным стремлениям и способствовать осуществлению социальных реформ.

Такой час действительно наступил. Сначала социалистические реформисты пошли по этому пути, отказавшись от борьбы за социализм. Но после второй мировой войны во многих странах в буржуазных правительствах стали участвовать и коммунисты. Однако их действия служили подобным средством в осуществлении революционной программы в новых условиях. Но деятельность Мильерана явилась прецедентом не для второго опыта, а для первого. Поэтому защита казуса Мильерана, несмотря на все красноречие Жореса, оказалась все же безуспешной.

Потом Жореса сменил Гэд. Он сначала поблагодарил Жореса за правильную и умелую постановку вопроса и стал защищаться от обвинений в связи с делом Дрейфуса. И здесь схоластический «марксизм» Гэда сразу обнаружил свою несостоятельность. В то время когда всем во

Франции уже давно стала ясна подноготная дела Дрейфуса и только кучка клерикалов и шовинистов еще бесплодно упорствовала, настаивая на его виновности, Гэд заявил, что дело Дрейфуса «было и осталось загадкой».

Гэд правильно оценил общую опасность казуса Мильерана, но снова, в который раз, не предложил никакой практической политики.

— В современном обществе, — говорил Гэд, — ничего не изменилось и ничего не может измениться до тех пор, пока не будет уничтожена капиталистическая собственность и не будет заменена собственностью социалистической. Эти основные мысли, вот уже двадцать лет вколачиваемые нами в головы всех французских рабочих, должны остаться единственной путеводной нитью сознательного пролетариата и усвоены теми, которые еще стоят в стороне, не озаренные светом социалистического учения. Это наша единственная задача.

Так Гэд снова показал бесплодность своей справедливой критики мильеранизма, ибо он ничего не предлагал взамен. Жорес в конце своей речи высказал нечто такое, что сразу подняло его над сектантской линией Гэда. Во имя дела социальной революции Жорес призвал к единству всех французских социалистов, он говорил, что в рамках единой партии, в атмосфере товарищеских отношений можно решить и вопросы тактики. Гэд ничего не ответил на это предложение, и рабочим-социалистам, собравшимся на ипподроме в Лилле, оставалось самим решать, что же им делать дальше.

В мае 1901 года в Лионе собрался следующий конгресс социалистов. Он тоже считался объединительным, хотя гэдисты вообще не явились на этот конгресс. Снова обсуждался казус Мильерана. Бланкисты потребовали исключить министра из партии. Жорес к этому времени уже достаточно убедился в том, что дело Мильерана приносит много вреда социализму, он уже не раз открыто осуждал действия Мильерана. Но все же он по-прежнему считал, что в принципе участие социалиста в буржуазном правительстве допустимо в особых случаях и что правительство Вальдека, как меньшее зло, следует поддерживать. Отказ от такой поддержки Жорес считал помощью врагам республики. Поэтому его сторонники предложили резолюцию, не исключавшую Мильерана, но в то же время снимающую ответственность за поступки Мильерана с социалистов. Министру как бы предоставили от-

пуск из партии. В результате бланкисты тоже покинули съезд.

Конгресс решил создать Французскую социалистическую партию. Новая партия оказалась рыхлой, федералистской организацией, опорой реформизма и министериализма. Однако она пользовалась поддержкой социалистических группировок Франции.

Гэдисты и бланкисты в сентябре 1901 года создали свою партию — Социалистическую партию Франции. Образовалось две партии с очень сходными названиями, но с различными тенденциями. В отличие от жоресистской партии партия гэдистов имела крайне узкую и жесткую политическую линию. Эта доктринерская линия по-прежнему была далека от жизни, партия Гэда оказалась неспособна по-марксистски ответить на проблемы, возникавшие в жизни Франции в начале XX века. Она не давала массам никакой практической программы, ограничиваясь революционными фразами. Влияние ее падало, в глазах многих рабочих непримиримость Гэда выглядела лишь выражением глубокой враждебности к социалистическому единству.

Дело Дрейфуса, казус Мильерана оказались серьезным испытанием для французских социалистов. В стране возникло такое положение, что, будь у рабочих Франции единая, организованная марксистская партия, они смогли бы несравненно более эффективно использовать политический кризис. На пороге Франции уже стояла тогда задача социалистического переворота. Но никто из вождей французских социалистов: ни Гэд, ни Жорес — не смогли распахнуть дверь перед ней. Особенно велика ответственность Гэда, ибо он ведь считал себя революционным марксистом. Но ограниченность этого пуританина французского социализма толкала его на превращение социалистической партии в секту, отгородившуюся от жгучих проблем жизни завесой псевдореволюционной риторики.

Жорес сделал неизмеримо больше в достижении практических результатов. Он страстно добивался единства, он наносил беспощадные удары реакционной военнице и клерикалам. Но он искал при этом удобных путей, более легких, доступных. Склонность к оппортунизму, порожденная идеализированием событий и людей, не позволила ему твердо взять в руки обоюдоострый меч слова и дела революционного действия.

Грехопадение Мильерана, которое Жорес освятил сво-

им авторитетом, оказалось пагубным примером практического применения отступнических идей немецкого ревизиониста Бернштейна. Но, как ни парадоксально, Гэд, этот суровый ортодокс-марксист, не проронил ни слова против Бернштейна, а единственным французским социалистическим лидером, осудившим позорное отречение от революционного знамени марксизма, был Жан Жорес! Как он противоречив, этот большой и сложный человек!

Несколько лет в международном социалистическом движении шли бурные споры вокруг казуса Мильерана и поведения Жореса. В этой дискуссии сказал свое слово и Ленин. Он считал недопустимым ставить на одну доску Жореса и Мильерана, говоря, что различие между ними «очень велико». Ленин решительно выступал против людей, «затвердивших антижоресистские словечки» и отвергавших в принципе участие социалистов в буржуазно-демократическом правительстве при любых условиях. Однако Ленин считал, что «республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило». По мнению Ленина, Жорес ошибался, переоценивая угрозу республике. Что касается субъективных мотивов Жореса, стремившегося спасти республику, то их Ленин не ставил под сомнение. Он был убежден в искренности и честности Жореса.

Между тем начиная с сентября 1900 года, когда Жюль Гэд получил в свое распоряжение от миллионера Эдвардса газету «Пти су», против Жореса развертывается на ее страницах беспощадная борьба. Часто гэдисты и бланкисты были правы, осуждая примиренчество и всепрощающий туманный оптимизм Жореса. Но каким тоном это говорилось! Какие отравленные стрелы вонзались в широкую спину Жана! Насколько легче ему было, когда однажды на трибуне палаты на него обрушились кулаки графа де Берни! Теперь ему доставалось от людей, отдавших свою жизнь служению тому же социалистическому идеалу, от друзей, от единомышленников. Эта враждебность, вызванная различием взглядов, характеров, темпераментов, а часто и недоразумениями, азартом спора, поражала Жореса в самое сердце.

В его устах вновь и вновь звучали слова, искренне сказанные Гэдом на трибуне во Флорансе в 1893 году:

— Я могу умереть спокойно, потому что имею такого человека, как Жорес, который продолжит мое дело и поведет его хорошо!

Жорес ощущал и сейчас своей ладонью пожатие сухой, костлявой руки Гэда, которую тот братски протянул Жану после своих слов. А Лафарг? Его Жорес тоже ценил и уважал. Споря однажды с Жоресом по вопросам философии, Лафарг воскликнул, указывая на своего оппонента:

— Какое счастье, что этот чародей с нами!

Плохие, тяжелые времена наступили для Жореса.

РАЗБРОД

— Святой Жан — золотые уста, говорите вы? Да, но боюсь, что наш Иоанн Златоуст замолчит... О, многие этого хотели бы. Увы, скажу вам по секрету, мне рассказали в редакции «Пти республик», что Жорес болен, серьезно болен. Рак горла...

Люди, знавшие Жореса, одни с тревогой, другие со злорадством разносили этот слух. Действительно, у великого оратора было слабое горло. И он действительно болен. Последние годы так тяжело достались ему! Он почти все время находится в сильном нервном напряжении. Он явно постарел, как-то обрюзг, седина все заметнее в его бороде. Усталость и тяготы жизни поразили его главное орудие — голос. Видимо, это был все же не рак. Но бесконечные многочасовые речи в пыльных, прокуренных залах, в которых не так-то легко донести звук голоса до каждого слушателя, не могли не сказаться даже на самой луженой глотке. А у Жореса она была не из очень прочных. Но разве дело в этом, скрипки Страдивариуса славятся отнюдь не своей прочностью. Каждый, кто первый раз слышал великого оратора, сначала испытывал удивление: его голос поражал своей обыкновенностью. И лишь потом слушатель невольно оказывался во власти этого чарующего, гипнотизирующего, побеждающего голоса.

— Жорес говорил тенором, — вспоминал Луначарский, — довольно высоким, звенящим. В первую минуту, когда этот тучный человек с красным лицом нормандского крестьянина начал говорить и когда я услышал вместо ожидаемого густого ораторского баса этот стеклянный звук, я был несколько ошеломлен.

Но вскоре я понял, какая огромная сила заключается в самом тембре голоса Жореса. Этот звенящий голос был великолепно слышен, не мог быть покрыт никаким шу-

мом, давал возможность необыкновенно тонко нюансировать, казался какой-то тонкой, напряженной золотой струной, передающей все вибрации настроения оратора...

И вот этот голос начал сдавать. 28 февраля 1901 года газета «Птит републик» публикует письмо ее редактора Жаана Жореса: «У меня серьезная болезнь гортани, из-за которой в течение нескольких месяцев я должен полностью избегать всяких выступлений и всяких общественных собраний. Обращаясь к группам, которым я давно уже обещал выступить, я прошу извинить меня».

Удерживаться от всяких выступлений Жорес, конечно, не смог. Когда он был в Париже, то, несмотря на большое горло, продолжал выступать. Только летом он стал давать себе передышку и отдыхал некоторое время в предгорье Пиренеев, в Котере, а потом в Бессуле. Но, к сожалению, в некоторые годы он и лето проводил в Париже, оставаясь один в квартире, питаясь на ходу в маленьких кафе. Его время делится между собраниями и митингами, редакциями, заседаниями, всегда деловыми встречами на квартирах у друзей. Пристроившись где-нибудь на уголке стола, он набрасывает план речи, с которой ему предстоит сегодня выступать, прислушиваясь одновременно к разговору и вставляя быстрые реплики. У него, конечно, нет экипажа и тем более впервые появившегося автомобиля. Трамвай — его основной транспорт, если не считать только что построенной первой линии метро. Отдыхает он в библиотеках Эколь Нормаль и палаты. Читает много, поражая библиотекарей диапазоном своих интересов, простирающихся от античных классиков до современных декадентов. Стихи соседствуют со статистикой, свежие газеты — с поэзией средних веков.

Книги постоянно торчали из карманов его и без того мятого и пыльного пиджака. Он часто терял их, и библиотекари взыскивали с него деньги. Но книги находились, и Жорес возвращал уже оплаченные им пропажи. Оратор, журналист, политик, он еще имел и профессию читателя, не дилетанта, а настоящего библиотечного читателя, не кочевника, а оседлого обитателя этих повсюду тесных каморок или холодных, мрачных залов со стенами, заставленными старыми книгами, сам специфический аромат которых был ему привычен и мил.

Библиотекарь с удивлением смотрит на это чудо: известный политический деятель забирает охапку книг, где смешались пророк Исайя и барон Гольбах, проповеди

Боссюэ и трактат Гуго Гроция, «Король Лир» Шекспира и Жан-Жак Руссо. Кроме латинского и греческого, которыми он блистал еще в Эколь Нормаль, Жорес владел немецким, английским, итальянским, испанским языками.

Исключительно высокая культура, изумлявшая врагов и восхищавшая друзей, не отделялась от его социалистической деятельности. Он хотел отдать эту культуру рабочему движению. Он часто повторял, что задача организации пролетариата неотделима от высшей человеческой культуры. Он постоянно выступает против научной габарщины, где туманные слова выражают мутные идеи. Как раз в эти годы Жорес увлечен планом создания народных университетов для рабочих. Лафарг возражал против этой затеи, и Жорес с жаром доказывал ему, что пролетариат, уставший, замученный трудом, все равно не должен ждать полного социального преобразования, чтобы научиться думать.

Жорес отнюдь не считал, что его культура чужда трудящимся. Он часто, выступая перед рабочими, говорил о Золя и Толстом, о социальных идеях романистов XIX века. Его волновали и проблемы эстетики, к которым он нередко обращался в своих статьях в «Птит републик». Он писал, что только социализм может создать гуманистическое искусство, уничтожив ограничения, мешающие пока рабочему классу быть частью человечества, приобщенного к искусству.

Постоянный посетитель картинных галерей, знаток и подлинный ценитель прекрасного, Жорес считал, что и искусство только выиграет от сближения с массами. «Как зеркало не смогло бы вечно отражать одно и то же лицо и исказило бы в конце концов морщины этого упрямого и надоевшего лица, — писал Жорес, — шедевры искусства многое потеряют, если ими будут восхищаться только немногие. Эти шедевры человеческого творчества требуют, чтобы все человечество видело в них свою меняющуюся душу».

В эти годы, свободные от утомительных парламентских заседаний, которые столь добросовестно отсиживал Жорес, он много работает в своем кабинете. О этот кабинет! Клерикальные, правые газеты не раз описывали его поразительную роскошь, под стать мифическому «замку» Бессуле, этот просторный салон со стенами, обтянутыми «шелками умирающих тонов». В действительности это крошечная голубятня, где трудно повернуться,

где нет ничего, кроме стола, пары стульев и книг на полках и сваленных в груды на полу. Нет ничего, на чем мог бы отдохнуть глаз, отвлечься от работы, ни картин, ни даже цветка. Здесь же обшарпанный чемодан, спутник его частых поездок. Он открыт, и в нем все смешано в кучу: грязное белье, шляпа, ботинки, кусок сыра. Замок сломан, а ручка перевязана бечевкой. Каждый раз, взглянув на эту рухлядь, Жорес улыбается, он все забывает его починить! Он забывал надеть галстук, забывал книги и зонтики, и друзья дарили ему их, а их жены штопали ему брюки. Как-то Жорес зашел к шляпнику. Порыв ветра заставил его схватиться за поля потрепанной шляпы-канотье так, что поля оторвались от верха. Он просил удивленного мастера починить эту рвань, не стойшую и одного франка. Денег у него не водилось. Он все отдавал Луизе, которая одевалась у самых дорогих и модных портных Парижа. Красивая, элегантная, одетая с иголочки мадам Жорес не знала, что мужу нужны рубашки и белье. И часто его друзья заставляли Жана переодеть сорочку. Его приятель Жеро-Ришар, смеясь, как-то сообщил, что Жорес присвоил больше двадцати его сорочек...

Он приобрел уже громадную, истинную славу, основанную не на должностях, богатстве, внешней эффективности; ничего этого у него не было. Но его знали, знали многие, очень многие. И в самых неожиданных местах самых неожиданных книг, воспоминаний министров или писателей, простых чиновников и рабочих всегда их авторы тщательно описывают хотя бы мимолетные встречи с Жоресом. Они испытывали гордость от того, что просто им удалось видеть его. Вот так можно вдруг прочитать, как один провинциал, описывая свою молодость, вспоминает, что однажды, прогуливаясь с другом по перрону местного вокзала, они увидели грузного бородатого мужчину. Вылезая из вагона, он рассыпал целую кучу книг. Они помогли ему собрать их, и, запихивая книги в чемодан, он благодарил их знаменитым голосом и добрым взглядом маленьких синих глаз.

— Ты знаешь, кто это был? — воскликнул минуту спустя один из друзей. — Это же Жан Жорес!

Хороший, искренний писатель Жюль Ренар, вращавшийся среди социалистов, в своих «Дневниках» фиксирует каждую встречу с Жоресом. Вот одна из записей, относящаяся к 1901 году:

«11 декабря. Завтрак у Блюма. Жорес похож на не

имеющего ученой степени учителя начальной школы, которому мало приходится бывать в движении, или на растолстевшего коммерсанта.

Среднего роста, широкоплеч. Лицо довольно правильное, ни уродливое, ни красивое, ни оригинальное, ни слишком обыденное. Целый лес волос, но лицо незаросшее, только шевелюра и борода. Веко на правом глазу нервно подергивается. Высокий стоячий воротничок. Галстук сползает на сторону.

Большая эрудиция. Он даже не дает мне закончить те несколько цитат, которые я привожу и которые мне, впрочем, не так уж дороги. На каждом шагу привлекает историю или космографию. У него память оратора, потрясающая, наполненная до краев...

В вопросах религии он, по-видимому, довольно робок. Он не любит, когда затрагивают эти проблемы. Отделяется словами вроде: «Уверю вас, это сложнее, чем вам кажется». Похоже, что он считает религию неизбежным злом и полагает, что немножко ее нужно все-таки оставить. Он думает, что догма мертва, а символ, форма, обряд не опасны.

Жюль Ренар чутьем художника уловил, что религия для Жореса — проблема очень сложная. Однако всю необычность отношения Жореса к религии он не понял, да и не мог понять, ибо для этого, конечно, недостаточно было мимолетной встречи и нескольких бесед. Эволюция религиозной идеи Жореса необычайно сложна, и не случайно многие современники принимали его то за обычного атеиста, с естественной ненавистью к церкви, то за тайно верующего человека, не сумевшего сбросить наваждение религиозных догматов. И то и другое было ошибкой. В нем многое было противоречиво, а отношение к религии сложнее остального.

— Мой вольтерьянец, — грустно и ласково говорила мать Жореса, видя, что юноша потерял веру в бога, ту веру, которую она испытывала сама, которая наполняла духовную жизнь окружающих людей, с разной степенью честности и лицемерия преданных каноническим предписаниям церкви.

С той же искренностью, с какой Жан делал каждый шаг и говорил каждое слово, он с юных лет возненавидел церковь, прежде всего церковь католическую, игравшую такую огромную роль в истории духовного развития Франции и особенно жестко по сравнению с другими те-

чениями христианства сковывавшую духовную жизнь человека. В отношении к официальной церкви Жорес действительно уподоблялся Вольтеру с его великим призывом: «Раздавите гадину!»

Но он шел значительно дальше, его ненависть к церкви удесятерилась пламенным республиканизмом. Лозунг Гамбетты: «Клерикализм — вот враг» — был его девизом. Исходной точкой политической и социальной эволюции Жореса служила Великая французская революция и республика. А церковь — смертельный враг и того и другого. Жорес на протяжении всей жизни постоянно разоблачал преступления церкви против республики и революционной демократии. В каждом повороте французской истории XIX века перед его взором вырисовывалась злобная фигура церкви, благословлявшей все деспотические авантюры: аристократическую контрреволюцию, реставрацию, бонапартистскую авантюру ничтожного племянника великого Наполеона. А с 1870 года, с момента существования республики, ее злокозненная работа против прогресса не замирала ни на минуту. Он каждый день сталкивался с ней в эпоху буланжизма, в катаклизме дела Дрейфуса. Жорес хорошо знал изощренную подлость клерикалов, воплотившуюся особенно в деятельности иезуитов. Основатель этого ордена Игнатий Лойола учил: «Входите в мир кроткими овцами, действуйте там, как свирепые волки, и, когда вас будут гнать как собак, умейте подползать, как змеи».

Жорес еще студентом горячо поддерживал антиклерикальные меры Жюлья Ферри. Он ненавидел клерикализм всю жизнь, беспощадно раскрывая его самые изощренные махинации. Именно он разоблачил иезуитскую доброту Льва XIII, вспомнившего вдруг о страданиях рабочих. Антиклерикализм Жореса стал еще сильнее, когда он примкнул к социализму, ибо церковь сразу оказалась злейшим врагом социализма, хотя и прикрывалась порой проповедью христианского псевдосоциализма.

И все же Жорес считал, что религия не такое простое дело, как это показывал его современник Лео Таксиль, остроумно изобразивший в своих напумевших книгах историю религии и ее догматы в виде наглого и забавного жульничества. Жорес даже как-то стеснялся говорить о христианстве на ходу, он считал невозможным разговаривать с ним простой схемой или фразой. Жорес, как никто другой, хорошо знал, что двухтысячелетняя история

христианства тесно переплетается с прогрессивным развитием цивилизации, что религия не только боролась против свободной мысли, но вынуждена была насаждать грамотность, книгопечатание. Величайшие произведения мировой литературы и искусства воплощались в религиозных образах. Облик мадонны был для него не только иллюстрацией к религиозной легенде, но и глубоко жизненным символом реального чуда существования рода человеческого, а мученический образ Христа казался ему олицетворением тяжких мучений многих поколений тружеников, римских рабов или современных ему пролетариев, покорно идущих крестным путем каторжного труда, унижений и несправедливости. Жорес находил в канонической литературе, в произведениях отцов церкви, в трудах таких христианских мыслителей, как Фома Аквинский, этические принципы, близкие к его собственным моральным устоям. Жорес был знатоком такого рода книг; он постоянно обращался к ним, критически осмысливая корни и сущность христианского вероучения.

Даже в разгар ожесточенных схваток с клерикалами Жорес указывал на противоречивую, двойственную природу религии. Настаивая на отделении церкви от государства, он говорил:

— Христианство одновременно сковало и расковало человека, привязывая его к формам абсолютизма и возбуждая в нем смелость чудесной мечты, путая абстрактную логику сложной комбинацией мученика и палача, интеллектуального рабства и страстного порыва, инквизиторской жестокости с мистической нежностью, сочетанием сияния утренней звезды с мрачным пламенем костра.

Он сравнивал религию с песней, которая убаюкивала человеческое горе. И он думал, что нелепо считать эту песню пустой выдумкой корыстных людей, что эта колыбельная песня, звучащая две тысячи лет, соответствует каким-то объективным потребностям человека в утешении, откровении, милосердии, в исповеди и приобщении. Жорес восхищался чудесными образцами церковной архитектуры, которых так много во Франции, но он же и говорил, что Христа выгнали бы из этих храмов, если бы он там заговорил. Однако он помнил старинную поговорку, что «черт издавна строит лучшие церкви»: он знал, как нагло клерикалы используют моральные ценности христианства для обмана масс, для поддержания несправедливого и жестокого строя частной собственности.

И все же Жорес выступал за необходимость религии как формы общности человека с окружающим миром, как выражения смысла человеческой жизни, как воплощения его идеалов. Может быть, Жорес, подобно Льву Толстому, стремился к основанию новой религии, соответствующей потребностям человечества, христианской религии, очищенной от суеверия и таинственности, от преступлений церкви, религии, не обещающей загробное блаженство, но указывающей путь к достижению счастья на земле? Нет, Жорес отвергал христианство и порицал Толстого за то, что он принимал Евангелие как книгу бога, не учитывая исторически преходящую природу этой книги, составленную из туманных и противоречивых древних сказок. Жорес считал необходимым превратить религию из высшей силы по отношению к реальной жизни в сущность самой жизни. А сделать это может только социализм, который, по словам Жореса, «все более и более становится великим живым единством и оказывает все более и более многостороннее влияние на жизнь. От него в настоящее время ждут обновления и расцвета все великие силы человечества: труд, мышление, наука, искусство и даже религия, рассматриваемая как подчинение вселенной человечеству».

Жорес воспринял у Маркса теорию научного социализма, материалистическое истолкование истории, идею классовой борьбы и освободительной миссии пролетариата, социальной революции. Но в отличие от догматических истолкователей Маркса он считал, что переворот в социальных отношениях и в политике недостаточен, что необходимо коренное преобразование духовной жизни человека, справедливо полагая, что эту духовную жизнь невозможно грубо подвести под экономическую формулу, что она неизмеримо сложнее, он думал, что ее нельзя создавать только в виде логической конструкции, не учитывая подсознательных, эмоциональных свойств человека. Содержанием духовной жизни человека и должно было явиться то, что Жорес условно называл обновленной религией. Его религия — это социалистическое мировоззрение, социалистическая мораль в поэтической, эмоциональной форме.

Жореса подталкивала к обновленной религии и узкая, догматическая трактовка марксизма Гэдом и Лафаргом. Конечно, Лафарг был марксистом, хотя и не такого масштаба, как Каутский или Плеханов. Но Жоресу претило

его схематическое обеднение духовной жизни человека. Вслед за Гэдом Лафарг объявлял справедливость, мораль, истину «метафизическими журавлями». А они для Жореса были неотъемлемой, важнейшей частью его социалистического идеала, означающего не только справедливое экономическое устройство общества, но расцвет духовной, нравственной жизни человека. Этот человек должен обрести новую религию, означавшую для Жореса идеальную жизнь чувств, возвышенный порыв к истине, выражение поэзии, дремлющей в сердце каждого человека. Конечно, в благородном стремлении Жореса к религиозному обновлению проявлялись те же черты идеалистической, поэтической, эстетической тенденции, которые отразились много лет назад в его диссертации «О реальности чувственного мира». Кстати, когда клерикалы ехидно цитировали эту диссертацию, Жорес спустя много времени после ее защиты заявлял, что он не берет из нее обратного ни одного слова.

Жорес всегда будет переоценивать этические ценности религии и недооценивать опасность бессознательно-го, мистического в духовной жизни людей. В его мышлении присутствует элемент иррациональности. Пантеизм, так ярко проявившийся в его философской диссертации, отсутствие твердого, монолитного материалистического мировоззрения служат, по-видимому, источником его исканий в области новой религии. Правда, религиозные тенденции Жореса выражались в очень смутной, обрывочной форме. Он не успел осуществить свою мечту — написать в конце жизни большой труд, посвященный всем этим делам.

А практически Жоресу приходилось решать религиозные проблемы в иной, совсем не в такой умозрительной форме. Он, конечно, постоянно и энергично боролся против всех политических происков клерикальных сил. Но это не значило, что он вел войну с каждым верующим. Свободу совести он считал неотъемлемой чертой демократии. И свой антиклерикализм Жорес, естественно, не распространял на своих близких, на свою семью. Он с уважением относился к религиозным привычкам своей матери, не фанатичной, но верующей католички. Когда он женился, то венчался в церкви. Его дочь, родившаяся в 1889 году, прошла обряд крещения, так же как и сын Луи, родившийся девятью годами позже. Его жена и теща обязательно ходили к воскресной мессе. Но если в мо-

лодости Жан сопровождал мать в церковь, то теперь он уже не участвовал в этих визитах к господу богу; тем не менее он не собирался нарушать семейный мир антирелигиозной пропагандой. Запрещать же что-либо своим близким он вообще был не способен.

Вот в таких условиях и произошел неожиданный для Жореса скандал, доставивший ему много неприятностей. Конечно, если бы у него была жена поумнее, а главное, если бы она проявляла внимание к мужу и заботу о нем, то этого скандала и не возникло бы. Луиза была не такова. Как-то одна родственница заговорила с ней о политической деятельности Жана.

— О моя милая, меня совершенно не интересует вся эта чепуха, — пренебрежительно перебила ее Луиза своим сонливым голосом.

Впрочем, однажды вдруг она заинтересовалась делами своего мужа. Это случилось, когда Мильерац, который бывал у них дома, стал министром в кабинете Вальдек-Руссо.

— А когда ты будешь министром? — спросила вдруг подруга жизни Жореса.

Луизу быстро заверили в том, что ее непрактичный супруг никогда не сумеет сделать такую блестящую карьеру. Жан, конечно, все понимал и со всем покорно мирился. В доме царил мир, и он мог хотя бы отдохнуть здесь от бешеного напряжения своей политической деятельности. Он не придал значения тому, что Луиза еще до окончания учебного года в лицее Мольера, где училась Мадлен, вместе с дочерью отправилась в Бессуле. Мать поместила дочь в монастырь, чтобы подготовить ее к первому причастию. 7 июля 1901 года дочь Жореса, одетая в длинное белое платье, прошла обряд принятия святой евхаристии. Дома был устроен праздничный обед, где Луиза собрала всех дядюшек, тетюшек и прочих родственников. Луиза позаботилась послать всем друзьям и знакомым специальные извещения о предстоящей церемонии. Это усердие не по разуму и сыграло свою злосчастную роль. В тот самый день и час, когда в Бессуле мадам Жорес сияла довольством в окружении родственников, цветов и обильного угощения, Жан имел возможность прочесть в газете «Эколь лаик» («Светская школа») маленькую заметку, перепечатанную затем всеми газетами:

«Факт невероятный. Но истина от этого не менее плачевна. Образование дочери г-на Жореса, «социалистиче-

ского лидера», поручено добрым сестрам монастыря Вильфранш д'Альбижуа. Каждый день слуга провожает в монастырь и встречает дочь бывшего депутата Гарна, которую монахини готовят к святому причастию. Излишне добавлять, что в Вильфранше имеется светская школа, превосходно управляемая очень добросовестным педагогом, где, впрочем, всего двадцать учениц. Удивительно, какие примеры подают нам сверху».

Заметка произвела сенсацию. В самом деле, лидер социалистов, который ведет активную борьбу за светское обучение, за то, чтобы запретить церковным конгрегациям воспитание подрастающего поколения, предпочитает свою дочь учить в монастыре! Какое чудовищное лицемерие! Шум подняли не только клерикалы. Друзья-социалисты обвинили Жореса в двурушничестве. Все это произошло к тому же в разгар полемики по вопросу о министерализме.

11 июля Жорес публикует в «Птит републик» свои объяснения: «Я всегда говорил, что моя жена является верующей христианкой и в воспитании детей необходимо какое-то соглашение, компромисс между матерью, выполняющей церковные обряды, и неверующим отцом-социалистом. Я считал, что у меня нет права запрещать детям участвовать в отправлении культа под руководством матери. Но я думал, что мой долг состоит в том, чтобы обеспечить обучение моих детей в светском учебном заведении, предоставляя им возможность свободного развития. Я никогда не пренебрегал этим своим долгом. Моя дочь училась в светском лицее Мольера, и у нее были только светские учителя. Я надеялся, что я мог бы помочь ей, избегая ненужных кризисов и конфликтов, получить образование, что, на мой взгляд, является правильным».

Жорес заявлял, что он ни от чего в своей жизни не отрекается, что он со своими силами и слабостями принадлежит своей партии. Но заявление Жореса лишь подлило масла в огонь. Шум только усилился. В дополнение к прочему на страницах газет начались разговоры о том, что Жорес слаб, что уступки, сделанные им жене, свидетельствуют о его малодушии, что ему не хватает воли, характера.

Человека, проявившего столько великодушного мужества и терпеливой мудрости в отношении своей семьи, как, впрочем, и во многих других делах, поливали гря-

зью. Особенно изощрялся в самой гнусной клевете некий Урбен Гоёе на страницах газеты «Орор». Жореса обвиняли во всем, вплоть до того, что он якобы тайно исповедует католическую веру в расчете на получение наследства от своих богатых родственников.

Алеманисты решили обсудить поведение Жореса на заседании Центрального комитета социалистической партии. Жорес не мог явиться на заседание: болезнь горла особенно усилилась. Это тоже использовали против него. Шесть недель продолжалось обсуждение в комитете. Уже пошли слухи об исключении Жореса из партии. Вся история приобрела совершенно дикий, бессмысленный характер. Каждое ничтожество спешило использовать возможность бросить камень в человека, который был подлинной совестью французского социалистического движения и одним из его самых благородных представителей. Жорес терпеливо вел дискуссии и споры, подавляя отвращение ко всей этой грязной и лицемерной возне. Среди социалистов нашлись люди, которые перещеголяли в нападках на Жореса даже самых отъявленных клерикалов.

Жоресу пришлось перед всеми раскрывать свою частную жизнь. И он делал это, как ему было ни тяжело, с огромным тактом и достоинством. Он сумел поднять весь вопрос на высоту широкой нравственной проблемы каждого социалиста, живущего в условиях старого общества и обязанного найти выход из конфликта между его социалистическими убеждениями и конкретной обстановкой реальной жизни. Он показал исключительно глубоко отношение социалистов к религии. Среди его выступлений особое место заняла статья, опубликованная им в «Пти республик» 2 октября 1901 года:

«С тех пор как клерикальная печать возвещает с изумительным единодушием и с ловкой согласованностью о том, что я допустил мою дочь совершить первое причастие, я подвергаюсь оскорблениям и торжествующим насмешкам со стороны одних и вызываю болезненное недоумение со стороны других. В сущности говоря, наши враги самым клеветническим образом истолковали этот факт, облекли его в самую иезуитскую ложь. Они говорили, что этот религиозный акт был выражением моей личной воли, моих личных убеждений, что я играл в партии неслышанно двуличную роль».

Жорес, напоминая о том, что с юношеских лет он

освободился от веры в бога, рассказывает, как в действительности обстояло дело с воспитанием его дочери, каким образом возникло все это дело с первым причастием. Но он идет дальше личных объяснений:

«Не обо мне одном только идет речь: речь идет об огромном большинстве наших товарищей. Как в самом деле стоит вопрос?»

В большинстве семей республиканской буржуазии и социалистического пролетариата молодые девушки ни религиозны, ни свободомыслящи. Выйдя замуж и став матерями, они не считают, что жизнь должна быть посвящена фанатическому служению церкви. Они презирают ханжество и боятся нетерпимости. Муж, отец не верует и не выполняет обряды. Это их мало волнует. Либо они интересуются политикой очень мало, либо если и интересуются, то они не желают вторжения церкви в государство, вторжения священника в семью...

Но, за исключением очень небольшого числа, все они остались привязанными по крайней мере частицей своего сознания и своей души к христианской вере, к католической традиции. Они не сказали «нет» религиозной вере, они не создали себе при помощи науки и философии какого-нибудь другого мировоззрения. За пределами христианства у них нет никакой точки опоры для моральной жизни.

...Вот жизнепонимание большого числа католических женщин во Франции. Они не подчиняются приказу церкви. Но они также не свободны и от догмы.

И вот я представляю себе, что один из нас, буржуа или пролетарий, женился лет десять, пятнадцать или двадцать назад на молодой девушке, так именно воспитанной. Я представляю себе, что в момент, когда он женился, он не был вовлечен в политическую и социальную борьбу или что он принадлежал к одной из тех умеренных или центристских партий, которые в своей личной, политической, социальной жизни прибегают к компромиссам. Хотя он лично и был свободомыслящим, он не ставил никаких препятствий к тому, чтобы венчаться в церкви, он, устраивая свой очаг, допустил религиозные церемонии. Но если тот же самый человек лично присоединился затем к более смелой, более революционной концепции общества, мира и жизни, если он возмущен несправедливостью и благодаря изучению, благодаря страстному исканию правды примкнул к партии социальной

революции, если с тех пор во время глубоких кризисов национальной жизни он борется более резко и непосредственно с церковью, то имеет ли он право навязать силой всем своим близким собственную эволюцию? Имеет ли он право не считаться больше при общем воспитании детей с теми предрассудками, которые он псадил в момент своей женитьбы? Имеет ли он право ломать своей собственной волей, то есть путем насилия, те компромиссы, которые лежат в общей основе его семейного очага?

Вот та проблема, которая поставлена жизнью не только передо мной, но и перед девятью из десяти наших товарищей. И я знаю, что в действительности на таком образом поставленный вопрос большинство из них ответило бы подобно мне.

Я сожалею, во всяком случае, о тех, кто в заботе и смятении перед этим вопросом ищет только повода, чтобы напасть на противника или опорочить товарища по оружию. Я ответил по совести, и, если бы эти нападки, преднамеренные и организованные, заставили бы меня отступить или колебаться, я был бы жалким трусом.

Но я не говорил никогда (и в этом заключается хитрость и гнусная ложь клерикалов), что именно путем насилия в семье или государстве надо упразднить старые верования; я никогда не говорил, что социалисты должны в семье применять насилие против совести жены, матери и совершенно ее игнорировать. Никогда я не говорил, что социалистическая партия, став во главе государства, воспользовалась бы силой для того, чтобы упразднить традиционный культ. Я всегда апеллировал только к постепенной организации свободы, только к внутренней силе знания и разума. Я лично не только никогда не призывал к применению насилия против мировоззрений, каковы бы они ни были, но я всегда воздерживался в отношении религиозных верований от той формы насилия, которая называется оскорблением... Я предпочитаю для нас всех другие пути к освобождению. Грубый куплет «Карманьолы»:

Христа — на конюшню.
Святую Деву — на живодерню —

меня всегда шокировал не только самой своей грубостью, но еще и потому, что, как мне кажется, он выражает собою скорее бессильное и судорожное возмущение, чем свободу духа».

Эта статья Жюреса — один из самых интересных документов его жизни. В ней, как на ладони, отразились особенности его характера. Она пронизана склонностью к примирению, к уступкам. Трудно что-либо возразить против того, что пишет Жюрес об отношении социалистов к религии в рамках государства, общества. Но в предлагаемой им политике бросается в глаза нажим на «постепенную» организацию свободы, на «внутреннюю силу» разума. Не слишком ли все это наивно?

Еще характернее предлагаемая им концепция решения проблемы воспитания детей. Он оставляет его в конечном счете на волю случая и обстоятельств. «Ребенок, — пишет он, — приучаемый мало-помалу управлять собой в вопросах сознания, либо продолжит, либо покинет религиозную традицию». Итак, представитель нового, передового мировоззрения не должен, следовательно, проявлять активности в воспитании даже своих собственных детей.

Конечно, крайняя щепетильность, деликатность Жюреса делают ему честь. Но он уже стоит на грани принципиального отказа от борьбы с религиозной идеологией. Другой вопрос, что такая борьба требует, как и все прочее, ума и такта. Но в данном случае лояльность, кажется, переходит в пассивность, примиренчество.

Жюрес откровенно признает, что его частная жизнь основана на духовном компромиссе, на принципиальной уступчивости, причем уступчивости односторонней. Не слишком ли он добр, однако? Ведь Луиза поставила своего мужа перед совершившимся фактом. И он берет ответственность на себя. Напрашивается аналогия между казусом Мильерана и казусом Мадлен; конечно, масштабы, обстоятельства очень различны. Но есть какая-то психологическая общность в этих двух эпизодах. Там он покрывал Мильерана, здесь оправдывает Луизу. И там и здесь явная склонность к компромиссу, к уступчивости.

Что касается уступок Жюреса в частной жизни, то ему приходилось идти на них не только в воспитании детей. Он уступал во многом другом, и уступки эти носили односторонний характер. Жюрес со многим мирился. Так, он не имел права принимать у себя дома в Бессуле своих друзей, рабочих-социалистов. Теща и тесть не желали видеть здесь «разную пшаль». И Жюрес, чтобы побеседовать с близкими ему по духу и убеждениям людь-

ми, отправлялся с ними на «прогулку», хотя дождь и ветер порой совершенно не располагали к этому.

В истории с причастием Мадлен нет ни вздорной непримиримости, ни резкости, ни доктринерства, нет со стороны Жореса, естественно. Доброе сердце, святая душа — слова, употребляемые столь часто направо и налево и теряющие свое высокое значение, — в данном случае не звучат банальностью. Они точно соответствуют духовной и нравственной природе, сущности Жореса.

Но ни доброты, ни великодушия, ни гибкости не проявили друзья-социалисты, на протяжении месяцев назойливо копавшиеся в частной жизни Жореса. Казус Мадлен оказался в руках социалистических инквизиторов орудием пытки Жореса. Но в конечном итоге бичующие его резолюции были отвергнуты подавляющим большинством социалистов. Решили, что партия должна выработать и принять на будущем съезде принципы отношения социалистов к религии.

Искренность, терпение, моральная чистота Жореса помогли ему победить. Но разбор персонального дела дорого обошелся ему; измученный болезнью горла, теряющий голос, он был выставлен на посмешище и позор своими единомышленниками, к великой радости клерикалов и реакционеров. Жореса крайне угнетало то, что и среди социалистов, собиравшихся исправить этот грешный мир, еще столько мелочности, зависти, соперничества, грязи и пошлости, столько злости и доктринерской жестокости.

— Почему вы, Жорес, можете убеждать тысячи людей и не можете убедить свою жену?..

— Как же вы можете вести борьбу с попами, если собственную дочь вы отдали им на выучку?..

— Беспринципно жить с женщиной, не разделяющей твоих убеждений...

— Жорес, вы социалист только на людях, дома вы буржуа, католик. Это двурушничество!..

Долгие часы продолжались допросы. Жорес, измученный, глотающий ментоловые пастилки, чтобы успокоить горячее горло, с галстуком, съехавшим набок, с взъерошенными волосами, грустно глядел на своих судей, терпеливо отвечая на самые idiotские вопросы и обвинения. Почему никто из его единомышленников-социалистов не допускает мысли о том, что социалист может просто любить семью и стараться не огорчать своих близких, может уступать им? — удивлялся Жорес.

Нелепая история с причастием случилась, как многие думали, из-за мягкости характера Жореса. Но эта же мягкость и обезоруживала его судей. Впрочем, мягкость ли? Ларошфуко говорил, что истинно мягкими могут быть только люди с твердым характером. Таким человеком и был Жорес, ибо кто на его месте выдержал бы столь бешеное напряжение ожесточенной борьбы с врагами и конфликтов с друзьями? Кто не отчаялся бы и не сошел с тернистого пути? Ведь уже оформлялся раскол социалистического движения на две враждебные партии, а это доставляло Жоресу наибольшие страдания.

Жорес находил опору и черпал новые силы в труде. В одной из статей, напечатанных в это время в «Птит републик», можно прочесть строки, явно отражающие его тогдашнее состояние: «Груд — это внутренний свет, могущество ясности, которое защищает чистое и пронизательное сердце от чувства смертельной горечи в его столкновениях с глупостью, мерзостью, низостью и предательством».

Как раз в это время Жорес завершает свое главное произведение, знаменитую «Социалистическую историю французской революции». Пять огромных томов большого формата (in-quarto), пять тысяч страниц, три миллиона слов составили этот выдающийся труд. Французские историки-марксисты считают, что «Социалистическая история французской революции» наряду с первыми поэмами Аполлинера, первыми романами Горького, первыми полотнами Пикассо ознаменовала собой в наступившем тогда XX веке появление истинно нового духа и новой мысли. Ленин называл сочинение Жореса «полезнейшим».

Жореса с юных лет влекла к себе французская революция, эта грандиозная эпопея, вызывавшая у него жгучий интерес к прошлому своего народа, гордость за Францию, надежду на ее счастливое будущее. Но еще более непосредственно он ощущал практическую потребность в изучении уроков революции с целью использования их в своей политической деятельности. Слова «прошлое ради будущего» могли бы служить девизом работы Жореса по исследованию Великой французской революции, в которой, по его выражению, уже бродила заковка будущих революций.

Он начал заниматься этим в 1892 году, после того как защитил весной две свои диссертации. Жорес служил

тогда профессором в Тулузе, и, кстати, его ректор и друг Клод Перру был специалистом по французской революции и имел богатую библиотеку, состоявшую из книг, посвященных ей. А в это время уже накопилась огромная литература по истории революции, наложившей неизгладимый отпечаток на развитие всей Европы в XIX веке. Жоресу предстояло перечитать гору книг. И он занимается этим одновременно со своей политической деятельностью. И часто, подымаясь на трибуну в палате депутатов или выступая на рабочем митинге, он был еще во власти страстей, кипевших век назад в революционном Конвенте, дух которого незаметно для слушателей вдохновлял красноречие Жореса.

Изучение истории революции влияло на формирование социалистического мировоззрения Жореса наряду с могучим воздействием непосредственного участия в классовых битвах, таких, как забастовка в Кармо в 1892 или 1895 году. Вспомните речь Жореса, произнесенную на муниципальных выборах в Тулузе, когда он говорил, что весь социализм заключен во французской революции. В его работе об этой революции уже нет таких наивных суждений. Здесь мы читаем: «Косвенно французская революция подготовила торжество пролетариата. Она осуществила основные условия социализма: демократию и капитализм. Но в своей сущности она была установлением политического господства буржуазного класса».

Всерьез Жорес занялся работой над «Историей» в 1897 году. Он не довольствуется материалами из вторых рук и много дней и часов проводит в пыльных архивах, разыскивая подлинные документы, дневники. Много школьных тетрадей заполнил он длинными выписками. Жорес проявил прямо-таки чудовищную работоспособность и добросовестность. Смешно выглядят упреки некоторых академических педантов, что Жорес не дает сносок на документы, что у него несовершенная техника, что цитирует он не по правилам и т. п. Так могут заявлять только те «ученые», которые, кроме пресловутых сносок и цитат, ничего оригинального науке дать не в состоянии. Настоящие ученые сразу по достоинству оценили труд Жореса.

Так поступил знаменитый историк французской революции профессор Олар. Он признается, что сначала подошел к труду Жореса с недоверием; он сомневался, что политический деятель, впервые взявшийся за новое де-

ло, сумеет оказаться на высоте требований профессиональной науки. Но, прочитав Жореса, Олар признал, что Жорес за четыре-пять лет сумел исполнить работу, которую другой историк, менее одаренный, мог бы создать только после двадцатилетней подготовки. «Удивительно, — писал профессор Олар, — что в такое короткое время этот политический деятель, занятый еще многими другими делами, мог не эскиз набросать, а воздвигнуть настоящее научное здание... создать исторический шедевр, который долго удержится на уровне науки».

А Альбер Матъез, тоже крупнейший специалист? Его мнение очень много весит. Он решительно отбрасывает обвинения в «непрофессиональном» характере труда Жореса, считая его большим достоинством то обстоятельство, что «История» написана пером политического деятеля и борца. Матъез говорит о Жоресе: «Находясь в центре лихорадочной жизни собраний и партий, он был более способен проникаться волнениями, мыслями революционеров, чем какой-либо профессор или кабинетный человек. Он был очень близок к революционерам. Он понимал их с полуслова».

К сожалению, у нас нет из-за недостатка места никакой возможности всесторонне оценить, проанализировать, тем более изложить замечательное произведение Жореса. Придется ограничиться лишь самым необходимым и прежде всего тем, в чем выразилась личность, биография Жореса, его ум и характер.

Как раз тогда, когда Жорес уже искал издателя для своей работы, летом 1898 года (это было после его поражения на выборах), ему предложили возглавить редакцию многотомной социалистической истории и самому написать ее значительную часть. Он с энтузиазмом согласился. Составил план, по которому авторами должны были стать, кроме Жореса, другие крупные деятели социалистического движения. Гэд должен был написать историю Конвента, но из-за болезни или, возможно, по другим причинам, связанным с обострением его отношений с Жоресом, он отказался, и Жорес написал за него и эту часть. Жаль, конечно, что тем самым потеряна возможность сравнить взгляды этих двух друзей-врагов по крайне важному вопросу. Зато Жорес оставил нам более полную и богатую историю революции, которую Гэд вряд ли смог бы написать так, как это сделал Жорес.

10 февраля 1900 года на стенах Парижа появились красные афиши, сообщавшие о выходе в свет первых выпусков сочинения Жореса. Оно издавалось сначала в виде серии небольших книжечек. Жорес предназначал свою «Историю» прежде всего для рабочих. Правда, некоторые университетские профессора считали, что Жорес писал слишком сложно и рабочие его не поймут. Какая чепуха! Кто-кто, а Жорес знал рабочих и не только любил, но и глубоко уважал их. Он считал, что живой, свежий ум пролетария, его сообразительность и революционный инстинкт значат больше, чем мнимая эрудиция иных интеллигентов.

Жореса упрекают еще и за то, что он написал свою «Историю» не в виде сухого научного трактата, а в яркой литературной форме. Он нарисовал блестящие художественные картины многих драматических моментов революции, создал изумительно впечатляющие портреты ее вождей. Произведение Жореса — гармония науки, поэзии и лирики! Порой он как бы забывает о прошедшем столетии и сам пытается стать участником борьбы, сам рвется на трибуну. «Ах, как жаль, что в собрании не было коммунистического оратора!» — восклицает он. «А если бы, например, — пишет Жорес, — социалист или коммунист потребовал слова от имени наемных рабочих и сказал бы...» И дальше Жорес излагает то, что он сам сказал бы в таком случае!

И вот сторонники так называемой академической манеры ставят в вину Жоресу эту страстность, искренность, заинтересованность, этот чудный художественный дар проникновения в психологию, в души далеких исторических героев! Впрочем, Маркса тоже обвиняли в том, что он в качестве историка занимался не только научным анализом событий, но давал им художественное воплощение, поддаваясь влиянию муз. Бездарные педанты высокомерно объявляют, что история не имеет ничего общего с искусством, с музами. В действительности, как в связи с этим писал Меринг, муз презирает лишь тот, кем они сами пренебрегли. К счастью, Жоресу они отвечали взаимностью, особенно одна из них — Клио, муза истории.

Что касается Маркса, то он оказал огромное влияние на труд Жореса. Факт, что «Социалистическая история французской революции» — первая марксистская работа по этому вопросу. «Пробелы, встречающиеся даже у наиболее выдающихся историков революции, — пишет Жо-

рес, — объясняются не столько отсутствием документов, сколько отсутствием интереса к экономической эволюции, неумением разобраться в глубокой и изменчивой общественной жизни. Это чутье, развившееся даже у самых скромных среди нас благодаря грандиозным концепциям Маркса, прогрессу социализма и трудам французской и русской исторической школы, дает возможность нам лучше читать и видеть».

Но Жорес в противовес догматикам считает, что метод объяснения всех политических и идеологических явлений воздействием только экономического базиса не может раскрыть всю сложность исторического процесса. Он пишет: «Так называемый «марксистский» метод в истории приложим в известных пределах. Концепция экономического материализма, объясняющая великие события классовыми отношениями, является отличным путеводителем, поскольку речь идет о том, чтобы разобраться в хаотической сложности фактов; но она не исчерпывает исторической реальности».

Жорес считал, что к воздействию на людей экономическими, классовыми факторами «примешивается не поддающаяся определению основа человечности, стародавних традиций и неясных стремлений». Здесь снова проявляется обычная для Жореса отрицательная реакция на схематичную, вульгарную версию марксизма, выражавшуюся Гэдом и подобными ему догматиками. Однако трудно отрицать, что во взглядах на историю, так же как на религию и на социализм, у Жореса опять чувствуется его упрямая идеалистическая тенденция. Конечно, в смысле понимания и применения марксизма у Жореса не хватало кое-чего существенного.

Но удивляться надо не этому, а тому, что в разгар борьбы с гэдистами, то есть «марксистами», Жорес стремился написать именно марксистскую историю революции. Это разбивает в прах односторонние приговоры тех, кто объявлял борьбу Жореса с Гэдом во время дела Дрейфуса и казуса Мильерана борьбой с марксизмом. Нет, Жорес отвергал лишь сектантскую, гэдовскую его версию и защищал в нем его глубоко гуманистическую, человеческую сущность. И если он при этом порой и мог хватить через край, то где же вы найдете абсолютно точные границы, критерии, размеры в том, что касается человеческого мышления и человеческих поступков?

Жорес имел основания назвать свою историю рево-

людии социалистической историей, ибо она служит свидетельством его усилий помочь делу социализма. Для самого себя, для своих товарищей он хочет найти в прошлом ответ на великий вопрос, звучавший тогда так актуально: что же значит быть революционером? Жорес дает этот ответ: революционер — тот, кто идет впереди революции, но идет по пути, по которому она должна пройти, это человек, сосредоточенный до конца на решении задач данного момента, но не упускающий ни на секунду конечную цель борьбы.

Но кто же конкретно в галерее деятелей революции, портреты которых великоленно написал Жорес, ближе всего к его идеалу революционера? Знаменательно, что им оказался Робеспьер!

«Здесь, — пишет Жорес, — под этим солнцем, согревающим нашу трудную борьбу, я с Робеспьером, я хочу сесть рядом с ним среди якобинцев. Да, я с ним, потому что в этот момент в нем вся полнота революции».

Но Робеспьер революционер буржуазный, и поэтому до конца свое сердце Жорес отдает другому герою, которому, правда, немного удалось сделать, поскольку он слишком опередил свою эпоху. Это Грахх Бабеф, «коммунист Бабеф, наш учитель, основавший в нашей стране не только социалистическую доктрину, но особенно социалистическую политику».

Но у Жореса есть еще и любимый коллективный герой — рабочий класс, который не мог, естественно, действовать самостоятельно в ту эпоху. Но с какой тщательностью Жорес прослеживает все зародыши пролетарского действия, пролетарского сознания, пролетарской революции! Никто до него этого не делал, ибо Жорес явился первым во Франции социалистическим историком Великой французской революции.

«История революции» помогает понять практическую деятельность Жореса. Он много внимания уделяет Мирабо, детально анализируя и мотивируя его действия. За всем этим явно чувствуется стремление нашего историка обосновать и разъяснить свою тактику, связанную с казусом Милверана. А когда он описывает ультралевых якобинцев Эбера и эбертистов с их частыми переходами «от демагогических насилий, не облагороженных никаким принципом, к отречениям, продиктованным глупостью или страхом», то невольно на ум приходят некоторые из его ультралевых противников. Жорес называет

эбертизм «первым проявлением милитаризма в революции в демагогической форме».

Жорес, описывая далекое прошлое, немедленно стремится извлечь уроки для будущего. По существу, весь его исторический труд посвящен выработке концепции социалистической революции. Противники Жореса много и часто говорили о том, что он принципиальный враг революции и что он исключает возможность и целесообразность какого-либо революционного насилия.

Тому, кто пожелает узнать настоящие взгляды Жореса на революцию, надо почитать его «Историю». Действительно, Жорес часто осуждает насилие и жестокость. Но только там, где насилия можно было избежать, где жестокость нельзя оправдать.

Он с восторгом описывает штурм Бастилии, называя его «гениальным революционным актом со стороны народа». Но после этого разъяренная толпа без всякой необходимости жестоко расправилась с несколькими защитниками старого порядка. Жорес приводит письмо Бабефа, резко осудившего эту расправу. И Жорес обращается к участникам будущей революции: «Пролетарии, помните, что жестокость представляет собой остаток рабства; ведь она доказывает, что мы еще не отрешились от варварства режима, основанного на притеснении».

Помните, что, когда в 1789 году толпа рабочих и буржуа на миг отдалась жестокому упоению убийством, первый из коммунистов, первый из великих освободителей пролетариата почувствовал, что у него сжимается сердце».

Жорес страстно мечтает о пролетарской революции. Он считает, что она должна быть неизмеримо гуманнее, неизмеримо демократичнее революции буржуазной. Поэтому он сообщает о всех жестокостях революции, каждый раз стремясь выяснить, в какой степени эта жестокость была необходимой. Он отвергает насилие не только из-за его глубоко варварской сущности. Он высказывает мысль, что насилие в ходе революции может затем породить и тиранию: «Сила даже на службе свободы родит и размножает только силу».

Но Жорес допускал и даже решительно оправдывал насильственные революционные меры, когда они совершенно необходимы и неизбежны. «Кратковременное насилие освободительного часа лишь устраняет медленное и

темное насилие веков». Жорес не столько порицает, сколько одобряет мужественную политику Робеспьера, легендарную политику террора, которая оттолкнула от него даже многих революционеров последующих эпох. Тот, кто внимательно почитает «Историю» Жореса, не сможет не признать, что по своим убеждениям Жорес был революционером.

Но его революционность носила порой какой-то абстрактно-романтический характер; он не понимал, что революцию надо готовить терпеливо, упорно воспитывая революционное сознание пролетариата. Насильственная революция казалась ему тем крайним, тяжелым, мучительным процессом, который лучше всего было бы заменить более легким, удобным, гуманным путем борьбы. Его, как и многих французских социалистов, удручал тяжелый исторический опыт французского пролетариата. Нескольким раз — в 1830, 1848, 1871 годах — он брался за оружие и терпел поражения. Поэтому практически Жорес предпочитал мирные формы борьбы, несмотря на свои революционные идеалы.

Как раз в это время Жорес поддерживает участие социалиста в буржуазном правительстве, поддерживает это правительство и утверждает, что социализм будет постепенно и законно установлен с помощью реформ. Социалисты многих стран считали его реформистом, а не революционером.

Но Жорес не соглашался с этим обвинением. Он утверждал, что именно его политика ведет к социалистической революции. В конце 1901 года Шарль Пегй предложил Жоресу опубликовать сборник его статей по вопросам социалистической тактики. Жорес согласился и написал специальное предисловие, в котором он выразил свое отношение к марксистской идее социалистической революции. При этом он подчеркнул, что его статьи лишь «подготовительные эскизы к более обширному, систематическому и полнее обоснованному труду, в котором я постараюсь в точности определить, что именно представляет собой социализм в начале XX века, выяснить сущность, тактику и программу его».

К сожалению, Жорес не успел выполнить и это намерение. Но в своем предисловии он все же изложил интересные соображения по поводу политики социалистической партии. Он рассматривает там, насколько идеи Маркса и Энгельса о революционной тактике, которые

они изложили в «Коммунистическом манифесте», применимы во Франции и в других западных странах. Жорес полностью принимает основные идеи «Манифеста». «Слава Маркса, — пишет он, — в том, что он самым точным и решительным образом положил конец всему, что в рабочем движении было эмпирического, а в идее социализма — утопического... Он вложил идею в движение и движением одухотворил жизнь пролетариата, осуществив таким образом практическое применение социалистической мысли».

Но он думал, что тактика, которую за полвека до этого предлагали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», устарела. А они считали, что в ходе буржуазно-демократических революций пролетариат должен активно выступить и превратить эту революцию в социалистическую. Однако во Франции давно произошла буржуазно-демократическая революция. Поэтому такая тактика уже не имела реальных основ, считал Жорес. Да и в прошлом она ни разу не привела к успеху.

Он отвергает и другой вариант, согласно которому пролетариат, доведенный буржуазией до того, что он уже не будет иметь минимальных средств к жизни, неминуемо восстанет. Жорес не видел такой возможности, поскольку он считал, что закон абсолютного обнищания в действительности не действует постоянно, что положение рабочего класса все же улучшается, что он добивается если не роста, то по крайней мере сохранения своего жизненного уровня.

Жорес полагает, что социалистическая революция может произойти только тогда, когда большинство населения страны сознательно выступит за нее. Он отвергал идею насильственной революции, в которой меньшинство установило бы внезапным выступлением свою диктатуру над большинством населения. Главный принцип революции, по Жоресу, — соблюдение демократии.

Каким же образом может произойти социалистическая революция? Вот, по мнению Жореса, ее реальный путь: «В настоящее время пролетариат готовится, распространяет, организует свою революцию открыто, на широком поле, предоставляемом ему демократическими законами и всеобщим избирательным правом. К такой именно систематической революционной деятельности, прямой и законной, призвал европейский пролетариат Энгельс в последние годы жизни в известных своих словах, кото-

рыми «Коммунистический манифест» фактически отодвигался в область прошлого».

Отсюда и вытекала вся политическая линия Жореса, связанная, в частности, с казусом Мильерана. Он считал, что для насильственной революции сейчас просто нет реальных условий, а ее цели могут быть достигнуты другими, более гуманными и удобными средствами, что удастся обойтись без насилия, жестокости и без какого бы то ни было даже временного отказа от демократии, требования которой были для него высшим законом. Можно не сомневаться, что в иной исторической обстановке Жорес, человек мужественный и смелый, стал бы революционером и на практике. Он никогда полностью не исключал, что может внезапно возникнуть непредвиденная ситуация жестокой революционной схватки, вызванной насилием буржуазии. И он не намеревался остаться от нее в стороне. Например, в 1895 году, призывая рабочих Кармо не поддаваться на полицейские провокации, он писал им: «Выжидайте спокойно неизбежного дня революции и знайте, что если я стараюсь предохранить ваших борцов от ненужных страданий и нужных вашим врагам преследований, то я буду среди вас в первых рядах в дни серьезных и решительных битв».

Но, не желая сидеть сложа руки в ожидании этих битв, Жорес свои усилия сосредоточил на борьбе за частичные реформы. Правда, добиваясь социальных реформ, он стремился не упускать из виду конечную цель — социализм. Этим он отличался от Бернштейна и других ревизионистов, которые, по существу, отказывались от этой конечной цели. Но независимо от субъективных намерений Жореса его реформистская политика не только не вела к революции, но, напротив, иногда вводила от нее. Рабочему классу действия Жореса внушали мысль, что он добьется социализма и без насильственной революции. Социалистическая партия превращалась не в боевую революционную организацию пролетариата, а в рыхлую федерацию, придаток парламентской фракции, предназначенную лишь для пропаганды и выборов. Классовые противоречия затушевывались, буржуазное влияние распространялось на рабочих. Вслед за Жоресом многие социалисты стали верить в то, что буржуазия в конце концов отдаст им власть. А буржуазия в лице Вальдек-Руссо и ему подобных, давая им призраки власти, тем самым исползовала заблуждения Жореса, чтобы предотвращать

революцию, ослаблять социалистическое движение. Все это было результатом того, что, отбрасывая кое-что действительно устаревшее в тактических предложениях Маркса и Энгельса, Жорес иногда заодно уходил и от революционной сущности марксизма, от классовой оценки буржуазной республики и демократии. Но это не было только личной, субъективной виной Жореса; он выражал реальную французскую историческую традицию. Рабочие Франции были глубоко привязаны к республиканской и демократической форме государства. Они привыкли защищать республику от монархистов и реакционеров в союзе с буржуазными демократами. Поэтому им трудно было усвоить идею независимой классовой политики и классового понятия государства. Жорес в этом смысле выражал не сильные, а слабые стороны французского рабочего движения.

В первые годы XX века политическая жизнь Франции как будто подтверждала правильность политики Жореса. В апреле 1902 года предстояли новые парламентские выборы. Кандидатура Жореса выдвигается в Кармо. После поражения на прошлых выборах он не порывал связи с кармозинскими рабочими. Незадолго до выборов в Кармо забастовали шахтеры, и Жорес немедленно выехал туда. Забастовка была плохо подготовлена. Рабочие после двух недель напрасной борьбы вернулись в шахты. Но это лишь усилило их боевой дух. Все помнили, как были проиграны прошлые выборы. Местные социалисты разъясняли рабочим необходимость энергичных действий в поддержку социалистического кандидата.

В зале профсоюзной палаты Кармо, где часто выступал Жорес, проклиная каждый раз отвратительную акустику («Этот зал меня убьет!» — говорил он), социалисты созвали рабочее собрание по поводу предстоящих выборов.

— В прошлый раз мы допустили избрание маркиза Соложа, — говорил докладчик. — Ну и что же мы увидели? Здесь, в Кармо, администрация маркиза, обещавшего нам лучшую жизнь, выжимает из нас все соки. Никогда маркиз не идет на уступки. Вы видели это недавно во время забастовки. А в палате маркиз всегда голосует против всех законов, улучшающих наше положение. Только благодаря социалистам рабочий день сокращен до десяти часов и создана инспекция труда. Социалисты защищают наши интересы, а интересы маркиза противоре-

чат интересам народа. Вспомните, сколько законопроектов об улучшении нашей жизни вносил в палате Жорес, вспомните, что он всегда выступал за нас. Его знает и любит вся страна. Неужели мы еще раз допустим его поражение?!

Около пятисот рабочих, собравшихся в зале, дружными возгласами приветствовали кандидатуру Жореса. Решено было сделать все для победы на выборах.

— На этот раз мы им покажем! — говорили рабочие.

Первый бой решено было дать в Бурньюнаке, в местечке, где во время предыдущей избирательной кампании митинг социалистов сорвали наемники маркиза и Жоресу не дали произнести ни одного слова. С утра в Кармо собралось около тысячи рабочих. Они решили сопроводить Жореса. По пути к колонне присоединилось еще человек пятьсот. С пением «Интернационала» и «Карманьолы», с Жоресом во главе рабочие вступили в Бурньюнак. Здесь не нашлось достаточно просторного зала. Разместиться под тентом цирка, натянутым на базарной площади, тоже не удалось. Маркиз Солаж, явившийся в сопровождении двухсот своих сторонников, мог лишь издали наблюдать огромную толпу, внимательно слушающую Жореса. «Да здравствует Жорес!» — кричали не только рабочие, но и крестьяне, с которыми Жан всегда умел найти общий язык.

После этого клика маркиза уже не рещалась устраивать Жоресу обструкции. Он не жалея сил колесил по избирательному округу, явно вдохновленный и обрадованный поддержкой избирателей. В Сенезаке Жорес выступал с балкона дома, принадлежавшего некоему Бернар-Франсуа Бальса, сын которого прославился под именем Оноре де Бальзака. Жорес, разумеется, не преминул использовать некоторых персонажей «Человеческой комедии», чтобы охарактеризовать своего соперника на выборах.

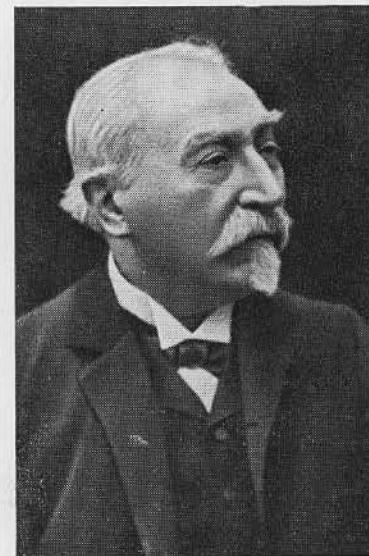
Вечером 29 апреля 1902 года в Париже перед зданием редакции «Птит репюблик» собралась толпа в десять тысяч человек. Все смотрели на светящуюся таблицу, на которой появлялись время от времени результаты выборов по округам, где выдвигались социалисты. Милберан, Вивиани, Девиль не смогли победить в первом туре, им предстояла перебаллотировка. Несколько кандидатов независимых социалистов потерпели поражение в первом туре. Толпа не расходилась, все ждали результатов

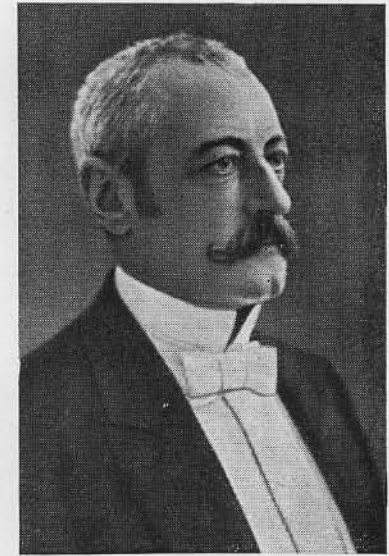
Анатоль Франс.

Эмиль Золя.

Эмиль Комб.

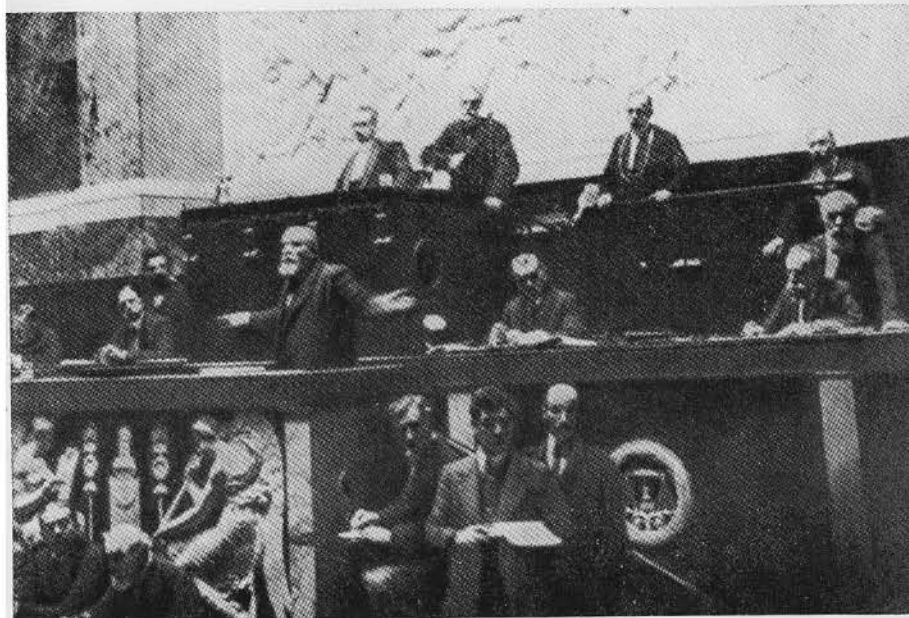
Вальдек-Руссо.

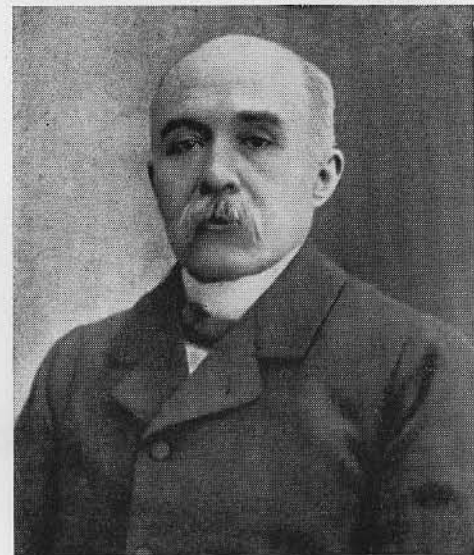

Съезд социалистов
в Сент-Кентене.
Председатель Жюль
Гэд. На трибуне —
Жан Жорес. Рисунок
Гасье.

Жорес-оратор.
Рисунки
французского художника
Виктора Прувэ.

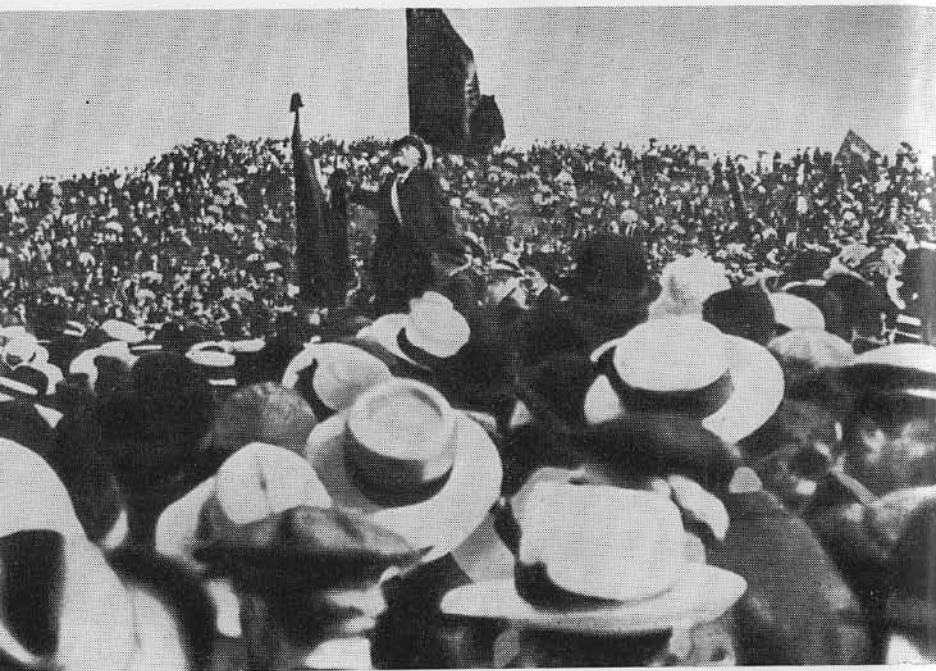

Жорес на трибуне
палаты депутатов.

Жорж Клемансо.

Жорес выступает
на антивоенном митинге
в Пре-сен-Жерве
25 мая 1913 года.

Карикатура на Жореса
на обложке журнала
«Асьет о бёр».

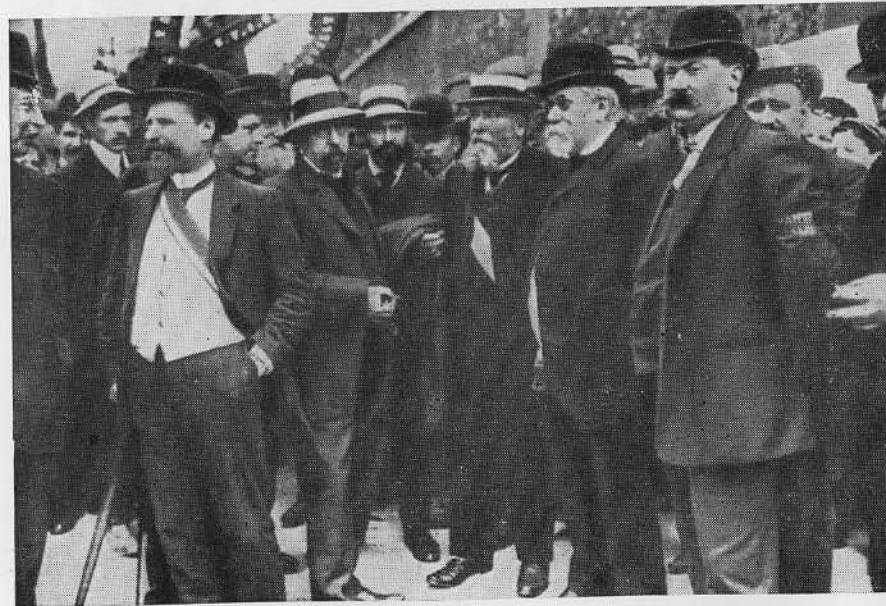
Жорес выступает на антивоенном митинге в Пре-сен-Жерве.

Жорес читает «Юманите».

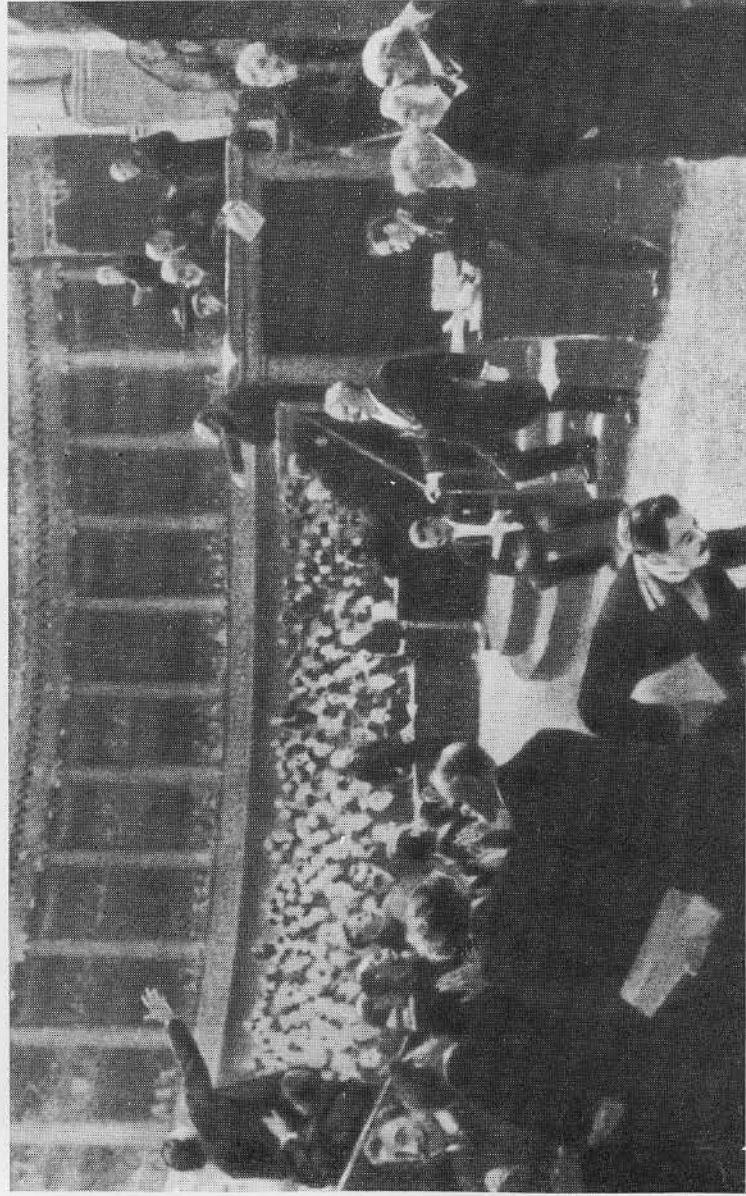

Жорес среди рабочих в Троле.

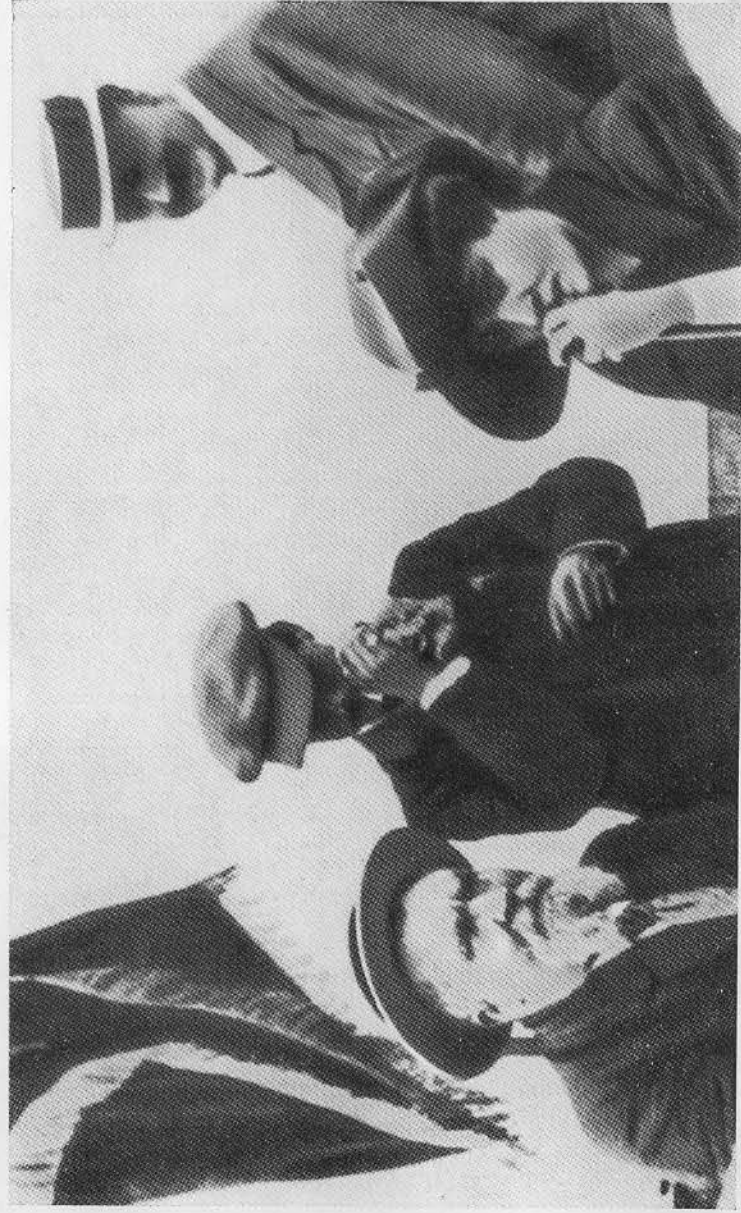

Жорес и Вайян у стены
Коммунаров.

Жорес на трибуне палаты депутатов. С картины художника Руссо-Деселя.

Жорес с дочерью Мадлен на трибуне митинга.

Брат Жана Жореса —
адмирал Луи Жорес.

Кафе «Круассан».

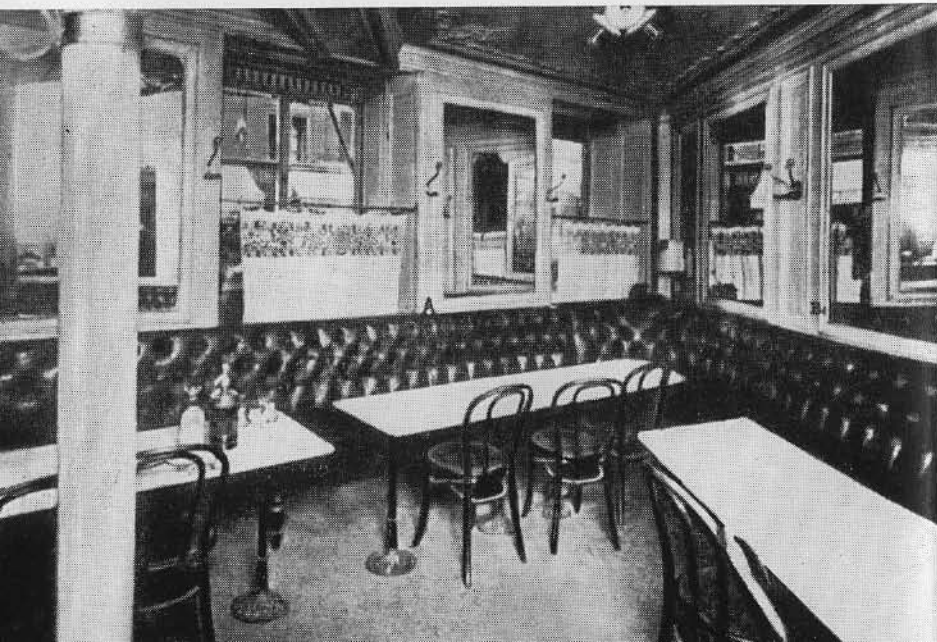

Жорес в 1914 году.

Il au juste avènement
des peuples sans supériorité
sottiment dédaignés ou
sauvagement brutalisés. Il
n'est plus que le prince
de la peste ouverte elle
réglera les compétitions des
peuples européens, acharnés
à dépêcher la Chine. Il
jamais nous n'accepterons

Рукопись Жореса.

Кафе «Круассан»,
внутренний вид.

Посмертная маска Жореса.

Убийца Жореса — Вилен.

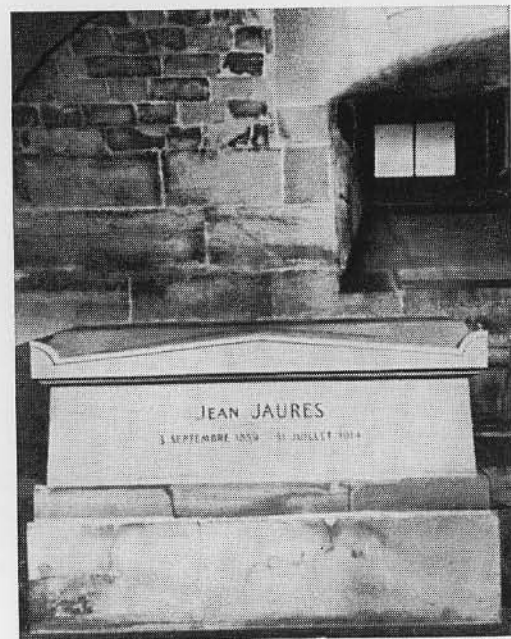
Похороны Жореса.

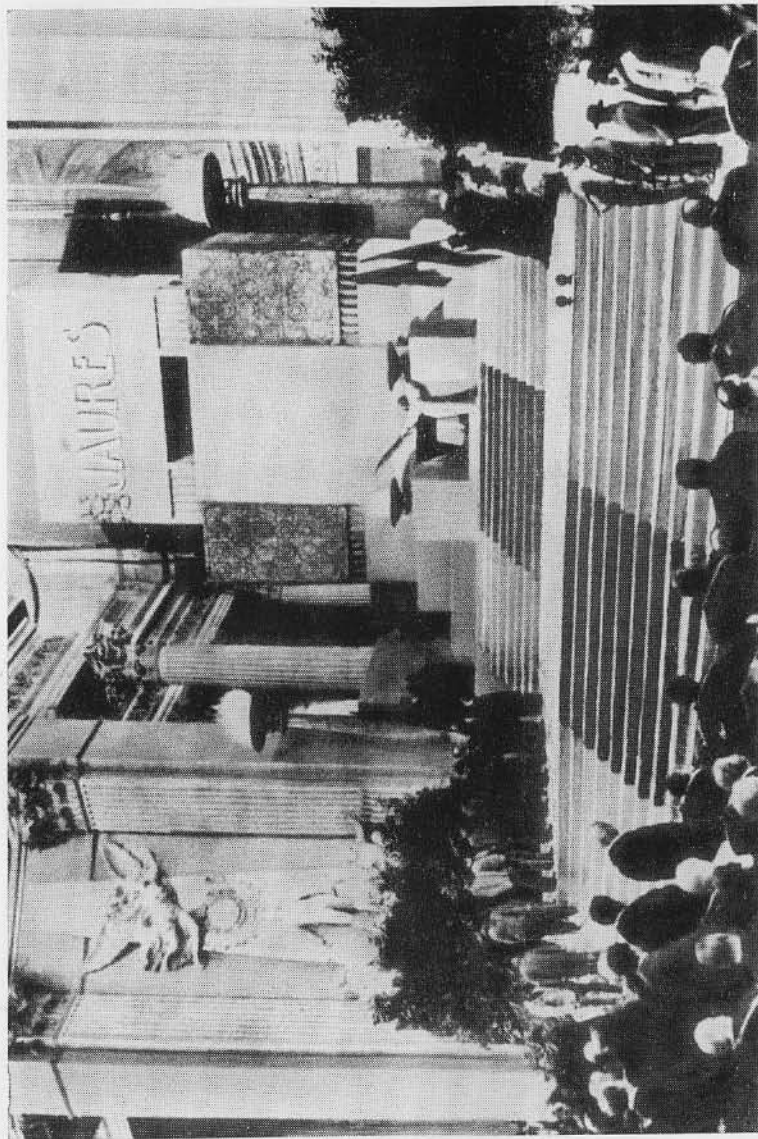
Горняки Кармо несут гроб с телом Жореса в Пантеон.

Памятник Жоресу на кладбище в Альби, где покоилось его тело с 1914 по 1924 год.

Саркофаг Жореса в Пантеоне.

Апофеоз Жореса, торжественная церемония в Пантеоне в 1924 году.

выборов в Кармо. Наконец уже за полночь зажглась надпись: «Жорес избран». Десять минут продолжалась восторженная овация.

В целом по Франции выборы принесли победу левым республиканским силам. Партия Жореса завоевала больше 40 мандатов. Против нее на выборах ожесточенно выступали гэдисты. Но сектантская политика принесла свои плоды. По сравнению с прошлыми выборами они потеряли треть голосов. В первом туре не был избран ни один из гэдистов. Потерпел поражение и сам Жюль Гэд. Вместе с бланкистами гэдисты получили 11 мандатов.

Жорес, естественно, как будто имел основание сделать вывод, что его политику поддерживают рабочие, поддерживают избиратели. Однако он не мог не учитывать, что увеличение числа депутатов его партии в значительной степени объяснялось избирательным блокированием с радикалами. Если радикал в первом туре получал больше голосов, чем социалист, то во втором туре социалисты снимали свою кандидатуру и призывали своих избирателей голосовать за радикала, и наоборот. Это была та самая тактика, которую применяла в последние десятилетия Французская компартия, блокируясь с другими левыми, в том числе и радикалами. Гэдисты же выступали одни и на себе испытали все пороки избирательной системы в два тура.

Весьма сомнительным был и итог реформаторской деятельности Мильерана. Конечно, рабочий день сократился до 10 часов, но в Англии в это время он уже уменьшился до 8 часов. Практически деятельность Мильерана в целом принесла больше вреда социалистам, чем пользы. Чего стоили одни репрессии против забастовщиков! В юмористическом журнале «Асьет о бёр» появилась тогда карикатура: двое рабочих получают жалкие гроши у окошечка забастовочной кассы.

- А гражданин министр тебе не прислал ничего?
- Прислал. Три тысячи солдат.

Жорес принял решение отказаться от участия в правительстве. Но поскольку после выборов хозяевами положения стали радикалы — самая левая буржуазная партия, — он считал возможным и целесообразным оказать поддержку радикальному правительству, требуя от него за это новых прогрессивных реформ.

28 мая на банкете, устроенном независимыми социалистами по случаю избирательного успеха, Жорес так

определил отношения с будущим радикальным кабинетом:

— Радикалы, радикал-социалисты — никакая из этих партий не может быть вместе с нами в деле ликвидации системы наемного труда. Они консерваторы и проводят политику защиты нынешнего социального строя. Она держит их в тесных рамках, которые мы должны разорвать...

Партия радикалов теперь возьмет власть. Важно, чтобы социалистическая программа не совпадала с радикальной программой, парламентский социализм — с реформизмом радикалов. Социализм должен взять на себя роль силы, подталкивающей радикалов, пока они не выдохнутся.

Бриан пришел в ярость от речи Жореса; он был впервые избран в парламент. Кажется, перед ним наконец открываются возможности карьеры. Он уже готовился занять министерский пост, а затем расстаться с плебейским социализмом. И вот теперь этот идеалист Жорес проявляет социалистическую принципиальность. Но ничего не поделаешь, игру придется пока продолжать.

Теперь парижане могут наблюдать, как в дни заседаний палаты по мосту Конкорд неторопливо шагает коренастый бородатый человек с классической внешностью французского мелкого буржуа. Одна рука у него за спиной, в другой — неизменный зонтик, который он таскает в любую погоду. Жорес ходил высоко поднимая голову, обращая лицо к небу, и его маленькие синие глаза, казалось, что-то постоянно ищут в этой беспредельной высоте. Как и всегда, одет он небрежно. С возрастом это стало еще заметнее. Слегка сдвинута на затылок соломенная шляпа-канотье, на ленте которой фирменная надпись: «Элегантность Альби», вызвавшая однажды припадок смеха у его друзей. Элегантность в нем по-прежнему совершенно отсутствовала. Карманы пиджака уродливо оттопыривались, поскольку они были всегда нагружены книгами. Так называемые «вечные» манжеты из целлулоида упорно сползали до кончиков пальцев. Он поправлял их, и порой они оказывались напаянными поверх рукавов пиджака. Брюки, как всегда, гармошкой, с пузырями на коленях. Славившийся своей элегантностью председатель палаты Дешанель однажды заметил:

— Брюки господина Жореса по своему стилю значительно уступают стилю его речей!

Так оно и было. Зато никто не завидовал стилю речей самого шикарного господина Дешанеля, тогда как ораторское искусство Жореса стало уже предметом изучения. Многие пытались имитировать его речи, подражать ему. Тщетно, для успеха в этом деле надо было иметь такую же душу и такой ум.

Жореса часто можно увидеть в кулуарах, в Зале четырех колонн, где его мгновенно окружает толпа депутатов и журналистов. Теперь он является одним из самых влиятельных людей палаты. Он и раньше, будучи в крайней оппозиции, решал судьбы кабинетов. Сейчас он лидер влиятельной фракции и вождь растущего социалистического движения пролетариата. При этом весьма любезный, слегка насмешливый, более сдержанный и спокойный, чем прежде, Жорес спешит отделаться от назойливой толпы и устремляется в библиотеку палаты. Он проводит здесь каждый день не менее часа.

Выбор книг самый фантастический. Здесь перемешаны эпохи, стили, языки, жанры. Жоресу доступно все, и он проявляет неиссякаемую книжную жажду; здесь он отдыхает и размышляет. Иногда записывает какую-то мысль автора, иногда и свои соображения. Сейчас он так близок к власти, и эта ситуация, естественно, толкает его на размышления. Однажды он написал на клочке бумаги, хранящемся ныне в историческом музее в Монтре: «Есть нечто более благородное, чем обладание властью; это побуждать других делать то, что полезно и необходимо для блага страны».

В этой фразе заключается мысль, направлявшая его политику после выборов 1902 года. Политическая обстановка в стране оставалась сложной. Правда, дело Дрейфуса как будто затихло. Но только на улицах. В сознании французов, в политической жизни его последствия давали знать о себе на каждом шагу.

У власти по-прежнему правительство Вальдек-Руссо. Оно оказалось самым долговечным из всех кабинетов Третьей республики. Но «аристократ буржуазии» устал от власти. Дело в том, что ему пришлось проводить политику, заходившую дальше его консервативных убеждений. И дело было не в пресловутых социальных реформах Мильерана; кто-кто, а Вальдек знал им цену. Это была кость, брошенная им Мильерану и ему подобным мародерам социализма в уплату за его развал изнутри. Гораздо большее значение имело то, что ему пришлось

зайти слишком далеко в клерикальном вопросе. А проблема отношений с церковью всегда была и остается до сих пор одной из острейших в общественно-политической жизни Франции.

Отношения между государством и католической церковью регулировались конкордатами, заключенными еще Наполеоном I с Ватиканом. Государство брало на себя содержание духовенства, получив взамен право решающего голоса при назначении иерархов церкви. Но, кроме так называемого белого духовенства, существовало черное, то есть монашеские ордена и конгрегации. Они служили важнейшим орудием Ватикана, никогда не оставлявшего своих претензий играть решающую роль во всех мирских, в том числе и в политических делах. Особенно большое значение имело то, что в руках конгрегаций находилось воспитание подрастающего поколения. Хотя еще в 1880 году Жюль Ферри провел закон об отделении школы от церкви и ликвидировал часть конгрегаций, в начале XX века во Франции в религиозных школах обучалась 91 тысяча учеников, а в светских 86 тысяч. Святые отцы воспитывали детей в духе крайнего мракобесия, прикрывая это, впрочем, разговорами о стремлении внедрить в души истинно христианскую мораль. Так, для укрепления целомудрия молодым девушкам в некоторых монастырских пансионах запрещалось мыться в бане во избежание искушения от лицемерия собственного голого тела. Если же в крайнем случае они и мылись, то не снимая длинных холщовых рубашек.

Ущерб в области гигиены был, конечно, пустяком по сравнению с подрывной политической ролью конгрегаций, которая в полной мере проявилась в ходе политических кризисов. По указке Ватикана они делали все, чтобы сокрушить республику и установить какую-либо форму полного господства реакции. Святые отцы просто остервенели, не жалея даже денег, что для церковников обычно служит показателем крайней степени героизма и самопожертвования.

Вальдек-Руссо, который отнюдь не был антиклерикалом, понял, что святая церковь в своем рвении может в условиях роста социализма довести дело вообще до краха буржуазного строя.

Сначала Вальдек запретил членам конгрегаций проносить проповеди, то есть вести открытую пропаганду. А затем в июле 1901 года принимается закон, по кото-

рому деятельность каждой конгрегации нуждалась в специальном разрешении парламента. Закон вызвал бурю, разразившуюся на парламентских выборах. Ведь от состава парламента теперь зависело дальнейшее существование конгрегаций, то есть могущественной «черной партии». Но вопреки всем усилиям выборы лишь укрепили антиклерикальное большинство, и теперь предстояло насильно провести ликвидацию конгрегаций. Подчиняться закону добровольно пастыри божьи, конечно, не желали. Но Вальдеку вовсе не улыбалась перспектива проведения этой неприятной для него процедуры. Да и вообще он считал, что под влиянием событий его занесло слишком влево. И вот впервые с 1870 года правительство сразу после выборов добровольно выходит в отставку.

Через несколько дней перед палатой предстал новый премьер — радикал Эмиль Комб, подвижный седовласый старичок. До этого его мало знали, хотя короткое время он занимал пост министра просвещения. Комб оказался одним из наиболее порядочных людей, выдвинутых французской буржуазией на большую политическую арену. Он был земляком Жореса, тоже из департамента Тарн, учился он когда-то в Кастре, где родился Жорес. Человек образованный и умный, он зарекомендовал себя в качестве антиклерикала, хотя и не очень уж крайнего направления. Главной задачей кабинета Комба было претворение в жизнь закона против конгрегаций. Уже по этой причине Жорес симпатизировал новому радикальному премьеру. Ведь теперь Жорес развертывает очередную политическую кампанию. Борьба с клерикализмом становится главной его целью. Он проявляет в ней такую же энергию и страстность, как и в деле Дрейфуса.

Но хотя кабинет Комба был левее правительства Вальдека, Жорес не считал возможным вступление социалистов непосредственно в кабинет. Жорес не видел необходимости в этом, ибо, по его мнению, угроза республике исчезла. Тем не менее социалисты, возглавлявшиеся Жоресом, оказывали теперь на правительство неизмеримо большее влияние. Жорес учел плачевный для него опыт участия Мильтерана в правительстве. 12 июня 1902 года он так сформулировал свою позицию по отношению к новому правительству:

— Мы, социалисты, хотим сотрудничать со всей левой в целях республиканской и реформаторской деятельности; мы в то же время преследуем наивысшие цели, для

осуществления которых пролетариат и организовался. Мы считаем, господа, что наша непосредственная роль сводится к тому, чтобы придать реформам, подготовляемым наиболее последовательной частью республиканского большинства, возможно больше точности и реальности.

Жорес поддержал проекты реформ, в частности введение прогрессивного подоходного налога, заметив при этом, однако, что социалисты считают его совершенно недостаточным.

— Вот оппортунизм! Это воскресший левый центр господина Жореса! — крикнул один из правых.

— Это недостойно господина Жореса, и я этим опечален! — иронически заявил другой правый депутат.

На этот раз реакционеры были в какой-то мере правы. Их лицемерные и насмешливые обвинения Жореса в оппортунизме полностью совпадали с искренними упреками, которыми неумоимо осыпал Жореса Жюль Гэд. Он по-прежнему, замкнувшись в панцирь ультрареволуционных фраз, уклонялся от участия в политических битвах, раздиравших Францию. Гэд объявил борьбу с клерикализмом новым маневром для того, чтобы отвлечь трудящихся, что все это просто комедия. Ясно, что такая сектантская позиция была вредна, поскольку церковь являлась смертельным врагом социализма. Кроме того, гэдисты утверждали, что Жорес превратился в безвольное орудие правительства Комба. Любопытно, что клерикалы, националисты и монархисты предъявляли аналогичные обвинения самому Комбу.

Жорес действительно очень активно защищал правительство Комба от нападок клерикалов. Но, войдя в так называемую «делегацию левых», Жорес со своей исключительно динамичной натурой оказывал часто огромное влияние на политику правительственного большинства. По аналогии со знаменитым отцом Жозефом, тайным и всемогущим советником кардинала Ришелье, получившим прозвище «серое преосвященство», Жореса называли «красное преосвященство».

Но, с другой стороны, тесное сотрудничество Жореса с радикалами не могло, конечно, не иметь отрицательных последствий. Жорес поддерживал кабинет, активно проводивший, как и все буржуазные правительства, антирабочую политику. Не раз министерство направляло войска против забастовщиков, хотя в данном случае и

обошлось без расстрелов. А Жорес, стремясь добиться проведения прогрессивных реформ, поддерживал правительство.

Отбиваясь от обвинений слева, Жорес говорил, что, конечно, сохранение блока левых — задача трудная и деликатная, что приходится идти на компромиссы. «Было бы слишком удобно, — писал он, — воспользоваться благодеяниями какой-либо политики, отказавшись от жертв, требуемых ею». Но не слишком ли много жертв приносил Жорес? Временами казалось, что это именно так.

И все же в борьбе с церковью и правыми Жоресу удалось достичь успехов. Летом 1902 года правительство приказало закрыть сотни школ, руководимых попами. «Черная партия» вступила в бой. Процессии святых братьев потянулись по городам и деревням. В самой столице аристократы собирались толпами, защищая выгоняемых из школ монахинь. Несколько тысяч школ религиозных орденов превратились в крепости. Особенно много волнений было в Бретани. По наущению священников и под командованием офицеров в отставке вокруг школ копали рвы и строили баррикады. Опьяневшие от водки и религиозного дурмана крестьяне с вилами, топорами и дубинами выступали против полиции. В департаменте Финистер несколько жандармов, полицейских комиссаров и солдат были тяжело ранены. Во многих местах организовали демонстрации женщин и детей. Излюбленный метод обороны состоял в обливании полицейских нечистотами.

Но «папаша Комб», как называли премьера, терпеливо вел свою линию. А от яростных нападок правых отчаянно отбивался Жорес. Его считали главным врагом церкви и называли министром слова в правительстве Комба.

Но школы явились только началом. Дошло дело до самих конгрегаций. Они должны были получить на дальнейшее существование специальное разрешение парламента по закону 1901 года. Пятьдесят четыре конгрегации подали соответствующие прошения. Среди них было двадцать восемь проповеднических, двадцать пять преподавательских и одна (наименее вредная) конгрегация картезианцев, занимавшаяся производством и продажей знаменитого ликера «Шартрез». Комб предполагал рассматривать дело каждой из них отдельно. Но в этом случае дебаты затянулись бы на десятки лет. Жоресу

удалось провести более простую процедуру. Все конгрегации разделили на три группы — преподавательские, проповеднические и ликерные. В результате за один месяц удалось провести законы, ликвидирующие осыные гнезда «черной партии». Но борьба продолжалась. Каких только юридических придирок не использовали клерикалы, чтобы сохранить свои позиции под предлогом защиты «свободы»! Все сказанное и написанное Жоресом против махинаций клерикалов составило бы не один том.

Жорес более чем лояльно сотрудничает с радикальными партнерами по левому блоку. Порой это уже напоминает преданность. Он постепенно привыкает к совпадению своих взглядов с политикой радикалов. Дружественные отношения устанавливаются у него с Комбом, который делает ему публичные комплименты. По-прежнему красноречивые речи и энергичные действия Жореса все чаще пронизываются иллюзиями отнюдь не социалистического характера. С непосредственностью эмоционального человека, он, как всегда, увлекается, и его социалистические идеи отступают на второй план.

Это особенно сказывается в суждениях Жореса о международных делах, о французской колониальной политике. Вообще в этих вопросах переход Жореса к социализму происходил крайне медленно, явно отставая по сравнению с его позицией во внутриполитической жизни. Как известно, свою парламентскую деятельность он начинал когда-то с апологетики колониальных авантур Жюль Ферри, с активного, чисто буржуазного патриотизма. С трепетом он говорил тогда о «нашей бедной побежденной родине», о «возлюбленной Франции». В феврале 1887 года Жорес писал в «Депеш де Тулуз»: «Свободная Франция знает только одну дипломатию: раскрывать перед всем миром свою душу».

Но постепенно, по мере сближения с марксизмом, по мере того как международные конфликты, войны рождавшегося империализма раскрывали ему глаза, он приобретает более реалистичные взгляды.

Уже будучи социалистом, он 7 марта 1895 года, вызывая бурное одобрение на левых скамьях палаты, произносит знаменитую фразу:

— Ваше общество, жестокое и хаотическое, даже когда оно желает мира, даже когда оно находится в состоянии кажущегося покоя, всегда таит в себе войну, как повисшая в небе туча таит в себе грозу!

В августе 1900 года Жорес, слушая многочисленную декларацию о мире и не видя никаких реальных акций в его пользу, чувствует усиление военной опасности. И он предпринимает историческую инициативу создания массовой организации в защиту мира. Жорес предлагает социалистам созвать Европейскую лигу мира. Он писал тогда в «Птит республик»: «Какой славой покрыл бы себя социализм, став в этот момент всемирного кризиса объединяющим центром цивилизации, умиротворяющей силой, способной спасти людей от безумной жажды наживы и убийства! Это может сделать он, только он один, но при условии немедленной организации широкой кампании с точно определенными задачами. Европейская лига мира, основанная социалистической партией, но открытая для всех людей доброй воли, которые, не примыкая полностью к социализму, все же не боятся сотрудничать с ним во имя сохранения мира во всем мире и обуздания appetites, угрожающих этому миру, — вот самое неотложное, самое прекрасное, самое полезное дело, за которое можно взяться при настоящем положении вещей».

Это было одно из многих предложений Жореса, в которых он предвосхищал будущее. Но в то время идея Жореса не осуществилась. Да вряд ли и были для этого реальные возможности.

Оказавшись в рядах левого блока, Жорес отступает назад. С поразительной наивностью он оценивает международную обстановку в Европе. Еще в конце XIX века началась бешеная гонка вооружений. Чтобы одним ударом закрепить перевес на своей стороне, Германия, которая устами одного из своих канцлеров заявила, что немцам надоело довольствоваться голубым небом и предоставлять другим странам делить земли и воды, создает Тройственный союз с Австро-Венгрией и Италией. Естественно, что механизм пресловутого равновесия сил побудил другие державы: Францию, Россию, а позже и Англию — к ответным мерам. Возникает второй союз — Антанта, приступившая к осуществлению широкой программы вооружений. Германские политики стремятся к тому, чтобы развязать войну раньше, чем Антанта сможет выполнить свою программу. Судьба мира в Европе повисла на волоске.

Международным делам и посвятил Жорес свою речь в палате 23 января 1903 года. Это был его ораторский дебют в новой легислатуре. Депутаты в полном сборе,

ложи наполнила публика, журналисты, дипломаты. Жорес выступал в блестящей форме, горло у него тогда не болело, он весь сиял оптимизмом и добродушием.

— В первый раз с тех пор, как образовалась современная Европа, уже тридцать два года не было столкновения между великими державами Центральной и Западной Европы. Это беспрецедентный факт. Никогда на протяжении многих веков яростных антагонизмов, хаоса народов и рас, страстей и ненависти, где, как в колючих зарослях, рыщут дикие звери в поисках добычи, — нигда не было создано таких светлых горизонтов мира...

— Это поэзия, — раздается возглас одного из депутатов.

— Мы можем надеяться, — продолжает Жорес, — на устойчивость этого режима мира, поскольку Европа ныне организована в две системы союзов, которые, не сталкиваясь, уравновешивают друг друга и сдерживают содержащиеся в них возможные влечения к скрытому шовинизму или обычно возрождающиеся опасные национальные претензии. Эти две великие системы союзов постепенно развивается в духе укрепления мира, они сближаются, и начинается первая организация Европы, подготавливающая более широкий союз, европейский союз труда и мира...

— Назовите дату, когда это произойдет! Ведь это мечта! — снова кричат из зала.

Жорес не обращает внимания, с упоением продолжая свою речь. Он весь во власти волшебного видения, в поэтическом экстазе, зажигающем аудиторию, раздражающуюся бурной овацией.

В нарисованной Жоресом идиллической картине находится место для пролетариата и социалистов. Оказываются, они должны помогать миротворцам и ослаблять разрушительные силы, которых еще так много на свете, «постепенно внедряя во все органы существующей власти социалистическую мысль и практику». Поистине в своем идеализме Жорес заходил слишком далеко. Это действительно были, выражаясь словами Лафарга, «метафизические журавли»...

— Покупайте «Журнал офисель»! Большая речь Жореса! Разоружение и мир! — кричали на другой день парижские разносчики газет. Уникальный случай, тираж скучнейшего официального издания сразу подскочил на десять тысяч экземпляров.

Судьба осыпает Жореса новыми почестями. Через три дня, 26 января, он председательствует впервые на заседании палаты депутатов. Он избран вице-президентом палаты. Все с любопытством ожидали обычной процедуры, которая на этот раз имела символический характер: почетный воинский караул должен отдать военные почести председательствующему в палате, которым впервые будет социалист.

В зале Мира выстроились солдаты. Раздается команда «смирно!». Строй замирает, и вот в сопровождении двух офицеров с обнаженными саблями появляется Жорес. Выглядит он необычно: на нем фрак и белый галстук, в руке цилиндр. Жорес спокойно принимает рапорт командира почетного караула и направляется в зал заседаний, где занимает председательское место, возвышающееся над трибуной и всей палатой, как трон.

Правые, встретившие избрание Жореса вице-президентом взрывом негодования, пытались устроить ему обструкцию. Но спокойное и серьезное поведение Жореса не давало им повода. На протяжении года, занимая пост заместителя председателя палаты, Жорес весьма уверенно много раз проводил заседания. Он напоминал преподавателя в классе, умело управляющего учениками и делающего им замечания.

Когда оратор теряет нить своих рассуждений, Жорес вмешивается:

— Все это имеет отношение к вопросу, но слишком отдаленное, и было бы хорошо, если бы вы яснее и короче изложили свои доводы.

Если палата перестает слушать скучную речь, Жорес заявляет:

— Не забывайте, господа, что вы будете сейчас голосовать. Поэтому вам все же полезно знать, о чем идет речь.

Иногда надо прекратить шум и разговоры:

— Господа, чем меньше вы будете шуметь, тем скорее оратор закончит.

Нередко выступающий сам запутывается в своих рассуждениях, и тогда вмешивается Жорес:

— Оратор, несомненно, хочет сказать, что...

Однажды Жорес прервал надоевшего всем болтуна такой репликой:

— Это не представляет никакого интереса.

Жорес — фактический лидер большинства в палате —

становится очень влиятельным человеком. Газеты непрерывно сообщают о его речах, заявлениях, действиях, печатают его портреты. Он становится одним из главных персонажей карикатуристов. Это вернейший признак политического влияния, успеха. Для мадам Жорес наступают счастливые дни. Луиза обожает светскую жизнь. Она заказывает все новые платья и шляпы и предается своей страсти к визитам. Однажды она сообщает мужу:

— Я сделала восемь визитов и выпила двенадцать чашек шоколада.

— Тебя это утомляет, моя дорогая, — сочувственно отзывается Жан.

— О нет, мой друг! Я посещаю только те дома, где есть лифты.

Эта женщина тридцати шести лет, пышная, холеная, по-прежнему далека от дел мужа. Когда с ней заговаривают о Жоресе, на ее лице сразу появляется выражение скуки.

Зато как счастлива Аделаида, слушая рассказы об успехах сына. Она гладит рукой глянцевую обложку журнала «Иллюстрасьон», на которой изображено, как ее Жанно принимает в палате рапорт почетного военного караула. Но видеть она уже не может: старушка почти ослепла. Ее маленькая внучка Ивонна, дочка младшего сына Луи, который все время в далеких морских походах, скрашивает тоску. Девочка так ласкова с бабушкой и так любит дядю Жана. Но вот неприятность, ребенка пришлось взять из школы Голубых сестер, которых теперь преследуют по новым законам, проведенным в парламенте Жаном!

— Крестный приехал! — радостно сообщала Ивонна монахиням, когда Жорес появлялся в Кастре. Но крестный — страшный враг церкви, олицетворение дьявола. Девочка совершенно растеряна. Она не может понять, почему так плохо говорят о ее добром и ласковом дяде Жаке. Не может понять и Аделаида, и Жан с грустью видит тревогу и недоумение на милых и дорогих лицах.

А тут еще возникает новый скандал: в газетах пишут, что Жорес замешан в каких-то грязных торговых делах. На этот раз шум поднялся из-за магазина «Сто тысяч пальто». Дело в том, что Жеро-Ришар завел при редакции газеты «Птит репюблик», считавшейся печатным органом Жореса, магазин дешевой одежды. Надо бы-

ло уравновесить шаткий бюджет редакции. Ведь частные фирмы не давали прибыльной рекламы в социалистическую газету.

Все это было совершенно естественным делом. Многие левые издания и организации поддерживали свое существование с помощью мелкой коммерческой деятельности. Сам Гэд не брезговал этим, придавая ей, правда, характер революционной пропаганды. Товары имели марку «социалистических фабрик»: часы, к примеру, назывались «Трудящийся»; мыло и курительная бумага украшались революционными лозунгами в стихах и прозе: «Чтобы победить тиранов, покупайте это мыло!»

Но Жеро-Ришар в коммерческом азарте сумел добыть необычайно дешевые пальто, костюмы и шляпы, продававшиеся в магазине, размещенном прямо в здании редакции. Окрестные торговцы запротестовали. Это заметил провокатор Урбен Гойе, который еще с времен дела Дрейфуса вел травлю Жореса. Он пустил в ход версию о том, что товары социалистического магазина дешевы постольку, поскольку они изготавливаются заключенными в тюрьмах и в мастерских религиозной конгрегации, и что Жорес зарабатывает на этом кучу денег!

По настоянию Луизы в Бессуле завели коляску и лошадь. В газетах немедленно появились сообщения: «Экипаж мадам Жорес стоил 1500 франков». Жореса поливают грязью, называя его именем героя пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве»: «Приданое дочери Журдена растет, а сколько дочерей рабочих из-за «Ста тысяч пальто» окажутся на панели!» Злосчастная Мадлен, опять ее существование используется против отца!

Как раз в это время фантазия журналистов превращает скромный дом в Бессуле в подобие знаменитых замков Луары, таких, как Шомон, Блуа, Шамбор, где роскошный стол соперничает с богатыми туалетами гостей, где рекой льются дорогие вина, а Жорес наслаждается жизнью — за счет рабочих, разумеется.

Ему снова приходится публично разъяснять свою частную жизнь и доказывать, что он не получает никаких доходов от магазина «Сто тысяч пальто». И он пишет следующую статью.

«Птит репюблик» не принадлежит мне... Я не имею никаких акций и не получаю никаких доходов от ее издания... Я просто обязан писать только в эту парижскую газету, и за такую огромную работу я получаю в месяц

тысячу франков. Это как раз половина того, что получают за такую же работу сотрудники большинства крупных газет Парижа».

Он подробно разъясняет, что все его заработки, добытые исключительно его пером, обеспечивают лишь содержание семьи. Причем четверть его заработка идет в пользу партии. Что касается своего образа жизни, о котором газеты сообщали фантастические подробности, то Жорес объясняет, как в действительности обстоит дело, и заключает: «Я не Лукулл, но и не аскет».

Писаки немедленно ухватились за эту фразу. Целый номер «Асьет о бёр» заполнен клеветническими материалами о Жоресе, сфабрикованными Урбеном Гойе. На обложке изображен тучный толстяк с лицом Жореса, сидящий в кресле, из-под которого видны страдающие лица задавленных им рабочих. Надпись гласит: «Я не аскет».

Аделаида — а услужливые «друзья» читают ей эту страпню — не могла не рассмеяться, слушая выдумки буржуазных газет. Она-то знала скромность Жана, его самоотверженное отношение к семье и полное пренебрежение личными нуждами. Она даже порой была довольна этим чрезмерным бескорыстием своего сына.

— Он не аскет, он святой! — говорили все, кто видел жизнь этого непрактичного человека.

Хотя Жорес в простоте душевной твердо верил в могущество истины, ему часто приходилось с изумлением убеждаться, что ложь гораздо успешнее покоряет людские умы. Так было в какой-то мере и с очередной кампанией клеветы. Но это представляло не такую уж новость. Просто история со «Ста тысячами пальто» подтолкнула Жореса к осуществлению его давней мечты: иметь действительно «свою» газету. Иметь не в смысле материального обладания ею в качестве собственника, а в смысле действительной свободы писать именно то, что он считал нужным, не подвергаясь никакой прямой или косвенной цензуре. Хотя у него уже накопился большой опыт журналистской деятельности, он никогда, по существу, не обладал полной свободой выражения своих идей. «Депеш де Тулуз» всегда была органом радикалов. В период дела Дрейфуса вплоть до самоубийства Анри она оставалась антидрейфусарской. В «Птит репюблик» Мильеран, фактический хозяин газеты, а затем и Жеро-Ришар также серьезно стесняли свободу Жореса.

Люсьен Герр и Леон Блюм согласились помочь ему

в осуществлении давней мечты. Сначала возникла идея просто купить «Птит репюблик» и изменить ее направление. Но в последний момент Жеро-Ришар отказался от уже согласованной сделки.

Люсьен Герр взял в долг 100 тысяч франков, но поскольку для покупки газеты этого было совершенно недостаточно, то знаток политэкономии решил поиграть на бирже и порастрасти толстосумов. Естественно, его ободрали как липку, и он потерял свои сто тысяч.

К счастью, был Леон Блюм, имевший обширные связи в финансовых кругах, который, подобно Бриану, числился в любимчиках Жореса. Он решил помочь своему учителю, благо это ему ничего не стоило. Жорес смог занять у банкиров 880 тысяч франков.

Неутомимый Урбен Гойе тут же оповестил, что Жорес основал свою газету на деньги «двенадцати евреев из немецких гетто», а также с финансовой помощью Бебеля. Кстати, Жорес проявил крайнюю щепетильность в этой сделке и, несмотря на серьезные финансовые затруднения газеты, сумел вернуть все деньги до последнего гроша.

— Я более уверен в Жоресе, чем в самом себе, — говорил Леон Блюм. — Это человек абсолютной честности.

Сначала газету хотели назвать «Просветитель», затем «XX век». Но Жорес остановился на названии «Юманите» — «Человечество»¹. 18 апреля 1904 года выходит первый номер газеты.

В передовой статье Жорес объясняет, почему новая социалистическая газета называется «Юманите» — «Человечество»: в настоящее время человечества еще не существует, ибо нельзя назвать этим прекрасным словом хаос враждебных наций. Даже если царит мир, жизнь пронизана следами вчерашних войн и тревогой в связи с завтрашними войнами. Внутри каждой нации происходит неизбежная борьба капиталистической олигархии и пролетариата, классовые антагонизмы раздирают все страны. Только социализм сможет разрешить все эти внутренние и внешние противоречия в жизни людей и создать подлинное человечество. Именно поэтому газета

¹ На каждом номере газеты «Юманите», центрального органа Французской компартии, и сейчас печатается: «Основатель Жан Жорес».

социалистов и называется словом, означающим конечную цель социалистического движения.

Задача новой газеты, заявляет Жорес, и заключается в том, чтобы идти к этой цели, которая может быть достигнута только борьбой рабочего класса. Газета намерена сообщать о всех событиях в жизни рабочего класса, о всех усилиях и успехах рабочих организаций. С помощью всесторонней и точной информации она должна помочь всем свободным умам понять смысл событий в мире.

В день выхода первого номера в редакции газеты, разместившейся на улице Монмартр, в доме 142, царило радостное оживление. Здесь Жорес, которого окружают Анатоль Франс, Жюль Ренар, Люсьен Герр, Леон Блюм и другие писатели, журналисты, объединившиеся в новой редакции. Способность привлекать к себе разных людей помогла Жоресу собрать вокруг «Юманите» группу действительно талантливых литераторов.

— Знаюки, — говорит Жорес, — предсказывают нашей газете хорошее будущее. Наш тираж — сто сорок тысяч. При семидесяти тысячах газета покроет свои расходы.

Жорес обращается к Жюлю Ренару и благодарит его за рассказ, опубликованный в первом номере газеты. Просит не медлить со следующим очерком.

Ренар не был социалистом, но, проникательный, честный писатель, он с большим талантом клеймил пороки буржуазного общества. Познакомившись с Жоресом, Ренар сразу подпал под обаяние его личности.

«Моя любовь к Жоресу, — записывал он в своем дневнике, — и восхищение им растут с каждым днем. Жорес — человек большого ума, прекрасный человек... Я считаю, что Жорес совершенно чужд личной заинтересованности и что он равен крупнейшим людям... Хочется плакать, когда видишь Жореса... В его присутствии я испытываю нежность и восхищение...»

Газета «Юманите» становится великолепным орудием политической деятельности Жореса. С ней связан новый крупнейший шаг в борьбе с клерикализмом. Когда правительство Комба добивалось ликвидации конгрегаций и религиозных школ, то оно предполагало остановиться на этом, ограничившись пресечением антиреспубликанской деятельности так называемого «черного», монашеского духовенства. Комб не собирался добиваться отделе-

ния церкви от государства, то есть прекращения действия конкордата, по которому государство оплачивало «белое» духовенство. Около 50 миллионов франков ежегодно расходовалось по бюджету на содержание церкви. Республика, таким образом, не носила действительно светского характера, продолжая косвенно признавать средневековую фикцию принадлежности церкви к светской власти. Отделение церкви от государства, отмена бюджета культов являлись одним из существенных программных требований социалистов. Жорес стремился всеми силами подтолкнуть правительство Комба на новый радикальный шаг к дальнейшему развитию республиканской демократии. И в конце концов Жорес сумел этого добиться.

В марте 1904 года президент Лубэ посетил в Риме итальянского короля, не признававшего светской власти папы. Ватикан направил в Париж резкую ноту протеста в связи с «обидой», нанесенной папе. Это было грубейшим вмешательством во внешнюю политику Франции, возрождением непомерных средневековых притязаний католической церкви. Но правительство Комба решило не поднимать шума и спрятало ноту под сукно.

Жорес, однако, сумел получить текст ноты и 17 мая опубликовал ее в «Юманите». Действия Ватикана вызвали возмущение большинства депутатов и всех республиканцев. Правительству пришлось отозвать своего посла из Ватикана, а в октябре внести в парламент законопроект об отделении церкви от государства.

Но, чтобы провести закон, Жоресу пришлось выдерживать такие яростные битвы против реакции, которые по своей ожесточенности не уступали накалу страстей в деле Дрейфуса. Изобретательность святых отцов не знала предела, так же как и ограничений морального характера. Подлость, обман, предательство, чудовищное коварство в каждом их движении. Казалось, они хотят взять реванш за все свои прошлые неудачи в борьбе с республикой. Во главе похода идет Лига французского отечества, возглавляемая группой мракобесов и лжепатриотов вроде известных литераторов Леметра и Коппе или проходимцев типа Сиветона. Главная мишень их ядовитых стрел — блок левых во главе с Жоресом. Самые хитрые интриги затеваются для того, чтобы развалить союз республиканцев, скомпрометировать его лидеров. Любой ценой стремятся свалить кабинет Эмиля Комба.

Так, фабрикуется дело о взятке, которую якобы получил сын премьера от картезианцев, спасавших свою святую фирму по производству «Шартреза». Хорошо, что Комб оказался честным человеком, и Жоресу удалось успешно отбивать все атаки на левый блок.

Особенно яростная схватка завязалась в конце 1904 года из-за дела с фишками, то есть с информационными карточками о политических убеждениях офицеров. Раньше таким делом спокойно занимались иезуиты, и по их протекции монархисты и клерикалы получали чины и должности в армии. Военный министр Андрэ хотел провести чистку армии, помочь республиканцам и ослабить влияние старых военных кадров. Для сбора информации он воспользовался помощью масонской ложи «Великий Восток». Но один из служащих этой ложи украл пачку фишек, а националистические депутаты огласили их с трибуны палаты. Правые подняли истошный крик о доносах в армии, о полицейской слежке и т. п. Вопили те самые люди, которые еще недавно с пеной у рта оправдывали мошенников генерального штаба в деле Дрейфуса. Парламент снова превратился в арену цирка, где бесновались защитники «чести армии».

Один из главарей Лиги французского отечества, Сиветон, на заседании парламента дал пощечину военному министру Андрэ, да так, что голова старика с грохотом ударилась о пюпитр. Сиветона потянули к суду, но накануне процесса его нашли мертвым. Самоубийство? Домашние Сиветона выдвигали такую версию. Он якобы запутался в любовных связях, которые он завел в своей семье, где, не довольствуясь женой, он сожительствовал со своей падчерицей, а также и ее гувернанткой. К тому же и его денежные дела оказались в полном расстройстве. Но появилась и другая версия, по которой Сиветон якобы подвергся ритуальной мести масонов, что его затравили республиканцы и т. д. Многие депутаты левого блока заколебались. Правительство Комба повисло на волоске. Жорес бросается на помощь. Он раскрывает всю подоплеку и показывает, что дело с фишками затеяно лишь для того, чтобы скомпрометировать республиканскую и антиклерикальную политику. Жорес посвящает делу Сиветона серию блестящих статей, в которых скрупулезно исследует этот вонючий клубок интриг. Нападки на Андрэ, говорит Жорес, вызваны его действиями против аристократического и клерикального фаворитиз-

ма, в защиту республиканских офицеров. Поистине можно удивляться энергии Жореса в борьбе с реакционерами.

Разумеется, ему не собирались прощать этого. Клерикалы начали такую травлю, что Жорес порой приходил в отчаяние. Дерулед, главарь Лиги патриотов, изгнанный на десять лет из Франции, в ноябре прислал ему оскорбительное письмо, где он называл Жореса самым гнусным развратителем умов и предателем родины. Терпение Жореса лопнуло. Прочитав послание Деруледа, он тут же размашистым почерком одним махом пишет ответное письмо, разоблачает лживый патриотизм Деруледа и вызывает его на дуэль.

Друзья Жореса поражены. Дерулед, этот маньяк по прозвищу Вшивая борода, разве он заслуживает такой чести? Да и сам метод дуэли не очень-то идет социалисту. Когда 1 декабря 1904 года Жорес встречается в редакции «Юманите» Жюля Ренара, тот говорит ему:

— Пока будет тянуться вся эта нелепая история, ваши друзья не смогут вас любить и вами восхищаться.

— Это было бы мне неприятно, — отвечает Жорес, — но я прав. Я все обдумал, я больше так не могу. С некоторых пор я чувствую их постоянно за своей спиной, из-за меня они готовы оскорбить и мою жену и мою дочь. Я получаю гнусные письма. Я чувствую, как сползаются все эти слизняки. Мне кажется, что я покрыт плевками. Я хочу пресечь это одним движением: оно, быть может, и нелепо, но необходимо. Пусть не думают, что все позволено, что можно меня выставить на всеобщее осмеяние в дурацком колпаке.

Когда Жорес поздно вечером выходит из редакции, он снова сталкивается с Ренаром, вопросительно глядящим на него.

— Вы хотите мне еще что-нибудь сказать?

— Нет, — отвечает Ренар, — надеюсь, я не сказал ничего для вас неприятного.

Жорес уверяет, что нет, и они идут рядом. О дуэли больше не упоминают. Ренар говорил, что завтра он обязательно прочтет в «Журналь офисьель» речь Жореса о Жанне д'Арк, имевшую бурный успех.

— Ну, знаете, — замечает Жорес, — когда идет такая драка, вряд ли можно сказать что-нибудь интересное.

— Мне бы хотелось чего-нибудь выпить, согреться. Не составите ли мне компанию?

Жорес останавливается перед кафе и говорит со своим характерным южным акцентом:

— Надеюсь, хоть кафе-то приличное?

Ренар подымает глаза и читает на вывеске «Неаполитанское кафе».

— О, вполне приличное.

Входят.

— Вы будете пить пиво? — спрашивает Жорес.

— Нет. Закажу американский грог.

— А что это за штука?

— Горячая вода с ромом.

— Ну и как, недурно?

— Жажду утоляет лучше самого холодного пива.

Жорес наливает воды в свой стакан и требует себе соломинку. Жюль Ренар подробно описывает «портрет», который он пишет с него.

— Да, — говорит он. — Сам-то я не заметил. Пожалуй, это точно.

Он признается, что спешит произносить фразу за фразой из боязни, что публика зааплодирует раньше срока. Посетители оборачиваются. Знают ли они Жореса? Он расплачивается и, как щедрый провинциал, оставляет гарсону десять су. Выйдя на улицу, он говорит:

— Как чудесен наш Париж!

Но он беспокоится, как бы не пропустить свой трамвай.

— А вы из-за меня не сделаете лишнего крюка? — спрашивает Жорес.

— Нет, — отвечает Ренар и спрашивает: — Вы ведь преподавали. Наверное, кто-нибудь из ваших учеников испытал на себе ваше влияние?

— Нет, — отвечает Жорес, — я был тогда слишком молод. Во всяком случае, это ни в чем не сказалось.

Но Жорес думает о своем трамвае, который отходит от остановки. Последний трамвай вот-вот тронется. Жорес бросается за ним вдогонку, но потом останавливается и говорит:

— Нет, это он только маневрирует.

Он добавляет, что, впрочем, ученики перенимают у учителя его худшие черты.

— Вы, наверное, много работаете, Жорес!

— Да, но моя работа — политика. Тут бывает отдых,

перемены: пишешь, говоришь. Парламент, трибуна развлекают. Я убежден, что художник, занятый только своим искусством, не выдержал бы такого груза.

— Но возьмите Виктора Гюго...

— Да, правда, — говорит Жорес.

Расстались они далеко за полночь. Жюль Ренар на другой день тщательно записывает в дневник разговор с Жоресом. Запись кончается так:

«Вернувшись к себе, полный удивленного и нежного восхищения этим необычным человеком, я не могу уснуть, я чувствую некоторую гордость, оттого что не растерялся. Впрочем, я ничем не рисковал. Но на следующий день я встаю в десять часов и хорошо знаю, что он уже за работой и не думает о дуэли. Вчера его письмо Деруледу, великолепная импровизация о Жанне д'Арк, передовая в «Юманите».

Хочется отдать себя ему, работать за него. Точно крыса, вылезшая из норы, я ослеплен этим великолепным зверем, обнюхивающим всю природу. Да, это не то, что стремиться в академики!

Хотел бы он стать богатым? Министром? Не могу этому поверить. Правда, он хочет драться с Деруледом, и это, может быть, явление того же порядка».

Через три дня Жорес отправляется на южном экспрессе из Парижа. В нейтральной полосе между испанской и французской границами состоялась его дуэль с Деруледом. Никто не был ранен. Жорес потерял на эту затею двое суток. Но зато, вырвавшись из повседневной сутолоки, он имел возможность спокойно поразмыслить о своих делах, которые уже давно вызывали у него приступы тоскливой меланхолии.

Конечно, он вправе гордиться успехами в борьбе с клерикалами. Его политическое влияние небывало усилилось; он решал судьбу кабинета. Жорес сблизился с влиятельными деятелями радикалов; теперь уже не только левая часть амфитеатра Бурбонского дворца раздражалась аплодисментами, слушая его речи, но и весь центр, а враждебный ему сектор полукруга значительно сузился. Странно, но если раньше буржуа смотрели на него с опаской, то теперь они говорят, что, оказывается, с этим врагом буржуазии можно иметь дело. До слуха Жореса дошли разговоры, что он повторяет эволюцию Гамбетты, который от боевого республиканизма и непримиримой оппозиционности перешел к политике положи-

тельных результатов и завел речь о том, что год власти плодотворнее десяти лет героической оппозиции.

Опытные зубры парламентаризма намекали Жоресу, что в его возрасте пора стать солиднее. Что мешает ему теперь превратиться в лидера радикалов; они охотно его примут? А радикалы обладают обеспеченным большинством в палате. Ведь он смог бы обновить радикализм, провести новые реформы. Кому, как не ему, следует достойно завершить дело французской революции и окончательно усовершенствовать республику?

Слушая все это, Жорес сначала удивлялся; видимо, эти люди забыли о его социалистических убеждениях. Но почему Жорес сталкивается с новым отношением к себе и в других местах, на собраниях рабочих? Конечно, гэдисты разжигали враждебность к нему, но вряд ли они смогли бы посеять такую отчужденность и недоверие, если бы сам Жорес не подтверждал их обвинений. Как-то незаметно для себя Жорес стал предпочитать выступления в дорогих концертных залах вроде Трокадеро, где его слушали отнюдь не рабочие, а радикальные буржуа.

Да и как могло не измениться отношение к нему рабочих, если ради сохранения левого блока он попадал в очень щекотливые положения. Ведь в борьбе за кусок хлеба рабочим не было никакого дела до тонкостей парламентских комбинаций, которыми увлекся Жорес. Рабочие бастовали. В конце 1902 года одиннадцать департаментов охватила всеобщая стачка горняков, и правительство послало войска в районы забастовок. Жоресу пришлось напряженно лавировать между требованиями шахтеров и поддержкой правительства. Гэдисты же вообще отделались, как всегда, общими декларациями, считая забастовки делом профсоюзов. Кстати, Гэд тоже основательно запутался; он нападал на Жореса за участие в левом блоке, а сам говорил, что главная задача социалистов — проникнуть в «законодательную крепость», то есть в парламент; говорил о революции, но считал рабочих неспособными проявить стойкость во всеобщей забастовке и даже просто опустить в урну избирательный бюллетень за свою партию. Численность же партии Гэда сократилась за два года с 24 до 17 тысяч членов. Но жоресистская партия теряла не меньше и насчитывала в 1904 году всего восемь тысяч человек. И эта тягостная картина открывалась перед взором Жореса в то

время, когда рабочие бастовали все решительнее, когда росла численность профсоюзов.

Терпеть и дальше разброд в социалистическом движении было бы преступлением перед пролетариатом. Вот вывод, к которому неизбежно приходил Жорес после мучительных размышлений о жалком положении, в котором оказался французский социализм. Единство — первая и главная цель социалистов, решил Жорес и, как всегда, от слов перешел к делу. Но его страстные призывы к ликвидации раскола оставались гласом вопиющего в пустыне. Гэд и его сторонники не проявляли никакой склонности к компромиссу. Жорес с надеждой ждал очередного конгресса Интернационала, назначенного на август 1904 года; пусть международный социализм разберется в их запутанных распрах. И он не переставал твердить о единстве.

Незадолго до конгресса Интернационала Жорес участвовал в дискуссии в Тулузе. Один из гэдистов решительно и крайне резко разоблачал его оппортунизм. Отвечая, Жорес сначала спокойно разбивал доводы противника, но речь приобрела страстность и силу, когда он заговорил о единстве:

— Наши враги едины, а мы, мы в разброде! А ведь мы товарищи по совместной борьбе, братья по общей надежде. Неужели вы не видите, как единство сразу усилило бы наши действия?

И, внезапно смерив взглядом своего противника, который его так яростно атаковал, Жорес воскликнул:

— Да, я поеду в Амстердам, на конгресс единства, и я соберу все ваши оскорбления в один букет, который будет моим подарком единству и победе пролетариата!

ЕДИНСТВО

Голландия, как и подобает стране тюльпанов, встретила делегатов конгресса Интернационала цветами. Один из лучших концертных залов Амстердама поражал яркостью красок: трибуна, президиум утопали в цветах; стол каждой делегации украшали хризантемы.

Это создавало приятную, праздничную атмосферу. Но вообще-то у международного социалистического движения, несмотря на рост пролетариата, его революционных стремлений, не было особых оснований для торже-

ства. Чего стоил лишь один «букет» Жореса! Социалистические партии повсюду переживали трудности в организации, в определении своей политики, в разработке теоретических основ своей деятельности. Многих искушал соблазн заменить трудную борьбу за революцию движением только за реформы. Положение рабочего класса везде оставалось тяжелым. Если кое-где и проводились социальные реформы, то, как правило, сама буржуазия сознательно шла на них, чтобы ослабить революционное движение. Рабочие партии росли, но одновременно в их рядах рос оппортунизм.

Могло показаться, что в продвижении к власти и проведении реформ многого добилась партия Жореса, Французская социалистическая партия. Но она же и внушала наибольшую тревогу многим своим зарубежным товарищам. С одной стороны, Жорес достиг немало практических результатов, с другой — эти результаты не были итогом самостоятельной борьбы классовой пролетарской партии. Она выступала как часть лагеря различных политических сил, включавшего и отдельные фракции буржуазии. Многие социалисты не видели связи деятельности Жореса с идеей пролетарской революции и коренного преобразования буржуазного общества. Им казалось, что политика Жореса направлена только на улучшение этого общества.

В такой психологической и политической обстановке предстояло конгрессу заняться обсуждением общих социалистических забот. Французские дела оказались зеркалом, в котором отражались заботы социалистов разных стран с крайне различными условиями, очень далекими от обстановки во Франции. Амстердамский конгресс можно назвать французским конгрессом, ибо основную часть своего времени и своих усилий делегаты потратили на рассмотрение французских проблем вообще и политики Жореса в частности.

— Чтобы победить в спорах внутри социалистического движения у себя на родине, мы не собираемся искать для себя международную поддержку, — заявил в первом же выступлении главный оппонент Жореса Жюль Гэд, к удивлению некоторых неискушенных в политике делегатов конгресса. В самом деле, зачем тогда Гэд настоял на включении в повестку дня вопроса о социалистической тактике? Ведь вопрос об участии социалистов в правительственной деятельности практически

нигде не стоял так, как во Франции. Вступительные слова Гэда надо было понимать в прямо противоположном смысле, ибо он стремился исключительно к тому, чтобы похоронить, уничтожить политическую тактику Жореса, заключающуюся в блокировании с отдельными фракциями буржуазной демократии ради проведения прогрессивных реформ. Для этого Гэд предложил в качестве проекта резолюции конгресса решение недавнего съезда германских социал-демократов в Дрездене, осуждавшее ревизионизм. Хотя в самой резолюции не говорилось ни о Жоресе, ни о его политике, антижоресистский смысл и толкование ей можно было придать в ходе прений. Гэд сделал блестящий тактический ход. Он сразу приобрел поддержку крупнейшей европейской социалистической партии, многие руководители которой уже из-за одного свойственного им своеобразного шовинизма настроились в пользу Гэда.

Жорес оказался в сложном положении. Он не собирався вести наступательных действий против Гэда, хотя бесплодность сектантской линии давно вызывала у него горечь. Он добивался одного — единства французского социалистического движения. Он понимал необходимость определенного пересмотра своей политики, отказа от блока с радикалами. Но этого не понимали и не хотели понимать многие из его сторонников, такие, как Бриан и ему подобные. Поэтому Жорес был даже заинтересован в осуждении политики министерализма. Иначе зачем бы ему было голосовать за Дрезденскую резолюцию с поправками, едва изменяющими ее смысл, на одном из этапов обсуждения в комиссии конгресса?

Но вместе с тем невозможно было и отступить без боя, капитулировать перед Гэдом. Ведь это привело бы к торжеству догматической и сектантской линии в будущей объединенной социалистической партии, что обрекло бы ее на бесплодие и изоляцию. Итак, Жорес мог и хотел уступить по вопросу о своей тактике, но он стремился при этом не потерпеть личного поражения, сохранить свое влияние. Задача была невероятно сложной, и вся дальновидность тактики Жореса стала ясной лишь через несколько лет, когда Жорес оказался во главе единой Французской социалистической партии. Но не будем забегать вперед. Вернемся в зал заседаний Амстердамского конгресса, точнее, в то менее просторное помещение, где обсуждались вопросы тактики, то есть

французские дела, и где собрались все крупнейшие лидеры мирового социализма. Кто-то даже заявил, что в зале никого не осталось, что там какой-то кургузый конгресс обсуждает остальные вопросы.

— Ерунда! — взорвался Август Бебель. — Пустяки! Сущие пустяки! Кургузый конгресс может обсуждать все, что ему заблагорассудится! А вот здесь действительно серьезный вопрос!

А здесь выступал Жорес. Его речь продолжалась полтора часа. Даже самые упорные противники Жореса признавали, что она была великослепной.

Сначала он нарисовал яркими красками картину итогов своей политики с того момента, когда в разгар дела Дрейфуса гэдисты вышли из политической игры. В то время только сторонники Жореса развернули борьбу за спасение республики и успешно выдержали ее. Он напомнил о скромных, но несомненных успехах в деле улучшения условий жизни рабочих, достигнутых социалистами. В то время как социалисты многих стран лишь мечтают об отделении церкви от государства, чтобы освободить сознание пролетариата от религиозного дурмана, французское правительство под давлением социалистов внесло в парламент законопроект об этом. Наконец Жорес подошел к главному обвинению, направленному против него: к утверждению о том, что он отказался от принципа классовой борьбы и подпал под влияние буржуазии.

— Всего лишь несколько дней назад, — говорил Жорес, — депутаты правой и центра кричали мне в палате: «Долой диктатора!» — так, как будто речь шла о новом Робеспьере в день нового 9 термидора! И вот, будучи диктатором по ту сторону границы, здесь я превращен в раба! Но я не являюсь ни тем, ни другим, а свободным слугой пролетариата, которого нельзя подчинить никому. В чем же мы нарушили наш долг социалистов в классовой борьбе? Все социалисты любого направления могут засвидетельствовать: мои друзья и я выступали лишь для того, чтобы повсюду организовать профсоюзы, кооперативы на почве классовой борьбы...

Как всегда, речь Жореса насыщена яркими образами, она увлекает убежденностью оратора, иногда она озаряется вспышками неожиданного юмора. В порыве красноречия Жорес все время подается вперед и наталкивается на сидящего перед ним представителя Испании

Иглезиаса так, что тот почти слетает со стула. С улыбкой извинения Жорес бросает:

— Это потому, что между нами не оказалось Пиренеев!

Он не только защищается, но переходит в наступление и начинает бросать камни в огород Гэда, показывая, что, нападая на политику Жореса, гэдисты не выдвинули никакой другой конструктивной тактики, что выборы обнаружили ослабление их влияния и привели к уменьшению числа их мандатов, тогда как число сторонников Жореса в парламенте возросло. Гэд не выдерживает и в негодовании требует слова. После некоторого препирательства из-за того, что Гэд уже выступал один раз, слово ему предоставляется.

— Мой ответ будет коротким, поскольку у меня нет ни сил, ни здоровья Жореса. Но мы не можем оставить без протестов его утверждения...

Я хочу сказать, товарищ Жорес, бывший товарищ Жорес, по поводу ваших успехов на выборах. Ведь все ваши кандидаты были кандидатами префектур, кандидатами Вальдек-Руссо. Новые нравы, которые вы насаждаете среди трудящихся, являются не борьбой классов, а борьбой республиканцев против монархистов...

Вы хотели войны, вы ее получите! У вас нет чувства классовой борьбы, о котором вы говорили, вы его никогда не проявляли на практике, и это видно здесь, когда вы рассуждаете о ваших действиях, которые спасли республику! И если это верно, то действовали ли вы для освобождения пролетариата, спасая буржуазную республику? Вы затемняли истинную борьбу классов: борьбу единого пролетариата против единой буржуазии!

А ваша борьба против церкви? Пытаться просветить умы при капиталистическом режиме — это все равно, что сделать негра белым! Умственное и моральное освобождение не предшествует, а следует за экономическим и социальным освобождением!

Ваша ошибка заключается в вашей социалистической концепции, в которой нет ничего социалистического. Вы хотите, чтобы ваш социализм возник из республики, тогда как мы считаем, что он явится следствием эволюции капитализма. Страна, которая первой достигает полного развития капитализма, первой придет и к коммунистическому режиму! Вот пропасть, которая отделяет вашу концепцию от нашей!

Гэд все время подчеркивает глубину разногласий, он старается показать их непримиримость. Он призывает отделиться границей от тех, кто, по его мнению, покинул социализм. Гэд во многом прав, но его закостенелый догматизм, непримиримость, неумение творчески применить марксизм в особых условиях Франции еще никогда не проявлялись столь резко, никогда он так решительно не исключал саму мысль о единстве. И все-же (благородный человек!), бичуя ошибки Жореса, он внезапно поворачивается к нему и произносит:

— Я не назову это вашим преступлением, а лишь следствием вашего представления о социализме.

...Выходя после заседания, Вандервельде, лидер бельгийцев, сам прекрасный оратор, пытавшийся на конгрессе примирить Жореса и Гэда, заявил:

— Если бы речь шла о присуждении премии за красноречие, то я не знаю, кому бы можно было ее дать: Гэду с его меткими словами, каждое из которых било как пуля, или Жоресу, ораторский гений которого никогда не поднимался так высоко, как в этом споре между социалистами.

Споры продолжались на пленарном заседании конгресса. Кое-кто поддерживал Жореса, другие пытались примирить спорщиков, но больше все же нашлось критиков оппортунистических ошибок Жореса. Весьма едко высказался о них Плеханов. Возникли споры и среди самих критиков. Австриец Виктор Адлер, красиво развивавший свои скептически-созерцательные соображения, назвал Плеханова «врачом», который может принести вред «больному», то есть французскому социализму.

— А я болен! — с горьким смехом крикнул с места Жорес.

Но особенно ему доставалось от немцев. Каутский хотя и мягко, но теперь тоже критиковал его. Роза Люксембург исключительно темпераментно осудила жоресовскую политику сотрудничества с буржуазией. Она выступила перед тем, как должен был говорить Жорес. При этом именно ей предстояло переводить его выступление на немецкий. Жорес начал свою речь таким добродушным замечанием:

— И все же сейчас вы услышите, как гражданка Роза Люксембург будет переводить мою речь на немецкий язык: вы, таким образом, увидите, что полезное сотрудничество возможно, несмотря на вражду...

Все рассмеялись. Однако затем немцам уже было не до смеха. Жорес блестяще проанализировал положение и тактику германской социал-демократии:

— Главный порок Дрезденской резолюции состоит в том, что она навязывает другим такие правила действия или скорее правила бездействия, которые характерны сейчас для германской социал-демократии. У вас нет ни революционного, ни парламентского действия. Немецкий пролетариат не имеет исторической революционной традиции. Он не завоевал всеобщего избирательного права на баррикадах, а получил его сверху. И вот вы видите красное королевство, ваше «социалистическое королевство» Саксонию, которая без сопротивления примирилась с ликвидацией всеобщего избирательного права... И поскольку у вас самих нет революционной традиции, то вы с недовольством смотрите на народы, у которых она есть...

Даже если вы завоеуете большинство в рейхстаге, вы будете единственной страной, где социализм не будет хозяином, даже если он и приобретет большинство. Потому что ваш парламент — половина парламента, он не имеет власти...

От вас ожидали после того, как вы получили на выборах три миллиона голосов, весь социалистический мир ожидал от вас, от Дрезденского съезда, определенной политики... От вас ожидали лозунга борьбы, тактики, действия. И тогда вы скрыли от своего пролетариата, от международного пролетариата вашу беспомощность, неспособность действовать за непримиримостью теоретических формул, которые вам будет доставлять до последнего дня своей жизни ваш замечательный товарищ Каутский...

Аплодисменты, смех делегатов, возгласы одобрения встречают уничтожающий анализ, которому подверг Жорес «временное, но страшное бездействие германской социал-демократии», стремившейся теперь передать эту тактику и другим.

Но многие слова и мысли Жореса тогда еще не могли быть поняты и оценены его слушателями. Зато потом в них обнаружилась вся глубина мысли Жореса.

— Когда я слушал слова гражданина Каутского о том, что он согласился бы допустить участие социалистов в центральном правительстве в случае национальной угрозы... я спрашивал себя: неужели национализм станет допустимым при условии его дополнения национа-

лизмом, неужели пролетариат может пожертвовать классовой борьбой ради сотрудничества в обороне той самой родины, которая управляется и особенно эксплуатируется буржуазным классом? И я чувствую, что в таком случае я не мог бы следовать до конца в националистическом министерализме нашего товарища.

Жорес обнаружил здесь в зародыше то, что в годы первой мировой войны погубило II Интернационал, социал-шовинизм таких людей, как Каутский, Плеханов, Гэд и другие, склонность к социал-предательству, до которого он не дожил, но от которого он все же успел отмежеваться! Вот его ответ людям, пытавшимся ставить Жореса на одну доску с социал-шовинистами...

Дрезденская резолюция вопреки возражениям Жореса принимается конгрессом. Она содержала косвенное осуждение его политики, хотя явилась противоречивым и смутным документом; в ней, например, была двусмысленная ссылка на резолюцию Каутского, принятую на предыдущем конгрессе Интернационала. Но все же это поражение. Многие делегаты смотрели с сочувствием на Жореса, сумевшего завоевать личные симпатии большинства делегатов, даже таких, которые были решительными противниками его взглядов.

Но зато он оказался победителем в деле, которое для него важнее всего: в вопросе о социалистическом единстве! Конгресс единогласно принял такое решение: «Необходимо, чтобы во всех странах перед лицом буржуазных партий существовала только одна социалистическая партия, как существует только один пролетариат... социалисты обязаны приложить все усилия для осуществления социалистического единства на основе принципов, принятых международными конгрессами, в интересах пролетариата, перед которым они несут ответственность за роковые последствия раскола».

Конгресс, собравшийся в разгар русско-японской войны, начался прекрасной демонстрацией интернационализма. Представитель России Плеханов братски протянул руку японцу Катаяме, вызвав бурную овацию делегатов. А в момент закрытия конгресса прозвучал призыв к Жоресу и Гэду, чтобы они пожали друг другу руки. Жорес рад был это сделать, но Гэд... Правда, Вайян и Ренодель от имени двух фракций французского социализма заявили об их готовности к объединению. Затем зал «Концерт гебо» огласился троекратным «ура» и многоязычным пе-

нием «Интернационала». Жорес цел его с особым чувством и подъемом. Он переживал новый поворот в своей борьбе, поворот к самой славной полосе своей жизни...

Уныние воцарилось среди сотрудников Жореса после Амстердама; один он был в приподнятом настроении. Выражение озабоченности, уже давно не сходившее с его лица, сняло как рукой. Вот и сейчас он в каком-то возбуждении, в криво, как всегда, надетой соломенной шляпе, засовывая на ходу в карманы кипы бумаг, почти бегом устремляется из редакции, бросая на ходу:

— В палату...

Аристид Бриан, Густав Тери, Рене Вивьяни молча провожают его глазами.

— Нет, вы только подумайте, — со смехом заявляет Тери, — он чувствует себя победителем! Ведь его же разгромили там, на конгрессе, и Бебель поздравляет Гэда с победой. А он ликует! Что за человек? Но, может быть, он прав?

— Жорес? — отвечает Бриан. — Все объясняется просто: у него страшно уступчивый характер. Он не осмеливается оторваться, выступить против народа. Это его постоянная черта. Сколько раз бывало, что после долгих споров удаётся наконец внушить ему идею какой-либо тактики. Вот он уже согласился с вашим мнением, он даже обнаруживает в нем мудрость. Но стоит лишь какому-нибудь человеку в рабочей блузе сказать ему что-то противоположное, как он немедленно отказывается от вас и соглашается с простым шахтером!

Недовольны Жоресом не только люди его политического окружения. Его супруга вдруг стала разбираться в политике, наслушавшись грустных сетований сотрудников своего мужа. Она решительно недовольна им, и ему приходится выдерживать ее презрительно холодные взгляды. Ведь Луиза уже видела себя в роли супруги по крайней мере председателя совета министров, и уж тогда-то она бы поспорила в элегантности с этой мадам Мильеран.

А Жорес спешит конкретными действиями показать свое намерение твердо выполнить амстердамские решения о единстве. Грустный, но неизбежный разговор состоялся у него с Эмилем Комбом, с которым у него установились такие хорошие отношения. Жорес считал его честным и стойким демократом. Еще раньше Комб пре-

дупредил, что он покинет свой пост, если Жорес перестанет его поддерживать.

Но Жорес, понимая, что вместо Комба наверняка придет более правое правительство, все же официально заявляет о своем выходе из левого блока. Правда, он пытается еще как-то помочь Комбу удержаться. Но дело с фишками, скандал с Сиветоном доконали его. И хотя «развод плохо подходящих друг к другу супругов», как называл Комб закон об отделении церкви от государства, еще не утвержден парламентом, 19 января 1905 года он подает в отставку.

Дня через два Бриан завел с Жоресом интимный разговор. Дело в том, что он давно уже выжидал своего часа. Ведь ему уже сорок пять лет и из них он столько потратил на этих социалистов. Пора бы наконец и заняться настоящим делом. И вот Рувье, который формирует новый кабинет, предложил Бриану министерский портфель...

— Нет, — отрезал Жорес, даже не дослушав до конца, — ведь мы как раз сейчас организуем наконец социалистическое единство. Это совершенно неподходящий момент, чтобы повторять подвиг Мильерана. Об этом нечего и мечтать.

Бриан молчал. Потом, выходя из «Юманите», он говорил одному своему другу:

— Я хотел действовать честно, предупредив Жореса о предложении Рувье. Что мешало ему дать согласие? Он говорит о единстве, но о единстве он говорил и тогда, когда согласился на участие Мильерана в кабинете Вальдека. И потом этого единства еще нет, хотя оно и неизбежно. Он ничем не рискует, помогая мне провести идеи, которые я всегда защищал на конгрессах. Ну а если произошел бы скандал, он свободно мог бы меня дезавуировать...

При всей своей сообразительности Бриан не мог понять Жореса. Для чего же тогда заниматься политикой, если не для карьеры?

— Нет, больше он мне никогда не сможет помешать. Сегодня я подчинился ему последний раз.

Жоресу приходилось туго не только с Брианом. Подобных ему «социалистов» было немало в его окружении. Они отчаянно сопротивлялись объединению, рисуя страшную картину неминуемой диктатуры гэдистов в новой партии. Жоресу передавали слова Гэда: «Мы ничего

не теряем, мы более сильная партия, и нам будет принадлежать руководство в новой партии».

Тем более Жоресу надо было привести с собой в единую социалистическую партию как можно больше своих сторонников. Необходимо убедить всех в настоятельной необходимости, целесообразности единства. Как-то гэдист Марсель Кашен упрекнул Жореса в медленности процесса объединения.

— Дайте мне время, чтобы вернуться, — ответил Жорес. Сам-то он уже повернулся. Но надо повернуть свою партию, оказавшуюся довольно неповоротливой. Жоресу пришлось выдержать ожесточенную схватку на последнем самостоятельном съезде своей партии в Руане. Вивиани и Бриан упорно выступали против единства с гэдистами.

С выражением отчаяния Бриан кричал:

— Вы бросаете нас как ковер под ноги наших противников!

А вскоре, в апреле 1905 года, на объединительном съезде в Париже в зале Глоб Социалистическая партия Франции и Французская социалистическая партия провозгласили свое слияние в единую партию. В объединительной хартии говорилось, что новая социалистическая партия является не партией реформ, а партией классовой борьбы и революции, партией коренной и непримиримой оппозиции по отношению к классу буржуазии и его государству. К новой партии отказались присоединиться Вивиани, Оганьер, Зеваэс, Лефевр и другие деятели, объявившие о создании группы независимых социалистов. Бриан еще около года числился в партии, поскольку ему надо было ради своей карьеры сохранять с ней связь. Ведь он еще не стал министром. Через год ушел и он. Но уход этих случайных в социализме людей только укрепил партию. Новая партия насчитывала 35 тысяч членов, имела 36 депутатов в палате, две ежедневные большие газеты, десяток еженедельников. Это была такая сила, о которой давно мечтал Жорес.

Но как же он понимал единство? Какое конкретное содержание он вкладывал в эту идею? Вот что он говорил:

— Я прекрасно знаю, что подписанный документ не дает полного удовлетворения всем нашим привычным убеждениям, что некоторые формулы в нем являются либо немного узкими, либо немного устарелыми. Я согла-

сен, что если его применять узкопартийно, насильственно и сектантски, а вследствие этого и неточно, то он может иногда помешать необходимому развитию и жизнеспособности социализма в демократии. Но как, однако, заключить между различными тенденциями объединительный договор, который отвечал бы исключительно предвзятым идеям одних или других? Существенным является то, чтобы это объединение было заключено и осуществляется по чистой совести, между людьми, которые одинаково преданы социализму и не желают дать выродиться живой коммунистической мысли ни в чисто словесную, доктринарную и бесплодную непримиримость, ни в простую разновидность демократического радикализма...

Итак, единство для Жореса предполагало синтез двух тенденций, лишенных их крайностей. Вряд ли это могло привести к созданию монолитной, не терпящей никаких идейных отклонений партии. Но такую партию просто невозможно было еще организовать в тогдашних условиях. Ведь французский социализм представлял собой традиционно пеструю коллекцию многочисленных социалистических тенденций, которые несли на себе печать французской индивидуалистической психологии и крайне разнородной социальной природы рабочего класса Франции. Достигнуто было максимально возможное и максимально реальное. И это случилось даже быстрее, чем рассчитывал Жорес. Помогла Россия...

Вечером 21 января Жорес сидит за своим рабочим столом в редакции «Юманите». Приносят все новые и новые телеграммы из Петербурга. Информация о русских делах очень интересует читателя, поэтому все сообщения посылаются в набор. Ни об одной стране мира уже давно не пишут так много французские газеты. Ведь Россия — жизненно необходимый союзник, а казаки помогут вернуть Эльзас-Лотарингию. Кроме того, России пришлось дать много денег, и масса мелких рантье заинтересована в русских делах. Еще не так давно Жорес, подобно темпераментным парижанкам, бросавшимся на шею русским матросам, которых привезли в столицу, произносил дифирамбы в честь спасительного русско-французского союза, и Россия казалась ему таинственной могучей патриархальной страной с послушным народом, слепо преданным батюшке-царю, страшно далеким от французов своими обычаями, нравами, с непонятной жизнью. Русско-японская война внезапно ворвалась в эти иллюзорные

представления. Встречи и беседы с русскими социалистами помогли Жоресу понять всю сложность и грандиозность проблем русского народа. И вот сейчас вся газетная страница заполнена сообщениями о революционном брожении в далекой северной стране. Жорес читает их на пробном оттиске газетной страницы, зачеркивает заголовки «События в России», заменяя его другим: «На пути к революции».

А в понедельник, 23 января, «Юманите» вышла с большим заголовком на первой полосе «Революция в Петербурге» и со статьей Жореса «Смерть царизма». Сообщение о Кровавом воскресеньи потрясло Жореса, и он немедленно выразил свои чувства в газете:

«Между царем и его народом отныне река крови. Удар, который нанес царизм русским рабочим, смертельно поразил его самого.

Даже если народ Санкт-Петербурга не захватил Зимний дворец и не провозгласил там революционным путем свободу нации, даже если, притаившись в 20 километрах от столицы в своем дворце в Царском Селе, в окружении снегов, он укрылся на несколько дней от требований поднявшегося народа, все равно царизм приговорен».

27 января в палате депутатов с правительственной декларацией выступили новый премьер Рувье и его министр иностранных дел Делькассе. Этот «республиканец» начал оправдывать русского самодержца.

— Во имя чести Франции, — прерывает его Жорес, — страны свободы, вы, министр иностранных дел, не имеете права защищать тех, кто убивает народ!

— Царь-убийца! — подхватили многие депутаты. Социалисты, радикалы голосовали против доверия правительству, заявившему о своей солидарности с царем.

Русская революция захватила воображение Жореса. Он тщательно следит за каждым сообщением из России, принимая их близко к сердцу. Никто не сделал так много для пропаганды русской революции, для пробуждения симпатий французов к нашей стране. Десятки статей, бесчисленные речи посвятил он событиям в России. Настроения, мысли Жореса, как и всегда, выражают с необыкновенной силой чувства демократической Франции, которая горячо откликнулась на сообщения из далекой России. В течение недели после Кровавого воскресенья в Париже не прекращались демонстрации солидарности

с русским народом. На улице Гренель, у русского посольства, полиция с трудом сдерживала толпы демонстрантов. Митинги, собрания по поводу революции в России охватили всю Францию.

Жорес организовал сбор подписей выдающихся деятелей французской культуры под манифестом, напечатанным первого февраля в «Юманите». Газета Жореса начала кампанию по сбору денег для русских революционеров и жертв царизма.

Могучий голос Жореса не перестает славить русский народ. 30 января он произносит пламенную речь в огромном зале Тиволи, 3 февраля — в Доме ученых обществ, и так без конца. Трудовая Франция откликается на его призыв выразить сочувствие и поддержку народу России. В течение всего февраля по всей стране проходят демонстрации, митинги, собрания. Никогда еще ни одно событие за границей не вызывало во Франции такого волнения.

В лице Жореса русский народ сразу обрел пылкого, искреннего, великого друга. Жорес немедленно отказался от последних остатков иллюзий в отношении союза Франции с царизмом. 3 февраля в «Юманите» печатается его статья «Конец союза». Жорес выражает радость, что, несмотря на все усилия французских дипломатов и банкиров, союз республиканской Франции с царизмом переживает агонию, что теперь он был бы для Франции позором и преступлением, что любая помощь царизму означает ужасное, нечестивое соучастие убийственному деспотизму. Но, бичуя царизм, Жорес одновременно выражает чувства горячей дружбы к русскому народу. Он высказывает пророческую мысль: «Установление власти народа России будет чудесной гарантией, особенно для нас, для независимости и достоинства нашей страны, для ее мирного и свободного развития».

Можно только поражаться тому, как Жорес, имея до этого довольно слабое представление о русских делах, сумел мгновенно вникнуть в суть сложных событий в далекой России. С исключительным чутьем он уловил смысл, характер, особенности русской революции, ее движущие силы и сумел извлечь из русской действительности уроки для французского рабочего движения.

Жорес указывал на отличие русской революции 1905 года от французской революции 1789 года, заключающееся прежде всего в ведущей роли рабочего класса.

Он говорил, что успех революции не в низкопробных комбинациях и двусмысленности либерализма, а в неустрашимой энергии заводского пролетариата и в действиях огромного резерва обездоленных и негодующих крестьянских масс. Жорес подходит к признанию необходимости союза русских рабочих и крестьян и гегемонии пролетариата, который должен выполнить свою освободительную миссию через голову неспособной к этому буржуазии.

Жорес страстно приветствовал декабрьское вооруженное восстание в Москве и писал о горячем дуновении свободы и справедливости, идущем в Европу из обледелой страны. Глубокую горечь и братское сочувствие выразил Жорес в связи с разгромом вооруженного восстания.

Жорес показал пример отказа от традиционного французского политического эгоцентризма, выражающегося в пренебрежении опытом других стран. Он призвал французских социалистов учиться у русских. Говоря об успехах русских революционеров, Жорес объяснял их тем, что «им неведомо большинство наших слабостей, большинство наших срывов. Они не знают, что весьма часто мы были недостойны их уважения». В истории не легко найти пример подобной благородной и мужественной скромности, достойной истинно великого человека.

Никто из французских социалистов не оценивал столь высоко первую русскую революцию, никто так хорошо не понял, что русский пролетариат призван сыграть важнейшую роль в международном рабочем движении, как Жан Жорес. Он беспощадно боролся против тех, кто пытался оклеветать русскую революцию, извратить смысл событий в России. Он говорил, что французы, выступающие против русской революции, выступают против Франции.

В 1905 году Жорес в своем горячем отношении к русской революции последовательнее и сильнее всех других социалистов отразил подъем французского революционного движения, ускоренного событиями в России. Но только что родившаяся объединенная социалистическая партия не оказалась, к сожалению, на высоте положения. Никакой попытки возглавить это движение, выдвинуть лозунги борьбы, разработать его тактику не сделал и лидер левого революционного крыла партии Жюль Гэд. В 1905 году он вообще не проявлял особой активности,

правда, в значительной степени из-за болезни. Ну а Лафарг всегда был в основном кабинетным человеком, а не руководителем масс, к тому же ему шел уже седьмой десяток. Если же в 1905 году Гэд и выступал иногда, то только с обычными для него абстрактно-теоретическими революционными рассуждениями общего характера. В сентябре 1905 года он, например, объяснял шахтерам Анзена, что объективный процесс развития производительных сил ведет к неизбежному обострению противоречий капитализма и, таким образом, экспроприация буржуазии обеспечена. Но он ничего не сказал ни о русской революции, ни о подъеме революционного движения в самой Франции. Как будто всего этого вообще не существовало!

Конечно, русская революция косвенно ускорила объединение французских социалистов. Но оно все равно опоздало к революционному подъему в самой Франции. К тому же новая партия не только переживала, так сказать, организационный период, но и не стала, да и не могла стать, боевой, революционной, единой пролетарской партией. Она оказалась крайне рыхлой, противоречивой организацией. В сущности, ее организационная функция не шла дальше проведения парламентских выборов.

Большие трудности испытывал Жорес в 1905 году со своей новой газетой «Юманите». Радужные перспективы первых дней быстро померкли, и тираж в 140 тысяч, так воодушевивший вначале Жореса, остался недостижимым. Может быть, слишком, так сказать, интеллигентный характер газеты портил дело? Такие блестящие авторы, как Жюль Ренар или Анатоль Франс, конечно, были гордостью газеты. Но вряд ли они могли помочь ей охватить массового рабочего читателя. Подписчиков оказалось очень мало. Уже в начале года сотрудникам нечем было платить. Экономили даже на освещении редакции и работали в потемках. Вивиани и Бриан злорадно наблюдали, как Жорес, крайне беспомощный в денежных делах, мечется в поисках выхода. А он со своей искренней наивностью именно к ним и обратился за помощью. В сентябре 1905 года Жорес писал Бриану: «Не может быть более важной социалистической задачи, чем спасти социалистическую газету. Вы знаете, какие затруднения и тяготы обрушит на меня лично вынужденная ликвидация, проведенная успешно в случае необходимости.

Я прошу вас и Вивиани, помогите мне устранить эту угрозу... Мое личное положение в связи с установлением единства станет еще более трудным, а оно и без того тяжелое... Но я твердо решил продолжать дело единства и работать над ним. Увы, различные течения отделили нас друг от друга. Я хотел бы, чтобы эти трудные и пагубные политические расхождения не нанесли никакого ущерба нашим взаимным дружеским чувствам. Я прошу вас и Вивиани помочь мне получить новый заем и выйти из тяжелых затруднений, о которых вы знаете.

Удивительно это сочетание в одном человеке огромного ума, политической прозорливости с детски наивной, беспредельной верой в добрые качества людей. У кого он просил помощи? У тех, кто уже в своем сознании предал его и социализм вообще, кто подло использовал его из самых низменных расчетов. Конечно, он ничего не получил...

Газета поглотила за пятнадцать месяцев своего существования 750 тысяч франков. Правда, в начале лета ему предлагали устроить заем у Ротшильда, но Жорес отказался. Он не хотел связывать себе руки. Как бы он смог тогда в случае необходимости выступать против финансовых махинаций банков? А между тем именно в это время в редакции парижских газет лил буквально золотой дождь. Царское правительство отчаянно нуждалось в новом большом французском займе. Из-за революции это было нелегким делом. Некий Равалович, тайный советник царского министерства финансов, атташе посольства в Париже, раздавал редакторам газет крупные суммы, лишь бы они не писали о ненадежности русских ценных бумаг.

И вот однажды, когда Жорес горестно размышлял в своем директорском кабинете о судьбе «Юманите», к нему зашел директор газеты «Лантерн» Флашон.

— Не можете ли вы, господин Жорес, показать материалы, в которых вы говорите о России?

— Зачем? — спросил Жорес.

— Дело вот в чем: если вам нравится, вы можете каждый день называть царя убийцей, ругать его бюрократию и его министров, но в интересах вашей газеты вы будете избегать всего, что касается финансов. Вы получите 200 тысяч франков!

Жорес минуту молчал, разглядывая своего посетителя синими глазами. Потом встал.

— Я предпочитаю увидеть, как моя газета исчезнет, чем согласиться на это.

— Послушайте, ведь вам все равно не удастся помешать русским получить поддержку других газет. Но ведь тогда ничто не спасет вашу газету.

Жорес молча смотрел на своего собеседника так, что тот, постояв минуту, повернулся и поспешно вышел, бормоча на ходу: «Ну и чудак!»

Все же, несмотря на свою честность и предательство друзей вроде Вивиани, Жорес выдержал финансовый кризис «Юманите», обрушившийся на его плечи.

Но если бы этим ограничивались его заботы! Грозный 1905 год не давал Жоресу ни минуты передышки, а он не был способен оставаться равнодушным перед тем, что волновало всех. Летом 1905 года Европу охватила военная тревога. Опасность особенно ощущалась во Франции. Здесь люди уже заглядывали в свои мобилизационные листки, офицеры запаса собирались отряхнуть нафталин со своих мундиров.

Завязался один из таких международных узлов, которые хороши только тем, что на протяжении веков дают историкам возможность без конца распутывать их. В воздухе запахло порохом, и европейские державы спешно подсчитывали своих солдат, свои корабли, свои пушки.

Ведь мир только что вступил в эпоху империализма. Земной шар уже окончательно разделили, и поэтому теперь любая попытка захватить территории, рынки, сырье задевала чьи-то интересы. Опасность международных столкновений резко возросла вместе с ростом империалистических притязаний. Противоположные интересы великих держав и вызвали новый кризис.

Германия проявляла наибольшую алчность — ведь она запоздала к разделу мира и готовилась к войне за его передел. Затеяв постройку Багдадской железной дороги, она тянулась к Азии. Африканский континент притягивал взоры германских промышленников и банкиров. Германия хотела ослабить своих врагов, Англию и Францию, и подготовить выгодные позиции для начала войны.

Англия стремилась не допустить усиления Германии. Поэтому она недавно заключила «сердечное согласие» с Францией. Она ревниво взирала на рост германского флота, и ей очень не нравилась страсть германского императора к морским прогулкам.

Россия во главе со своим слабавольным императором

тряслась в конвульсиях, вызванных революцией, и терпела поражение в войне с Японией. В конце мая на дно Цусимского пролива опустились обломки огромного царского флота. Царю позарез нужны были деньги на подавление революции.

Франция, разумеется, тоже хотела многого. Сейчас она стремилась, заручившись поддержкой Англии, захватить Марокко и закончить таким образом создание большой североафриканской империи. Но она опасалась германской угрозы, поскольку Россия — ее союзница — завязла на Дальнем Востоке. Царь просил у французоз денег, но давать в долг стране, переживавшей революцию, скуповатые французы не очень хотели.

Итак, все были едины только в одном: в стремлении что-то схватить для себя. Все остальное представляло запутанную сеть интриг, провокаций, шантажа, обмана, глупости, жадности и безумия.

Еще 31 марта император Вильгельм II прибыл на своей яхте в Танжер и устроил на марокканской территории спектакль, в котором показал, что Германия не допустит установления здесь господства Франции. В апреле канцлер Бюлов разослал ноты с требованием созвать международную конференцию по вопросу о Марокко. Затем из Берлина последовало наглое требование снять Делькассе, путавшего карты германской игры, с поста министра иностранных дел. А в начале июня один из немецких дипломатов заявил, что если Франция посягнет на Марокко, то германские войска немедленно перейдут границу Франции. Премьер-министр Рувьё растерялся. Россия завязла на Дальнем Востоке и охвачена революцией, другой союзник, Англия, располагает, правда, мощным флотом, но ведь англичане не имеют армии, чтобы спасти Париж, а у кораблей нет колес! — вспомнил в отчаянии Рувьё.

Жорес уже давно следил за марокканскими делами. В 1903 году он выступил в палате с речью, в которой осудил крайности колониальной политики, но высказался за мирное и гуманное проникновение в Марокко, призвав французских банкиров и промышленников заняться филантропией и насаждением цивилизации. Он никак не мог отделаться от своих иллюзий в колониальных делах, укоренившихся у него с времен Жюль Ферр. Гэдисты значительно раньше его поняли смысл колониальных авантур французского империализма. Но 1905 год был

переломным годом для Жореса. Он многое видел, теперь яснее и глубже. И никто из французских да и вообще из европейских социалистов не ощущал с такой остротой военную угрозу. Он понял, что главная угроза исходит из Берлина.

— Раз там хотят войны, то там они ее и получают, — решил Жорес и объявил о своем намерении выехать в германскую столицу и выступить с призывом ко всем социалистам развернуть борьбу за мир. Германские товарищи очень обижались на него за резкую критику их бездействия на конгрессе в Амстердаме. Вот пусть они покажут себя на деле.

Канцлеру Германской империи Бюлову доложили о предполагаемом приезде Жореса в Берлин. Вообще французские социалисты ему нравились больше, чем свои, немецкие. Он говорил, что социалисты «типа Мильерана, Бриана, Альбера Тома, то есть демагогического типа, постепенно превращаются в разумных государственных людей». Но Жореса он не включал в этот список. К тому же германский канцлер ценил силу красноречивого слова, которым в Германии, по его мнению, пренебрегали. Канцлер решил, что выступление французского социалиста нежелательно.

7 июля Жорес как раз заканчивал подготовку текста своей речи, когда к нему домой неожиданно явился не кто иной, как сам посол германского императора, его превосходительство князь Радолин. Он рассыпался в извинениях и сообщил, что канцлер империи настолько высоко ценит красноречие Жореса и его воздействие на берлинскую толпу, что просит господина депутата не пересекать границы между Францией и Германией.

Итак, Жорес удостоился особой чести: с ним обращались как с великой державой. Но, во всяком случае, нашествие Жореса на Берлин придется отменить. Вот она, хваленая сила германской социал-демократии. Не зря Жорес говорил в Амстердаме, что она не в состоянии провести конгресс Интернационала в своей столице. Оказывается, она не может даже принять одного французского социалиста.

Но выступление Жореса все же состоялось. Правда, в иной форме. 9 июля оно было напечатано одновременно в «Юманите» и в берлинской социалистической газете «Форвертс». Из-за того, что германские власти запретили Жоресу приехать в Берлин, его речь привлекла еще

больше внимания, чем если бы она была произнесена. И она заняла важное место в его деятельности. Речь как бы явилась предвестником новой, пожалуй, самой грандиозной политической битвы, которую Жорес вел до последнего вздоха, битвы за мир, против империалистических войн. До этого во взглядах и действиях Жореса были взлеты и падения. Теперь начинается полоса непрерывного подъема, когда он шаг за шагом подымается к наивысшим вершинам своей мысли, влияния и борьбы.

Речь Жореса — горячий отклик на самую важную, самую жгучую проблему той эпохи, да и не только той, на проблему войны и мира. Она показала, что в международную политику властно вмешивается новая великая сила — пролетариат, социализм.

Никогда еще он не охватывал с такой полнотой самую трагическую сторону в судьбе человечества, никогда еще он не бросал столь яркий, ослепительный свет на вопрос о войне и мире. Речь Жореса заслуживает того, чтобы привести из нее хотя бы не слишком обширные выдержки. Вот они:

— Страшная тревога, нагрянувшая вдруг среди полного спокойствия, среди полной безмятежности, напоминает народам и пролетариям, насколько в современном обществе мир хрупок и непрочен. Она напоминает европейскому рабочему классу, всему мировому пролетариату о его долге международного единства и бдительности... Необходимо, чтобы он являлся силой устойчивой, постоянно бодрствующей и бдительной, имеющей всегда возможность контролировать события при их зарождении, наблюдать в зародыше самые первые конфликты, которые, развиваясь, могут вызвать войну.

...Современный мир сложен и запутан. В нем нет никакой надежности и устойчивости. Пролетариат не является достаточно сильным для того, чтобы была уверенность в мире, но он не является и слишком слабым для того, чтобы война была фатально неизбежной.

...Нам предстоит еще громадное дело воспитания и организации. Но, несмотря на все, отныне можно надеяться, можно действовать. Ни слепого оптимизма, ни парализующего пессимизма. Существует уже начало рабочей и социалистической организации, существует зачаток международной совести. Отныне, если мы этого пожелаем, мы можем реагировать на роковую неизбежность

войны, которую заключает в себе капиталистический режим.

...Мы, социалисты, не боимся войны. Если война возникнет, мы сумеем посмотреть событиям прямо в лицо, сумеем повернуть их, насколько это в наших силах, к завоеванию независимости и свободы народов, к освобождению пролетариата. Если мы чувствуем отвращение к войне, то вовсе не из-за нервной и болезненной сентиментальности. Революционер готов примириться со страданиями людей, если эти страдания являются необходимым условием великого человеческого прогресса и если путем страданий угнетенные и эксплуатируемые поднимаются к освобождению... Если случится европейская война, то может вспыхнуть революция, и правящие классы хорошо сделают, если подумают об этом; но из нее могут также возникнуть на долгое время кризисы контрреволюции, бешеной реакции, ожесточенного национализма, удушающей диктатуры, чудовищного милитаризма, длинная цепь реакционных насилий и низкой ненависти, репрессий и рабства. И мы не хотим участвовать в этой варварской азартной игре, мы не желаем в этой кровавой игре судьбы подвергать риску уверенность в освобождении пролетариата, уверенность в справедливой свободе, которую обеспечит всем народам полная победа европейской социалистической демократии.

Это всего лишь отдельные фрагменты речи Жореса, в которой пророческий дар, позволяющий ему предугадать события, вызванные первой мировой войной, сочетается с постановкой вопроса об отношении социалистов, пролетариев к войне, о ее связи с революцией. Жорес с исключительной силой утверждает моральное превосходство социализма, его гуманистическую сущность, его исторический оптимизм и благородство. Жорес, признавая неизбежность войны при капитализме, выдвигает революционную тактику борьбы за мир. Его анализ, его призывы крайне динамичны, они зовут к борьбе, они вдохновляют на конкретные действия.

Жорес выражает свои мысли в ярких художественных образах. Вот как он говорит о войне:

— Война — извержение подземного огня, который переливается по всем артериям планеты и который является результатом глубокой и хронической лихорадки человеческого общества.

Жорес разоблачает тактику агрессивной германской

дипломатии обмана, лицемерия, пантажа и наглых угроз, определяя ее так:

— Если стремление к сохранению тонкостей переходов характеризует классическое искусство, то ничто не было менее классическим, чем поведение германской дипломатии. Это ария флейты, которая кончилась ураганом.

Подобные образы Жорес щедро рассыпает, украшая свою речь как бы драгоценными камнями. Жаль, что слова Жореса, подобно стихам, многое проигрывают в переводе с французского языка!

Но поскольку мысли Жореса прозрачны как хрусталь, в речи видны и слабые стороны его мировоззрения, его иллюзии, его сентиментальная склонность облагораживать то, что совсем этого не заслуживает.

Он идеализирует Францию и ее политику. Собственно, само понятие «Франция» у него является не конкретным воплощением французского империализма, а поэтическим образом страстно любимой родины. Он говорит, что Франция исключительно миролюбивая страна, что ей нечего советовать сохранять мир. Он идеализирует все действия Франции, ее внешнеполитические союзы, оправдывая отрицательные стороны ее политики воздействием зарубежных сил. Наивный патриотизм порой заслоняет его социалистические и революционные взгляды. Они заменяются либеральными мечтами, утопией, лирическими видениями прекрасных образов, оторванных от реальных фактов.

Марокканский кризис 1905 года не привел к войне. Собственно, трудно сказать, хотел ли кто-либо ее всерьез, кроме, быть может, Вильгельма II и части его окружения. Любопытно, что Германия, запутавшись в хитроумных маневрах своей дипломатии, ничего не выиграла, тогда как Франция смогла продолжать свое проникновение в Марокко.

Конечно, не красноречие Жореса само по себе предотвратило конфликт. Сильнейшим сдерживающим фактором был страх европейских правителей перед революцией. Поэтому всякое проявление активности социалистического движения служило делу мира, особенно если эта активность непосредственно связывалась с международными событиями. Жорес считал такую деятельность важнейшей задачей пролетариата.

Грозный 1905 год подходил к концу. Жорес имел основание с удовлетворением оглянуться на этот год,

наполненный небывало напряженной работой, небывальными впечатлениями и тревогами, но и небывальными надеждами. Единство достигнуто. Амстердамский конгресс и русская революция открывают новую полосу в жизни Жореса, его реформистская линия времен казуса Мильтера и левого блока явно начинает отступать перед революционной тенденцией. Он стремится подчеркнуть свой поворот. В конце сентября он пишет в «Юманите»: «Если некоторые — как враги, так и друзья — думали, что мы стараемся остановиться лишь на программе простой демократии и отвлечь пролетариат от его коммунистических требований, то они ошиблись. Именно это существенное требование и должно стоять на первом плане в избирательной деятельности пролетариата».

Ну а кроме избирательной, какую еще деятельность развертывает объединенная социалистическая партия? Естественно, чтобы на этот вопрос ответили прежде всего гэдисты, которые так ругали Жореса за его в основном парламентскую тактику. Но сами они и теперь, после объединения, не выдвигают никакой новой политической линии. Более того, как раз по предложению Гэда Шалопский съезд социалистов в конце 1905 года почти исключительно занялся избирательной тактикой на предстоявших вскоре парламентских выборах. Массовым рабочим движением руководят не социалисты, а очень раздробленные профсоюзы, не только не связанные с социалистической партией, но и выступающие против нее. Гэд вообще считал профсоюзы непригодными для борьбы с капитализмом. Словом, объединение социалистов пока, в сущности, не приносило плодов.

А между тем политическая обстановка во Франции становится все напряженнее. Весной 1906 года трагические события происходят в департаменте Па-де-Кале. На шахте Курьер из-за взрыва и пожара погибло больше тысячи рабочих. Сразу вспыхнула ожесточенная забастовка. Рабочие с невиданной решимостью требуют 8-часового рабочего дня. Правительство бросает войска против забастовщиков. Борьба между пролетариатом и буржуазией доходит до грани гражданской войны.

Правительство Рувье, этого агента Ротшильда, открыто представлявшего капитализм, не очень подходило для эффективной борьбы с рабочими. Выгоднее, как всегда, это дело поручить левым. Поэтому в марте кабинет Рувье был заменен правительством радикала Сарьена.

Аристид Бриан стал министром просвещения этого левого кабинета, теперь уже ему не требовалось согласия Жореса. Но особенно важную роль в новом правительстве играл Жорж Клемансо. Он стал министром внутренних дел, то есть министром полиции. Говорили, что это произошло совершенно случайно. В дни правительственного кризиса Сарьен пригласил домой будущих министров, чтобы поделить портфели. Когда подали десерт, Сарьен, имея в виду кофе, ликеры, коньяк, сыр и прочее, любезно обратился к Клемансо:

— Что вы возьмете?

— Беру министерство внутренних дел!

Ошарашенный Сарьен, собиравшийся, как делали многие премьеры, сам взять этот портфель, махнул рукой и сказал:

— Ладно, пойдет.

Видимо, забавный анекдот маскирует более серьезные закулисные комбинации. Клемансо, 65-летний «молодой дебютант», как его окрестили, был, несомненно, человек способный, давно мечтавший отличиться на службе у буржуазии. Панамский скандал испортил ему карьеру и обрек на долгие годы оппозиции. И вот теперь неистраченная бурная энергия этого политического циника, выступавшего под левой вывеской, оказалась как нельзя более кстати.

Клемансо успешно провел две важнейшие политические операции: подавил выступления рабочих и организовал в мае 1906 года очередные парламентские выборы. Правые, националисты и монархисты, которые, по словам Жореса, представляли собой разлагавшуюся и разбегавшуюся банду, потеряли много мандатов. Радикалы значительно усилились. Теперь они имели прочное большинство в 340 депутатов и не нуждались в поддержке социалистов. Но число социалистов тоже возросло: объединенные получили 54 мандата, на 13 больше, чем раньше. Независимые социалисты имели 20 мест.

Жорес снова баллотировался в Кармо. Маркиз Солакс попытался отбить свое, как он считал, «законное» место в парламенте. 20 мая рано утром в гостиницу к Жоресу, который только что проснулся, прибежали несколько кармозинских социалистов. Они рассказывали, что «маркизари», то есть сторонники маркиза, силой захватили мэрию, пытаются устроить голосование по своему вкусу. Социалисты предложили поднять рабочих и изгнать «мар-

кizarов» из мэрии, чтобы провести выборы. Жорес не согласился, объяснив, что тогда его обвинят в организации столкновений. Сделали иначе, мэр Кальвиньяк вызвал отряд солдат, которые очистили мэрию, где сторонники маркиза учинили полный погром.

В такой ожесточенной атмосфере проходила избирательная борьба в округе Жореса. И все же Жорес, хотя и небольшим большинством, победил вновь. Выборы, как всегда, были хорошей психологической зарядкой для Жореса, опять непосредственно ощущавшего свою связь с избирателями, с рабочими, напряженность и остроту классово-борьбы.

Этот боевой заряд бросает Жореса в очередной решительный бой, развернувшийся в новой палате. Здесь обычная картина: в кулуарах встречаются депутаты, победители обмениваются поздравлениями, бродят и те, кто провалился, принимая выражение сочувствия. Депутаты рассаживаются, готовясь слушать правительственную декларацию. Позиции кабинета укрепились, поэтому его программа, изложенная премьером, носит довольно формальный характер.

Жорес выступает с интерпелляцией. Конечно, в палате, и кроме него, много социалистов. Теперь здесь и Жюль Гэд. Вот он сидит с бледным, болезненным лицом. Но от имени социалистов выступает Жорес, ибо всем ясно, что никто из социалистов не сможет вести политическую борьбу на трибуне с таким блеском, умом, авторитетом, как Жорес.

Он предъявляет большой счет радикалам от имени рабочего класса. Ведь радикалы — самая левая буржуазная партия. Добываясь власти, они многое обещали. Теперь власть у них в руках. И Жорес напоминает им о прежних обещаниях:

— Радикалы, желая вырвать власть из рук оппортунистов, призывали к себе рабочий класс и все крупные органы радикализма: «Раппель», «Радикаль», «Жюстис» — ее редактор был, как вы знаете, г-н Клемансо...

— А где были вы в то время, г-н Жорес? — прерывает его депутат Эйнар.

— Я был там, где вы теперь, г-н Эйнар, в левом центре, и вы достаточно молоды, чтобы пройти путь, пройденный мною, — под общий смех зала отвечал Жорес, продолжая речь.

...— г-н Клемансо обратился тогда к гражданам Па-

рижа с манифестом, из которого я дословно привожу две фразы: «Наш дух — дух революции. Его единственная цель — полная социальная справедливость...»

И дальше Жорес показывает, что, придя к власти, радикалы и Клемансо обрушили на рабочий класс больше притеснений и унижений, чем правительства, предшествовавшие республике. Он разбирает правительственную декларацию, которая не содержит никаких реальных уступок рабочему классу, и делает вывод, что правительство радикалов просто отказалось от своей прежней социальной программы.

— Ваша декларация, господа министры, не является ответом, она чересчур недействительна. Вчера кто-то заметил, что она вымощена добрыми намерениями. Точнее было бы сказать, что она посыпана добрыми намерениями, она представляет собой нагромождение бессвязных и мелких вопросов.

Жорес говорит, что смысл политики правительства — уход от решения главной социальной проблемы страны — заключается в том, что 220 тысяч человек во Франции владеют богатством в 105 миллиардов франков, тогда как 15 миллионов человек не владеют ничем. И эту проблему может решить только социальная революция. Она произойдет неизбежно, и от самой буржуазии зависит, как это случится. Или буржуазия будет насильственно экспроприрована, либо, если она достаточно благоразумна, пролетариат согласен пойти на мирный путь, даже на компенсацию собственникам. Ссылаясь на слова Маркса, Жорес предлагает радикалам использовать такую возможность, если они действительно хотят выполнить свою прежнюю программу. Вместо этого, как говорит Жорес, правительственная декларация лишь осуществила чудо полного молчания в связи с действительно жгучими социальными проблемами. И это произошло после того, как радикалы одержали победу на выборах. Поэтому, заканчивает Жорес, вы оказались ниже всеобщего избирательного права.

На двух заседаниях продолжалась речь Жореса. С ответом ему выступает министр внутренних дел Клемансо. Это грозный противник, умный, язвительный, беспощадный. Не зря он приобрел репутацию свергателя министров и прозвище Тигр. И вот Тигр на трибуне.

— Отвечая на прямой и лично ко мне направленный запрос г-на Жореса, я прежде всего желаю отдать

дань уважения благородному порыву социальной справедливости, которым дышит его блестящая речь. Он весь проникнут непреодолимым идеалистическим желанием осчастливить мир. Мы можем засвидетельствовать, что он ни перед чем не остановится, чтобы сделать его счастливым...

Вот так, язвительно, внешне любезно, начинает Клемансо свой поистине ядовитый ответ. Он отвечает прежде всего на обвинения Жореса по поводу репрессий против рабочих и напоминает убийственный факт: участие Мильерана в кабинете Вальдек-Руссо, когда в Шалоне расстреливали рабочих.

— У г-на Жореса во время шалонской стачки не нашлось ни слова порицания для своих друзей, членов кабинета, чьи жандармы убивали рабочих...

Да, так и было, и Жорес бледнеет, слыша это обвинение. Ему всегда придется тяжело расплачиваться за свои ошибки. Между тем Клемансо приводит многочисленные частные примеры насилий самих рабочих. Действительно, анархисты, руководившие многими профсоюзами, толкали на такие насилия. Были погромы домов рабочих, отказывавшихся участвовать в забастовке. И он обвиняет Жореса и других социалистов; он объявляет их ответственными за жестокость.

— Я же, — говорит Клемансо, — являюсь защитником рабочего класса против его самозванных адвокатов.

С помощью наглых и ловких софизмов он непрерывно, на протяжении многих часов, беспощадно колет Жореса со всех сторон. Он цитирует ревизионистов, таких, как Бернштейн, и показывает, что программа радикалов не отличается от их планов.

У Клемансо нет никаких серьезных аргументов против основных социалистических идей Жореса. Он просто объявляет их утопией, а свою политику реализмом, основанным на тезисе о том, что, прежде чем совершенствовать мир, надо усовершенствовать человека, что якобы он и делает.

— Без сомнения, вы смотрите на меня с высоты своих социалистических концепций. Вы обладаете властью по мановению жезла создавать волшебные замки. Я же скромный и безвестный рабочий, воздвигающий в ряду других камень за камнем величественный собор, который ему не суждено увидеть. Волшебный замок разлетится при первом дуновении действительности, а республикан-

ский храм когда-нибудь вознесет к небесам свой купол...

Конечно, это всего лишь демагогическая риторика. Однако Клемансо пускает в ход более эффективное оружие, которое действует не только на политических противников Жореса, но и на многих социалистов. Клемансо ловко использует все зигзаги его парламентской политики; если сейчас Жорес так активно борется против буржуазии, то это лишь временно, после его поражения на конгрессе в Амстердаме. А потом он опять придет к сотрудничеству с радикалами, как это было недавно, когда Жорес возглавлял левый блок.

— Вы, г-н Жорес, были разбиты Бебелем и капитулировали перед ним, — злорадно говорит Клемансо. — Вы удалились на Авентинский холм, но я знаю ваши сокровенные чувства и надеюсь, что в недалеком будущем мы с радостью будем приветствовать ваше возвращение. Есть очаровательные создания, которые все супружеские недоразумения заканчивают вещными словами: «Я ухожу к матери!» (хохот и аплодисменты) и которые никогда не уходят, к великому счастью своих супругов! (Снова смех.) Я только министр внутренних дел, а вас я знал почти председателем совета министров...

Речь Клемансо имеет успех. Его сторонники — а их в палате раз в десять больше сторонников Жореса — говорят, что лидер социалистов побежден. Преждевременное торжество; на другой день Жорес снова на трибуне.

— Господа, я всхожу на эту трибуну весь покрытый стрелами, пущенными в меня искусной и все еще молодой рукой. Я не буду пытаться вырывать их и бросать обратно моему грозному противнику... У меня есть задача более высокая...

Жорес прежде всего отбивает все попытки Клемансо изобразить социалистическое учение в виде фантазии, утопии, пустой выдумки.

— Он, по-видимому, думает, — говорит Жорес, — что партия социалистов рассчитывает создать из ничего новое общество единственно посредством изобретения индивидуального ума, и как он сказал вам вчера, что мы имеем претензию зачеркнуть все прошлые усилия человеческого рода... Вы обвиняете нас в том, что мы отрицаем прогресс. Нет, мы его не отрицаем. Из того, что мы говорим: «Теперь плоды созрели и пришло время собрать их», отнюдь не следует, что мы презирали цветы и разрушали корни. (Аплодисменты.)

Это вы, господин министр, вы, человек науки, так страшно далеки от идеи эволюции. Я не знаю никакой философии истории более противной идее эволюции, чем та, которую вы набросали с этой трибуны, чтобы бороться с нами. Вы говорите нам: существует только одна живая сила — это личность; существует только одно средство преобразовать человеческое общество — преобразование отдельной личности; нравственное преобразование индивидов есть альфа и омега социальной реформы.

Как! Это вы, еще раз повторяю, человек науки, вы, врач, вы, как вы сами говорили на днях, старый студент-медик, это вы отделяете индивидуальный организм от общественной среды?

...Ваша доктрина абсолютного индивидуализма, ваша доктрина, утверждающая, что социальная реформа содержится вся целиком в нравственном преобразовании отдельных личностей, представляет собой, позвольте мне сказать это, отрицание всех широких прогрессивных движений, определивших историю, отрицание самой французской революции! (Аплодисменты.)

Главное в ответной речи Жореса — защита рабочего класса. Клемансо оправдывал репрессии против него, ссылаясь на отдельные акты насилия со стороны рабочих. Жорес говорит, что эти насилия вполне объяснимы и они незначительны перед гигантской преступной деятельностью капитализма, против которого рабочие справедливо ведут борьбу.

— В этой борьбе, — говорит Жорес, — рабочие, доведенные до отчаяния, до крайности, действуют грубо. О! Предприниматели, чтобы произвести акты насилия, не нуждаются в беспорядочных движениях и шумных словах! Несколько человек собираются за семью замками в безопасной и интимной обстановке какого-нибудь правления, и эти несколько человек решают без запальчивости, без судорожных жестов, не возвышая голоса, как дипломаты, разговаривающие за зеленым столом, что рабочим будет отказано в приличной заработной плате. Они решают, что рабочие, которые продолжают борьбу, будут исключены, выгнаны, получают незаметные, но хорошо известные другим предпринимателям отметки, предающие их места всех капиталистов. Тут нет никакого шума. Это смертоносная работа машины, которая захватила трепещущего и кричащего человека в свои зубча-

тые колеса, в свои резак, в свои ремни, машина даже не скрипит и бесшумно раздавливает его.

В своей ответной речи Жорес защищает не себя лично. Нет, отстаивая рабочий класс, идеи социализма, он проходит мимо колкостей Клемансо. Но это отнюдь не значит, что он не способен парировать выпады своего оппонента. Нет, он просто презрительно отбрасывает их. Правда, порой Клемансо сам напрашивается на убийственные реплики Жореса, перебивая его. Когда Жорес говорит, что, нападая на социализм, он помогает самым крайним реакционерам, Клемансо кричит:

— Вы не олицетворяете социализма в своей особе, вы не бог!

— Вы же, господин министр внутренних дел, — быстро отвечает Жорес, вызывая взрыв смеха и аплодисментов, — даже не дьявол!

Жорес снова возвращается к правительственной декларации, раскрывая ее жалкое содержание.

— Когда я читаю декларацию, я не замечаю в ней того устремления ввысь, которое постарался придать ей г-н Клемансо. Он высмеял мои роскошные волшебные замки и вызвался сам камень за камень построить собор. Он заявил, что шпиль этого республиканского собора устремится в будущее, когда от моих волшебных замков ничего не останется.

Но да будет мне разрешено заметить со всем уважением к предмету и лицам, что в ту минуту, как я говорю, у министерского собора, как мне кажется, немного не хватает шпиля!

Кто же победил в этой знаменитой ораторской дуэли? Если судить по итогам голосования, то Клемансо; правительство Сарьена получило поддержку. Иного нельзя было ожидать, ибо представители буржуазии, конечно, отвергли социалистические идеи Жореса. Но все-таки личная победа досталась ему. Среди правых в палате находился тогда известный писатель Морис Баррес. Он готовился писать книгу о политической жизни Франции и заносил в дневник все события парламентской жизни. В этот день Баррес записал: «Борьба Клемансо против Жореса. Жорес, что бы о нем ни думали, одержал победу».

По мнению Барреса, в палате было два блестящих оратора: реакционер граф де Мэн и социалист Жорес.

Несмотря на свою политическую антипатию, националист Баррес из них двоих отдавал предпочтение Жоресу. Граф де Мэн, по его словам, производил такое впечатление, как будто он играл салонную комедию. Баррес пишет: «Я больше люблю это чудовище Жореса, который, возвращаясь на свое место, еще дымится».

Что касается Клемансо, то смысл, который он вкладывал в дуэль с Жоресом, был виден и слепому. Тигр рвался к власти. Неважно, разобьет он доводы Жореса или нет. Важно, чтобы все почувствовали: в защите буржуазного общества Клемансо не пойдет ни на какой компромисс, его не остановит ничто, совершенно независимо от того, какие революционные идеи он выдвигал в прошлом. И он сможет делать это беспощадно, без колебаний, при любых обстоятельствах, он готов отстаивать интересы своего класса перед любым противником, даже перед таким сильным, как Жорес. А экстравагантность Клемансо лишь резко подчеркивала его правоверность. Клемансо рассчитывал превосходно.

В октябре 1906 года Сарьен подает в отставку из-за болезни, и формирование нового кабинета, естественно, поручается Жоржу Клемансо. Просто такой сильный человек должен быть первым. Состав кабинета оказался весьма контрастным. Здесь Луи Барту, консерватор, соратник Мелина. Но здесь и два социалиста — Бриан и Вивьяни. Все знают, что они ренегаты, но тем не менее они еще крайне полезны в борьбе с забастовочным движением. Наконец, военным министром стал тот самый полковник, ныне генерал, Пикар, который прославился своей честностью в деле Дрейфуса. Этого человека очень удобно противопоставить растущему антимилитаристскому движению.

Политическое направление кабинета Жорес определил как «консервативный неорадикализм». Он считал правомерным выдвижение Клемансо на пост премьера; по крайней мере ясно, с кем имеешь дело. Теперь действительно борьба пойдет очень четкая: класс против класса, совсем по Гэду. Жаль только, что Гэд от этой борьбы уклонялся. Его трудно даже сравнить поэтому с Жоресом, обладавшим неиссякаемой энергией и боевым темпераментом, чего так не хватало Гэду. Гэдизм умирал у всех на глазах. Это ярко обнаруживалось в журнале Гэда «Социализм», «образцово безжизненным, — по словам Ленина, — бездарном, не способном занять

самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу».

Между тем политическое положение становилось таким, что Жорес в декабре 1906 года уверенно говорил: — Через десять лет в мире будет торжествовать социализм!

В сентябре 1906 года кровопролитие произошло в связи с забастовкой в Гренобле, затем начались волнения из-за локаута на обувных фабриках в Фужере; в марте 1907 года рестораны Парижа освещались свечами: забастовали рабочие электрических компаний.

В начале 1907 года остро встал вопрос о государственных служащих. Учителя, работники почты, разных муниципальных служб тоже боролись за улучшение своей жизни, создавали профсоюзы. Они стремились присоединиться к Всеобщей конфедерации труда. Клемансо не хотел и слышать об этом. Борьбу государственных служащих за свои права он объявил грубым посягательством на высшие интересы нации, разрушением государства. Присоединение чиновников к ВКТ, по его словам, было выражением открытого бунта. Когда так поступил профсоюз учителей, то его секретарь Негр был немедленно уволен. Преследованиям подверглись и другие государственные служащие. Приказ об этом отдал социалист, министр просвещения Аристид Бриан.

Жорес немедленно откликнулся на каждый социальный конфликт. «Юманите» всегда печатала подробную информацию о забастовках, она стимулировала движение солидарности, пропагандировала, агитировала, организовывала рабочих. Жорес непрерывно вел бои за их интересы с парламентской трибуны. Он не прощал правительству ни одного случая репрессий. Хотя непосредственно забастовками руководили профсоюзы, именно Жорес становился самым громким рупором и самым активным защитником рабочего класса.

В конфликте с государственными служащими, по существу, не было чего-либо принципиально нового. Но на этот раз репрессии осуществил Бриан, его недавний близкий соратник, проповедник революционной всеобщей стачки, выступавшей даже левее Гэда! Жорес хорошо помнил тяжелый для него урок казуса Мильерана. Но тогда это было все не так вызывающе, Мильерана знали как эволюциониста, человека тактики, а не принципов. К тому же тогда, по мнению большинства социалистов,

необходимо было любой ценой спасти республику от угрозы клерикально-шовинистической реакции. Измена Мильерана проявлялась далеко не так явно и откровенно. Он сам, во всяком случае, как-то пытался держаться в рамках приличия. Сейчас же все выглядело в глазах Жореса небывало гнусно. Весь эпизод превращался для него в крайне важную моральную проблему.

Жорес считал, что принципы справедливости, честности, моральной чистоты находят свое высшее выражение в социализме. Нет ничего более опасного для него, чем отступление в его практической деятельности от этих принципов. Участие в социалистическом движении Жорес рассматривал в качестве долга совести. Поэтому любая нечестность социалиста наносит социалистическому движению непоправимый ущерб. А здесь налицо была явная измена и предательство.

Необходимо отмежеваться от Бриана, решил Жорес. Он понимал, что шум из-за этого дела нанесет и некоторый ущерб. Любая распря между социалистами — радость для врага. Ему, конечно, опять будут напоминать о его прошлых личных слабостях. Ах, как это все было для него тягостно! Но, мастер тактического компромисса, Жорес не признавал никаких компромиссов в моральной области.

Жорес знал, какой героизм проявляют простые рабочие, вступая на путь классовой борьбы. Еще совсем недавно в своем споре с Клемансо он говорил, что значит для рабочего стать активистом профсоюза:

— Образование профсоюза предполагает громадное, тройное усилие со стороны рабочих: усилие сделать сбережения для взноса из нищенского заработка; усилие мысли, чтобы возвыситься над ежедневными заботами и подготавливать коллективное будущее своего класса, несмотря на изнурительную работу; усилие мужества, достигающего иногда до героизма, потому что именно на активистов, на организаторов, основателей и руководителей профсоюзов падают усиленные удары предпринимателей в минуты кризисов.

И обман таких людей Жорес рассматривал как святотатство, кощунство, как самое тяжкое преступление против социализма. Он не мог молчать. Он должен был осудить своих неверных друзей. Жорес, прощавший людям так много в обыденной жизни, не мог простить посягательства на чистоту социалистического идеала. К тому

же все это происходило вскоре после объединения социалистов, когда Жорес с небывалой ясностью ощутил свою ответственность перед социалистическим движением.

10 мая 1907 года Жорес выступает в палате по поводу репрессий против государственных служащих, пытавшихся присоединиться к Всеобщей конфедерации труда. Жорес сказал, направляясь на трибуну, что будет говорить долго, часов пять-шесть. И он говорит о законности стремления тружеников, работающих в государственных учреждениях, особенно учителей, к объединению в защите своих интересов. Почему они должны иметь меньше прав, чем другие граждане?

— Связь с рабочими организациями, с объединенным пролетариатом даст вашим преподавателям, вашим учителям две возможности, в которых они нуждаются: благодаря своему присутствию в биржах труда они принесут народу благородные призывы идеализма... Но еще важнее то, что они сами там приобретут, — они научатся у рабочих чувству меры, скромности мысли...

И он продолжал философски развивать и обосновывать свои идеи. Депутаты замечают, что на этот раз Жорес говорит как-то монотонно, что они не испытывают того волнения, какое обычно вызывают речи Жореса, что великий оратор явно не в форме. Это так и было. Казалось, Жорес, произнося свою речь, думает о чем-то другом. Слишком меланхоличный, необычно монотонный характер речи бросается в глаза всем. Жорес вдруг заявляет, что он просит перенести продолжение его речи на следующее заседание. Депутаты расходятся, теряясь в догадках о причинах отсутствия у Жореса привычной страстности и огня.

На другой день Жорес снова подымается на трибуну. Теперь его взгляд устремлен прямо на правительственные скамьи, расположенные так близко, что оратору хорошо видно выражение лиц сидящих там министров. Со скучающим видом слушает Жореса Клемансо, готовый, впрочем, как всегда, к молниеносным язвительным репликам. Но не на него глядит Жорес. Он в упор рассматривает своих недавних соратников. Министр труда Рене Вивиани сидит съжившись, с желтым лицом, как будто у него лихорадка. Министр просвещения Аристид Бриан прижался к пюпитру и время от времени подымает голову и смотрит на трибуну с выражением какой-

то досады. Ну вот, наконец-то он добрался и до них. Жорес начинает дружеским, спокойным тоном, но вопрос столь серьезен, что постепенно он говорит все более резко:

— А вы, Вивиани и Бриан... что означают эти знаки нетерпения? У меня к ним те же претензии, что и к их коллегам по кабинету. И я знаю, что, если жизнь разорвала связи и прежнюю солидарность, нельзя бить по бывшим друзьям, не нанося ударов самому себе...

Но Жорес без колебаний начинает наносить беспощадные удары. Он требует, чтобы бывшие социалисты осознали свою двойную ответственность за репрессии, которые они проводят против трудящихся.

— Они несут двойную ответственность. Во-первых, они сами принадлежали к тому идейному течению, которого придерживается профсоюз государственных служащих; во-вторых, они выступали с такими ясными призывами, толкали людей на такие конкретные действия, что теперь, когда они преследуют за эти действия, их можно обвинить в том, что они устроили западню для рабочего класса!

Весь зал в напряжении. Жорес говорит со страстной искренностью, на его лице выражается страдание за тех, кого обманули ренегаты социализма. Он поворачивается к Бриану:

— Ладно, без резких слов, без злобы я хотел бы спросить г-на министра просвещения, какое различие существует между той концепцией всеобщей забастовки, которую он проповедовал, и концепцией Всеобщей конфедерации труда, вменяемой ей в преступление и превращаемой в повод для яростных репрессий против нее? Я ставлю этот вопрос г-ну министру.

Жорес извлекает из кармана маленькую красную книжечку. Это сборник речей «социалистического» деятеля Бриана. Жорес начинает цитировать призывы Бриана к революционным действиям, он напоминает, как на съезде в зале Жапи Бриан выражал готовность с ружьем идти на баррикады и как он искал новые формы революционного действия, как он учил рабочих делать революцию.

— Вы говорили, и эти слова нельзя забывать в момент, когда правительство преследует антимилитаристов, вы говорили: «Солдат может увидеть против себя рабо-

чих, своих товарищей... и ружья, несомненно, будут стрелять, но не в том направлении».

В зале волнение, крики, аплодисменты, все бурлит. Депутаты спорят, кричат, но, одергивая друг друга, требуют от Жореса продолжения.

— Когда господин министр народного просвещения пришел к власти, он заявил: «Я прибыл сюда со всеми своими идеями. Я не отказываюсь ни от одной из них». Значит, сегодня он действует, исходя из этого заявления!

И это он осмеливается преследовать трудящихся!

Я могу только одним словом резюмировать эту политику: или это не так, или это не он!

Социалисты бурно аплодируют Жоресу, радикалы обеспокоены, правые ошеломлены. Бриан с посеревшим лицом нервно ерзает на своей скамье. Заседание закончилось, министр народного просвещения тоже встает и, не встречая ни одного сочувственного взгляда, видя только спины, постепенно удаляется в Зал потерянных шагов.

Через день Бриан отвечает Жоресу. Этот признанный оратор выглядит жалко. С помощью иронии, напускного спокойствия он пытается украсить свое моральное банкротство. Обычная наглость Бриана на этот раз превосходит все пределы. Он выкручивается изо всех сил, уверяя, что Жорес не читал его речей, что он не так их понял. И конечно, он пускает в ход главный довод — он говорит о поддержке, которую Жорес оказывал Мильерану, о борьбе за реформы в рядах левого блока.

— Это благодаря вам, Жорес, действуя с вами вместе, по вашим советам, почти под вашим руководством я стал тем человеком, которым я являюсь сейчас.

Бриан заканчивает выражением твердой решимости и дальше пресекать все выступления государственных служащих. Все политические выступления профсоюза учителей будут караться...

Жорес снова берет слово, чтобы ответить Бриану:

— Никто не может обвинить меня в отсутствии доброй воли республиканца... Настанет и для меня день, буду ли я еще в рядах борцов или уйду в иной мир, настанет и для меня час суда, который неизбежно пробьет для каждого честного человека, и тогда вся демократия не сможет не засвидетельствовать эту добрую волю.

Но это лишь введение. Дальше следует то, что побудило Мориса Барреса назвать эти памятные дебаты «Днями протрезвевших рабов».

Дело в том, что в древней Спарте существовал один обычай. Рабов поили вином до скотского состояния и превращали их в пример, вызывающий отвращение; их показывали в назидание молодежи. Именно это имеет в виду Жорес:

— Я не знаю, как Бриан оправдывает перед самим собой ту роль, в которой его используют. Но есть нечто более гнусное, чем показывать людям пьяных рабов; это показывать им протрезвевших рабов!

— Г-н Жорес, — прерывает председатель. — Это слишком сильно...

— Я говорю, господа, что это та роль, до которой буржуазия хочет низвести одного из министров республики!

Жорес затем признает, что политика участия социалистов в буржуазном правительстве была ошибочной.

— Я добавлю, — говорит он, — что одно из гнусных соображений, из-за которых некоторые поддерживают министров, имеющих революционное прошлое, состоит в том, что это прошлое может послужить удобным прикрытием перед народом современной жестокой политики реакции и репрессий!

Но будьте осторожнее, господа! Если у меня есть ошибки, то они состоят не в том, чтобы поддерживать возможные опасные иллюзии, не разоблачив их вовремя. Теперь все покровы сорваны!

Речь Жореса произвела огромное впечатление. Даже его политические противники были потрясены той смелостью, с какой Жорес разорвал с Брианом. В затхлую атмосферу политических интриг, лицемерия, демагогии и привычной парламентской лжи ворвался необыкновенно сильный порыв свежего ветра правды, высказанной с такой искренностью и силой.

— Жорес не только отомстил за свою партию, но и за общественную мораль, — говорил тогда Шарль Лонге.

Ну а Бриан только выиграл. Теперь в глазах буржуазии он имел диплом благонадежности, выданный самим Жоресом. Открылся путь к большой уважаемой карьере, гарантированный полной беспринципностью ренегата. Бриан сам потом цинично признавал, что Жоресу он обязан своим сенсационным продвижением к власти.

Как раз в тот момент, когда Жорес предъявлял свой грозный счет Бриану, вокруг него снова завязалась га-

зетная шумиха из-за его семейных дел. 10 мая в палате даже говорили, что необычно рассеянный характер первой части его речи о профсоюзах чиновников объясняется тревогой из-за семейных неурядиц. Уверяли, что, прервав свою речь, Жорес отправился в Тарн, за 800 километров, чтобы навести порядок в семействе. В газетах появились сообщения, что дочь вождя социалистов Мадлен уходит в монастырь. Но все это оказалось лишь отголоском старого скандала из-за первого причастия. Врагам Жореса — а их число отнюдь не уменьшалось — явно не хватало поводов, чтобы опорочить его.

Ну а что касается семьи, то она по-прежнему не служит для него источником радости. Лето 1907 года Жорес живет в Париже один. Старая служанка Флорали ведет его холостяцкое хозяйство. Мадам Жорес обосновалась в Альби. Она считает, что парижский воздух вреден для сына Луи, и он учится в лицее Альби.

Луиза и раньше не баловала мужа вниманием. Но теперь она непрерывно изводит его неумными намеками на то, какой ущерб он наносит семье, отказываясь стать министром. Пример Бриана и Вивиани окончательно разозлил ее, и обычные капризы, длительное глупое молчание, надутый вид стали постоянной формой ее поведения. Да, она мадам Жорес, но она ему не жена. Зная, как преданно, самоотверженно Жан относится к семье, его друзья не переставали удивляться высокомерной глупости Луизы.

Мадлен, которой уже восемнадцать лет, продолжает доставлять отцу новые заботы. Эта крупная красивая девушка некоторыми чертами напоминала Жореса. Но она не проявляла особого интереса к учебе и вообще к отвлеченным, так сказать, идеям. Теперь ее страсть — романы. Она их читает заоем, а затем с исключительной активностью воплощает в жизни, доставляя немало беспокойства своему отцу. Жорес был слишком мягок, чтобы занять место властного главы семьи. Но он любит их всех: жену, дочь Мадлен, сына Луи. Свое письмо к ним он однажды закончил так: «Я вас всех горячо целую. Полюбите и вы меня немножко».

Уже нет человека, действительно любившего его. Аделаида умерла 9 июля 1906 года. Он навсегда сохранит самую нежную память о матери.

Впрочем, друзья рассеивают настроение одиночества в те немногие часы, когда Жорес свободен от лихорадоч-

ной работы. Он часто заходил к Блюму, у которого в доме постоянно собирается разнообразное общество. Одним из друзей Жореса был высокий человек с узким лицом, как на картинах Эль Греко, Анатоль Франс, уже давно признанный читателями и не без кокетства наслаждающийся своей литературной известностью. В разгар дела Дрейфуса Франс отказался от аполитичного изящного скептицизма, вмешался в политические распри, сблизился с социалистами. Жорес очаровал его не только своей исключительной образованностью и высокой культурой; Франс считал его олицетворением мягкости и доброты, воплощением любви к людям.

Они встречались часто и запросто. Подолгу сидели в каком-нибудь маленьком ресторане, рассуждая и споря о достоинствах старых фаблио или отдельных кусков из Рабле, о немеркнущей актуальности мыслей Монтеня. Насмешливый Франс нередко дружески подшучивал над Жоресом. Но тот, впрочем, не оставался в долгу. Будучи крайне скромным человеком, Жорес немного сердился из-за того, что Франс обвинял его в стремлении к популярности. Однажды они вместе должны были выступать на митинге.

Председатель объявил:

— Слово имеет Жорес...

Это заявление прервала буря аплодисментов, а Франс успел шепнуть на ухо Жоресу: «Вот она, слава...» Настала очередь Франса, и председатель снова встал:

— А сейчас перед вами выступит известный писатель, гражданин Анатоль Франс!

Жорес тут же шепнул на ухо другу: «А вот это популярность...»

Хотя увлечение Франса социализмом и носило оттенок свойственного ему дилетантизма, Жорес ценил его участие в «Юманите», любил его произведения. А Франс в них, кстати, создал очень меткие, уничтожающие портреты Мильерана и Бриана. Их нетрудно узнать в героях «Острова пингвинов» Лайперсоне и Лариве.

Но в своих речах, письмах, статьях Франс запечатлел и обаятельный образ Жореса, впрочем, со всеми его слабостями. Вот как Франс в присутствии ему юмористическом тоне рассказывал о совместном визите друзей к его большой приятельнице, именуемой им Мадам:

«Этот ужасный Жорес простодушен, как младенец. Вчера вечером он обедал у Мадам. За обедом, как и по-

лагается, большая речь о будущем обществе. «Тогда каждый будет на своем месте. Все будет общим. Не будет больше богачей. Не будет и бедняков». Меж тем как он парит над своей Аркадией, я забавляюсь, втыкая булавки в его воздушный шар.

— А произведения искусства, Жорес? Что вы сделаете с ними в вашей идеальной республике?

Внезапно Мадам начинает беспокоиться. Она с тревогой глядит на красивые ковры, украшающие ее столовую, на мебель, серебро, посуду.

— В самом деле, Жорес, — спрашивает она, — когда наступит революция, оставите ли вы мне мои картины, мои статуи, мое серебро?

— Это вопрос организации, — шарлатанит наш Де-мосфен.

Я обостряю вопрос:

— Да или нет, Жорес? Эти статуи и эти предметы искусства принадлежат нашей сегодняшней хозяйке или всей нации?

— Нации! — вопит Жорес и колотит кулаком по столу. — Нации!

— Очень мило! — вздыхает Мадам. — Приглашайте после этого людей к обеду. Едва успев набить себе брюхо, они уносят ваше серебро в качестве сувенира.

Жорес, видимо, становится в тупик.

— Сударыня, — говорит он, — эти чудесные ковры, эти восхитительные картины, эти предметы искусства представляют собой коллективную собственность — это бесспорно.

Сказав это, трибун делает паузу, отпивает глоток шампанского и продолжает более примерительным тоном:

— Но так как все эти чудеса образуют собой некое единое целое, гармонию, разрушить которую было бы варварством, и так как мы, революционеры, отнюдь не вандалы, то все эти предметы будут оставлены у вас после социальной революции. Вы будете их ответственной хранительницей».

Надо полагать, в этом рассказе есть элемент выдумки. Но некоторые черты Жореса схвачены превосходно. Здесь и его романтический идеализм, его увлеченность, его простодушие. Здесь органическая страсть Жореса к примирению противоположностей, к разрешению конфликтов, к согласию и гармонии. Эти черты его характера проявлялись во всем, в политике, естественно, тоже.

Стремление к синтезу служило, пожалуй, главной особенностью его ума и характера. Синтез идей, взглядов, политических направлений, общественных движений проходит красной нитью в его биографии.

В своем мышлении он синтезировал материалистическое понимание природы и истории с идеалистическими, нравственными идеями. В социалистическом движении он стремился достичь соединения классово-борьбы пролетариата с демократической борьбой за развитие республиканских институтов. В деятельности социалистов его идеалом был синтез движения к конечной цели с решением конкретных задач текущего времени. Он постоянно хочет осуществить синтез революции и реформ; синтез будущего идеала с практическими потребностями дня; синтез парламентских действий с массовым движением. Больше всего он не любил односторонность, узость, ограниченность. К несчастью, стремление к синтезу нередко превращалось у него в попытки примирить непримиримое.

Объединение социалистов в 1905 году тоже, по существу, было синтезом, но отнюдь не органическим единством. По-прежнему внутри партии два идейных направления: Гэд сохраняет организационную замкнутость своей прежней партии, сделав из нее фракцию. В момент объединения Жорес считал направление гэдистов полезным противовесом тенденции к реформизму. Правда, теперь в этом уже не было нужды. Правые оппортунисты типа Мильерана, Вивиани, Бриана не вошли в объединенную партию. Что касается самого Жореса, то его ожесточенная борьба против Клемансо, а затем и Бриана отнюдь не предрасполагала к реформизму. Поэтому непримиримость Гэда, становившегося с годами все более нервным и подозрительным, лишь мешала созданию подлинно единой партии. Она сводила на нет даже справедливую подчас гэдистскую критику кажущихся или реальных отступлений от классово-политики. Тем более что гэдисты ради успеха на выборах идут на сделки даже с клерикалами. Ведь они вообще не считали нужным бороться с клерикализмом.

В партии сохранялся идейный разброд, хотя ее численность увеличилась за девять лет после объединения в 1905 году в два раза и достигла 73 тысяч человек. Но в партию идут в первую очередь мелкие торговцы, ремесленники, крестьяне. Это означало, конечно, что со-

циалисты вытесняют влияние радикалов. Но выигрывала ли от этого партия, терявшая свой пролетарский характер?

Главная беда была в том, что партия оставалась оторванной от профсоюзов. А они-то реально и руководили рабочими выступлениями. По настоянию Гэда конгрессы социалистов несколько лет подряд принимали резолюции, не допускавшие соглашения с Всеобщей конфедерацией труда, за которой стояли полмиллиона членов. Анархо-синдикалистское руководство ВКТ, в свою очередь, враждебно относилось к социалистам. Отношения подчас становились очень напряженными. Такое положение Жорес считал несчастьем французского рабочего класса.

Он тоже критиковал профсоюзных лидеров, их анархо-синдикалистскую тактику. Но он делал различие между анархией и революционным синдикализмом. Жорес считал, что в его критике необходимо чувство меры, мудрости, дух братской справедливости. Необходимо сделать все для объединения политических и профессиональных организаций рабочего класса. Жорес всегда становился на сторону рабочих, если даже под руководством анархистских лидеров они допускали тактически ошибочные действия, прибегали к ненужному насилию. Он разъяснял, что гнев социалистов должен быть обращен не против рабочих, а против хозяев, которые их довели до этого. И он давал примеры того, как это делается, в частности, в знаменитом споре с Клемансо.

Много лет Жорес добивался закона о пенсиях для рабочих. Пожалуй, нет ни одной законодательной уступки в пользу трудящихся, к которой бы не приложил свою руку Жорес. В начале 1907 года он горячо протестует против подавления стачки электриков, затем в споре с Брианом защищает государственных служащих, особенно учителей. Летом в этом же году Жорес бросается на помощь виноградарям юга и солдатам восставшего 17-го полка. Спустя год Жорес вызывает сочувствие всей Франции красноречивым осуждением кровавых репрессий против рабочих в Дравейе и Вильнев-Сен-Жорже. Даже если Жорес не одобряет профсоюзной тактики, как это было, к примеру, с забастовкой железнодорожников в 1910 году, он все равно на стороне рабочих. Всегда, во всем высший закон для него — интересы рабочего класса. Поэтому так велик его авторитет среди рабочих,

так сильна любовь к нему. Как раз теперь рабочие стали называть уже постаревшего Жореса: «отец Жан», «дядюшка Жан».

Он терпеливо ищет соглашения с профсоюзами. На съезде своей партии в Лиможе он добился решения, обязывающего социалистов приложить все усилия, чтобы рассеять недоразумение между ВКТ и социалистической партией. По его инициативе лидеры профсоюзов получили возможность выступать на страницах «Юманите».

На всех партийных конгрессах Жорес требует не отрываться от профсоюзов, ликвидировать гибельный разрыв. И если этот разрыв между социалистами и ВКТ все же постепенно как-то ликвидируется, то это было результатом его усилий. Во многих практических вопросах рабочего движения традиции, родившиеся под влиянием Жореса, благотворно сказывались в рабочем движении десятки лет спустя. И если все же он не успел многого сделать, то надо не забывать о времени, об обстоятельствах, о противниках, о людях слепых и злобных, о том, что даже столь выдающиеся способности, ум, энергия Жореса все же не в состоянии были объять те гигантские и сложнейшие задачи, которые вставали перед французским рабочим классом. К тому же приближение войны побуждало его бросаться в другие тяжелые и сложные битвы.

ВОЙНА ВОЙНЕ

— Ненависть была чужда Жоресу, и он жил в безмятежном спокойствии, свойственном человеку с чистой совестью, — говорил Анатоль Франс.

Надо полагать, великий писатель имел в виду отношение Жореса к конкретным людям, носителям зла. Ибо, конечно, Жорес ненавидел. Ненавидел страдания людей в любой их форме. Сильнейшую ненависть испытывал он к самому большому несчастью современного ему общества — к войнам. Разве иначе он вкладывал бы столько страсти в борьбу с войной? Это была труднейшая из всех задач, которые он ставил перед собой. Даже борьба за социалистическое преобразование общества представлялась многим социалистам сравнительно более легкой. Гэд говорил, что в сохранении капитализма в конечном

счете заинтересовано лишь 200 тысяч французов. Подобно этому в войне заинтересована незначительная кучка людей. Но они опираются на националистические чувства, охватывающие массы. Национализм был тогда очень силен во Франции. Такие явления, как буланжизм, дело Дрейфуса, показали это. Даже рабочий класс, которому понятие отечества, родины труднее всего связать в буржуазном обществе со своими классовыми интересами, был охвачен национализмом. Тем более что национализм служил элементом революционно-демократической традиции. И его нелегко было преодолеть, ибо французские социалисты и демократы выступали наследниками «патриотов» 1792 года, мечтавших с помощью войны разнести по свету идеи революции, либералов эпохи реставрации, стремившихся разрушить Священный союз войной, даже коммунаров, сторонников беспощадной войны с пруссаками.

Кстати, патриотические иллюзии самого Жореса явно связаны с этой традицией. Тем более замечательно, что он, как никто во Франции, оказался способным решить проблему войны и мира. И это надо было делать не только в борьбе с национализмом, но и с иными, подчас противоположными тенденциями, в которых идея социалистического миролюбия превращалась в карикатуру.

Самая крикливая из них связана с именем Гюстава Эрве. Этот учитель из департамента Ивонн, бывший анархист, еще в 1901 году напечатал статью, посвященную годовщине битвы при Ваграме. Он решительно осуждал традиции бонапартистского милитаризма и предложил отметить годовщину тем, чтобы, собрав в казармах все отбросы и весь навоз, построить перед этой кучей солдат и при звуках военной музыки водрузить на навозе французское знамя. Этот эффектный и претенциозный образ вызвал целую бурю. Гюстав Эрве, мастер крайне хлестких фраз, повел шумную антимилитаристскую кампанию. Он заявил, что социалисты должны ответить на любую войну забастовкой и восстанием.

Жюль Гэд, со своей стороны, считал, что борьбу с войной вообще вести не следует, поскольку войны — неизбежный спутник капитализма. Он отвергал идею антивоенной всеобщей забастовки.

Гэд выступал за революцию, но только в мирное время. В случае войны революционеры должны при любых обстоятельствах защищать родину. Как всегда, ультра-

революционность и догматизм превращались в свою противоположность, в данном случае в шовинизм.

На конгрессах социалистов в Лиможе в 1906 году и в Нанси в 1907 году Жорес предложил политику, в которой он стремился сочетать предотвращение войны, социалистическую революцию и уважение к национальным интересам. Жореса поддержал Вайян, и ему удалось повести большинство социалистов за собой. Однако его линия еще не была совершенно четкой и ясной. Ему приходилось как-то лавировать между Гэдом и Эрве. Гэдовский революционный шовинизм совершенно не годился. Но, конечно же, он не мог согласиться и с Эрве. Однако в анархистской позиции этого чемпиона «неловкости» он находил один полезный момент — революционную борьбу с войной. К тому же позиция Жореса складывалась еще во многом интуитивно. Словом, он нуждался в каком-то внешнем толчке, нуждался в поддержке, чтобы окончательно найти правильный путь.

Жорес получил эту поддержку от Ленина. В августе 1907 года вождь большевиков впервые участвовал в работе конгресса Интернационала, состоявшегося на этот раз в Штутгарте. То, к чему Жорес шел в значительной мере ощупью, Ленин четко определял с помощью революционного марксизма. И знаменательно, что позиция Жореса оказалась довольно близкой к ленинским взглядам.

В Штутгарте было представлено четыре резолюции: Жореса, Бебеля, Гэда и Эрве. Две последние, по мнению большевиков, а также и Жореса, совершенно не подходили. Проекты Жореса и Бебеля нуждались в улучшении. Ленин и Роза Люксембург, проводившие активную революционную линию, решили взять за основу текст Бебеля, хотя он также нуждался в коренном преобразовании. Здесь играли роль чисто тактические соображения. Германская социал-демократия пользовалась в Интернационале большим влиянием, и отвергнуть ее резолюцию значило бы резко затруднить утверждение правильной линии. К тому же Жорес в глазах многих социалистов еще носил на себе печать министерализма. Ведь на предыдущем конгрессе, в Амстердаме, он был в роли обвиняемого. Жорес понимал это и сам поддерживал тактику Ленина, не настаивая на своем проекте. Потребовалось немало усилий, чтобы заставить Бебеля согласиться на революционную трансформацию его резолюции. Бебель упорно не признавал необходимости революцион-

ных действий, не соглашался с ленинской поправкой, призывавшей в случае войны использовать кризис, чтобы ускорить крушение капитализма. Жорес действовал очень активно и косвенно помог Ленину. Луначарский, участник конгресса, говорил, что Жорес оказался там «настоящим героем дня».

Вообще 1907 год явился для Жореса годом знаменательного поворота. Если раньше вся его деятельность так или иначе связана с радикалами, с левобуржуазной интеллигенцией, то теперь он решительно поворачивается к революционно-пролетарской политике и тактике. Мадлен Рибериу, руководитель французского «Общества жоресистских исследований», писала в 1984 году, что тогда произошел «вираж Жореса», который выразился в том, что он «разрывает с французской интеллигенцией, которая была на его стороне в деле Дрейфуса, но которая оказалась от союза с революционными рабочими». Поворот, совпавший со Штутгартским конгрессом, отразился во всех сферах его деятельности. Но особенно резко он сказался в борьбе Жореса за мир и в том, что эта борьба служила для него важнейшим проявлением революционных устремлений.

Из Штутгарта Жорес вернулся окрыленным. Сразу после конгресса он выступает с большой речью в том же зале Тиволи, где он два года назад произнес знаменитую речь о войне и мире в связи с франко-германским кризисом из-за Марокко. Интересно сравнить эти две речи. После Штутгарта взгляды Жореса стали значительно революционнее, здесь уже почти нет тех иллюзий, которых немало проявилось в речи 1905 года. К тому же Жорес выступает теперь от имени Интернационала. Он решительно подчеркивает это, называя конгресс в Штутгарте первостепенным историческим событием. На митинге, организованном социалистической федерацией Сены, много сторонников Эрве. Жорес поэтому, отстаивая штутгартские решения, одновременно показывает их неизмеримое превосходство над трескучей фразеологией эрвизма.

— Резолюция Штутгартского конгресса, — говорит Жорес, — с одной стороны, изумительно точная, содержательная и ясная резолюция, а с другой стороны, она находится в абсолютном соответствии и в полной гармонии с мнением Французской социалистической партии... Интернационал указал пролетариям, что теперь, когда

они стали неизмеримо сильнее, они более не вправе, пассивно вздыхая, глядеть на козни деспотов и капиталистов против мира, но обязаны со всей решительностью действовать — действовать и парламентским и революционным путем, чтобы раздавить в зародыше очаги губительных войн.

Жорес не ограничивается простым повторением формул Штутгарта. Они, естественно, носят общий, принципиальный характер. Он выдвигает конкретную, реальную тактику. Ведь начало войны может выглядеть так, что Франция в глазах ее населения окажется жертвой нападения. Агрессивная политика Вильгельма II делала это очень вероятным. И тогда возникнет замешательство, начнутся колебания среди социалистов. Надо устранить основание для экивоков. Пролетариат должен в решающий момент иметь совершенно ясную картину. Жорес учитывает силу националистических настроений своих соотечественников. Надо заставить правительство до конца обнажить свою политику, прикрываемую миролюбивыми фразами.

— Правительства говорят друг другу, — продолжает Жорес, — что им лучше поспешить с фабрикацией по своему способу хорошенького маленького мира... допускающего некоторое число войн (смех и аплодисменты), чтобы помешать пролетариату превратить мир в реальность.

Но пролетарии сказали себе: несмотря ни на что, этот факт — первый результат наших действий, первый признак нашего могущества. Если, как сказал один моралист, лицемерие — это дань, которую порок платит добродетели, то лицемерное миролюбие правительств — это дань, воздаваемая глубокому стремлению к миру международного рабочего класса. (Аплодисменты.) Поэтому элементарное умение, элементарный долг трудящихся всех стран — поймать на слове дипломатов и правительства и сказать им: господа министры, господа правители, господа дипломаты, разукрашенные золотом и имеющие самые благие намерения, если вы хотите международный арбитраж, то и мы тоже... Если же вы не хотите, то вы докажете тем самым, что вы правительство негодиев, правительство убийц. (Горячие аплодисменты.) И тогда долг пролетариев — восстать против вас, взять то оружие, которое вы дали им в руки, и хранить его... (Аплодисменты и возгласы.)

Поэтому Интернационал говорит вам, что пролетарии имеют право и должны, не растрачивая своей энергии на службе преступному правительству, сохранить в своих руках винтовку, которой авантюристические правительства вооружают народ, и использовать ее не для убийства рабочих по другую сторону границы, а для того, чтобы революционным путем свергнуть преступное правительство. (Продолжительные и бурные аплодисменты, возгласы одобрения.)

Это будет революция, которая выльется не только из сердца пролетариата, возмущенного при одной только мысли о братоубийственной войне против рабочих других стран, в которую его хотят вовлечь, — эта революция вспыхнет также в результате поворота всего общественного мнения страны. И тогда поднявшийся пролетариат, используя свое оружие не для преступления, а для собственного спасения и освобождения, образует революционное народное правительство...

Несколько тысяч человек, собравшихся в зале Тиволи, еще никогда не видели Жореса в таком революционном настроении. Конечно, основную идею использования военного кризиса для революции Жорес высказывал и раньше. Но он не выражал ее так решительно, так категорически, так убежденно. Жорес окончательно вступил в новый, высший этап своей революционной активности. Речь Жореса вызвала широкие отклики во всей Франции. Она прозвучала как решительное объявление войны войне. Но новый резкий шаг влево послужил поводом для новой войны против самого Жореса.

— Вот уже шестнадцать лет, как я живу среди мрака оскорблений, лишь изредка видя просветы, — сказал Жорес в своей речи. Он словно предчувствовал новую небывалую ожесточенную кампанию против него. Окончательно разрываются остатки нитей, еще связывавших его недавно не только с радикалами, но и с независимыми социалистами. Видные радикалы и независимые Вивиани, Дюбьеф, Леконт, Пельтан в статьях и речах обрушиваются на Жореса. Ожесточенную кампанию против Жореса начинают Гюстав Тери и все тот же неутомимый Урбен Гойе. Газеты «Эко де Пари», «Тан», «Матен» поливают его грязью.

Жореса называют предателем, негодяем, человеком без родины. Даже те, кто недавно шел рядом с ним, как Фурньер, выступают вместе с его врагами. Его провоз-

глашают наемником Германии. Во время дела Дрейфуса его называли «слугой еврейского синдиката», в эпоху антиклерикальных действий Комба — «слугой дьявола», теперь он немецкий шпион, «герр Жорес».

Забавнее всего, что Жоресу предлагают учиться «патриотизму» у германских социал-демократов. Но, как ни парадоксально, в этом есть с точки зрения шовинистов большая доля истины. Жорес ведь не случайно испытывал недоверие к революционности лидеров германских социал-демократов, которым он дал совершенно точную характеристику в Амстердаме. А в Штутгарте даже Бебель признался, что он не считает возможным в борьбе против войны нарушить «законность» германской империи. А шовинизм Каутского, который Жорес прозорливо заметил еще в Амстердаме?

Все это заставляло Жореса серьезно задуматься. В самом деле, ведь могло случиться именно так, как предсказывал Гэд: французские рабочие по призыву Жореса в момент возникновения войны повернут оружие против своих правителей, а германские социал-демократы начнут маршировать под командой Вильгельма на Париж!

Жорес встал перед сложной дилеммой: либо отказаться от революционной борьбы против войны и примкнуть к социал-шовинистам, либо, как Эрве, выбросить идею патриотизма в навозную кучу и предоставить Францию ее судьбе. Можно было, конечно, подобно лидерам германских социалистов, заняться туманной словесной эквилибристикой, маскируя до поры до времени отказ от интернационализма.

Любой из этих путей казался Жоресу неприемлемым. И ответ на все эти вопросы не казался ему простым и легким. Собственно, Жорес уже давно начал серьезно его искать.

Еще в 1904 году на конгрессе в Амстердаме Жорес, выслушав заявление германского социал-демократа Фольмара о том, что в случае войны все немцы пойдут как один, сказал в разговоре с друзьями:

— Выходит, что три миллиона социал-демократических избирателей не смогут оказать никакого воздействия на императорскую политику. Нет, я должен изучить военные вопросы.

А вскоре на каком-то обеде Жореса познакомили с

капитаном Жераром. Молодой офицер произвел на него очень хорошее впечатление. Чувствовалось, что он не только прекрасно знает военное дело, но и обладает широким кругозором, несомненной интеллигентностью. Жорес начал встречаться с ним. Капитан обычно ждал депутата у Бурбонского дворца, и после тяжелого дня парламентских трудов Жорес долгими часами прогуливался с Жераром вдоль Сены, иногда по направлению к Институту, то есть к Французской академии наук, или к Пасси, где жил Жорес, смотря по погоде.

Жорес читает множество военной литературы: французской, английской, американской, особенно немецкой. Капитан Жерар, офицер генерального штаба, поражен необычайной страстью Жореса, так тщательно изучавшего своего смертельного врага — войну. Дружба с капитаном продолжалась несколько лет; он приезжал к Жоресу в Бессуле, и они засиживались до поздней ночи, обсуждая проблемы войны. Однажды, когда они прогуливались по площади Трокадеро, Жорес рассказал капитану, как он представляет себе будущую войну.

— Прошли времена, когда из-за войны лишь вытптывали посеы на поле битвы, когда война носила внешние черты грозной красоты, рыцарства и благородства. Теперь все, от мала до велика, почувствуют ее. Миллионы будут противостоять друг другу на фронте. Они обрушат друг на друга невиданную мощь огня и железа. Представьте поля Шампани, где все выжжено, сама земля изуродована, где страшный фейерверк взрывов ослепляет и оглушает солдат, где звон металла, грохот, пламя, дым, где стоны раненых и последние слова умирающих сливаются в картину ада! Потери достигнут миллионов. Современная промышленность станет орудием войны и будет работать только на разрушение. А расстройство экономики, голод, эпидемии... Европу поразит такое страшное бедствие, что повергнутые в горе и ужас народы увидят, как на них надвигается видение Апокалипсиса! Вот что такое будущая война!

Пройдут годы, и однажды, во время битвы на Марне, майор Жерар, чувствуя, как дрожит от взрывов земля, как солдаты падают один за другим, как ночь превращается в день страшного суда, внезапно замрет с выражением непонятной отрешенности.

— Ты о чем задумался? — крикнет ему один из офицеров.

— Кажется, я уже видел все это... Жорес предсказывал мне этот ад, это всеобщее уничтожение. Это произошло однажды на площади Трокадеро, и он рассказал мне тогда о том, что мы видим сейчас...

Но это произойдет много позже, а тогда, в 1910 году, Жорес однажды вручил смущенному капитану объемистую книгу, которая называлась: «Приложения к протоколу заседания 14 ноября 1910 года. Законопроект об организации армии». На титульном листе значилось: «Посвящается моему другу капитану Жерару, которому я многим обязан в разработке основных идей этой книги».

Это была знаменитая работа Жореса «Новая армия», которая одновременно служила обоснованием законопроекта, внесенного в палату. Конечно, реакционное большинство не допустило его обсуждения. Но Жорес не очень на это и рассчитывал, понимая, что предлагаемые им меры носят слишком революционный характер, чтобы буржуазный парламент одобрил их.

В статье 17-й законопроекта, например, говорилось: «Любое правительство, которое вступит в войну, не используя предварительно открыто и лояльно возможность разрешения конфликта с помощью арбитража, будет рассматриваться в качестве предателя Франции, врага отечества и его населения. Любой парламент, который одобрит такое действие, будет виновен в измене и подлежит роспуску. Конституционная и национальная обязанность граждан будет состоять в том, чтобы свергнуть такое правительство и заменить его правительством доброй воли, которое, обеспечивая сохранение национальной независимости, предложит противнику предотвратить или прекратить военные действия путем передачи спора в международный арбитраж».

С точки зрения французских правящих кругов, лихорадочно готовившихся к войне, рассматривать, обсуждать такой законопроект в палате было бы, конечно, безумием.

Но тем большее значение имел труд Жореса. В своем большом произведении он смело анализирует историю и организацию французской армии, показывает, что она в ее тогдашнем состоянии по своему существу не может обеспечивать надежно безопасность нации. Чтобы армия не была противопоставлена нации, а слилась с ней в неразрывном единстве, надо в корне изменить военную организацию и метод укомплектования. В конечном итоге,

убедительно доказывает Жорес, только социалистическая организация общества может обеспечить подлинную безопасность страны.

И тогда и позже раздавались голоса, что «Новая армия» Жореса утопия. Между тем работа Жореса отвечала самым непосредственным, жизненно важным задачам социалистической партии. Нельзя было вести действительно широкую массовую борьбу за мир с тем размахом, который старался ей придать Жорес, без того всестороннего объяснения социалистических взглядов на вопросы обороны, которые он излагал. Надо было доказать, что борьба против войны вопреки клевете является не предательством родины со стороны социалистов, а лучшим способом защиты ее национальных интересов, что интернационализм социалистов органически сливается с любовью к родине, усиливает их патриотизм. Именно в этой книге Жорес дал знаменитую формулу: «интернационализм поверхностный отдаляет от родины, интернационализм глубокий приводит к ней; патриотизм поверхностный отдаляет от Интернационала, патриотизм глубокий приводит к нему».

Жорес считал, что социалисты должны предложить своей стране решение всех ее сложных проблем. В то время самая насущной становилась проблема войны и мира, проблема обороны страны. И Жорес показал, что понастоящему эту проблему может решить только социализм. Кроме того, социалисты должны еще до прихода к власти по мере возможности подготовиться к решению будущих задач социалистического государства. Жорес считал, что социализм не обязательно победит во всех странах одновременно, что он может, в частности, победить только во Франции и она окажется в окружении враждебных капиталистических стран. Он писал, что коммунистической стране «несомненно, придется вступить в борьбу со всем остальным реакционным и капиталистическим миром». Поэтому социалисты должны иметь и свою военную программу, первый набросок которой создал Жорес.

Поразительно, что и в этом отношении, как и во многих других, идеи Жореса в конце концов оказались воплощенными в жизнь. Военная организация движения Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны реализовала многие указания Жореса. 30 июля 1944 года, незадолго до освобождения Франции от гитлеровцев, в Алжире состоялось торжественное заседание

социалистов, коммунистов и других патристов. И они вспоминали «Новую армию» Жана Жореса...

После конгресса в Штутгарте Жорес ведет непрерывную борьбу за мир. Он не ограничивается деятельностью внутри своей партии, в парламенте, на страницах своей газеты. Если у него выдаются свободные день-два, он едет выступать. Тулуза, Бордо, Лилль, Реймс, Рубе, Марсель; трудно найти город, в котором бы не раздавался тогда голос Жореса в защиту мира. Жореса не пугает враждебность, предубежденность аудитории; напротив, это возбуждает его страсть оратора и проповедника мира.

Франсуа Мориак, крупнейший французский писатель, вспоминал: «Мне было 18 или 19 лет, когда я увидел и услышал Жореса в Бордо. Я был враждебно настроен по отношению к нему. Конечно, не потому, что он был социалистом... но потому, что, будучи католиком, не мог простить ему антиклерикальные реформы Комба... Я убежден в этот день в том, что часто слышал от поклонников Жореса; его красноречие нуждалось в поводе, чтобы разгореться. Он говорил о марокканских делах и сначала казался мне каким-то заурядным. Но один из преподавателей моего факультета, человек очень самонадеянный и педант, начал возражать ему. Тогда этот великан пробудился: его ответ был не громовым, но уничтожающим. Он взял в свои огромные лапы моего слабого наставника и превратил его в кашу на глазах его скандализованных и очарованных учеников».

Со стороны жизнь Жореса казалась беспорядочно хаотичной, внешне он как будто даже не способен был придать ей размеренность; он выглядел человеком не от мира сего. Постоянные пассажиры на линии omnibusов Пасси — Биржа — это его обычный путь от дома к редакции «Юманите» — могли часто наблюдать одну и ту же сцену: Жорес каждый раз растерянно рылся в своих карманах и не находил ни гроша, чтобы заплатить кондуктору.

— Ничего, господин Жорес. Я зайду к вам в «Юманите», и вы мне заплатите. — И кондуктор, смеясь, говорил потом пассажирам: — Каждый раз я хожу в «Юманите», и он дает мне по сто су.

Часто он выходил из дому, не имея ни франка в кармане. Мадам Жорес добросовестно очищала ко утрам его карманы. Как-то после затянувшегося заседания палаты Жорес вышел вместе с социалистом Шарлем Рапопортом.

— Может, зайдём закутить? — предложил он.

— Зайдем в любое кафе, — отвечал Жорес.

Первым попавшимся кафе оказался один из самых дорогих ресторанов Парижа, это был знаменитый «Максим», находившийся с другой стороны площади Конкорд. Все шло хорошо, пока не подали счет: целый луидор!

Жан обнаружил у себя три франка, Рапопорт — полтора. И вот великий оратор, не смущавшийся ни перед самим Клемансо, ни перед многотысячными толпами слушателей, растерялся под уничтожающим взглядом обыкновенного официанта. Он предложил в залог своей честности часы, конечно, не только не золотые, но даже и не серебряные. Гарсон, презрительно подкинув рукой дешёвенький механизм, заявил:

— Это не стоит и десяти франков!

Что было делать? Публика, узнавшая Жореса, взирала на эту катастрофу с веселым и откровенным любопытством. Наконец управляющий рестораном, склонившись в низком поклоне перед господином депутатом, заверил Жореса в своем высоком уважении и доверии. Друзей выпустили.

Если бы в жизни Жана все так хорошо кончалось... 22 июня 1909 года состоялась свадьба Мадлен. Ее избранник — Марсель Деляпорт, мелкий юрист, чиновник, отличавшийся полным отсутствием всяких талантов. Вскоре появился ребенок, внук Жореса. Дед с любовью ожидал его первой улыбки, но не дождался. Мальчик родился глухонемым и парализованным. У Жореса это вызывало всегда мучительную грусть. Некоторые католические газеты с истинно христианской добротой злорадно объявили о божьей мести закоренелому врагу святой церкви...

Но, быть может, ему легче переносить личные несчастья, ибо благородное сердце Жореса с трепетной чуткостью откликалось на любые проявления зла и вмещало в себя бесчисленные страдания. С неустанной последовательностью Жорес выступает против французского колониализма. Правда, у него не хватает последовательности научной, аналитической, он лишь постепенно освобождается от многих иллюзий в отношении колониальной политики. Но, осуждая эту политику из нравственного, этического негодования, он проявляет поразительно терпеливое упорство, терпеливую методичность. Жореса возмущает порабощение народов Азии и Африки, он видит их

пробуждение и предвещает им свободу. Он идет все ближе к признанию их права на независимость. А это выглядело в то время поразительно новым и необычным даже для социалистов.

Больше всего он следит за событиями в Марокко. Там главная арена тогдашних захватнических усилий французских колонизаторов. С 1903 по 1913 год, то есть за десять лет, Жорес посвятил Марокко 25 больших выступлений в палате и сотни газетных статей. Он неутомимо раскапывает марокканское осиное гнездо, хотя националистические осы непрерывно жалят его злобной клеветой. Марокко превращается для Жореса в непрерывное дело Дрейфуса, и он не устает разоблачать преступления колонизаторов. Он гневно обличает чудовищные зверства войск генералов д'Амада и Лиоте, разоблачает миф о цивилизаторской роли Франции в Марокко. «Добрая Франция делает успехи», — заявляет он с горьким сарказмом и показывает, что в действительности разрушается замечательная древняя мусульманская цивилизация. Жорес выясняет движущие силы французской колониальной политики, он раскрывает преступную роль банков и промышленных компаний.

Люди нашего поколения видели, как после второй мировой войны Франция переживала мучительные конвульсии, ведя безнадежные колониальные войны в Индокитае и в Северной Африке. А ведь Жорес прозорливо предсказал все это, он еще тогда предвидел неизбежные тяжкие последствия политики колониальных захватов и зверств колонизаторов. Он писал в 1908 году:

«Если я настойчиво указываю на эти страшные события, то не ради горького наслаждения выставлять напоказ эти раны, нанесенные гуманности, праву и чести. Я лишь хочу добиться, насколько это возможно, чтобы разоблаченные мною жестокости не повторялись. Я лишь хочу поколебать уверенность французов в законности насильственных действий, которые нами предпринимаются против целого народа и выражаются в столь чудовищных преступлениях. Я лишь хочу заставить Францию задуматься над тем, какие семена гнева, страдания и ненависти сеет она там и какую печальную жатву соберет она рано или поздно. Я лишь хочу показать Франции на страшном примере, в какой степени от нее скрывают правду, так как под плотным покровом молчания и лжи удалось похоронить потрясающую драму, ко-

торая, если бы Франция больше знала о ней, вызвала бы ее гневный протест. Я хочу лишь предостеречь Францию от политики насилия, бесчеловечности и жестокой эксплуатации, которая создаст для нас завтра величайшие затруднения в Индокитае, обремененном непосильными налогами, — подобно тому как она вызывает против нас все более сильную и непримиримую злобу в Марокко».

Но уже тогда проявлялись опасные последствия колониальных захватов Франции. Германия время от времени снова ввязывалась в марокканские дела, каждый раз ставя мир на грань войны. Казалось, после кризиса 1905 года и Альхесирасского соглашения она предоставила Франции возможность спокойно пожирать лакомый марокканский кусок.

В 1908 году возникает новый инцидент, когда германский посол Радолин уже заявил, что он покидает Париж. Но Клемансо, стоявший у власти, чувствовал себя уверенно, он мог рассчитывать на поддержку Англии и России. Так что он даже посоветовал послу со своей обычной язвительностью выехать на более удобном поезде, который отправляется раньше. Дело кончилось соглашением: Франция снова получила от Германии признание ее особых «прав» в Марокко. Жорес с облегчением встретил это соглашение: больше всего он стремился к предотвращению войны.

Но, разумеется, германский империализм не может побороть искушения урвать и для себя что-то в соблазнительной и столь доступной Африке. Весной 1911 года, когда Франция уже почти полностью поглотила Марокко, в Берлине снова решили рискнуть.

Прекрасным безоблачным утром 1 июля 1911 года в гавань марокканского порта Агадир внезапно вошла германская канонерская лодка «Пантера», а вскоре, кроме маленького судна, появилась грозная тень крейсера «Берлин». Германская пресса горячо приветствовала эту операцию, одна из газет писала: «Ура! Мы действуем!» Немцы аккуратно объяснили, что этот визит предпринят в связи с отсутствием в Марокко должного «порядка».

Однако Англия решительно поддержала Париж и предложила послать в Агадир сразу два своих крейсера. В Петербурге французскому послу сказали: слишком рано. Николай II разъяснил ему: «Вы знаете, что наши приготовления еще не закончены. Старайтесь избежать конфликта».

В результате переговоров Франция в обмен на признание Германией французского протектората над Марокко согласилась передать немцам часть территории Конго, равную двум третям территории Франции. Жорес одобрил договор от 4 ноября 1911 года и вместе с 47 депутатами-социалистами голосовал за него, поскольку он видел в нем свидетельство ослабления военной опасности. Но, надо отдать ему должное, Жорес резко осуждает режим французского протектората над Марокко.

Он тщательно следит за все усложняющимся комплексом международных отношений. Жорес нетерпеливо ищет в них факты, позволяющие питать надежду на сохранение мира. Часто, не обнаруживая ничего обнадеживающего, он взывает к благоразумию и доброй воле правителей. Жорес не видит объективной неотвратимости их стремления к мировой схватке, не видит, ибо он, подобно остальным деятелям II Интернационала, далек от того научного представления об эпохе империализма, о ее законах, которые в это время открывает и разрабатывает Ленин.

Жорес чувствует, что в мире многое меняется, что капитализм уже не тот. Но, будучи больше моралистом, чем теоретиком, он не смог глубоко понять суть новой эпохи. И он воспринимает ее характеристику у Гильфердинга, которого он считал «учеником Маркса». Жорес высказывает идеи сверхимпериализма, говорит о «начале капиталистической солидарности», что она может помочь сохранить мир. Но что можно требовать от Жореса, который никогда не претендовал на звание марксиста, если даже Карл Каутский слепо воспринял многие сомнительные идеи Гильфердинга и даже усугубил их? Ну а Гэд вообще не задумывался над новыми явлениями; для него капитализм был раз и навсегда неизменной вещью. Добросовестные попытки Жореса разобраться в эволюции капитализма без помощи научного марксистского метода не могли увенчаться серьезным успехом, хотя интуиция и подсказывала ему правильную тактику.

Если Каутский создал целую теорию организованного капитализма, при котором революция уже якобы не нужна, то Жорес, напротив, считал, что новые условия облегчают революционное преобразование общества. И в этом смысле Жорес поднялся выше большинства лидеров II Интернационала.

В сумятице мировой дипломатии, в намеренной пута-

нице взаимного пантажа, в пестром хороводе событий он сумел рассмотреть зловещие трещины в здании тогдашнего мира, грозившие ему обвалом. С 1905 года он присматривается к англо-германским противоречиям, внимательно следит за распрями, спорами и соперничеством, влекущими мир к пропасти войны. Он изо всех сил пытается затормозить сползание на край этой пропасти. И он показывает, что, рухнув вниз, ни Германия, ни Англия не выиграют. Выступая в палате 18 ноября 1909 года, он обращается к здравомыслящим немцам и англичанам с пророческим предупреждением:

— Пока соперничающие Германия и Англия открыто или тайно ставят друг другу палки в колеса во всех уголках земного шара, США под шумок растут и тоже начинают претендовать на мировое господство... Что это значит, господа? Это значит, что, если Англия и Германия передерутся и ослабят друг друга, они назавтра окажутся лицом к лицу с окрепшим могуществом США, которые, воспользовавшись их распрей, расширят свои рынки сбыта, опутают мир своими сетями.

Борьба против войны не освобождает Жореса от его остальных и многочисленных забот. В январе палата обсуждает вопрос о школьном обучении. Церковь пытается оказывать влияние на выбор и содержание учебников. Жорес произносит большую речь, продолжавшуюся на двух заседаниях. А в Париже неожиданное наводнение. Сена высоко поднялась и во многих местах вышла из берегов. Жорес, проходя после заседания по мосту Конкорд, вдруг замечает необычно высокий уровень воды.

— Я не знал, что я наговорил так много, — смеется он.

А как он говорил! Благодаря Жоресу французская парламентская история, даже по мнению его противников, переживает свой самый блестящий период. Жорес выступает очень часто. Он не жалеет сил, и, пожалуй, он один сделал в парламенте больше, чем все остальные социалистические депутаты, вместе взятые. А это означало огромную, напряженную работу.

Жорес поражал своей способностью к импровизации. Однажды он выступает в каком-то провинциальном городе. Жорес совсем забыл, что ему надо обязательно сегодня дать статью в «Юманите». Он вспомнил об этом только вечером. Тогда Жан в присутствии группы друзей по телефону продиктовал без всякой подготовки блестя-

шую статью, которую на другой день все увидели в газете. Он никогда не читал своих речей по написанному тексту. Но это совсем не значит, что он к ним не готовился. В 1910 году ему пришлось выступить в Тулузе с лекцией о Толстом. На клочке бумаги у него было лишь несколько слов, а говорил он, особенно в конце, с такой страстью и так быстро, что стенографистки ничего не смогли записать. Но надо было дать текст в газету.

Тогда Жорес сел и, не отрывая пера от бумаги, написал четыре страницы текста, слово в слово воспроизведшего все, что он сказал. Он обладал потрясающей памятью, которая могла соперничать только с его работоспособностью.

В начале февраля 1910 года в Ниме собирается очередная съезд социалистов, на котором Жоресу придется спорить с Гэдом о том, добиваться ли пенсий для рабочих. Естественно, Гэд считает такой закон вредным, поскольку это будет сдерживать стремление рабочих к революции. Тем не менее, хотя Жорес сам видит куцый характер закона о пенсиях, вскоре ему удалось добиться его принятия палатой.

В марте Жорес дважды выступает в палате при обсуждении практических проблем ликвидации конгрегаций. Затем он произносит речь во время обсуждения закона по поводу зачисления на военную службу осужденных судом. И так без конца, невозможно даже просто перечислить все выступления Жореса.

А в апреле и мае новые парламентские выборы. Опять Жореса выдвигают в Кармо. Радикалы теперь объединяются с правыми и делают все, чтобы провалить Жореса, но он побеждает. Число объединенных социалистов, возглавляемых Жоресом, увеличивается в палате с 55 до 74.

Но главная забота Жореса — борьба с войной. Его беспокоит резкое усиление шовинизма во Франции и в Германии. В это время все активнее действует новая монархистская организация «Аксьон франсез», возглавляемая Шарлем Моррасом, идеологом «интегрального национализма». А за Рейном бурные демонстрации устраивают пангерманисты. Немцев и французов натравливают друг на друга.

16 августа 1910 года Жорес публикует в «Юманите» специальную статью об опасности национализма и говорит, что оба народа должны совместно объединить свои

усилия в пользу мира. Всякая двусмысленность имеет опасный характер, и надо дать двум народам высокую идею, которая объединила бы немцев и французов сознанием общей заинтересованности в мире. «Напомнить об этом всем пролетариям и всем демократам, — пишет Жорес, — является, без сомнения, одной из задач конгресса в Копенгагене».

В августе Жорес едет в Данию на новый конгресс Интернационала. Большевиков здесь представляли Ленин и Луначарский, который оставил детальное описание работы конгресса. «В Копенгагене, — пишет Луначарский, — Жорес был настоящим героем съезда, все его выступления отмечались огромным успехом».

Жорес входил в комиссию по вопросу о кооперативах. Он не считал этот вопрос крайне принципиальным в тот момент и исходил лишь из практических задач объединения весьма широкого, но раздробленного французского кооперативного движения с социалистами. И для этого он соглашался идти на уступки в тексте резолюции конгресса. Жорес искусно проводил свою линию против правых немецких оппортунистов и против левых. Луначарский с восхищением наблюдал, как Жорес с добродушным видом, не вступая в споры, водил всех на веревочке. Он пускал в ход самые разнообразные приемы. Так, он вдруг обратился к Вандервельде:

— Вандервельде, вы, кто так изумительно знает французский язык, не можете же вы не согласиться, что ваша формулировка не совсем французская. Я возражаю против нее только с точки зрения грамматической. Я уверен, вы согласитесь со мной, что если мы повернем фразу вот так, то это не шокирует ни одного пуриста с точки зрения французского языка.

Вандервельде польщен. Ему хочется считаться классическим писателем и оратором на французском языке. Комплимент Жореса его совершенно очаровывает, и он немедленно сдается. А Жорес, не стесняясь, весело подмигивает, давая понять, как он обошел Вандервельде и провел нужный ему нюанс.

Но Ленин, подходивший крайне скрупулезно и принципиально к политическим формулам, считает, что в резолюции все же допущена ревизионистская фраза. Он вместе с одним чехом в комиссии голосует против. Но потом, посоветовавшись с Гэдом, Ленин пришел к выводу, что нет основания подымать борьбу на пленарном

заседании, где он голосует за резолюцию, подготовленную при решающем влиянии Жореса. Ленин писал вскоре, что «Интернационал дал правильное в основных чертах определение задач пролетарских кооперативов».

Конгресс обсуждал и проблему борьбы с войной. В комиссии об арбитраже и разоружении французских социалистов представлял Вайян. В эти годы старый коммунар решительно поддерживал Жореса, и они действовали рука об руку.

В Копенгагене Жоресу снова пришлось столкнуться с правооportunистической и шовинистической позицией германских и австрийских социал-демократов. Им удалось не допустить усиления Штутгартской резолюции с помощью поправки Вайяна о всеобщей стачке. Жорес имел в виду использовать опыт русской всеобщей политической стачки в России в 1905 году. Эту идею в принципе одобрял Ленин. Оппортунистам из Германии и Австрии все же не удалось провести свою линию, и Штутгартская резолюция была подтверждена в Копенгагене.

На этом конгрессе, как и вообще теперь в Интернационале, Жорес играет очень влиятельную роль. И дело не столько в тех или иных теоретических и политических положениях Жореса, а в его общем человеческом неповторимом облике. В его активности, оптимизме, жизнелюбии, которыми он заражал и увлекал своих зарубежных товарищей. Добродушие, мягкость Жореса, его внимание к людям, его талантливость, бьющая ключом, его неиссякаемое остроумие очаровывают делегатов.

Однажды на заседании комиссии по кооперативам с длинной, нудной речью выступал датский представитель Стаунин. Делегаты скоро перестали его слушать, начали переговариваться, шуметь. Стаунин страшно обиделся и, внезапно сев в кресло, раздраженно заявил:

— Меня, кажется, никто не слушает.

Тогда Жорес, хитро сверкнув глазами в сторону русских, которые особенно расшумелись, заявил:

— Что вы, товарищ Стаунин, вас слушают с таким напряжением и волнением, что не могут отказать себе в немедленном проявлении своих чувств.

Датчанин принял маневр Жореса за истину и продолжал свою речь.

Впрочем, сам Жорес чуть было не оказался в таком же положении. Это случилось на банкете, который устро-

ил конгрессу социалистический муниципалитет Копенгагена. На столах выставили много вина, пива, закусок. Социалисты выпили и, конечно, расшумелись. А Жореса попросили сказать речь. Он начал, но публика, несмотря на всеобщую любовь к Жоресу и его речам, продолжала разговаривать. Тогда оратор, повысив голос, заявил:

— Шум, который вы производите, товарищи, напоминает мне шум моря, который старался пересилить Демосфен, а я хочу доказать, что я также упрямый человек!

Шутка вызвала общий смех, а когда Жорес еще сказал, что он будет говорить по-немецки, то немцы сразу стали наводить порядок и все успокоились. Жорес произнес по-немецки остроумную речь и в заключении сказал:

— Я кончаю свою речь не потому, что пришел к концу моих мыслей, а потому, что я исчерпал мой немецкий словарь.

После окончания конгресса Жорес спешит из страны Гамлета домой, где его ждут дела, не допускающие сомнений. Вспыхивает небывало ожесточенная забастовка железнодорожников, и Жорес в первых рядах наступающих на «правительство измены»: кроме Бриана, в нем еще два ренегата — Вивiani и Мильеран. Жорес ведет в палате жестокий бой против Бриана, объявившего, что законы ему нипочем, и отдавшего приказ о военной мобилизации железнодорожников. Как-то Жореса спросили, что он думает о Бриане.

— Он продолжает в своем духе: не может же он меняться каждый день. Но не задавайте больше вопросов, а то мне придется говорить чудовищные грубости...

Весной 1911 года развертывается движение винodelов Шампани. Правительство направляет против них войска. Жорес в гуще борьбы, в которой ему приходится переходить из «мирной» парламентской обстановки на сцену настоящей гражданской войны.

Но над всем доминирует Марокко. Жорес ни на минуту не выпускает его из поля зрения. В апреле и мае он ведет активную кампанию против кровавой экспедиции в Фес, он терпеливо анализирует в многочисленных статьях все дипломатические, парламентские, финансовые махинации вокруг Марокко.

Дома уже научились по поведению Жореса во время

чтения газет и почты определять состояние политической обстановки во Франции.

Если Жорес ходит, заложив руки за спину, и посвистывает, то, по мнению его сына Луи, дела плохи. Чем громче он свистит, тем тревожнее обстановка. 1 июля 1911 года в Бессуле, получив пачку газет и телеграмм, Жорес стал совершенно красным и воскликнул в гнев:

— А, они все же хотят ее, эту войну!

Он узнал о прыжке «Пантеры». Правительство в это время возглавляет Жозеф Кайо, претендовавший на звание якобинца. Жорес говорил, что это такой якобинец, который носит фригийский колпак на пятках. Министр иностранных дел в этом кабинете де Сельв, обладавший, по словам Жореса, «энциклопедическим невежеством». Жорес уезжает в Париж. Он использует все свое влияние, чтобы образумить правителей, чтобы не допустить войны.

Но как раз в это время ему надо уехать из Франции. Еще на конгрессе в Копенгагене Жорес обещал социалистам из Аргентины посетить их страну, а также Бразилию и Уругвай. Поездом Жорес отправляется через Испанию в Лиссабон. Из-за ошибки в билете здесь непредвиденная остановка на три дня. Жорес, естественно, посещает парламент. Депутаты встретили его криками: «Да здравствует Жорес! Да здравствует Французская республика!» Гости торжественно усаживают среди министров. В гостинице его посещает министр иностранных дел Португалии. Пользуясь перерывом в поездке, Жорес пишет и отправляет статью в «Депеш де Тулуз» и письма. Он пишет своим при любой возможности. Жене и специально сыну. Ему уже тринадцать лет, и Жорес старается не называть его детским именем Лулу, обращаясь к нему: «Луи». Если отец забывает, то ему приходится платить штраф: два су за каждую ошибку.

Жорес любит своего сына. В Париже его часто можно было увидеть на углу улицы Анри-Мартен, читающего газету и нетерпеливо поглядывающего время от времени вдаль: здесь рядом лицей, где учится Луи, и отец находится время, чтобы встретить его.

«Я посылаю тебе несколько почтовых марок, — пишет Жорес сыну из Лиссабона. — Скоро они будут редкими и дорогими, ибо, как ты видишь, на изображении короля напечатано слово «республика», которая скоро заменит короля».

Жорес, пользуясь случаем, читает сыну маленький курс истории: «Лиссабон, подобно Древнему Риму, построен на семи холмах. Он расположен на правом берегу широкой реки Тахо, обвивающей город. Дворцы королевской семьи имеют террасы, покрытые акациями и пальмами, и с них открывается великолепный вид на Тахо. Во время революции один из республиканских кораблей встал напротив дворца и открыл огонь. Снаряд попал в дворец, и король бежал...»

Занимайся немного во время каникул и слушай советы своей матери. Твой любящий отец. Передай привет Жану Ишеру».

Жорес не забывает и маленького приятеля своего сына. Потом он приписывает несколько строк жене: «Я много думаю о тебе и о нашем Луи. Напиши мне до востребования в Рио-де-Жанейро, чтобы сразу по прибытии я нашел там новости о вас, о Бессуле, не забудь и о Сиси».

Сиси — это маленькая собачка: Жорес любит всех. 24 июля он покидает Лиссабон на пароходе «Арагон». В море он читает, пишет статьи, изучает португальский язык. В Бразилии он мог поэтому читать местные газеты. Пароход заходит на остров Мадейра. Жорес спешит просмотреть газеты. Радио уже может передавать новости для газет, и Жорес узнает о дальнейшем усилении напряженности из-за Агадира. Он быстро пишет статью, и она появляется в «Юманите». Жорес говорит об ужасной перспективе войны и о красоте Атлантического океана, который напоминал своей синевой Средиземное море. Статья называется: «Телеграф без проводов и Европа без разума».

А на родине Жореса происходят тревожные события. Премьер-министр Жозеф Кайо вызывает к себе начальника генерального штаба генерала Жоффа:

— Генерал, говорят, что Наполеон не начинал битвы, пока он не был убежден, что есть 70 процентов шансов на успех. Имеем ли мы по крайней мере 70 процентов шансов на победу в случае войны?

— Нет, я не думаю, что они у нас есть.

— Ладно, тогда будем вести переговоры...

А Жорес продолжает свое путешествие и продолжает писать письма:

«Мое любимое дитя!

Прежде всего я вас целую, тебя и твою маму... Капи-

тан корабля выдал мне от имени короля Нептуна свидетельство о том, что я пересек экватор. Это мне ничего не стоило, кроме клятвы в верности королю моря...»

Жорес подробно описывает сыну детали путешествия, китов, дельфинов, летающих рыб, описывает серьезно и убедительно. Он настоящий отец, который держит себя с тринадцатилетним сыном как равный товарищ.

Повсюду Жоресу устраивают триумфальные встречи. Он и не предполагал, что его так хорошо знают на другой стороне планеты. В Буэнос-Айресе местная газета «Ла Насьон» пишет, что Жорес наряду с Рузвельтом и Ллойд-Джорджем один из самых влиятельных политических деятелей мира: «Из них троих у него одного есть преимущество: он направляет политику Франции, оставаясь в оппозиции».

Журналисты не отстают от него ни на шаг. Они растроганы скромностью его номера в Гранд-отеле, его «студенческой кроватью». Они подробно описывают внешность Жореса: «Простой, почти небрежный в одежде и, однако, элегантен какой-то элегантною поведением, всегда благородными энергичными жестами. С сидящей головой, с почти белой бородой и своими блестящими глазами, г-н Жорес производит впечатление человека, который еще будет долго жить после того, как уже много пережил и сильно любил жизнь».

Первое, что подумал Жорес, когда ступил на землю Латинской Америки, это нет ли писем из дома, от жены. Писем не было. Расстроенный, он сидит у себя в номере, читает книжку поэм Огюста Анжелье и снова пишет домой. Он сочиняет маленькое стихотворение, посвященное близким, выражает в нем надежду на счастливую встречу. Кто не испытывал эти вспышки любви к близким, когда наступает временная разлука? Но мало таких людей, подобных Жоресу, кто любил столь бескорыстно. Впрочем, у него, к счастью, слишком мало времени, чтобы тоскливо переживать одиночество. Латинскоамериканские друзья, окружившие Жореса проявлениями самых пылких, истинно южных чувств, загрузили его до предела.

Только в Аргентине Жорес прочитал восемь лекций. Вот их темы: «Сила идеала», «Идеи Альберди и современная действительность», «Социальная политика в Европе и вопросы эмиграции», «Национальные интересы, демократия и рабочий класс», «Военная организация

Франции», «Последствия европейской войны и средства обеспечения мира», «Цивилизация и социализм», «Аргентинская социалистическая партия».

Во всех лекциях Жорес горячо пропагандирует идеи социализма. Ведь он выступает как посол Интернационала. Лекции имеют колоссальный успех.

25 сентября, когда Жорес был в Буэнос-Айресе, происходит несчастье. Крейсер «Либерте», которым командовал его брат Луи, взорвался на рейде в Тулоне. Погибло около шестисот матросов. Жорес тяжело переживает, получив сообщение об этой трагедии. Бедный Луи, близкое родство с вождем французского социализма и без этого не способствовало его военной карьере. Когда русский царь посетил Шербург, его вычеркнули из списка офицеров, награжденных русскими орденами: слишком одиозная фамилия. Правда, капитану первого ранга Луи Жоресу был высочайше пожалован в качестве компенсации золотой портсигар, украшенный сапфиром. Враги Жореса, не капитана Жореса, а нашего героя, уже начали собирать обвинительные документы против капитана в связи со взрывом. К счастью, в это время его не было на борту крейсера. Он проводил свой очередной отпуск на берегу. Жорес пишет брату трогательное письмо: он готов сделать все, чтобы помешать негодяям состряпать дело против честного офицера...

Когда Жорес вернулся в Европу, то многое здесь обрадовало и успокоило его. Приписать вину за взрыв крейсера его брату не удалось. Кризис из-за Агадира, грозивший перерасти в войну, закончился компромиссом. Но он же пробудил антивоенную активность рабочего класса. Движение европейского пролетариата против войны явно усилилось. Интернационал, казалось, начинает серьезно руководить этим движением. Он организует выступления рабочего класса. 5 ноября в манеже Сен-Поль Жорес выступает на международном митинге, созванном Интернационалом. В ноябре 1911 года такие митинги прошли по всем европейским странам.

Но многое в деятельности Международного социалистического бюро Интернационала тревожило Жореса. Когда он был еще в Латинской Америке, Вайян потребовал срочного созыва бюро. Он, так же как и Жорес, думал, что с 1870 года Европа не была еще так близка к войне.

«Вы преувеличиваете, сгущаете краски», — говорили

в ответ представители германской социал-демократии. Когда из-за Агадира возникла военная угроза, Байин требовал революционных действий, всеобщей забастовки, восстания. Иначе вели себя немцы. 3 сентября в Берлине 200 тысяч человек собралось на большом антивоенном митинге. Но социал-демократические руководители призывали лишь к политическим протестам, к тому, чтобы избиратели потребовали на выборах от кандидатов в рейхстаг защищать мир.

Кажется, германская социал-демократия из революционной партии превращается просто в оппозиционную партию, думал Жорес. Каутский успокаивал, подчеркивая невозможность войны из-за новых экономических особенностей капитализма. Бебель во время агадирского кризиса говорил, что опорой мира служат иностранные капиталовложения, что страх потерять их сдерживает стремление к войне. А в сентябре 1912 года на съезде германских социал-демократов в Хемнице докладчик Гаазе договорился до того, что совместная деятельность капиталистов разных стран на мировых рынках — лучшее средство преодоления опасных империалистических конфликтов. Что могли думать рабочие Западной Европы, слыша этот разноголосый хор туманных заявлений своих лидеров?

В сентябре 1912 года Италия захватывает Триполитанию. Жорес немедленно потребовал от Международного социалистического бюро призвать пролетариат к массовому выступлению. Но Бебель сказал, что вопрос о Триполитании не представляет интереса. Все же французы во главе с Жоресом настояли на своем. К тому же началась война Балканских стран с Турцией. В ноябре по Европе прокатывается волна грандиозных митингов. Особенно массовые собрания состоялись 17 ноября в Берлине. Здесь дважды выступает Жорес.

Он настойчиво, непрерывно требует организовать как можно скорее конгресс Интернационала. 9 ноября принимается решение о созыве чрезвычайного конгресса в Базеле. Жорес в крайней тревоге за мир. Серьезные опасения внушает ему Раймон Пуанкаре, возглавляющий правительство. Действительно, идут непрерывные военные переговоры Франции, России, Англии. Ходят слухи, что уже разрабатываются детальные планы военных операций.

И все же Жорес даже в это время на многое смотрит

сквозь розовые очки. В его страстные призывы к миру врываються иллюзии, патетические обличения смешиваются с пацифистскими надеждами. То он считает, что Франция сама по себе не хочет войны, но интриги русского посла Извольского опутывают французов, то вдруг заявляет, что, собственно, никто не хочет войны, но злой рок влечет людей к пропасти. 12 ноября он пишет: «Капитализм не хочет войны, но он слишком анархичен, чтобы помешать ей».

20 ноября Жорес выехал в Швейцарию. Вопреки обыкновению он спал всю дорогу. Работы по созыву конгресса было столько, что Жорес чувствовал себя измотанным и хотел отдохнуть перед предстоявшим ему делом, которого он так добивался.

Хотя в Базеле было необычно холодно, три градуса мороза, весь город встречал иностранных социалистов. Местные власти предоставили для антивоенного митинга знаменитый Мюнстерский собор. Здесь в XV веке епископы и кардиналы обсуждали средства преодоления церковных распрей, здесь сталкивались страсти католического догматизма, оппортунизма и ревизионизма. Колокол, служивший богу, теперь созывал на борьбу за мир.

Местные жители устроили красочное шествие. Юноши в костюмах Вильгельма Телля, девушки в старинных национальных платьях выражали волю к миру. Собор, украшенный революционными красными флагами, не вместил всех желающих. Первый день работы конгресса превратился в волнующий митинг; с четырех трибун, установленных вокруг собора, выступали социалисты разных стран. Но главные ораторы говорили с церковной кафедры. Немец Гаазе, англичанин Кейер-Гарди, австриец Адлер приносили речи. Но никто из них не произвел такого впечатления, какое вызвали слова Жореса. Все располагало его к особому подъему: серьезность задачи конгресса, необычно торжественная обстановка, страстная мечта о мире и тревога за его судьбу.

— Граждане! — начал Жорес. — Мы собрались здесь в тревожный и ответственный час. Бремя ответственности прежде всего легло всей тяжестью на плечи наших балканских братьев. Но ведь велика ответственность ложится и на весь Интернационал, прежде всего в силу нашей солидарности, но также потому, что мы должны помешать конфликту распространиться, перерасти в пожар, пламя которого охватит всех трудящихся Европы...

Во всех странах имеются противоположные течения. Одни против мира, другие против войны. В руках правителей весы, на которые брошены судьбы народов, но чаши весов колеблются. Однако может случиться, что у тех, кто пока еще сомневается, внезапно закружится голова. И потому мы, трудящиеся и социалисты всех стран, должны предотвратить войну, кинув наши силы на чашу мира...

Жорес призывает прибегнуть к «пролетарскому действию».

— Народы могут прийти к выводу, — заканчивает Жорес, — что собственная революция будет стоить им меньше жертв, чем чужая война.

Речь Жореса встречает горячий отклик, ему много раз искренне аплодируют, он вызывает всеобщее волнение. Но в ней также какая-то нерешительность, какое-то отражение бессилия и невозможности определить конкретные лозунги. Ведь Жорес знает, что среди руководителей Интернационала одни не знают, что предпринять, другие не хотят действовать, наконец, есть и такие, которые просто боятся революции.

— Наступил серьезный и трагический час, — говорит Жорес. — И чем яснее опасность, чем ближе угроза, тем настоятельнее становится вопрос, который ставит нам, нет, себе, пролетариат: если невысказанное станет явью, если нас вправду погонят убивать своих братьев, что нам делать, как избежать этого кошмара? Мы не можем ответить на этот продиктованный ужасом вопрос, предполагающий, что мы предпримем определенные действия на определенный час. Когда сгущаются тучи, когда вздымаются волны, моряк не может предсказать, какие меры он примет в ту или иную минуту. Но Интернационал должен позаботиться о том, чтобы его призыв к миру был услышан повсюду, должен повсюду разворачивать легальные или революционные действия, которые предотвратят войну, или же потребовать к ответу ее зачинщиков...

Итак, Жорес, признал, что Интернационал не может определить конкретные пути борьбы с войной. Тем не менее он ясно указал на целесообразность революционных действий. Это встревожило правых оппортунистов из Германии. На другой день утром их представитель, открывая заседание, специально просил отложить споры, не подымать дискуссии. Но Вайян, выступавший вместе

с Жоресом, снова заявил на этом заседании, что против войны допустимо восстание и всеобщая забастовка. И он напомнил об опыте русской всеобщей политической стачки 1905 года.

Базельский конгресс принял манифест, одним из авторов которого был Жорес. Этот документ является, пожалуй, самым важным и революционным из всех призывов и решений II Интернационала. В нем содержалась мысль Ленина из Штутгартской резолюции об использовании военного кризиса для свержения капитализма. Ленин очень высоко оценивал Базельский манифест.

Вернувшись из Швейцарии, Жорес горячо пропагандирует решения Интернационала. «Юманите» регулярно публикует сообщения о митингах, на которых его манифест одобрялся. Жорес издал его тиражом в полмиллиона экземпляров. Он в те дни уверен, что Интернационал возбудил такой дух, который необходим пролетариату в борьбе с войной. Для Жореса это был дух революции. 30 ноября Жорес писал:

— Правительства Европы не могут безнаказанно развязать катастрофу. Война создаст революционную ситуацию во всех умах, во всех сердцах, во всем. Миллионы вооруженных людей, осужденные на взаимную бессмысленную войну, в конце концов поступят правильно, повернув оружие везде в Европе против европейского режима безумия и смерти. Повсюду из ужасов массовых убийств, голода, чумы, страшных бедствий начнется подъем к социальной республике, к освободительной республике, которая обеспечит союз народов и братство труда. Пусть правительства знают, что призывы Базельского конгресса не пустые угрозы, что они служат выражением грядущего исторического приговора, революционного возмездия, которое покарает чудовищное безумие!

В словах Жореса звучит революционный энтузиазм, та сверхчеловеческая смелость, которая, по мнению многих, была неотъемлемой чертой его поведения. Призывы Жореса напоминают легендарные слова Дантона, твердившего, что для спасения Франции нужна смелость, смелость и еще раз смелость. Столь же страстно Жорес зовет, не останавливаясь ни перед чем, спасти мир и дать человечеству лучшую долю. Но его пылкий оптимизм, вызванный Базельским конгрессом, вскоре ослабе-

вает, сменяется тягостными сомнениями, колебаниями, неуверенностью. Мир обрушивается на плечи Жореса все новые тяжелые вести.

Поздно вечером 2 декабря 1912 года Жорес сидит в редакции «Юманите». Он сжимает руками мучительно болевшую голову и устало глядит на груды телеграмм, рукописей, типографских гранок.

Война Сербии, Болгарии, Греции против Турции как будто затихала. После того как болгары подошли к Константинополю, а сербы захватили Дураццо, турки запросили мира. Только что получено сообщение о перемирии. Но Жорес чувствует, что это лишь передышка. Австро-Венгрия проводит мобилизацию. Россия держит на границе с Австрией крупные силы. Русские задерживают в войсках солдат, отслуживших срок; они запретили экспорт лошадей. Франция еще недавно сдержанно относилась к балканской заварухе. Но в последние дни Пуанкаре преобразился. Генералы вдохновили его заманчивой идеей: если Австрия выступит против России, в защиту Турции, а русские обрушатся на Берлин, откроется дорога в Эльзас и Лотарингию. Правда, русские уверяют, что они совсем не готовы. Пуанкаре и его военный министр Мильеран воинственно нажимали на неповоротливых царских дипломатов.

Телеграммы, сообщения поступали непрерывно, противоречивые и бессвязные. Но явно чувствовалось усиление главного потока, увлекавшего в себя остальные течения и неуклонно устремленного к войне. Жореса поражало поведение французского правительства; он все еще инстинктивно отталкивал от себя мысль, что Франция не меньше, а быть может, и больше своих партнеров хочет войны. Он растерянно стоял перед фактами, подтверждавшими такое предположение, которое ему особенно трудно было принять.

А Интернационал? Пролетариат повсюду откликался на его призывы. Даже живущие под гнетом невыносимо варварского полицейского режима рабочие России мужественно бастовали. Но в Германии, в стране, особенно тревожившей Жореса, социалисты выступают с призывами к осторожности в борьбе с войной, клянутся в своем патриотизме. Австрийские социалистические лидеры говорят о защите демократии от русского царизма. И все: дипломаты, министры, националисты, наконец, и некоторые социалисты — лгут на всех языках. Что делать в

этом переполохе, в этой безумной сутолоке событий, в этом сумбуре слухов, в хаосе запутанной дипломатической игры? Казалось, все в панике куда-то бессмысленно бегут, сбивая друг друга с ног, как будто спасаясь от невиданно страшного чудовища, бегут от него, но в своей слепоте устремляются в его гигантскую зияющую зловонную пасть...

Поздно ночью в комнату к Жоресу сходятся его сотрудники. Завтрашний номер «Юманите» уже готов. Скоро из типографии принесут его первые экземпляры, и тогда домой. А за окном зима. Стекла залепляет снег. Плотной массой он, медленно кружась, опускается на Париж. Жорес молчит, молчат остальные. Вдруг он тяжело подымается и подходит к окну. Смотрит на сверкающий хоровод падающего хлопьями снега. Сквозь одинарные рамы несет холодом. Не видно ничего, кроме шевелящейся, освещенной светом из комнаты, мягкой, нежной пелены, как будто пытающейся согреть землю.

— Неужели мы никогда не выйдем из этого заколдованного круга? — вдруг говорит Жорес, не оборачиваясь, как бы обращаясь к заснеженному окну.

— О зима, угрюмая и добрая зима, поспеши, собери над головами потерявших разум людей свои тяжелые снежные облака, воздвигни толщи сугробов на пути их воинственной ярости! Построй на австро-русской границе ледяную стену! О грозная и добрая зима, твой час настал! Дипломатия провалилась, и даже нет чумы на этих людей. Ты должна заморозить теперь все, чтобы дать безумным людям время немного прийти в себя!

Жорес взывает к природе так, как он это делал всегда. Он ведь часто ощущал в себе что-то общее с ней, какую-то могучую внутреннюю связь. Но обычно его нежность и надежду будили прекрасные южные пейзажи Лангедока. Теперь резкий, холодный, ледяной ветер зимы нужен людям, чтобы заставить их вздохнуть и замереть во внезапном озарении хладнокровного разума.

— Но какая чудовищная вещь! — восклицает Жорес, внезапно повернувшись к своим товарищам. — Все европейские правительства повторяют: эта война будет преступлением и безумием! Но те же самые правительства скажут, уже через несколько недель миллионам людей: ваш долг участвовать в этом преступлении и в этом безумии! И если люди будут протестовать

и попытаются разбить эти цепи безумия, то их назовут предателями и злодеями, на них обрушат все кары! Как ужасна жизнь!

...Начало 1913 года не принесло Жоресу ничего нового, кроме новых тревог. В январе президентом республики избрали Раймона Пуанкаре. Единственное, в чем невозможно было заподозрить нового президента, — это в миролюбии. Когда уходящий в отставку президент Фальер покидал Елисейский дворец, некоторые слышали, как он пробормотал:

— Я уступил свое место войне.

Что касается нового президента, то он сразу же заявил:

— Народ может быть миролюбивым, только если он готов к войне.

Избрание Пуанкаре ознаменовалось националистическими демонстрациями. Царский посол Извольский, весьма близкий к Пуанкаре, писал в Петербург радостные донесения о «надежности» нового президента; он не допустит компромиссов, подобных франко-германскому соглашению после Агадира. Обстановка во Франции менялась. Подготовка к войне приобрела лихорадочный характер. Новое правительство во главе с Брианом уже в начале марта внесло в парламент законопроект об увеличении срока обязательной военной службы с двух до трех лет. Правые националисты давно мечтали о таком законе. Теперь для него нашелся повод: Германия увеличивала численность своей армии.

«Юманите» немедленно объявила, что социалистическая партия будет вести против нового милитаристского закона широкую и планомерную кампанию. Речь идет, писала газета Жореса, о самой опасной после 1870 года попытке милитаризма. Социалисты организовали и провели массовую кампанию против трех лет. «Юманите» увеличилась в объеме до шести страниц. Ее основное содержание теперь антимилитаризм. За три месяца было собрано 700 тысяч подписей под заявлением протеста. Незавиданно активная работа развертывается среди солдат. Впервые, наконец, вместе выступают социалисты и Всеобщая конфедерация труда. Совместно они организуют гигантские митинги. 25 мая 1913 года в Пре-сен-Жерве в таком митинге участвовало 150 тысяч человек. Здесь, держась за древко красного знамени, с речью выступил Жорес. Он говорил, что нет слов (даже у него!), которые

ми можно было бы охарактеризовать эту несравненную демонстрацию мощи коллектива.

Борьба проходила в тяжелых условиях. Национализм усиливался. Даже Эрве — герой антипатриотизма и неистовой революционности — стал патриотом. Жорес проводит довольно сложную тактику. Проще всего было бы отвергнуть новый закон и осудить милитаризм. Однако в глазах подавляющего большинства французов их страна действительно находилась в опасности. Простое пренебрежение этой опасностью не укрепило бы авторитет социализма. Да и вообще Жорес никогда не выступал сторонником только негативной политики, он не был, не хотел быть просто отрицателем. Это всегда человек положительного идеала. Он искал и находил другой выход, который соответствовал бы интересам социализма, интересам Франции.

Поэтому Жорес выдвигает контрпроект. Он предлагает, не увеличивая срока службы в армии, в корне изменить ее характер, придать ей глубоко демократическую организацию, ликвидировать ее отрыв от народа. Пусть возникнет армия нового типа, единая с народом. Это те идеи, которые он изложил и обосновал в «Новой армии». Рассчитывал ли он на принятие своего предложения? Вряд ли. Ведь в конкретной политической тактике Жорес, несмотря на весь свой идеализм, был очень практичен. Но он хотел показать способность французского социализма дать родине лучшее решение военных проблем.

Жорес выступает во всеоружии фактов и глубокого знания: не зря он несколько лет тщательно изучал войну. На заседаниях палаты присутствовали крупнейшие генералы, но и они не смогли обнаружить в большой речи Жореса, продолжавшейся на двух заседаниях, каких-либо неточностей или изъянов с точки зрения военного дела. Больше того, некоторые генералы прямо говорили впоследствии, что Жорес внес много рациональных идей и даже точно предсказал ход военных действий на франко-германском фронте в первой мировой войне. Жорес показал, что закон о трехлетней службе всего лишь плагиат, подражание германской военной организации. Но это нелепость, ибо Франция просто не может рассчитывать на такую численность армии, как в Германии, поскольку ее население значительно меньше.

— Наш проект, господа, — говорил Жорес, — стремится укрепить оборонную мощь Франции. Если мы хо-

тим, чтобы она высоко несла знамя своего идеала, знамя своих общественных и гуманных задач, то тем более должны позаботиться о том, чтобы она могла поставить все силы на служение этому идеалу в условиях полной безопасности и полной независимости.

Жореса можно упрекнуть даже в том, что демонстрацией своего патриотизма он в какой-то мере косвенно оправдывал необходимость усиления тогдашней армии, что его революционные идеи отходят на второй план. Разве случайно во время дебатов один радикал в частном разговоре задал вопрос: а не готовится ли Жорес к серьезному пересмотру своей социалистической доктрины? Тем более что ведь никаких шансов на принятие законопроекта Жореса не было. Но, по-видимому, его действия направлялись прежде всего действительно искренним патриотизмом, а также и стремлением опровергнуть обвинения в антинациональном характере социалистической партии. Увы, что касается его лично, он достиг совершенно противоположного результата.

Никогда еще кампания против Жореса не носила столь яростного, дикого, нелепо оскорбительного характера. Шарль Моррас называл Жореса в эти дни «грязной девкой на содержании у немцев». Кстати, сам Моррас окончил свою жизнь в тюрьме, куда попал за сотрудничество с гитлеровцами. А Урбен Гойе писал в 1913 году: «Герр Жорес не стоит даже дюжины пуль того взвода, который будет его расстреливать; достаточно грязной веревки».

Все это печатали газеты, получавшие регулярные субсидии из царского посольства в Париже. Жорес привык жить в обстановке оскорблений. Но сейчас его окружили такой систематической ненавистью, что он меланхолично заговорил об этом с трибуны:

— Люди, отличающиеся любовью к порядку, к доброте и к нашей щедрой цивилизации, охотно угрожают нам тюрьмой, расстрелом и гильотиной...

Продолжались ожесточенные дебаты из-за трехлетней службы. В один из тех дней Жорес шел вдоль Сены, около моста Сольферино с генералом Реньо и вел с ним оживленную беседу. Вдруг он заметил, что генерал уже два или три раза порывался попрощаться с ним, и со смехом сказал:

— Нельзя, чтобы Жорес скомпрометировал генерала, достаточно мужественного, чтобы прогуливаться с ним!

Но влияние Жореса отнюдь не падало. Напротив, ненависть, возбуждаемая против него, как раз и была вызвана тем, что оно росло, что он приобрел среди французского народа огромный авторитет. Не случайно в 1913 году Гастон Думерг, формируя правительство, предлагал ему министерский портфель. При этом он не только не ставил Жоресу каких-либо условий, но гарантировал ему максимальную свободу действий. В обстановке явной правительственной неустойчивости, нарастания классовых противоречий и обострения международного положения буржуазия ищет крайних средств сохранения власти. Но поскольку Жорес думал как раз об использовании грядущих кризисов для ликвидации этой власти, то о чем могла идти речь? Жорес считал, что перед социалистическим движением во Франции, как и в других странах, открываются небывалые возможности и что надо во всеоружии встретить их.

В апреле 1914 года новые парламентские выборы. Хотя закон о трехлетней военной службе уже прошел в палате, социалисты делают борьбу против него основой своей избирательной кампании. Иначе говоря, они идут на выборы под лозунгом защиты мира. И это приносит им небывалый успех: 1 400 000 голосов и 103 места. Партия Жореса приобрела дополнительно 30 мандатов. Французский социализм становился громадной силой.

Но самому Жоресу пришлось нелегко на этих выборах. Чтобы помешать ему, реакция, кроме ставших уже привычными аргументов националистической ненависти, пустила в ход совершенно неожиданный прием. Затею, весьма опасную в избирательном плане и неприятную в семейном, выдумал маркиз Солаж. Он обратился к Морису Риго. Этот радикал из Тарна был представителем семейства Буа.

— Мы выставим вас против Жореса, — сказал маркиз. Тот согласился. Другие родственники Жореса по линии жены, имевшие чисто коммерческое представление о порядочности, не возразили. А маркиз приказал своей клике: «Используйте Риго как грязную метлу, чтобы вымести социализм из Кармо».

— Голосуйте за меня вместо того, чтобы голосовать за Жореса; ведь это одно и то же, мы же кузены, — говорил Риго избирателям без всякого смущения.

Кампания была ожесточенной. К тому же Жорес почти потерял голос. К счастью, нашелся один хороший

врач, который успешно и быстро вылечил ему горло. Но обстановка клеветы, оскорблений, ненависти порой крайне угнетала Жореса. В Кармо у Жореса были друзья, верные, простые, любившие его. Одним из них был Мальфет, активный социалист, хозяин маленькой гостиницы и бистро. У него всегда останавливался Жорес. Как-то в Пампелоне после избирательного собрания Жорес сказал Мальфету:

— Не пройдет и шести месяцев, как начнется война. Я получаю столько писем с угрозами, и я не удивился бы, если бы оказался ее первой жертвой. Я прощаю того, кто меня убьет. Виновными будут те, кто даст ему оружие. Я мечтаю только о том, чтобы мне не пришлось слишком мучиться...

Но чаще Жорес оптимистически думал о будущем, грозном и желанном. Он ждал великих событий. Социалист Мариус Мутэ застал его во время одной поездки за изучением русской грамматики. В ответ на удивленный вопрос Жорес сказал:

— Надо торопиться изучать русский язык. Россия, быть может, накануне того, чтобы сыграть выдающуюся роль в жизни Европы!

Жорес ждал революции. Но он не считал возможным отказываться от использования даже совсем не революционных средств, чтобы приблизить ее. Все средства хороши, если не терять из виду конечную цель. И сама борьба за мир представлялась ему с тактической стороны крайне привлекательной альтернативой, к которой люди обратятся, стремясь избежать самого ужасного проявления капитализма — войны. И они придут к социализму, ибо в глазах многих миллионов он будет реально воплощать не только социальную справедливость, но и столь желанный мир.

Вскоре после выборов Жорес едет в Швейцарию, где в Берне собирались французские и немецкие парламентарии. Там создается постоянный комитет защиты мира. Практически он не сыграл серьезной роли. Но можно ли пренебрегать чем-либо в утверждении социалистического идеала прочного мира? Нельзя же заниматься одной только декларацией. Жорес не оставляет и сомнительную идею международного арбитража. Он требовал в палате, чтобы Франция выступила инициатором создания постоянной системы всеобщего арбитража для урегулирования международных конфликтов. Он верил, что арбитраж, пе-

реговоры о мире полезны уже одним тем, что они помогут разоблачить агрессивные силы. Но серьезно надеялся он только на Интернационал. Впрочем, многое вызывало тревогу и здесь. Поэтому он мечтал, что новый конгресс Интернационала примет наконец более конкретные и обязывающие решения.

28 июня в Сараеве, в Сербии, националисты убили наследника престола Австро-Венгрии эрцгерцога Фердинанда. На другой день Жорес указывает в «Юманите» на опасность возникновения нового кризиса, если Австро-Венгрия собирается мстить. Жорес знал, что любое обострение обстановки даже среди малых стран может быть использовано великими державами. Но он еще не видел непосредственной угрозы мировой войны. Опасность казалась ему менее острой, чем во времена Танжера или Агадира. Откуда Жорес, как и его современники, мог знать, что уже 5 июля германский император обещал австрийскому послу безоговорочную поддержку, начав тем самым непосредственное дипломатическое развязывание мировой войны? В Германии стремились начать войну поскорее, ибо там понимали, что Россия и Франция еще не готовы к ней, что сейчас самый удобный момент. Но на поверхности обстановка казалась крайне неясной и смутной, и не только для общественности. Сам Вильгельм II, например, действовал в полной уверенности, что Англия не вступит в войну против Германии.

Но Жорес чувствовал общую тревожную атмосферу. Медлить нельзя. Приближается час испытаний для Интернационала. Жорес помнил звон колоколов Мюнстерского собора в Базеле. Надо создать условия для выполнения базельских решений во Франции. А для этого он хочет сделать их более конкретными, то есть провести те дополнения, которые оппортунисты отвергли в Копенгагене. Жорес и добивается этого на конгрессе Французской социалистической партии в Париже 14—16 июля 1914 года. Он вносит проект резолюции, дополняющий решения Интернационала призывом к проведению всеобщей забастовки, которая должна быть организована одновременно во всех странах.

Но Гэд выступил против. Он заявил, что всеобщая стачка в Германии была бы помощью русскому самодержавию, а во Франции — германскому милитаризму, что более передовые страны оказались бы под ударом. Итак, Гэд стал патриотом, а точнее шовинистом. На про-

тяжении нескольких десятков лет он упорно громил Жореса за отсутствие революционности. И вот пробил час, когда надо было решиться на конкретные революционные действия. Какой парадокс с точки зрения догматиков: Гэд оказался на правом оппортунистическом крыле, а Жорес возглавил левое, революционное направление во Французской социалистической партии! Для Жореса это было логическим продолжением всего его жизненного пути, пути честнейшего социалиста, никогда, даже во времена оппортунистических колебаний, не забывавшего конечную цель. И теперь он доказывает это людям, которые, подобно Гэду, клеймили его как неисправимого реформиста. И моральную поддержку Жорес получает снова из России. А там в момент пребывания президента Пуанкаре и премьера Вивиани в Петербурге бастуют 250 тысяч рабочих. Жорес писал в те дни, что народная Россия вызывает к народной Франции через голову франко-русской реакции. В статье Жореса, опубликованной в «Юманите», говорилось:

«А какое это предупреждение для европейских держав! Революция повсюду стучится в дверь. Весьма неосторожно поступит царь, если начнет или позволит начать европейскую войну!

...Почва колеблется под всеми режимами угнетения и привилегий, и, если произойдет военное потрясение, многие из них рухнут».

Революционная линия Жореса — Вайяна формально одержала верх. Их резолюция собрала на съезде 1630 голосов, а резолюция Гэда и Компер-Морея — 1174 голоса. Такой исход голосования отражает растерянность, царившую среди французских социалистов. Неопределенность положения и перспектив борьбы сознавал и сам Жорес. В самом деле, если всеобщая забастовка произойдет только во Франции, а в Германии она не состоится и начнется вторжение на французскую территорию? Как быть? Эта неясность отразилась и в его словах.

— Я не знаю ничего более великого и благородного, чем судьба, которая уготована пролетариату, — говорил Жорес на съезде. — Он должен остановить зачинщиков конфликтов и нанести удар виновникам убийств. Но нужно также, чтобы он никогда не позволил использовать себя в интересах более циничного народа против народа, который оказался бы безоружным.

Жорес считал, что решение французского съезда дол-

жно быть обязательно дополнено решением Интернационала о конкретных революционных действиях против войны. И он спешно готовит доклад, с которым намерен выступить на предстоящем конгрессе в Вене.

Однако события грозно развиваются. 23 июля Австро-Венгрия, которую подталкивал Вильгельм II, предъявила Сербии наглый ультиматум. Жорес понял, что дело плохо, что ждать конгресса Интернационала нельзя. 25 июля Жорес телеграфирует в Брюссель секретарю Международного социалистического бюро Гюисмансу: «Срочно созывайте бюро».

А клеветническая злобная кампания вокруг Жореса достигает во Франции апогея. Взрывом ненависти встретила буржуазная печать выступления Жореса на съезде социалистов. Тон задавала еще 17 июля газета «Эко де Пари»: «Если завтра родина окажется в опасности и наши границы будут под угрозой, объединенные социалисты Франции организуют всеобщую забастовку, дадут сигнал к восстанию и бунту... Человек, который настаивал на этом и который добился принятия этой антипатриотической резолюции, не является, впрочем, каким-то неизвестным антимилитаристом или анархистом, жаждущим популярности, это сам г-н Жорес».

Но такие заявления выглядели весьма любезными. А вот что писал Морис Валеф в «Пари-миди»: «Не думаете ли вы, что генерал, который перед началом войны прикажет четырем солдатам и капралу поставить к стенке гражданина Жореса, чтобы всадить ему в голову кусок свинца, которого там недостает, что этот генерал лишь выполнит свой самый элементарный долг? Я бы ему помог в этом».

«Аксьон франсез», со своей стороны, писала: «Действиям г-на Жана Жореса на чрезвычайном социалистическом конгрессе предшествовали сотни подобных актов, отмеченных тем же знаком подлости. Каждый знает, что г-н Жорес — это Германия».

Шарль Моррас опубликовал в «Аксьон франсез» статью о предательстве Жореса, основываясь на аргументации Жюля Гэда. Дело в том, что Гэд, который, кстати, через несколько недель станет министром в реакционном буржуазном правительстве, на съезде социалистов, выступая против Жореса, заявил со своей обычной резкостью, что всеобщая стачка, даже международная и одновременная, была бы преступной изменой социализму.

Моррас — автор теории «патриотической лжи», выдвинутой им еще в период дела Дрейфуса. Поэтому он отбрасывает слово «социализм» и говорит о государственной измене, хотя и продолжает ссылаться на Гэда. Шарль Рапопорт показал Жоресу эту статью.

— Не придавайте этому никакого значения, — ответил Жорес. — Г-н Шарль Моррас не может мне ответить того, что я его никогда не цитирую.

Он бросил это замечание на ходу, но как оно характерно для него! Жорес видит в клевете Морраса чуть ли не следствие личной обиды, тогда как в действительности она выражает постоянную линию этого идеолога наиболее консервативной, реакционной, шовинистической части французской буржуазии.

Впрочем, в эти самые напряженные дни жизни Жореса ярко проявляются постоянные особенности его ума и характера. Его убежденность, верность идее, смелость сталкиваются со склонностью к иллюзорному восприятию окружающего мира. Но с иллюзиями приходится расставаться. Жорес мужественно переживает этот процесс, не переставая ни на минуту искать выхода. Это такие тяжелые дни для него! Головные боли, которые с юных лет иногда одолевали его, теперь непрерывно раскалывают ему голову.

Каждая фраза в речах Жореса, каждая строчка в статьях, которые он пишет ежедневно, отражают напряженную работу мысли, побуждаемой сознанием высокой ответственности, чувством долга перед социализмом, перед партией, перед родиной. После окончания чрезвычайного съезда социалистов, где он сделал все, чтобы добиться принятия резолюции о всеобщей забастовке против войны, он больше не упоминает об этой забастовке. В чем дело? Его тактику раскрывают слова, написанные 18 июля: «Что бы ни говорили наши противники, нет никакого противоречия между нашим стремлением приложить максимум усилий для сохранения мира и, если эта война все же разразится вопреки всему, сделать максимум для обеспечения независимости и целостности нации».

Он заявляет, что социалисты должны выступить еще до возникновения войны, что всеобщая забастовка должна быть превентивной, а когда война уже вспыхнет, действия социалистов станут невозможными. После этих заявлений он вплоть до 31 июля больше не упоминает о всеобщей забастовке, о восстании.

Что за непоследовательность? Неужели его резолюция на съезде была каким-то случайным зигзагом? Нет, она отражала его неуклонное движение к революционной тактике в борьбе с войной и против капитализма. Однако Жорес не говорил пока о ней, ибо он понимал, что, хотя ему удалось добиться голосования большинства за его резолюцию, партия в целом не расположена следовать по революционному пути. Из всех видных руководителей только Вайян поддержал его. Представители крупнейших организаций проголосовали против. Да и партия-то была слишком малочисленна по сравнению с профсоюзами. Жорес настоял на принятии резолюции, рассчитывая, во-первых, на постепенное изменение в настроениях социалистов, а во-вторых, стремясь таким образом сблизиться с Всеобщей конфедерацией труда, выступавшей за всеобщую забастовку. Ведь за ВКТ стояли рабочие массы. А без них нельзя серьезно думать о революционных действиях. Резолюция о всеобщей стачке послужила бы только началом подготовки к революционным действиям. Ведь в момент ее обсуждения на съезде Жорес не считал войну неизбежной в ближайшие недели. У него еще оставались надежды, вернее — иллюзии на благоразумие еврейских правительств.

И вот 25 июля, когда Жорес прочитал телеграмму о разрыве дипломатических отношений между Австро-Венгрией и Сербией, он почувствовал смертельную тревогу за мир, за социалистическое движение. Теперь он понял, что нынешний кризис гораздо серьезнее агадирского.

Сообщение застало его в Лионе. Он приехал сюда, чтобы поддержать социалиста Мариуса Мутэ, выдвинутого кандидатом на частичных выборах в палату. Через полчаса ему предстояло выступать, а он оказался в каком-то оцепенении. Это состояние продолжалось до момента, когда он уже стоял на трибуне в переполненном душном зале. С первых же слов слушатели замерли. Они почувствовали глубокую тревогу, ужас перед войной, картину которой рисовал перед ними Жорес.

— Никогда за последние сорок лет Европа не находилась в состоянии более угрожающем и более трагическом, — говорил Жорес, — в настоящий момент мы, быть может, находимся накануне того дня, когда вся Европа будет в огне, весь мир — в огне...

Жорес подробно рассказывает потрясенным слушате-

лям всю сложность дипломатической игры европейских правителей, показывает ответственность буржуазии всех стран за то, что смертельная угроза нависла над Европой. Он говорит и об ответственности Франции, говорит прямо, небывало резко. Чувствуется, что он сам потрясен, что в его надеждах что-то рухнуло. И он еще не находит выхода.

— Как бы то ни было, граждане, — продолжает Жорес, — и я говорю это с каким-то даже отчаянием: в час, когда нам угрожает убийство и варварство, у нас имеется лишь одна возможность сохранить мир и спасти цивилизацию — пролетариат должен сплотить все свои силы...

Но Жорес не говорит ничего более конкретного. Ведь ему-то хорошо известно, как далеки силы пролетариата от единства. Однако его стремление действовать лишь усиливается. Он немедленно выезжает в Париж и в поезде обдумывает новое положение, в котором столько неясного, неопределенного, тревожного.

Вдруг внезапный резкий толчок, испуганные крики, остановка. Поезд, подходя к вокзалу в Дижоне, сошел с рельсов. Только этого не хватало! Но что можно ожидать от железных дорог, когда они уже загружены военными перевозками? Выяснилось, что в Париж можно уехать только завтра. Но это не помешает Жоресу действовать. Он уже принял решение: побудить французское правительство сделать все для сохранения мира и, главное, заставить действовать Интернационал.

Жорес немедленно посылает телеграмму с указанием собрать всех депутатов-социалистов утром 28 июля в Бурбонском дворце для экстренного заседания. Но надо еще, чтобы в завтрашнем номере появилась статья. Он отправляется в редакцию местной газеты «Прогресс де Дижон». Журналисты радушно встречают Жореса и немедленно удовлетворяют его просьбу: устраивают ему телефонную связь с «Юманите». Жорес, не имея перед собой и клочка бумаги, диктует статью в номер.

28-го утром в Париже стало известно, что австро-венгерские войска перешли границу Сербии и начали военные действия. Германия не пожелала сдержать своего союзника. В Берлине толпы националистов у статуи Бисмарка вопили: «На Париж!»

Жорес собирает депутатов-социалистов и разъясняет им положение. Если Россия выступит на стороне Сербии, своего славянского союзника, а Германия поддержит

Австрию, то Франция на основании секретных статей франко-русского договора должна воевать на стороне России. Необходимо локализовать войну на Балканах, нельзя допустить ее перерастания в войну общеевропейскую. Надо добиться от французского правительства, чтобы оно дало понять России, что не будет поддерживать воинственный курс. Парламентская группа социалистов принимает резолюцию с протестом против секретных статей франко-русского союзного договора. Поскольку президент Пуанкаре и премьер Вивиани еще не вернулись из России, Жорес требует от исполняющего обязанности премьера Бьенвеню-Мартина созвать экстренное заседание палаты депутатов.

В пять часов вечера Жорес с чемоданом в руке отправляется на вокзал. Он едет на заседание бюро социалистического Интернационала в Брюссель. Вместе с ним Гэд, Вайян, Самба, Лонге. 29 июля в Народном доме в Брюсселе утром начинаются совещания социалистических деятелей Европы. А дела идут все хуже. Непрерывно поступают сообщения о военных приготовлениях. Австрийцы уже бомбили Белград.

Заседание социалистического бюро с самого начала носило какой-то смутный, неопределенный характер. Чувствовалось замешательство. Социалисты Австрии, страны, которая уже воевала, меньше всего осуждали свое правительство. Их представители давали понять, что лучшее — просто переждать войну. Гаазе, представитель германской социал-демократии, хотя и сообщил о демонстрациях в Берлине против войны, пытался прямо оправдывать свое правительство. Немцы и австрийцы не соглашались с идеей всеобщей антивоенной забастовки. Некоторые делегаты все же настаивали на том, чтобы бюро Интернационала выступило с призывом к такой забастовке. Но Жорес не поддержал их предложение. Забастовка, проведенная не во всех странах, теряла смысл. А для того чтобы организовать ее, надо решение конгресса, обязывающее, авторитетное. По предложению Жореса решено созвать новый конгресс Интернационала не в Вене 23 августа, как предполагалось раньше, а в Париже 9 августа.

После заседания, оставившего у Жореса тяжелое чувство и еще больше усилившего головную боль, наскоро перекусив, он садится писать статью в «Юманите». А вечером ему предстояло выступить на митинге.

В королевском цирке Брюсселя собралось около шести тысяч человек. Выступали делегаты Бельгии, Германии, России, Англии, Италии. Все они выражали ненависть к войне, очень убедительно говорили о ее опасности, о стремлении рабочего класса помешать ей и выражали надежду, что, может быть, все еще образуется. Жореса встретили горячо, лучше, чем любого из ораторов. Он уже давно признан, и не только во Франции, самым красноречивым из всех вождей Интернационала. Несмотря на усталость, он произнес блестящую по форме речь. Но он тоже ничего не предложил, кроме надежд на благоразумие правительств, которые в последний момент не могут не остановиться перед ужасной катастрофой.

— Атила на краю бездны, но его конь еще спотыкается и колеблется! — восклицает Жорес. Кто же остановит этого коня? По мнению оратора, это французское правительство, его даже не требуется понуждать проводить политику мира, ибо оно уже проводит ее. Жорес выражает восхищение примирительной деятельностью английского кабинета. Это говорилось в то время, когда Вивиани давал твердые заверения царскому правительству, что Франция выполнит свои союзнические обязательства, и когда британский министр иностранных дел Эдуард Грей вел тонкую игру, рассчитанную на скорейшее вовлечение в войну всех европейских держав. Поистине и в этой последней речи Жорес остался верен себе, точнее — своим пацифистским иллюзиям. Впрочем, быть может, Жорес пытался оказать какое-то влияние на французских и английских правителей? Вероятно, субъективно он к этому и стремился. Увы, мир снова оказался не таким, каким хотелось его видеть Жоресу... Но если он видел не все до конца, то он видел очень многое, видел дальше, прозорливее других. Вот какими пророческими словами он закончил свою речь:

— Почва колеблется под ногами абсолютных владык. В силу инерции и ослепления первых боев они смогут увлечь за собой массы. Но когда тиф довершит дело, начатое снарядами, когда воцарится смерть и нищета, отрезвленные люди обратятся к немецким, французским, русским и итальянским правителям и спросят их, во имя чего нагромождены такие горы трупов? И тогда освобожденная от оков революция скажет им: «Ступайте прочь и молитесь богу и людям о прощении!»

На другой день, 30 июля, последнее заседание бюро

Интернационала. Оно прошло быстро; ведь надо лишь согласовать текст манифеста, который не отвечает на волнующий всех вопрос: что делать? У Жореса остается до отхода поезда час времени. Он заходит в Брюссельский музей посмотреть старых фламандцев. Потом французские делегаты едут в Париж. Настроение тоскливое.

Гад неожиданно спрашивает Жореса:

— Почему вы так боитесь войны, она же приблизит революцию?

— При условии, если мы будем бороться против войны, — быстро отвечает Жорес и замолкает.

Больше двадцати лет они знают друг друга, идут вместе и врозь, чаще сталкиваясь и реже, гораздо реже, объединяясь, люди одного идеала, столь резко отличающиеся друг от друга. И сейчас, когда мир на пороге войны, каждый из них мог бы подвести итоги. Ведь кончается эпоха. «Поговорим на конгрессе», — думает Жорес; все мысли его там. Впрочем, сама жизнь подведет черту. Оба они получат от буржуазии воздаяние за социалистическую деятельность. Один — пулю в голову, другой — пост министра в реакционнейшем правительстве. Каждому свое. Они едут в Париж, навстречу судьбе...

Несмотря на отпускное время, столица полна народу и суеты. Много военных. Полиция разгоняет демонстрации пацифистов и срывает социалистические плакаты. Начался штурм магазинов. Быстро расхватываются консервы. Вспоминают, что в 1870 году в Париже ели крыс.

На Восточном вокзале, развернув газету, Жорес узнает о мобилизации 23 русских дивизий. Он отправляется в «Юманите», беседует со своими сотрудниками, просит немедленно передавать ему все сообщения агентства Гавас. Особенно из Англии и Германии. Потом идет в Бурбонский дворец. В кулуарах полно депутатов. О войне говорят как об уже совершившемся факте. Жоресу передают слова Делькассе: «Победа обеспечена. Когда я был в России, они мне все показали. Я изучил все их стратегические железные дороги. Концентрация войск будет быстрой, через месяц или шесть недель русские будут в Берлине».

— Какое легкомыслие! — восклицает Жорес.

Только в восемь вечера делегация социалистов во главе с Жоресом попала к премьер-министру Вивиани. До этого у него был германский посол. Жорес говорит о своих опасениях в связи с военными мероприятиями

французских властей; не могут ли они дать предлог Германии для нападения? Он требует объяснить, что делает правительство для предотвращения войны. Вивиани отвечает мягко, терпеливо. Он рассказывает о лихорадочной военной активности за Рейном, о том, что нельзя обойтись без некоторых предосторожностей. Чтобы Жорес убедился в миролюбии Франции, Вивиани конфиденциально информирует его о том, что французским войскам дан приказ не подходить к границам ближе чем на десять километров. В Париже делается все, чтобы избежать войны: он просит не затруднять положение правительства, и без того крайне сложное...

Потом Жорес отправляется в «Юманите» и перечитывает все газеты. Там, где мелькает его имя, он не останавливается: угрозы, оскорбления, угрозы...

Жорес откладывает газеты и на чистом листе пишет заголовок статьи: «Хладнокровие». Он все еще надеется. Возможность мирного урегулирования пока не исключена. Он указывает на необходимость посредничества Англии. Это отвечает глубочайшему стремлению народов. Главное сейчас — не терять голову, сохранять хладнокровие, ибо возбуждение и паника опаснее всего.

«Те, кто полагает, — пишет Жорес, — что дипломатический кризис может и должен разрешиться на сегодня завтра, глубоко ошибаются. Как в современной войне сражения, развиваясь на фронте огромной протяженности, длятся по семь и восемь дней подряд, так и дипломатические битвы, приводя в действие всю Европу, весь огромный и разветвленный аппарат могущественнейших держав, неизбежно растягиваются на несколько недель».

Он все еще надеется и советует подождать. Немедленные международные действия пролетариата, как он убедился в Брюсселе, Интернационал организовать не способен. Французские социалисты расколоты и парализованы сомнениями. На что же он все-таки надеется? В конце статьи Жорес отвечает на этот вопрос:

«Опасность велика, но она не непреодолима, если мы сохраним ясность мысли, твердость воли, если сумеем проявить и героическое терпение, и героизм в борьбе. Ясное сознание долга дает нам силы его выполнить».

Все социалисты, состоящие в федерации Сены, должны явиться в воскресенье 2 августа утром в зал «Ваграм» на собрание, посвященное международному положению и действиям, которых ждет от нас Интернационал. Такие

собрания не позволят ни на минуту ослабнуть воле и мысли пролетариата и подготовят ту мощную — я уверен — демонстрацию, которая должна предшествовать открытию конгресса Интернационала. Самое главное — непрерывно действовать, настойчиво будить мысль и сознание рабочих масс. В этом наш истинный оплот. В этом и только в этом гарантия будущего».

Номер «Юманите» с этой статьей выходит 31 июля. Тревога в Париже все сильнее. В 11 часов утра Жорес отправляется в Бурбонский дворец. Депутаты-социалисты снова совещаются, обсуждая последние новости. Каждое сообщение пока содержит в себе загадку, полно страшной неизвестности.

Потом Жорес снова отправляется к Вивиани. Но премьер ведет переговоры с германским послом. Представитель Вильгельма II требует, чтобы в случае войны Россия с Германией Франция оставалась нейтральной. Вивиани дает уклончивый ответ. Немец заявляет, что французское правительство еще имеет в своем распоряжении 18 часов для размышлений.

А Жорес, сопровождаемый Кашеном, Самба, Браком, Лонге, Реноделем, Бедусом, Рапопортом, отправляется на Кэ д'Орсе, в министерство иностранных дел. Их принимает заместитель министра Абель Ферри, племянник Жюлья Ферри, рядом с которым Жорес когда-то начинал свою политическую деятельность. Жорес резко требует подробных разъяснений позиции правительства. Он хочет знать все.

Ферри пространно рассказывает о противоречивой, крайне сложной обстановке, в которой так трудно сохранить мир, хотя правительство пытается сделать все.

— Ах, господин Жорес, — говорит Ферри, — как жаль, что вас нет среди нас, чтобы помочь нам советами. А что думаете делать вы, что будет делать социалистическая партия, если обстановка будет еще более грозной?

— Мы будем продолжать нашу кампанию против войны, — твердо заявляет Жорес.

— Но вас убьют на первом же углу. Вы хотите самого худшего...

— Худшее — это война! Мы разоблачим вас, легкомысленных министров, даже если бы нас за это расстреляли.

Выходя от Ферри, Жорес бросает своим спутникам: — Все кончено!

Вместе с Реноделем и Лонге он берет такси и отправляется в «Юманите».

— Сегодня ночью я напишу статью, в которой разоблачу всех виновников готовящегося наступления. Я должен выступить, как некогда Золя. Это будет новое «Я обвиняю».

Кто-то напоминает, что пора бы пойти пообедать. Обычно Жорес и его сотрудники посещают скромное кафе «Круассан», рядом с редакцией. Но Лонге, обеспокоенный разговором с Ферри, предлагает пойти в другое место, например, в «Кок д'ор». Вокруг «Круассан» в последние дни бродят какие-то подозрительные молодчики из «Аксьон франсез».

— Нет, нет, — возражает Жорес, — в «Круассан» мы у себя, это наше место...

В кафе, как обычно, усаживаются у окна налево от входа. Здесь почти все сотрудники «Юманите». Жорес сидит между Ландрье и Реноделем на клеенчатом диване, спиной к открытому окну. Стоит июльская жара. Занавеска медленно колыхается за спиной Жореса. Все едят, перебрасываясь короткими замечаниями. Часов в восемь в кафе появляется один из сотрудников редакции с последними телеграммами из Лондона. Он показывает их Жоресу...

Г-н Дюбуа, старый швейцар «Юманите», сидел, как обычно, у входа в редакцию и рассматривал прохожих. Вдруг какой-то молодой человек спросил его: в редакции ли г-н Жорес? Дюбуа ответил, что сейчас в редакции нет никого. Поблагодарив, молодой человек направился к кафе «Круассан». Он приехал в Париж 28 июля из Реймса и несколько дней бродил здесь. Его звали Рауль Вилен. Этот 29-летний неудачник не сумел ничему научиться и работать. Он жил на 150 франков, которые ему давал отец, мелкий служащий. Но в последние годы у него завелись деньги, и он даже смог совершить путешествие в Англию, Германию, Грецию и Турцию. Теперь у него были друзья, все пылкие патриоты. Он давно уже посещал их собрания, неизменно кончавшиеся криками: «Смерть Жоресу, да здравствует родина!» Вилен с радостью узнал о надвигавшейся войне. Здесь-то он сможет отличиться. Не надо даже отправляться на фронт. Самого заклятого врага Франции, немецкого шпиона Жореса можно уничтожить в самом Париже. Ему дали револьвер, и вот уже несколько дней он выслеживал вожда социали-

стов. Это было легко, ибо Жореса знал каждый и он, не боясь ничего, ни от кого не скрывался. Вилен шел к «Круассан»: ведь именно здесь часто бывают Жорес и его помощники.

Между тем обед группы социалистов продолжался. К столу Жореса подошел молодой журналист из газеты «Бонне Руж» Рене Долье. Он показал Жоресу цветную фотографию своей маленькой дочки. Жорес взял ее в руки, разглядывая снимок. Выражение тоскливой озабоченности на его лице сменилось доброй улыбкой. Вдруг занавеска за спиной Жореса раздвинулась и с улицы в кафе протянулась рука с револьвером, направленным прямо в находившуюся в полуметре голову Жореса. Прогремел выстрел, за ним второй. Жорес медленно, как будто он вдруг задремал, повалился на бок.

Крики, суматоха, беготня, звон посуды сменились мертвой тишиной. Друзья подняли Жореса и положили на сдвинутые столы. Появился врач, и через минуту его лицо сказала все. Тишину разорвал пронзительный женский крик:

— Жорес убит!

* * *

1 августа 1914 года французы в оцепенении читали расклеенные на стенах воззвания правительства: одно об убийстве Жореса, другое о всеобщей мобилизации, о войне. Каждый честный человек воспринимал их как нечто единое: эти два трагических события в сознании многих миллионов слились в одну катастрофу. Так оно и было, в сущности.

Жорес погиб, а предотвратить войну ему не удалось. Потерпела крах и возглавлявшая им социалистическая партия. Ее руководители с каким-то едва скрытым облегчением теперь немедленно капитулировали перед своей буржуазией и согласились на «священное единение» с ней, ради защиты отечества, естественно. Над гробом Жореса они клялись, что делают это во имя его идеалов. Ведь он уже ничего не мог им сказать... Человек, воплощавший совесть и надежды трудовой Франции, погиб, ибо, как говорил Ромен Роллан, для его добродетели не оставалось места на земле в наступавшую лихорадочную эпоху.

Какая горькая ирония истории! Не пройдет и месяца

со дня убийства Жореса, а Жюль Гэд, так долго и упорно яростно разоблачавший сотрудничество Жореса с левобуржуазными партиями и их лидерами, станет министром далеко не левого буржуазного кабинета и перечеркнет все свои ультрареволюционные прежние высказывания!

Столь близкий к нравственному идеалу беспредельной честности, Жорес не раз заблуждался в своей жизни. Он признавал это: «Я не клевету до такой степени сам на себя, чтобы претендовать на то, что жизнь ничему меня не научила».

И все же он занял исключительное место в истории Франции, в истории освободительного движения пролетариата. Ключ к пониманию и справедливой оценке личности великого трибуна дал Ленин, который писал, что для этого надо «строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия». Субъективные мотивы его действий всегда безупречно искренни и благородны, но объективные условия иногда их не оправдывали. Он не обладал действительно научным мировоззрением. Его выдающийся ум стремился соединить марксизм и традиционные французские социалистические и демократические идеи с их беспорядочными достоинствами и очевидными слабостями. Но вопреки этому он сумел многое сделать для французского и международного социалистического движения. Благодаря поразительной интуиции он верно предвидел будущее. Он предугадал, например, грядущую роль русской революции, угрозу мировой гегемонии Соединенных Штатов, опасность возникновения фашизма, методы борьбы с ним объединенных сил рабочего класса и всех демократов. Родившаяся в 1920 году Французская коммунистическая партия в своем учредительном манифесте заявила, что она стремится стать партией, достойной Жореса. И спустя много лет лидер этой партии Жак Дюкло, выступая с трибуны французского парламента, которую некогда украшал своим дивным красноречием Жорес, заявлял:

— В борьбе, которую мы ведем, мы выступаем под знаменем Жореса!

Народы всего мира, развернув после второй мировой войны движение в защиту мира, действовали в духе его идей. Присутствуя на различных конгрессах или конференциях мира, многие французы вспоминали: а ведь все это уже говорил Жорес.

Главные мысли великого французского социалиста не только пережили его самого, но как бы обрели вторую жизнь. И они оказались более верными в новых исторических условиях. Идея борьбы за мир, выдвинутая им с такой силой, носила тогда налет утопического пацифизма. Но она стала абсолютно реальной и жизненно необходимой в эпоху угрозы атомной войны. Тактика единого фронта с буржуазно-демократическими силами порой вела Жореса к ошибкам. Но спустя несколько десятков лет она позволила французским коммунистам добиваться многого в годы Народного фронта, в период Сопrotивления и в послевоенную эпоху.

Жорес избежал столь обычной участи многих политических знаменитостей, слава которых меркнет с каждым новым днем, отделяющим от нас дату их смерти. Личность Жореса, напротив, вызывает все больший интерес. Непрерывно в разных странах выходят книги о Жоресе. В каждой из них — попытка изобразить исполинскую и столь живонисную фигуру Жореса, создать его портрет, как бы меняющий свои черты в разные годы. Часто у многих возникает странное на первый взгляд искушение попытаться выяснить: а как бы Жорес прошел критический период II Интернационала, вызванный началом мировой войны, период, окончившийся плачевно для большинства лидеров западноевропейского социалистического движения? Пожалуй, наиболее интересный ответ на этот вопрос дает А. В. Луначарский, много раз слушавший Жореса, близко наблюдавший его на конгрессах Интернационала, в которых он участвовал вместе с Лениным. Вот что пишет Луначарский в воспоминаниях о Жоресе:

«Жорес развешивался, как мощный дуб. Корни его все глубже уходили во французскую землю, рабочую и крестьянскую. Голову свою он поднял над всеми другими политиками Франции. Обаяние его было колоссально. Надо сказать, что он рос все время как революционер. Конечно, было бы преувеличением сказать, что к объявлению войны мы имели бы в Жоресе человека, совершенно подготовленного к роли революционного лидера французских и вообще западноевропейских рабочих, к роли партнера нашего великого Ленина. Может быть, это и не так, но буржуазия правильно опасалась, что этот человек с гигантским ораторским талантом, огромным, полным всяких ухищрений и шахматных ходов политическим умом, чело-

век, полюбившийся массе, может стать во время войны чрезвычайно опасным... Лично я питаю уверенность, что если не сразу, то постепенно, по мере разворачивания ужасов войны, Жорес должен был прийти к каким-то чрезвычайно левым, радикальным позициям, и, может быть, когда тигр Клемансо взял в свои когти французское трехцветное знамя, будь жив Жорес, его могучая рука подняла бы над Европой красное знамя... Буржуазия чувствовала в нем возможного организатора смертельной для нее позиции в разгар войны, и рукою мерзавца с предустановливающей фамилией Вилен (гадкий) она разбила револьверной пулей великолепную голову Жореса, одну из самых великолепных голов, какие знало человечество за последнее время, голову, словно носившую в себе солнце и радуги, пожары и фейерверки, пламенные краски, которыми он умел, на радость пролетариату, одевать свою тонкую, с отменной хитростью рассчитанную политику, все время рощую влево, навстречу нам, не теряя ни своих красивых одежд, ни сложного стального каркаса, который умел так искусно строить маэстро политических шахмат — Жорес. Он сошел в могилу как великий социалистический трибун».

Когда буржуазный суд оправдал убийцу Жореса — Вилену, 300 тысяч французских рабочих вышли на демонстрацию в честь своего вождя, протестуя против чудовищного решения. Буржуазия Франции была вынуждена в конце концов посчитаться с всенародной любовью к Жоресу и согласиться на то, чтобы в 1924 году горняки Кармо, одетые в свою подземную шахтерскую спецовку, внесли прах Жореса в Пантеон — усыпальницу величайших людей Франции. Там и покоится по праву Жорес рядом с останками таких гениев, как Вольтер и Руссо...

Более чем за семь десятков лет, которые прошли после трагической гибели Жореса, о нем написано очень много. Но было бы ошибкой полагать, что обилие книг о Жоресе, выходящих в разных странах, облегчает задачу его жизнеописания. Многие из них, пожалуй, делают ее решение еще более трудным. Вокруг Жореса не утихает идеологическая борьба, в которой сталкиваются порой самые противоположные оценки его роли.

Еще при жизни Жореса буржуазные современники объявляли его яростным революционером-разрушителем, тогда как крайне левые социалисты считали его лишь вульгарным буржуазным демократом. Среди миллионов

французов он заслужил репутацию великого патриота, а шовинисты кричали, что он германский агент. Революционные социалисты во главе с Жюлем Гэдом считали его реформистом и министриалистом, а сами министриалисты обвиняли Жореса в капитуляции перед гэдистами...

Буржуазные философы различных идеалистических школ ставят в вину Жоресу грубый материализм, а материалисты рассматривают его как идеалиста-эклектика. Католические авторы считают, что Жорес был опасным врагом церкви, а некоторые социалисты осуждают его за уступки клерикализму. Исторические сочинения Жореса одним дали повод видеть в нем апологета робеспьеровского террора, а другим — считать его представителем либерального направления в исторической науке...

Эти споры сами по себе — свидетельство жизненности его идей, его борьбы, его личности. В центре политических битв он остается, естественно, прежде всего во Франции. Время от времени, особенно в связи с юбилейными датами, вспыхивают новые дискуссии о Жоресе. Так было, например, когда отмечалось 80-летие основания газеты «Юманите», ныне органа компартии. Как раз тогда вышла в свет новая большая биография «Великий Жорес» Макса Галло, крупного историка и писателя, одного из активных деятелей Социалистической партии Франции. Это яркая, интересная, хотя и спорная книга.

Она написана не просто ради неиссякающего интереса читателей к легендарной личности. «Кому принадлежит Жорес?» — спрашивает автор в самом начале книги. Спрашивает потому, что Социалистическая партия Франции после четырех лет пребывания у власти изрядно подмочила свою репутацию. Ее съезд в конце 1985 года завершился без обычного с времен Жореса пения «Интернационала». Партия отказалась и от многого другого, от остатков марксизма, а фактически и от социализма.

Книга Макса Галло служит попыткой хотя бы косвенно доказать, что такая линия партии соответствует духу Жореса. Поэтому из биографии трибуна исчезает кое-что существенное, то, в чем он был революционером, в чем сближался с Марксом... М. Галло стремится доказать, что, хотя французские коммунисты на каждом номере своей газеты «Юманите» по-прежнему печатают: «Основатель Жан Жорес», между ними и «мыслью Жореса — огром-

ная пропасть». Коммунисты, естественно, отвечают на это напоминанием об исторических фактах, доказывающих, что они верны наследию Жореса. «Что касается нашей партии, — писала «Юманите» в марте 1985 года, — то мы слишком уважаем историю, чтобы утверждать, что Жорес был бы с нами. Мы скажем проще: сегодня мы вместе с Жоресом».

Конечно, не только коммунисты претендуют на наследие Жореса. Когда в 1981 году представитель Социалистической партии Франсуа Миттеран победил на президентских выборах, он посетил Пантеон и положил красную розу на саркофаг с останками Жореса. Однако только история скажет последнее слово и назовет достойных продолжателей слова и дела великого трибуна.

Это всего лишь отдельные эпизоды борьбы вокруг наследия Жореса, борьбы за его идеи и против них. Ведь наследники тех, кто направил руку убийцы Жореса, живут и действуют. Несколько лет назад был взорван один из памятников Жоресу... Но друзей у него неизмеримо больше, чем врагов. Это — все те, кто борется против войны, которая угрожает миру, «как нависшая в небе туча таит в себе грозу». Эти слова Жореса из его знаменитого изречения и сейчас сохраняют свою мобилизующую силу. Их актуальность стала даже более грозной, чем в то время, когда за мир пламенно и страстно боролся сам Жорес. Так он продолжает жить во всей своей сложности и величии.

Хорошо известно, что в конечном счете величие исторического героя измеряется количеством людей, надежды и стремления которых он выражал и которые доверчиво следовали за ним. Именно в этом — тайна неослабевающего обаяния личности великого трибуна. Ведь широта мировоззрения Жореса, его страсть к синтезу, к единству, к объединению людей, принципов, идей вокруг благородной цели проявились не только в борьбе с войной как величайшим, но не единственным несчастьем человечества. Цивилизации, созданной тысячелетними усилиями людей, угрожает ныне смертельно опасный кризис из-за обострения многих других общечеловеческих или, как говорят сейчас, глобальных проблем. Поэтому так актуален социалистический путь спасения, развития и совершенствования этой цивилизации, с гениальной интуицией намеченный Жоресом.

Надо откровенно признать, что в этой книге недо-

стает многого, без чего трудно понять Жореса до конца. Жанр биографии, к тому же ограниченной объемом книги, не дал автору возможности рассказать о всех сторонах его необычайно богатой интеллектуальной деятельности. Пришлось обойтись беглым упоминанием о том, что, возможно, важнее и существеннее конкретных событий жизни Жореса. А ведь в конце концов не эти события, как бы ни драматичны и интересны они были сами по себе, а духовное, идейное наследие оказалось гораздо важнее для будущего, то есть для нашего времени и наверняка для грядущих поколений.

Магия слов Жореса, благородство его чувств, возвышенность мыслей великолепно выражали требования рабочих. Сначала он — рупор шахтеров Кармо, затем — выразитель интересов всего французского пролетариата, а после этого — объединитель рабочего класса всей Европы перед страшным призраком войны. Но Жорес понял уже тогда, что пролетариат во Франции, как и в других странах, не составляет и не будет составлять большинства нации. Сейчас это верно в еще большей степени, ибо резко возросли количество и роль людей умственного труда. Жорес чувствовал это, с одинаковым успехом обращаясь не только к рабочим, но и к интеллигенции. Он вдохновлял ее идеей общечеловеческой миссии социализма. Он не хотел, чтобы социализм ограничился преобразованиями в экономике, социальных отношениях и в политике.

«Я не согласен с Марксом в том, — говорил Жорес, — что религиозные, политические и моральные концепции являются простым отражением экономических процессов».

Это было недоразумение, ибо Жорес отвергал не Маркса, а примитивно-догматическую версию марксизма Геда и Лафарга, по поводу которой сам Маркс говорил, что в таком случае он не марксист... Для Маркса, так же как и для Жореса, основная миссия социализма состоит в создании новой цивилизации, неизмеримо более человеческой, основанной на старых ценностях, унаследованных от разных прошлых эпох, и на новых, созданных освободительным движением пролетариата. Для Жореса была неприемлема культура, вышедшая только из одного пролетарского класса. Новая цивилизация должна вобрать в себя достижения культуры всех времен и всех классов. Разве можно отвергать культуру Древней Греции или Рима, поскольку это была культура рабовладельцев? Или

культуру Ренессанса, то есть культуру подымавшейся буржуазии? Культуру лучших представителей дворянства, господствующего класса феодального общества? Все богатства, накопленные человечеством, — законное наследие цивилизации будущего, цивилизации подлинно человеческой.

«Человек, личность — высшая цель социалистического движения, — говорил Жорес. — Оно стремится разрушить все системы идей и все социальные системы, которые препятствуют развитию личности... Человеческая личность — мера всех вещей, родины, семьи, собственности, человечества, даже бога. Вот в чем социализм!»

Как это напоминает нам, русским, о гуманистических исканиях Пушкина, Белинского, Достоевского, Толстого, о мечтах лучших героев Чехова... Что это, совпадение? Нет, это, пожалуй, прямое влияние! Уже упоминалось, что к марксизму Жорес пошел под воздействием Люсьена Герра, работавшего в библиотеке Эколь Нормаль А Люсьен Герр был горячим поклонником русского революционера и мыслителя Петра Лаврова, долго жившего во Франции. Принимая учение Маркса, Лавров стремился развивать его философию истории тем, что он называл антропологизмом, приоритетом личности и ее развития в социализме. Жорес знал Петра Лаврова и очень высоко ценил его идеи. Не отсюда ли также и особый интерес Жореса к России?

Жорес — самая крупная фигура французского социализма. Сейчас резонанс его мыслей звучит все громче, хотя эхо звуков его голоса, его легендарного красноречия давным-давно замолкло. Утраченные иллюзии — таков грустный итог многих идейных течений, общественных движений, политических событий, социальных экспериментов, революций XIX—XX веков. Сколько их искренне вдохновлялось утопией, оказавшейся самообманом или мистификацией! Сколько усилий, надежд, героизма завершилось напрасными жертвами и горьким разочарованием! Величие Жореса, его уникальность в том и состоит, что многие его идеи, выглядевшие наивными иллюзиями, оказались спустя десятки лет после того, как молчание смерти сомкнуло его красноречивые уста, прозорливыми, мудрыми ответами на запросы и нужды новых поколений. Это произошло главным образом потому, что вся жизнь, все дела, весь он сам был пронизан искренней, беспредельной любовью к людям... Вот почему

духовное наследие Жореса, назидательный пример его подвижнической жизни — бесценное, целебное лекарство для всех обескураженных, даже отчаявшихся людей нашего времени. Он верил в грядущее счастье человечества, он всегда был оптимистом, воплощавшим не только сложность и тяжесть, но главным образом — радость жизни.

В этой книге сделана попытка справедливо распределить свет и тени на портрете Жореса. Но если его образ покажется читателю идеализированным, то автор надеется, что извинением для него может послужить лишь его искренняя любовь к своему герою. Если же порицание тех или иных поступков Жореса будет выглядеть слишком суровым, то лишь потому, что автор стремился быть предельно объективным.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖОРЕСА

- 1859 год, 3 сентября — В Кастре (департамент Тарн) родился Жан Жорес.
- 1878—1881 — Учеба Жореса в Эколь Нормаль. После окончания назначается преподавателем лицея в Альби.
- 1885 — Жорес выбран депутатом палаты по списку республиканского единения.
- 1886 — Женитьба на Луизе Буа, дочери коммерсанта из Альби.
- 1889 — Поражение на выборах, возвращение на преподавательскую работу в университет (Тулуза).
- 1892 — Жорес защищает в Сорбонне две диссертации.
- 1892 — Конец марта. Встреча Жореса с Гэдом в Тулузе.
- 1893 — Избран депутатом в палату на основе программы Французской рабочей партии.
- 1893—1894 — Борьба Жореса против панамистов, против правительства Ш. Дюлои, президента Казимир-Перье.
- 1895, 22 января — Ф. Энгельс пишет П. Лафаргу: «Жорес, кажется, действительно искренен и преисполнен доброй воли».
- 1895—1896 — Жорес во главе стекольщиков Кармо. Строительство стекольного завода в Альби. 25 октября на открытии завода поет «Карманьолу».
- 1896, июль — Жорес участвует в Лондонском конгрессе II Интернационала, выступает против анархистов.
- 1898, январь — Жорес начинает борьбу в связи с делом Дрейфуса.
- 1898, май — Потерпел поражение на выборах в парламент. Становится редактором «Птит республик». Жорес во главе борьбы за пересмотр дела Дрейфуса, выступает за единство социалистов.
- 1899, июнь — Жорес одобряет вступление Мильерана в кабинет Вальдек-Руссо. Раскол с гэдистами.
- 1899, декабрь — Жорес на конгрессе социалистов в Жапи заключает временное соглашение с Гэдом.
- 1900, февраль — Выступает с критикой ревизионизма Берштей-

на, начинает выпускать «Социалистическую историю французской революции».

- 1900, сентябрь — Парижский конгресс Интернационала обсуждает казус Мильерана и линию Жореса. Разрыв с Гэдом. Образование двух социалистических партий (Гэда и Жореса).
- 1902, апрель — Жорес вновь избран в Кармо депутатом палаты.
- 1903 — Входит в делегацию левых, поддерживает кабинет Комба, ведет борьбу против клерикализма, избран вице-президентом палаты депутатов.
- 1904, 18 апреля — Жорес выпускает первый номер «Юманите».
- 1904, август — На конгрессе Интернационала в Амстердаме осуждена тактика блока с левобуржуазными партиями, французских социалистов призывают к объединению. Выполняя решение конгресса, Жорес выходит из делегации левых.
- 1905, январь — Жорес начинает активную кампанию в поддержку первой русской революции, за мир, за удовлетворение социальных требований рабочих.
- 1905, апрель — Создание объединенной Французской социалистической партии. Жорес становится ее фактическим лидером.
- 1906, июнь — Спор Жореса с Клемансо по вопросу о рабочем движении и социализме.
- 1907 — Жорес разоблачает предательство Бриана. Развертывает активную борьбу в защиту выступлений рабочего класса и крестьянства.
- 1907, август — На конгрессе Интернационала в Штутгарте Жорес способствует принятию резолюции о революционных методах борьбы с войной.
- 1908 — Ведет кампанию против авантюризма французской колониальной политики, систематически разоблачает подготовку империалистической войны.
- 1910 — На конгрессе Интернационала в Копенгагене выступает за поправки Кейр-Гарди — Вайяна к резолюции против войны.
- 1910, ноябрь — Жорес заканчивает работу «Новая армия» и представляет ее в парламент.
- 1911 — Поездка Жореса по странам Латинской Америки. Активная борьба за мир в ходе марокканского кризиса. Деятельность в пользу единства с профсоюзами.
- 1912, ноябрь — На чрезвычайном конгрессе в Базеле Жорес оказывает огромное влияние на принятие революционной резолюции по вопросу о борьбе с войной.

- 1913 — Жорес ведет кампанию против закона о трехлетней военной службе, организует массовые выступления за мир.
- 1914, апрель — Большой успех социалистов на выборах. Жорес вновь избран депутатом.
- 1914, июль — На парижском конгрессе социалистической партии Жорес добивается принятия резолюции о политической забастовке в случае войны.
- 1914, 29 июля — Участвует в работе Международного социалистического бюро в Брюсселе. Героические попытки Жореса предотвратить войну.
- 1914, 31 июля — Убийство Жореса.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Jean Jaurès, Oeuvres Textes rassemblés, présentes et annotés par Max Bonnafous, 9 vol., ed. Rieder, Paris, 1931—39.
- Жорес Жан. Очерки социализма, Перевод с французского. Спб., «Луч», 1906.
- Жорес Жан. Избранные статьи и речи. Перевод с французского. Спб., «Луч», 1907.
- Жорес Жан. Новая армия. Перевод с французского. Пг., 1919.
- Жорес Жан. История Великой французской революции. Перевод с французского. В 3-х т., Пг., 1920—1923.
- Жорес Жан. Против войны и колониальной политики. Перевод с французского. Вступительные статьи А. Манфреда и М. Рибериу. М., Изд-во иностранной литературы, 1961.
- Жорес Жан. Речи. Перевод с французского. — В кн.: Ораторы рабочего класса. М., Госполитиздат, 1962.

Основная литература о Жоресе

- Auclair, Marcelle, La vie de Jean Jaurès ou la France d'avant 1914. Paris, Le Seuil, 1954.
- Auriol, Vincent, Jean Jaurès. Paris, P. U. F., 1962.
- Jaurès par ses contemporains. Paris, 1925.
- «Europe», numéro speciale, octobre — novembre 1958.
- Jaurès et la Nations, Actes du colloque, Toulouse, 1965.
- Fonviellè-Alguier, Francois, Ils ont tué Jaurès. Paris, 1968.
- Goldberg, Harvey, The Life of Jean Jaurès. Madison, 1962.
- Rebérioux, Madleine, J. Jaurès. «Démocrate nouvelle» № 7, 1962.
- Wilard, Claude, Le Mouvement socialist en France, 1893—1905, Les Guesdistes. Paris, 1965.
- Max Gallo, Le Yrand Jaurès, biographie, Probert Laffone, Paris, 1984.
- Кудрин Н. Е. (Н. С. Русанов). Жан Жорес, Галерея современных французских знаменитостей. Спб., 1906.

Рапопорт Ш. Жан Жорес. Человек, мыслитель, социалист. Перевод с французского. Гомель, 1921.

Брюа Ж. Жан Жорес и колониальная проблема. Французский ежегодник, 1958. Изд-во Академии наук СССР.

Луначарский А. В. Из воспоминаний о Жане Жоресе. — В кн.: Воспоминания и впечатления. М., 1968.

Франс А. Жан Жорес, т. 8. Собр. соч. в восьми томах. М., 1960.

Ренар Ж. Дневник. М., 1965.

Роллан Р. Воспоминания. М., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Родина, семья	5
Школа	14
Париж	20
Эколь Нормаль	31
Преподаватель философии	47
Депутат центра	60
Дебют	78
Буланжизм	91
Приобщение	104
Депутат Кармо	128
«Карманьола»	163
Дело	178
Казус	213
Разброд	245
Единство	295
Война войне	338
Основные даты жизни и деятельности Жореса	394
Краткая библиография	397

Молчанов Н. Н.

М 76 Жан Жорес. — 2-е изд., доп. — М.: Мол. гвардия, 1986. — 399[1] с., ил. — (Жизнь замечат. людей. (Сер. биогр. Вып. 15 (472).)

В пер.: 1 р. 80 к. 100 000 экз.

Книга Н. Молчанова «Жан Жорес» посвящена описанию жизни и деятельности великого французского социалиста, знаменитого оратора и мыслителя. Жорес особенно много сделал для зарождения и развития международного движения в защиту мира. В книге раскрывается необыкновенно обаятельный, противоречивый и яркий образ одного из самых интересных деятелей новой истории Франции.

М 4702010200—217
078(02)—86 КБ—035—024—86

ББК 63.3(0)53

ИБ № 5290

Николай Николаевич Молчанов

ЖАН ЖОРЕС

Редактор Г. Сальникова

Серийная обложка Ю. Арндта

На обложке использованы рисунки французского художника Виктора Пруэ

Художественный редактор А. Степанова

Технический редактор Е. Михалева

Корректор И. Ларина

Сдано в набор 25.03.86. Подписано в печать 14.07.86. А08207. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21. +1,68 вкл. Усл. кр.отт. 24,67. Учетно-изд. л. 24,3. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 50 000 экз.). Цена 1 р. 80 к. Зак. 718.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.